

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

Филологический факультет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГРАММАТИКИ И ЛЕКСИКИ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Москва – 2024

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

Филологический факультет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГРАММАТИКИ И ЛЕКСИКИ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Москва – 2024

УДК 81
ББК 81
А43

<https://elibrary.ru/cdxxttr>

*Печатается в соответствии с решением редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

Редколлегия сборника:

Н.Е. Ананьева – д.филол.н., *Е.В. Верижникова* – к.филол.н., *А.И. Изотов* – д.филол.н.,
О.О. Лешкова – к.филол.н., *К.В. Лифанов* – д.филол.н., *О.А. Остапчук* – к.филол.н.,
О.С. Плотникова – к.филол.н., *А.В. Уржа* – д.филол.н., *Е.И. Якушкина* – д.филол.н.

Рецензенты:

Г.П. Пилипенко – к.филол.н. (Институт Славяноведения РАН);
Г.А. Филатова – к.филол.н. (МГУ имени М.В. Ломоносова)

А43 **Актуальные проблемы грамматики и лексики славянских языков** : сборник научных статей / Отв. ред. О.А. Остапчук. – Москва: МАКС Пресс, 2024. – 260 с.

ISBN 978-5-317-07174-5

<https://doi.org/10.29003/m4094.978-5-317-07174-5>

В настоящем сборнике собраны тексты научных статей, основой для которых послужили доклады на международной научной конференции, посвященной памяти заслуженного профессора МГУ, почетного доктора Карлова Университета в Праге, основательницы отечественной школы богемистики и многолетнего заведующего кафедрой славянской филологии Александры Григорьевны Широковой, состоявшейся 27–28 ноября 2023 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподавателей, научных сотрудников.

Ключевые слова: славистика, богемистика, грамматика, лексикология, фразеология, социолингвистика, кросс-культурные исследования, корпусные исследования.

УДК 81
ББК 81

ISBN 978-5-317-07174-5

© Авторы статей, 2024

© Оформление. ООО «МАКС Пресс», 2024

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

<i>Остапчук О.А.</i> Предисловие	5
<i>Ананьева Н.Е.</i> Двувидовые глаголы в польском и русском языках. К постановке проблемы сопоставительного описания.....	10
<i>Анчевски М.</i> Искусственный интеллект и перевод на материале произведений Станислава Лема	17
<i>Белуsoва В.В.</i> Синсемантические части речи как маркеры разговорного дискурса	26
<i>Варбот Ж.Ж.</i> Чешские этимологии	35
<i>Ващенко Д.Ю.</i> Словацкие фреквентативные наречия с формантом -krát по корпусным данным	38
<i>Воробьева Н.В.</i> Лингводидактическая презентация стратификации чешского языка	53
<i>Голубева В.К.</i> К вопросу о сохранении аспектуальной семантики глаголов в девербативах русского и белорусского языков	58
<i>Гранева И.Ю., Мартинкова А. А.</i> Лингвореалии вендинга в чешском и русском языках: от банкоматов к пельменематам	72
<i>Изотов А.И.</i> Травелог Ладислава Ветвички "S Jarkem po sto rokach okolo Rakuska-Uherska" и остравский язык	78
<i>Индыченко А.А.</i> Формирование чешской естественно-научной номенклатуры и терминологии в трудах Я.С. Пресла.....	85
<i>Калезич М.</i> Из славянской микономастики: срп. <i>благва</i>	92
<i>Карпенко Л.Б.</i> Научный подход профессора А.Г. Широковой и сопоставительные исследования грамматики славянских языков	109
<i>Котова М.Ю.</i> Чешские пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума 2022 года	117
<i>Крючкова О.Ю.</i> Особенности редупликативной деривации в русском языке (на фоне языков других структурных типов)	125

<i>Кульпина В.Г.</i> Экспликация дивергентных смыслов при сопоставительном исследовании паремиологических формул, манифестирующих понятие добра (на материале русского и польского языков).....	133
<i>Лешкова О.О.</i> К вопросу о «скрытых» категориях (на материале польского языка).....	147
<i>Лифанов К.В.</i> Лексические мадьяризмы в контексте словацкого литературного языка.....	156
<i>Мишланов В.А.</i> О явной и скрытой диглоссии коммуникативного пространства русского мира	164
<i>Петрухина Е.В., Де Пои М.Э.</i> Глагольные англицизмы в русском и чешском языках (в неформальной коммуникации пользователей Интернета).....	171
<i>Пинхасик И.Е.</i> Типы переводных эквивалентов в близкородственных языках (корпусное исследование).....	187
<i>Подгорная А.Д.</i> Дискурсивные особенности пассивных и имперсональных конструкций в славянских языках на материале параллельного корпуса	195
<i>Суровцева Е.В.</i> К вопросу о стилистических особенностях современных мученических житий (на материале «Житий новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии»).....	207
<i>Уварова Ю.П.</i> Различие понятий богемизм и контактный вариант слова в словацком языке	212
<i>Федорова Л.Л.</i> К вопросу о функциональных стилях резьянского литературного микроязыка	217
<i>Францева А.И.</i> Русские фразеологизмы с компонентом <i>башня</i> на фоне чешского и английского языков (на материале словарей).....	227
<i>Халилова Г.А.</i> Сопоставление морфологических категорий имени существительного в славянских и тюркских языках (на примере русского и азербайджанского языков).....	235
<i>Шульга М.В.</i> К вопросу о причинах языковых изменений: развитие грамматической системы или форм?	244
Авторы выпуска / Authors	253

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем сборнике собраны тексты научных статей, основой для которых послужили доклады на международной научной конференции «I Широковские чтения», состоявшейся 27–28 ноября 2023 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. Научные чтения, организованные кафедрой славянской филологии, были посвящены памяти многолетнего заведующего кафедрой – Александры Григорьевны Широковой, заслуженного профессора МГУ, почетного доктора Карлова Университета в Праге, основательницы отечественной школы богемистики. С программой конференции можно ознакомиться на сайте кафедры славянской филологии: <https://www.philol.msu.ru/~slavphil/>, а также на странице научного проекта «Дискурсивный и прагматический потенциал грамматики глагола в русском языке в сопоставлении с другими славянскими и английским языком»: <https://slavverb.philol.msu.ru/konferentsii/>.

Свой вклад в создание сборника внесли представители московской школы славистики, в том числе ученики А.Г. Широковой и сотрудники кафедр славянской филологии и русского языка филологического факультета МГУ, других московских (РГГУ, ПСТГУ) и немосковских вузов (филиал МГУ в Баку, СПбГУ, университетов Самары, Перми, Нижнего Новгорода), а также научных исследовательских центров (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Институт Славяноведения РАН), в том числе зарубежных (Институт сербского языка Сербской академии наук и искусств, Филологический факультет Блаже Конески Университета св. Кирилла и Мефодия из Скопье, Северная Македония).

Основное внимание в рамках сборника – как это было и в ходе конференции – уделяется тем научным проблемам, которыми занималась А.Г. Широкова, прежде всего синхронному сопоставлению грамматических систем славянских языков. Неслучайно созданная под ее руководством коллективная монография «Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков» (М., 1998), обобщившая результаты многолетнего изучения грамматики и лексики близкородственных языков, стала одним из наиболее цитируемых научных трудов в статьях, вошедших в настоящий сборник. Так,

¹ Коллектив данного научного проекта, реализуемого в рамках гранта Российского научного фонда 23-18-00260 (подробнее см.: <https://rscf.ru/project/23-18-00260/>), принял активное участие в организации и проведении конференции, а также в подготовке и частичном финансировании настоящего сборника.

опираясь на разработанный А.Г. Широковой метод изучения функциональной эквивалентности в славянских языках, Л.Б. Карпенко провела тщательный анализ особенностей грамматической концептуализации категории пространственности в русском языке на фоне болгарского. В духе традиций сопоставления грамматических (прежде всего глагольных) категорий в близкородственных языках, заложенных в работах А.Г. Широковой, Н.Е. Ананьева обратилась к сопоставительному описанию двувидовых глаголов в польском и русском языках. Такой методологический подход предполагает установление их инвентаря в качественном и количественном аспектах, выявление грамматических условий проявления двувидовости, а также анализ функционирования двувидовых глаголов в разных типах текстов на русском и польском языках, включая для исконно славянских двувидовых глаголов соответствующие диалектные континуумы. Сопоставительному анализу грамматических систем русского и польского языков с учетом функционально-семантического принципа объединения разноуровневых языковых средств посвятила свою статью О.О. Лешкова, сделавшая акцент на так называемых скрытых грамматических категориях, в частности, категориях персональности, депрециативности и вежливости. Широкий обобщающий взгляд на причины языковых изменений в сфере кратких и полных форм в русском языке представила в своей статье М.В. Шульга, установившая связь их эволюции с историей развития грамматических отношений: определенности в противопоставлении неопределенности, субъектности и предикативности в противопоставлении атрибутивности.

Важная для научного наследия А.Г. Широковой проблематика глагола в рамках системно-функционального анализа близкородственных языков получила в сборнике новое звучание благодаря обращению авторов статей к корпусам славянских языков, в том числе параллельным. Так, предпринятое в совместной статье Е.В. Петрухиной и М.Э. де Пой корпусное исследование структуры, семантики и употребления глагольных англицизмов в чешском и русском языках позволило выявить важные закономерности формирования номинаций действий пользователей Интернета. Авторами была отмечена различная степень адаптации заимствованных глагольных основ к системам чешского и русского языков, а также специфика их прагматических черт. В свою очередь, привлечение к анализу сразу нескольких славянских (польского, чешского, сербского, болгарского) и немецкого переводов романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» из параллельного корпуса дало возможность А.Д. Подгорной сделать ряд важных выводов о дискурсивных особенностях использования пассивных и имперсональных конструкций в названных языках. Широкий словарный и корпусный материал привле-

кается также В.К. Голубевой с целью выявления способов маркирования перфективности и имперфективности русских и белорусских девербативов в текстах различных стилей. Учет данных корпусов словацкого и чешского языков в ходе функционально-сопоставительного анализа адвербиальной системы в этих языках позволил Д.Ю. Ващенко не только уточнить частотные характеристики при использовании ряда словацких наречий на фоне их чешских соответствий, но и установить расхождения в их семантическом объеме и стилистической маркированности.

Функционально-семантический анализ словообразовательных и грамматических категорий в славянских языках в целом ряде статей был продолжен в ходе сопоставления их с неславянскими. Так, произведенный О.Ю. Крючковой разбор структурных и семантических моделей редупликации в русском языке в сравнении с языками, имеющими другие типологические характеристики, показал универсальный характер этого деривационного приема. В свою очередь, в статье Г. Халиловой был сделан акцент на контрастивном анализе морфологических категорий имени существительного в азербайджанском и русском языках, призванном способствовать выявлению их системных сходств и расхождений.

Особо следует выделить в составе сборника статьи, посвященные анализу чешского языкового материала, подготовленные богемистами, в том числе учениками А.Г. Широковой. Учитывая специфику функционально-стилистической стратификации чешского национального языка, вполне естественно, что авторы значительное внимание уделили проблеме соотношения форм его существования в теоретической плоскости и в практике преподавания. Так, В.В. Белоусова в своей статье сосредоточилась на особенностях оформления разговорного дискурса современного чешского языка на материале функционирования синсемантических частей речи, используемых как дискурсивные маркеры и выполняющих различные прагматические функции. А.И. Изотов обратился к примеру литературного воплощения одного из неклассифицированных идиомов чешского языка, который может быть квалифицирован как «остравский» микроязык. Н.В. Воробьева, в свою очередь, предложила практическое решение проблемы представленности чешского субстандарта в рамках учебного курса чешского языка с целью повышения языковой компетенции студентов-богемистов.

Функционально-стилистическая проблематика затрагивается также в целом ряде других статей сборника, в том числе на материале русского языка. Так, В.А. Мишланов обращается к анализу богослужебного языка Русской Православной Церкви, рассматривая его как высший коммуникативный регистр, связанный с церковно-религиозным стилем русского языка. Е.В. Суровцева оценивает язык современных мучениче-

ских житий как сложный стилистический сплав, совмещающий религиозно-церковный, официально-деловой и даже разговорный стиль. В свою очередь, статья Л.Л. Федоровой представляет собой попытку функциональной стратификации резьянского микроязыка – славянского (словенского) идиома на территории Италии, в котором в зависимости от сферы использования автор выделяет книжно-религиозную, народно-разговорную, литературно-художественную разновидности.

В рамках сборника особое место занимают сопоставительные исследования славянской лексики и фразеологии. Здесь выделяются статьи по этимологии ряда чешских лексем (Ж.Ж. Варбот), а также сербской лексики *благва* (М. Калезич)². А.А. Индыченко освещает историю складывания чешской естественно-научной терминологии, обращая особое внимание на иноязычные источники чешских терминов. Результаты масштабного социолингвистического эксперимента по установлению функциональных соответствий русских пословиц из чешского паремнологического минимума представила Н.Ю. Котова. Чешский фразеологический материал, наряду с английским, привлекается также А.И. Францевой в качестве сопоставительного фона при анализе семантико-функциональных характеристик русских паремий с компонентом «башня». В свою очередь, В.Г. Кульпина подробно разбирает в сопоставительном аспекте русские и польские пословицы с семантикой добра, устанавливая различия в лексикографической презентации данного понятия в русском и польском языках.

В ряде статей была затронута проблематика неологии, вопросы взаимодействия лексики и проблемы эквивалентности, которые также входили в сферу научных интересов А.Г. Широковой. Достаточно вспомнить о ее работах, посвященных разграничению понятий функциональной, текстовой и узуальной эквивалентности, на которые ссылаются многие из авторов сборника. Так, К.В. Лифанов посвятил свою статью восприятию мадьяризмов кодификаторами словацкого литературного языка и оценке их места в лексическом составе современного языка. Ю.П. Уварова предприняла попытку уточнения значения термина «контактный вариант слова», используемого словацкими лингвистами и коррелирующего с понятием «богемизм» на фоне истории кодификации словацкого языка. И.Ю. Гранева и А.А. Мартинкова в своей совместной статье обратились к анализу популярных новообразований по модели *кофемат / кáвoмат* в русском и чешском языках, выявив общие особенности неодериватов и специфику проявления в данной сфере национальных лингвокультур. Классификацию русских и чешских переводных эквивалентов в рамках лексико-семантического поля «пища» пред-

² Статьи зарубежных коллег печатаются в оригинале: М. Калезич по-сербски, а М. Анчевски по-македонски.

ставила И.Е. Пинхасик, дополнительно затронув проблематику возможностей использования различных корпусов русского и чешского языков при их подборе.

Сборник может быть интересен филологам, специалистам в сфере славистики и сопоставительного изучения грамматических систем славянских языков, тем, кто интересуется неологией и процессами заимствования в современных славянских языках, проблематикой социальной и стилистической стратификации славянских языков, а также славянской фразеологией, лексикой и этимологией.

Отв. редактор сборника О.А. Остапчук

ДВУВИДОВЫЕ ГЛАГОЛЫ В ПОЛЬСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ОПИСАНИЯ

Н.Е. Ананьева

BISPESIFIC VERBS IN POLISH AND RUSSIAN LANGUAGES. TOWARDS THE FORMULATION OF THE PROBLEM OF COMPARATIVE DESCRIPTION

Natalija J. Ananyeva

ABSTRACT:

The article discusses certain aspects of the description of bispecific verbs of the Polish language in comparison with a similar category of the Russian language. The comparison carried out according to the following parameters: quality and quantity of bispecific verbs; inconsistency in the qualification of the similar verb forms in the compared languages (for example, two-aspect Russian verbs *бежать* and *молвить* and Polish imperfective verbs *biec* and *mówić*); the conditionality of the expression of bispecificity and manifestation in a bispecific verb of particular kind of morphological category that the given verb expresses, and the context; transition of two-aspect verb to the one-aspect when prefixal or suffixal correlates appear (for example, the verb *арестовать* becomes perfect when the imperfect *арестовывать* appears; the verb *aresztować* becomes imperfective when perfect *zaaresztować* appears). The necessity of involving dialectal material in the comparison of Polish and Russian ambitransitive verbs of native origin is substantiated.

Key words: dispecific verb (two-aspect verb); Polish; Russian; imperfective verb; perfective verb; comparison

АННОТАЦИЯ:

В статье рассматриваются определенные аспекты описания двувидовых глаголов польского языка в сопоставлении с аналогичной категорией русского языка. Сопоставление осуществляется по следующим параметрам: качественный и количественный состав двувидовых глаголов; несоответствие в квалификации близких по форме глаголов в сопоставляемых языках (например, русские двувидовые глаголы *бежать* и *молвить* и польские глаголы несовершенного вида *biec* и *mówić*); обусловленность выражения двувидовости и проявления в двувидовом глаголе определенного вида морфологической категории, которую выражает данный глагол, и контекстом; переход двувидовых глаголов в разряд одновидовых при появлении префиксальных или суффиксальных коррелятов (например, превращение глагола *арестовать* при образовании имперфектива *арестовывать* в глагол совершенного вида и превращение глагола *aresztować* при появлении перфектива *zaaresztować* в глагол несовершенного вида). Обосновывается необходимость привлечения диалектного материала при сопоставлении польских и русских двувидовых глаголов исконного происхождения.

Ключевые слова: двувидовой (биаспектуальный) глагол; польский язык; русский язык; глагол несовершенного вида; глагол совершенного вида; сопоставление

1. Определение и статус двувидового глагола (пол. *czasownik dwuaspektowy*)

Двувидовым глаголом традиционно называют глагол, совмещающий в себе значения совершенного вида (СВ) и несовершенного (НСВ). Как писал В.В. Виноградов, это «общая форма для обоих видов» [Виноградов 1986: 410], или «морфологический синкретизм». На материале русского языка о двувидовых глаголах существует значительная литература (см. работы А.Н. Тихонова, И.П. Мучника, Л.П. Бирюковой, М.Ю. Чертковой и Пей-Чи Чанга, Е.А. Горобец и др.). На польском материале работ мало. Из последних обращает на себя внимание статья Я. Перлина «Сколько в современном польском языке двувидовых глаголов?» («Ile jest we współczesnej polszczyźnie czasowników dwuaspektowych?») [Perlin 2010]. Двувидовые глаголы определяют также как представляющие собой «вневидовые» (*communia* у Э. Кошмидера) или обладающие «общим видом», «омонимичные формы» (Л.П. Бирюкова), «видовые омонимы» (Ю.С. Маслов). Своеобразную трактовку двувидовости предложила Е.А. Горобец [Горобец 2008], которая, исходя из представления о виде как классифицирующей категории, рассматривает двувидовые глаголы не как омонимичные формы, а как «лексические видовые омонимы». Это определение подрывает представление о единстве двувидового глагольного слова и создает непреодолимые трудности в лексикографической репрезентации подобных глаголов (отдельные словарные статьи типа *арестовать* НСВ и *арестовать* СВ).

2. Качественный и количественный состав двувидовых глаголов в польском и русском языках

В обоих сопоставляемых языках выделяют две группы биаспектуальных глаголов: немногочисленную исконно славянскую и многочисленную, открытую для пополнения, заимствованную (при этом в польском языке формальным показателем заимствованных глаголов является финальный сегмент инфинитива *-ować*, а в русском идентичному с польским *-овать* могут предшествовать сегменты *-ир-*, *-зир-*, *-цир-*). Если глаголы первой группы представляют собой «реликты», сохранившиеся от эпохи недостаточного развития славянской видовой системы (рус. *бежать*, *велеть*, *женить*, *завещать*, *казнить*, *крестить*, *молвить*, *обещать*, *ранить* и некоторые другие, пол. *jawić się* ‘явиться’, *kazać* ‘велеть’, *ranić* ‘ранить’, *razić* ‘разить’ и некоторые другие), то заимствования проникают в сопоставляемые славянские языки с уже

развитой системой видового противопоставления из языков с отсутствием грамматической категории вида (ср. рус. *депортировать* – пол. *deportować*, рус. *ратифицировать* – пол. *ratyfikować*, рус. *экранизировать* – пол. *ekranizować*, рус. *эксгумировать* – пол. *ekshumować*, рус. *дифференцировать*, *электрифицировать* и мн. др.). Е.А. Горобец выделяет также в русском языке третью группу: глаголы типа *большевизировать* – образования от славянских корней по модели заимствованных.

Исследователи приводят разные статистические данные о двувидовых глаголах, что обусловлено характером и объемом источников, а также трудностью квалификации глагола (особенно в случае малоупотребительной заимствованной лексики) как двувидового или одновидового даже для носителей данного языка. А. Пиперский в своей лекции «Двувидовые глаголы» от 14 марта 2016 г.¹ приводит для русского языка цифру 950, опираясь на «Грамматический словарь русского языка» А.А. Зализняка, насчитывающий 100 тысяч слов. Е.А. Горобец определяет число двувидовых глаголов русского языка как 1400 (ее источники: разнообразные словари, тексты, данные Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru)). Для польского языка Я. Перлин, используя трехтомный «Словарь польского языка» под редакцией М. Шимчака («*Słownik języka polskiego*»), содержащий 80 тысяч слов, выделяет только 73 двувидовых глагола (из них 8 исконных: *ciąć* ‘резать’, *mianować* ‘нарекать’, *potrafić* ‘суметь’, *ranić*, *razić*, *stać* в специфическом и редком употреблении, *tnąć* ‘веять’, *wydatkować* ‘расходовать’). При этом у Я. Перлина нет представленных в данном Словаре как двувидовые глаголы: *beatyfikować* ‘канонизировать’ и *kazać* ‘велеть’, а глагол *adoptować* ‘удочерить, усыновить’, который в Словаре дан с пометой dk. (dokonany = СВ), указан в списке двувидовых. О трудности квалификации двувидовости глаголов свидетельствует также замечание Я. Перлина о том, что не включенные им в список двувидовых глаголы *koronować* ‘короновать’ и *urlopować* ‘отдыхать, проводить отпуск’ большинство носителей польского языка отнесли бы к двувидовым.

3. Несоответствия в видовой квалификации между польскими и русскими близкими по форме глаголами

Приведем некоторые примеры таких несоответствий Славянские глаголы: рус. *бежать* (двувид.) – пол. *biec* ndk. (niedokonany = НСВ), рус. *женить* (двувид.) – польск. *żeńić* ndk., рус. *жениться* (двувид.) – пол. *żeńić się* ndk., рус. *крестить* – пол. *chrzcić* ndk., рус. *короновать* (двувид.) – пол. *koronować* ndk., рус. *молвить*

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=d2eJKSaEXL0>. Дата последнего обращения 04.03.2024.

(двувид.) – пол. *mówić* ndk., рус. *обещать* (двувид.) – пол. *obietać* dk., рус. *явиться* СВ – пол. *jawić się* ndk. a (albo = или) dk (т.е. двувидовой). Подобное расхождение в видовой квалификации русского и польского глаголов может привести к ошибкам интерференционного характера при изучении каждого из сопоставляемых языков. Так, несоответствие в видовой квалификации рус. *молвить* и пол. *mówić* является причиной обычной ошибки носителей русского языка, изучающих польский: употребление вместо глагола СВ *powiedzieć* глагола НСВ *mówić*. Заимствованные глаголы: рус. *газифицировать* (двувид.) – пол. *gazyfikować* ndk., рус. *гуманизировать* – пол. *humanizować* ndk., рус. *квалифицировать* (двувид.) – пол. *kwalifikować* ndk., рус. *конвертировать* (двувид.) – пол. *konwertować* ndk., рус. *классифицировать* (двувид.) – пол. *klasyfikować* ndk., рус. *координировать* (двувид.) – пол. *koordynować* ndk., рус. *корректировать* (двувид.) – пол. *korygować* ndk.

4. О последовательности указания маркеров двувидовости в «Словаре польского языка» под редакцией М. Шимчака

Порядок маркеров двувидовости для биаспектуальных глаголов в «Словаре польского языка» под редакцией М. Шимчака [Słownik języka polskiego 1978–1979] различен: для одних глаголов ndk. a. dk. (реже ndk. i dk), для других – dk. a. ndk. Например: *kazać* ndk. a. dk., *beatyfikować* ndk. i dk., *ratyfikować* ndk. a. dk.– *aresztować* dk. a. ndk., *abdykować* dk. a. ndk., *adaptować* dk. a. ndk., *abrogować* dk. a. ndk., *kanonizować* dk. a. ndk. Можно предположить, что на первом месте приводится квалификатор того вида, в котором чаще употребляется данный глагол. Но в Словаре есть и такой вариант: *kontuzjować* ‘контузить’ dk. (gzad. ndk.) – т.е. «СВ (редко НСВ)».

5. Различия в видовой квалификации разных лексико-семантических вариантов (ЛСВ) многозначных глаголов

Для многозначных глаголов в обоих сопоставляемых языках возможна квалификация глагола как двувидового в одном или нескольких ЛСВ. Например, для пол. *ciąć* ndk. в значении ‘резать, отрезать, вырубать’ (*ciąć drzewa w lesie* ‘срезать, срубить деревья в лесу’) и ndk. a. dk. в значении ‘сильно ударить / ударять’ (*ciąć szablą w kark* ‘ударить саблей по шее’). Рус. *бежать* квалифицируется как двувидовой для ЛСВ со значением ‘спасаться бегом’ (ср. в стихотворении «Беглец» М.Ю. Лермонтова: «*Гарун бежал быстрее лани, / Быстрей, чем заяц от орла; / Бежал он в страхе с поля брани, / Где кровь черкесская текла*»).

6. Обусловленность в сопоставляемых языках двувидовости грамматической категорией

Выражение двувидовости и проявление в двувидовом глаголе определенного видового значения обусловлено морфологически, грамматической категорией, которую выражает данный глагол. Есть двувидовые глаголы, которые выражают двувидовость во всех формах. Но чаще значения НСВ и СВ совмещаются не во всех формах. Так, русисты указывают следующие формы, в которых проявляется двувидовость: инфинитив, прошедшее время, повелительное наклонение, действительное причастие прошедшего времени. Е.А. Горобец [Горобец 2008] отмечает, что в основном СВ выражают формы глаголов *образовать(ся)*, *организовать(ся)*, *согласовать*. Еще больше глаголов сохраняет двувидовость только в формах прошедшего времени и инфинитива, а в остальных они имеют значение НСВ (*анализировать*, *демонстрировать*, *иллюстрировать*, *приветствовать* и др.). Подчеркивается, что более значительная часть глаголов имеет значение СВ только в формах прошедшего времени (*Мы организовали конференцию при невозможности будем организовать*). В польском языке также значение СВ в двувидовом глаголе связано с формами прошедшего времени и страдательными причастиями (*Rażony apopleksją* ‘пораженный апоплексическим ударом’).

7. Связь двувидовости с контекстом.

Выражение двувидовости в обоих сопоставляемых языках зависит также от контекстуальных условий (как синтаксических, так и лексических). Отметив необходимость исследования контекста, способствующего сохранению двувидовости или проявлению семантики одного из двух видов, ограничимся на настоящем уровне нашей работы констатацией данного обстоятельства, поскольку выявление роли контекста требует изучения в сопоставительном аспекте значительного массива русских и польских текстов. Решение данной проблемы относится к перспективам нашего исследования.

8. Условия утраты двувидовости биаспектуального глагола в русском и польском языках

Двувидовые глаголы, являясь своего рода аномалией в системе, в которой сформировалась оппозиция СВ – НСВ (так называемая системная оппозиция), приобретая неомонимичные по форме корреляты, могут переходить в разряд одновидовых. Это произошло со многими исконно славянскими глаголами и происходит с заимствованиями. Неомонимичный коррелят может быть префиксальным глаголом (рус. *женить* – *поженить*, простор. *оженить*, пол. *aresztować* – *zaaresztować*) и суффиксальным импфективом (рус. *арестовать* – *арестовывать*, ро-

дить(ся) – роджать(ся)). Имперфективы в русском языке, как правило, образуются от двувидовых глаголов с ударным финальным сегментом – *овать*. При этом двувидовой глагол, от которого образуется имперфектив, должен переосмысляться как глагол СВ, а глагол, ставший базой для префиксального – как глагол НСВ. При образовании имперфективов в основном так и происходит. Но прибавление префикса к биаспектуальному глаголу в качестве словообразовательной базы не превращает автоматически базовый двувидовой в моновидовой глагол НСВ. Так, русисты указывают, что остаются двувидовыми глаголы *женить* (при наличии перфективов *поженить* и *оженить*), *велеть* (несмотря на появление префиксального *повелеть*), *венчать* (при наличии перфективов *повенчать* и *обвенчать*), *жениться* (несмотря на префиксальный *пожениться*), *крестить* (при наличии префиксальных *окрестить* и *покрестить*), *молвить* (несмотря на *вымолвить*), *обещать* (при употреблении префиксального *пообещать*). Аналогичная ситуация представлена с польской глагольной парой *aresztować – zaaresztować*. В польских текстах увеличивается количество конструкций типа *został zaaresztowany*: *Policjant został zaaresztowany na poczcie* (заголовок статьи в издании «Gazeta Wyborcza»); *John McAfee, zyuwa legenda rynku cyberbezpieczeństwa został zaaresztowany w Hiszpanii*² и мн.др. Но встречается также конструкция *został aresztowany*, свидетельствующая о сохранении биаспектуальности глагола *aresztować* (ср. *Kilka miesięcy później został aresztowany*³).

Е.А. Горобец отмечает, что некоторые исконные глаголы русского языка вообще не образуют неомонимичных коррелятов: *воздействовать, заимствовать, напутствовать, оборудовать, обследовать, опровергать* и некоторые др.

9. О необходимости привлечения диалектного материала при сопоставлении польских и русских двувидовых глаголов исконно славянского происхождения

На основании того, что во многих исследованных нами польских диалектных текстах определенно-моторный (или однонаправленный) глагол движения *iść* «идти» употребляется как глагол СВ (*szedł* в значении *poszedł*) [Ананьева 1996; Ананьева 2000; Ананьева 2006], можно предположить, что в диалектном языке шире (по крайней мере, для определенно-моторных глаголов движения) пласт исконных биаспектуальных глаголов. Симптоматично, что З.Н. Стрекалова обнаружила в

² [Электронный ресурс.] URL: <https://bitcoin.pl>. Дата последнего обращения 10.02.2024.

³ [Электронный ресурс.] URL: <https://www.diki.pl>. Дата последнего обращения 12.02.2024.

древнепольском языке видовую недифференцированность именно глаголов однонаправленного движения [Стрекалова 1968].

В ы в о д ы

Сопоставление двувидовых глаголов польского и русского языков включает в себя сопоставление их инвентаря в качественном и количественном аспектах, выявление общих и различающихся грамматических условий, способствующих проявлению двувидовости и предпочтительности выражения моновидовой семантики СВ или НСВ, исследование функционирования биаспектуальных глаголов в разных типах русскоязычных и полноязычных текстов, а также учет диалектных данных по исконным двувидовым глаголам в польском и русском диалектном континууме.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. *Ананьева Н.Е.* О функционировании претеритальных форм совершенного вида со значением повторяемости в польских диалектах (I часть) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1991–1993. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1996. С. 197–215.
2. *Ананьева Н.Е.* О функционировании претеритальных форм совершенного вида со значением повторяемости в польских диалектах (II) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1994 – 1996. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2000. С. 152–166.
3. *Ананьева Н.Е.* О функционировании претеритальных форм совершенного вида со значением повторяемости в польских диалектах (III часть) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 2003–2005. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2006. С. 210–217.
4. *Бирюкова Л.П.* Функционирование двувидовых глаголов в современном русском языке. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. 190 с.
5. *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). 3-е изд. М.: Высшая школа, 1986. 640 с.
6. *Горобец Е.А.* Двувидовые глаголы в современном русском языке: проблемы статуса и классификации. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008. 26 с.
7. *Кошмидер Э.* Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. С. 105–165.
8. *Маслов Ю.С.* Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1984. 262 с.
9. *Мучник И.П.* Развитие системы двувидовых глаголов в современном русском языке // Вопросы языкознания, 1966. № 1. С. 61–75.
10. *Стрекалова З.Н.* Из истории польского глагольного вида / Отв. ред. А.С. Посвянская. М.: Наука, 1968. 176 с.
11. *Тихонов А.Н.* О подаче двувидовых глаголов в толковых словарях // Труды Самаркандского государственного университета им. Алишера Навои. Новая серия. Выпуск 170: Вопросы языкознания и литературы. Самарканд: Изд-во Самаркандского государственного университета, 1969. С. 169–174.
12. *Perlin J.* Ile jest we współczesnej polszczyźnie czasowników dwuaspektowych? // *Linguistica Copernicana*, 2010. № 1 (3). S. 165–171.
13. *Słownik języka polskiego*. Т. I–III / Pod red. M. Szymczaka. Warszawa: Polskie Wydawnictwo Naukowe, 1978–1979.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПЕРЕВОД НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СТАНИСЛАВА ЛЕМА

М. Анчевски

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND TRANSLATION THROUGH THE WORKS OF STANISLAV LEM

M. Anchevski

ABSTRACT:

The electronic inhabitants of the Cosmos, their experiences, the places where they move, inhabit and aspire to them, described in Stanislaw Lem "Cyberiad" are named with neologisms. Their world is very distant in time and space from today's reader which affects to a challenge to the translator translating from Polish into Macedonian.

Keywords: personalia, dialectology, history of language, literary language, Polish language.

АННОТАЦИЯ

В произведениях польского автора Станислава Лема, описывающих вымышленные миры, фигурируют названия явлений, действий, событий, предметов, чувств и т.д., передача которых представляет собой особую задачу для переводчика с польского языка на македонский.

Ключевые слова: неологизм; межкультурная коммуникация; перевод; македонский язык; польский язык, Кибериада, Станислав Лем

Во оваа статија станува збор за **вештачката интелигенција и преводот низ делата на Станислав Лем**. Имено, електронските жители што го населуваат Космосот, нивните доживувања, местата каде што се движат, ги населуваат и се стремат кон нив, опишани во „Кибериада“ од Станислав Лем се именувани со неологизми, временски и просторно многу оддалечени од денешниот читател, што претставува преведувачки предизвик на релација полски – македонски. Ке се осврнеме на делата од полскиот автор Станислав Лем, којшто опишувајќи светови што реално, од наша гледна точка, не постојат, именуваат појави, дејства, настани, објекти, чувства итн., што претставува особен предизвик за преведувачот од полски на македонски јазик.

1. **ВОВЕД. 2021 ГОДИНА НА СТАНИСЛАВ ЛЕМ ВО ПОЛСКА И ВО СВЕТОТ.** Полскиот мислител, филозоф, писател, футуролог, сатиричар, книжевен критичар, Станислав Херман Лем (Stanisław Hergman Lem), во светски рамки оставил наследство од 41 милион книги преведени на 52 јазици, еден од „татковците“ на СФ жанрот, роден е во

Лавов на 12.09.1921, а починал на 27.03.2006 во Краков. Во Годината на СТАНИСЛАВ ЛЕМ, 2021, Светот, му се оддолжи со мега-прославата на неговиот 100-ти роденден. Годината 2021 во Полска беше прогласена за ГОДИНА НА ЛЕМ, празнување на културата, технологијата и науката со официјален сајт на сите настани <https://roklema.pl>

2. НЕОЛОГИЗМИ – КИБЕРИЈАДА – ГЛОСАР

Во сите дела, а особено во делото „Киберијада“, се среќаваме со неологизми како преведувачки предизвик. Во врска со македонскиот превод на „Киберијада“ постои Глосар на присутните неологизми [Миркуловска 2020 282]. Лем во изобилство твори нови зборови со цел да именува непознат објект, релација, настан и сл. за да го опише светот на совршените машини, жителите на Барокниот Космос. Лем раскажува и опишува појави за нас, од денешна гледна точка, во најголем број сè уште непознати. Исто така, предмет на опис сме и ние и нашиот свет, од гледна точка на некои други жители на Космосот, просторно и временски многу оддалечени, што се трудат да нè опишат нас, како и нашите предмети, навикни низ призмата на нивната сопствена културна позадина.

Овие неологизми во полскиот јазик произлегуваат од:

- интернационализми, со што помалку или повеќе како такви со извесни адаптации се разбирливи за македонскиот читател;

- зборови каде што може да се проследи заедничкото словенско јазично и културно минато на полскиот и на македонскиот јазик, па повторно, со мали адаптации, стануваат разбирливи и прифатливи за македонскиот читател (без да го занемариме факторот на неговата досетливост);

- зборови тесно врзани за спецификата на изразот на полскиот јазик, каде што е потребна поголема интервенција на преведувачот на македонски јазик;

- зборови што се многу тесно поврзани со локалните полски културни и општествени прилики, актуелни во даден момент, за коишто Лем, иако пишува за далечната иднина, со извесна доза на иронија сака да даде свој осврт. Адаптирајќи вакви примери за македонскиот читател, неопходно е да се процени дека таквата алузија за еден македонски читател е премногу далечна, па тие се оставаат во оригиналната своја форма, со извесни фонетски адаптации кон македонскиот јазик;

- зборови што претставуваат фонетска модификација на основниот збор, со еден или повеќе изменети гласа, како и ономатопејски адаптирани зборови.

Согласно Глосарот, издвоени се 26 семантички полиња на неологизмите во Киберијада. Според бројноста на елементите во одредено

семантичко поле може да се каже дека вкупно има повеќе од 1000 неологизми и тоа, според следниве семантички полиња:

1. Лични имиња, презимиња и прекари (значењето е интернационално, преведено или адаптирано): 172 примери;

2. Називи на држави и области, населби (значењето е интернационално, преведено или адаптирано): 65 примери;

3. Називи на жители на планети, држави, области (значењето е интернационално, преведено или адаптирано): 62 примери;

4. Називи на космички тела, пространства и појави (значењето е интернационално, преведено или адаптирано): 42 примери;

5. Називи на разумни суштества, појави, индивидуи или општествени групи според карактеристичната особина што ја поседуваат или дејството што го вршат: 119 примери;

6. Називи на носители, вршители на професии: 56 примери;

7. Називи на почесни титули и почесни обраќања: 31 пример;

8. Називи на дејства, настани, процеси (апстрактни и конкретни): 58 примери;

9. Називи на особини, карактеристики на суштества, предмети, појави (апстрактни и конкретни): 37 примери;

10. Називи на опрема, апарати, инструменти, орудија: 122 примери;

11. Називи на оружја: 10 примери;

12. Називи на награди, одличија, обележја: 5 примери;

13. Називи на места за престојување, работа, забава итн.: 30 примери;

14. Називи на начини на комуникација, девијации, болести и сл.: 12 примери;

15. Називи на обичаи, игри, забави и сл.: 20 примери;

16. Називи на појави, супстанции итн.: 13 примери;

17. Називи на апстрактни поими и нешта, науки, научни правци, учења, движења, интерпретации и сл.: 99 примери;

18. Називи на единки, нешта и пространства предмет на верување и обожување: 18 примери;

19. Називи на официјални институции и служби: 20 примери;

20. Називи на делови од тело: 2 примери;

21. Називи на храна, пијалаци, лекови: 9 примери;

22. Називи на животни и птици: 13 примери;

23. Називи на растенија: 3 примери;

24. Називи на елементи: 3 примери;

25. Називи на единици мерки: 25 примери;

26. Поздрави: 2 примера.

4. ЕЛЕКТРОНСКИ ПОЕТ – ВЕШТАЧКА ИНТЕЛИГЕНЦИЈА – ПРЕВОД

4.1. Да се осврнеме на познатите стихови од Киберијада, содржани во приказната „Патешествие прво а), односно Електрибалтот на Трурл“ – „Wyrpawa pierwsza A, czyli Elektrybałł Turla” [Лем 2016]. Во приказната, еден од двајцата конструктори, Трурл, се потрудил да конструира т.н. Електричен Поет, Електрибалт, а неговиот конкурент, конструкторот Клапациј, дошол да го искушува неговиот пронајдок со задавање на сè почудни и почудни параметри што Електронскиот Поет требало да ги исполни. И конечно како резултат ја постигнал прочуената песна според зададените параметри:

„Нека состави стихови за киберотика! Нека има најмногу шест стиха, а во нив за љубовта и за прељубата, за музиката, за Црниците, за повисоките сфери, за несреќата, за родосквернавењето, римувано и сите зборови да бидат само на буквата „с“!!“

Во приказната на Лем, Електрибалтот, во оригинал, на полски јазик, ги создал следните стихови:

*Cyprian cyberotoman, cynik, ceniąc czule
Czarnej córy cesarskiej cud ciemnego ciała,
Ciągle cytrą czarował. Czerwieniła cała,
Cicha, codzień czekała, cierpiąca, czuwała...
... Cyprian ciotkę całuje, cisnąwszy czarnulę!!*

Можеме да забележиме дека Електрибалтот ги користи можностите на полскиот правопис со што го постигнува условот сите зборови да бидат на буквата „с“, иако според изговорот на одделни двознаци имаме и други гласови, освен гласот /с/ на пр. cz /č/, ci /ć/. Песната содржи 5 стиха.

4.2. ПРЕВОД БР. 1. Да го погледнеме овој превод на македонски јазик (Станислав Лем, Киберијада (превод од полски на македонски Милица Миркуловска), Антолог, 2016).

*„Ciprijan ciberotoman, cinik, cenejki chujno
Crna cherka carska, chudno crno celo,
Citra chesto civkal. Crveneela cela,
Celovremeno chekala, chuela, crcorela...
...Ciprijan cecasi celuva, chuknuvajkji Crnkata!!“*

Во преводот песната е со латинско писмо. Искористени се можностите на македонската кирилица транслитерирана на латиница, што вообичаено се користи од корисниците при електронската комуникација на социјалните мрежи, СМС пораките и сл., при што, како и во полскиот оригинал секој збор ортографски започнува на буквата „с“, но како почетен глас, освен гласот /с/ го имаме и гласот /č/ што согласно транс-

литерацијата се пренесува на латиница со „sh“. Имено на кирилица песната би изгледала вака:

*[Ципријан циберотоман, циник, ценејќи чујно
Црна черка царска, чудно црно цело,
Цитра често цивкал. Црвенеела цела,
Целовремено чекала, чуела, црцорела...
... Ципријан цецаси целува, чукнувајќи Црнката!!]*
Песната, согласно оригиналот, содржи пет стиха.

Од лексичка гледна точка, со цел да се постигне условот на почетно /с/ употребени се извесни колоквијализми или дијалектизми, черка [черка – стандардно ќерка, сесаси [цецаси] – стандардно сестра си / својата сестра, чуела [чуела] – стандардно слушала/потслушувала, celuva [целува] – стандардно бакнува, chuknuvajkji [чукнувајќи] – стандардно вршејќи сексуален чин.

Во однос на бројот на слоговите полскиот оригинал е со структура 14-13-13-13-14. Бројот на слоговите, поради аналитичкиот карактер на македонскиот јазик е поместен за еден до два слога плус или минус и ја има структурата 15-12-13-15-16, а има и совпаѓање во третиот стих.

Во однос на последните слогови во стихот полскиот оригинал не поседува чиста рима и ја има следнава структура: *czule / ciala / cala / cziwala / czarnule*. Македонскиот превод, за да се постигне мелодиката и ритамот во отсуство на чистата рима изгледа вака: *chujno / celo / cela / crcorela / Crnkata*.

4.3. ПРЕВОД БР. 2. Во Книгата „Станислав Лем во Мире“ од Виктор Јазневич (Виктор Язневич) можеме да проследиме уште еден превод на овие стихови од Лидија Танушевска:

*Киберотоманот Кипро, к'не, копнеж имал крепка
по красната ќерка на калешо крале,
која со кемането катаден ја карел.
А кеф да му има крвта негова, каданата кривка,
казнета карасевда клоцоти крвта, корне коса...
к'смет имал Кипро, за неа калашевицата ја кошнал.*

Во преводот песната е со кирилско писмо. Условот е зборовите што ќе ги употреби Електронскиот Поет да бидат на буквата К. Песната содржи шест стиха.

Од лексичка гледна точка, со цел да се постигне условот на почетно К употребени се извесни колоквијализми или дијалектизми. Забележуваме и отстапување од почетното К со употребата на предлози: по, на, со, за; сврзници: а, да; лични заменки (долги и кратки форми): ја (два пати), му, неа; глагол: има (два пати); зборови со почетно К (три зборови).

Во однос на бројот на слоговите полскиот оригинал е со структура 14-13-13-13-14. Бројот на слоговите, поради аналитичкиот карактер на македонскиот јазик е поместен за еден до три слога плус или минус и има плус уште еден стих, со следнава структурата 16-12-13-17-16(-18 во дополнителниот стих во однос на оригиналот). Слововно совпаѓање со оригиналот има во третиот стих.

Во однос на последните слогови во стихот полскиот оригинал не поседува чиста рима и ја има следнава структура: *czule / ciala / cala / cziwala / czarnule*. Овој македонскиот превод изгледа вака: *кренка / крале / карел / кривка / коса / кошнал*.

4.4. ПРЕВОД БР. 3. Размислувајќи во духот на стварноста што нè опкружува во однос на Вештачката Интелигенција (ВИ) во последниот период, да го поставиме прашањето што би направила ВИ во овој случај на релација полски – македонски. Ова прашање го земаме предвид, со оглед на фактот дека веќе се отворени портите на реалниот Електричен Поет, или како што Станислав Лем во едно од своите „пророчки дела“ на тема електронски иновации и иднината на Светот, го нарекол Електрибалт. Имено во рамките на ChatGPT (Chat Generative Pre-trained Transformer), голем јазичен чет-бот заснован на модели развиен од OpenAI и лансиран на 30 ноември 2022 година, кој им овозможува на корисниците да го усовршат и да го насочат разговорот кон посакуваната должина, формат, стил, ниво на детали и јазик (пристапено на 1.11.2023). Последователните поттикнувања и одговори, познати како брз инженеринг, се разгледуваат во секоја фаза на разговор како контекст“. Постои информација дека од ChatGPT е побарано да создаде песна во т.н. петостепен јамб за актуелниот претседател на САД Џо Бајден и за поранешниот претседател на САД Доналд Трамп

[\[https://en.wikipedia.org/wiki/ChatGPT#/media/File:ChatGPT_Biden_and_Trump.png\]](https://en.wikipedia.org/wiki/ChatGPT#/media/File:ChatGPT_Biden_and_Trump.png) (пристапено на 1.11.2023)]. Интересно би било да му се зададе истата задача на ChatGPT што ја имал Електрибалтот на Лем. Но засега, ќе се задоволиме со преводот на стихот од Електрибалтот изведба на ChatGPT ChatGPT (пристапено на 27.11.2023)

Циприан, цибер-отоман, циник, со нежност почитува

Чудо на црната царска ќерка, чудо на темното тело,

Постојано чара со цитра. Цела црвена,

Тивка, секој ден чека, страда, бдее...

...Циприан целува тетка, фрлајќи ја црната!!

Условот, од ортографска гледна точка, зборовите што ќе ги употреби Електронскиот Поет да бидат на буквата „с“ (или ев. на К како во преводот бр. 2) не е запазен.

Песната содржи пет стиха, како во оригиналот.

Од лексичка гледна точка, освен неколку збора со промашен превод (отомански, цитат, фрла) има поклопување на значењето, што релативно овозможува да се разбере содржината на песната.

Во однос на бројот на слоговите полскиот оригинал е со структура 14-13-13-13-14. Бројот на слоговите, поради аналитичкиот карактер на македонскиот јазик е поместен за повеќе слогови плус со следнава структурата 17-18-14-11-15.

Во однос на последните слогови во стихот полскиот оригинал не поседува чиста рима и ја има следнава структура: *szule/ ciala/ cala/ czuwała/ czarnule*. Во овој македонски превод ја имаме следнава ситуација: *почитува / тело / црвена / бдее / црната*.

4.5. ПРЕВОД БР. 4. Да се задржиме на нам најдостапниот GoogleTranslate

<https://translate.google.com/?hl=en&sl=pl&tl=mk&op=translate>, Гугл преведувач – повеќејазична услуга за преведување на невронски машини развиена од Гугл за превод на текст, документи и веб-страници од еден јазик на друг. Нуди интерфејс за веб-локација, мобилна апликација за Андроид и и ОС и АПИ што им помага на програмерите да градат екстензии на прелистувач и софтверски апликации. Од Февруари 2023, Гугл Преведувач поддржува 133 јазици на различни нивоа. (пристапено на 1.11.2023). И да го претставиме преведувачкиот резултат од полски на македонски јазик на прочуената песна од Лемовиот Електронски Поет на кирилица и транслитерирано на латиница:

*Kiprijanski sajber-otomanski, ciničen, ljubezен neгува
Црната царска ќерка, чудото на темното тело,
Постојано правеше магији со својот цитат. Таа стануваше
црвена цела,*

Tivko, sekoј ден чекаше, трпеше, гледаше...

... Kiprijan ја бакнува тетка си доека ја фрла црнечката!!

Kiprijanski sajber-otomanski, ciničen, ljubezен neгува

Crnata carska ќerka, čudoto на temnoto telo,

Postojano praveše magii со svojot citat. Таа stanuvаше crvena cela,

Tivko, sekoј ден чекаше, trpeše, gledаше...

... Kiprijan ја бакнува тетка си dodeka ја frла crnečkata!!

Условот, од ортографска гледна точка, зборовите што ќе ги употреби Електронскиот Поет да бидат на буквата „с“ (или ев. на К како во преводот бр. 2) не е запазен.

Песната содржи пет стиха, како во оригиналот.

Од лексичка гледна точка, освен неколку збора со промашен превод (отомански, цитат, фрла) има поклопување на значењето, што релативно овозможува да се разбере содржината на песната.

Во однос на бројот на слоговите полскиот оригинал е со структура 14-13-13-13-14. Бројот на слоговите, поради аналитичкиот карактер на македонскиот јазик е поместен за повеќе слогови плус со следнава структурата 19-16-26-14-20.

Во однос на последните слогови во стихот полскиот оригинал не поседува чиста рима и ја има следнава структура: *czule / ciala / cala / cziwala / czarnule*. Македонскиот превод изгледа вака: *негува / тело / цела / гледање / црнеќката*.

4.6. Можеме да согледаме дека на оваа етапа на машинското преведување на фрагменти од делата на Станислав Лем на македонски јазик сè уште сме прилично далеку од посакуваниот резултат. Имено, на релација полски – македонски на прочуената песна од Електрибалтот, Електронскиот Поет во Киберијада на Станислав Лем во однос на преводот направен од ВИ недостасуваат многу клучни елементи потребни да се дофати целта на оваа песна во вистинска смисла на зборот. Преводите на ВИ, под бр. 3 од ChatGPT и под бр. 4 од GoogleTranslate ни служат само површно да ја разбереме смислата, до извесна мера, без никаков успех во пренесувањето на останатите скриени значења низ конкретните форми што ги осмислил Станислав Лем, како автор, со мајсторска употреба на јазичните средства во полскиот јазик.

5. ЗАКЛУЧОК

Оваа специфична лексика, чијшто само еден мал дел претставивме погоре низ стиховите на Електронскиот Поет, што ја ползува Станислав Лем во своите дела, понекогаш, задачата на преведувачот ја претвора во невозможна мисија. Самиот преведувач, треба во целост да се пресели во непостоечките светови, во непостоечкото време и простор, чијашто стварност Лем ја опишува и именува на толку сликовит начин. Па згора на тоа, преведувачот треба да го преслика самиот тој свет на јазикот на којшто преведува и да ги најде еквивалентите прифатливи за еден читател во конкретен простор и време. Во тој контекст, Лем вели: *„Свесен сум дека неизмерно им ја отежнувам, а понекогаш дури и им ја оневозможувам работата на моите преведувачи додека ги филивам моите книги со определби, за коишто полскиот јазик, се чини, особено е извикан, но што можам да помогнам“* (Станислав Лем 1982, *Разговори со Лем «Rozmowy z Lemem»*).

Самата „Киберијада“, како збирка приказни, сказни, бајки, што го опишуваат Барокот на Космосот и жанровски и според јазичниот израз, се надврзува на тематиките карактеристични за светската барокна литература, за витезите, змејовите, кралевите и кралствата. Таму се случуваат различни пригоди, трагични, хумористични, вцашувачки, необични, се наслојуваат проблемите од областа на напреднатите науки: кибернетика, алгебра, тригонометрија, хемија, физика, преку музиколо-

гија, до онтологија, етика итн. Но, низ страниците на „Кибериада“ можат да се распознаат и описи, низ силно иронизирање, на актуелните општествени збиднувања што го опкружувале Лем во времето на нејзиното пишување. Опишувајќи ги електронските жители што го населуваат Космосот, ќе познаеме критики и исмевања на одделни типови личности, професии, општествени групации, одделни карактерни црти, стравови, пороци, што ја прави „Кибериада“ вонвременска и толку многу земска.

Во таа смисла, ја пренесуваме пораката од Станислав Лем кон преведувачите на неговите дела: „*Мечтаам, моите книги да се печатат во добар превод и – особено на Запад – да ме преведуваат од полски, а не од некои други јазици.*“ (Станислав Лем 1972, *Се натпреварувам со стварноста* «*Współzawodniczę z rzeczywistością*»).

А на крајот, уште ќе додадеме, имено, јазик што поседува јазични средства на него да се преведе „Кибериада“ од Станислав Лем – не треба да се плаши за својата иднина!

Литература / References

1. *Богданоски Д.* Севселенски простори во «Кибериада» (полско-македонски преведувачко-зборообразувачки паралели од областа на неологизмите) (дипломски труд, ментор Милица Миркуловска). Филолошки факултет «Блаже Конески», Универзитет «Св. Кирил и Методиј». Скопје, 2021.
2. *Богданоски Т.* Кибериада како инспирација за именување на вселенските нешта – полско-македонски преведувачко-зборообразувачки паралели од областа на неологизмите (дипломски труд, ментор: Милица Миркуловска). Филолошки факултет «Блаже Конески», Универзитет «Св. Кирил и Методиј». Скопје, 2021.
3. *Лем С.* Кибериада / превод од полски Милица Миркуловска. Скопје: Антолог, 2018. 448 с.
4. *Минова-Ѓуркова Л.* Стилистика на современиот македонски јазик. Скопје: Магор, 2003. 348 с.
5. *Миркуловска М.* Кибериада – барокот на Космосот // FPhMP 9-10, Скопје: Филолошки факултет «Блаже Конески», 2020. С. 281–300. [Електронски ресурс.] URL: https://flf.ukim.mk/wp-content/uploads/2020/06/10-%d0%9c%d0%90%d0%9a%d0%95%d0%94%d0%9e%d0%9d%d0%a1%d0%9a%d0%9e-%d0%9f%d0%9e%d0%9b%d0%a1%d0%9a%d0%9e-%d0%9a%d0%9e%d0%9d%d0%a4%d0%95%d0%a0%d0%95%d0%9d%d0%a6%d0%98%d0%88%d0%90_2.pdf 2018. Дата последногo обраќањe 05.01.2024.
6. *Јаневич В.* Станислав Лем во мире. Минск: Медисонт, 2021. 164 с.
7. *Dotaciuk-Czarny I.* Nazwy własne w prozie Stanisława Lema. Lublin; Wydawnictwo UMCS, 2003. 234 s.
8. *Jarzębski J.* Wszechświat Lema. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2003. 340 s.
9. *Lesz-Duk M.* Neologizmy w twórczości Stanisława Lema // Prace Naukowe Akademii im. Jana Długosza w Częstochowie. Językoznawstwo XI. 2015. S. 141–151. [Електронски ресурс]. URL: <http://dlibra.bg.ajd.czest.pl:8080/Content/3515/11.pdf>. Дата последногo обраќањe 10.01.2024.

СИНСЕМАНТИЧЕСКИЕ ЧАСТИ РЕЧИ КАК МАРКЕРЫ РАЗГОВОРНОГО ДИСКУРСА

В.В. Белоусова

SYNSEMANTIC PARTS OF SPEECH AS MARKERS OF COLLOQUIAL DISCOURSE

V.V. Belousova

ABSTRACT:

The article deals with the features of functioning of synsemantic parts of speech in colloquial discourse of modern Czech. The aim of this paper is not only to provide brief information about differences in the types of discourse markers (interactive, modal, connective) but also to describe their pragmatic functions (structuring utterances, organizing discourse; conveying emotionality; expression of subjective attitude), to justify the choice of terminology, and outline prospects for developing problems in translation and linguodidactic aspects.

Key words: colloquial discourse; synsemantic parts of speech; discourse markers; Czech language; multifunctionality

АННОТАЦИЯ:

В статье рассматриваются особенности функционирования синсемантических частей речи в разговорном дискурсе современного чешского языка. Определяются типы дискурсивных маркеров (интерактивные, модальные, коннективные), описываются их прагматические функции (структурирование высказывания, организация дискурса; передача эмоциональности; выражение субъективного отношения), обосновывается выбор терминологии, а также намечаются перспективы разработки проблематики в переводческом и лингводидактическом аспектах.

Ключевые слова: разговорный дискурс; синсемантические части речи; дискурсивные маркеры; чешский язык; полифункциональность.

Определение дискурса как «речи, погруженной в жизнь» и признание необходимости рассматривать текст в событийном аспекте «в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами» [Арутюнова 1990: 136] обусловило разнонаправленность и постоянную актуальность дискурсивных исследований¹.

¹ Анализ дискурса как взаимодействия его отдельных составляющих, приводит к необходимости разграничения и письменного и устного дискурсов. «Можно предположить существование общих универсальных характеристик синтаксиса разговорного чешского языка, о которых мы до сих пор знаем относительно мало» (здесь и далее перевод наш – В.В.) [Hoffmannová, Homoláč, Mrázková 2019: 11].

Выбор темы был продиктован стремлением раскрыть прагматический потенциал синсемантических частей речи, широко употребляющихся в чешском языке. Разрабатывая проблематику системно-функциональной и узуальной эквивалентности единиц близкородственных славянских языков, А.Г. Широкова отмечала, что «трудности сопоставления неполнозначительных частей речи заключаются в том, что их функциональные поля пересекаются и переплетаются» [Широкова 1998: 145].

Слова служебной семантики (предлоги, союзы, частицы и междометия), как правило, не имеют конкретного лексического значения, однако обладают большим функциональным потенциалом, который реализуется в условиях широкого контекста и коммуникативной ситуации, придавая различным коммуникативным типам высказываний и тексту целую шкалу дополнительных оттенков или коннотаций, а также другие функциональные значимости. В отличие от предлогов и союзов, достаточно полно описанных в грамматиках, частицы и междометия невозможно изучать по словарям, их статус трудно установить в условиях минимального контекста, поэтому они должны рассматриваться в составе синтаксических единиц в определенных типах коммуникативных контекстов – прежде всего, в устной речи.

Специфика чешской языковой ситуации² приводит к необходимости обратиться к коммуникативной модели строения этнического языка [Нещименко 2003], в рамках которой выделяются зоны регулируемого и нерегулируемого речевого поведения, а разговорная речь³ интерпретируется как функциональное звено, а не конкретная языковая манифестация. Обеспечивая сферу неформального общения и находясь в зоне нерегулируемого речевого поведения, разговорная речь, тем не менее, подчиняется определенным правилам построения неподготовленного высказывания, протекающего в реальном времени – в стереотипных ситуациях требуется соблюдение социально-коммуникативных норм, использование определенных коллокаций и фразем (включая формулы речевого этикета) и употребление соответствующих дискурсивных коннекторов, структурирующих высказывание в целом.

² «Речь современного чеха может представлять непростую комбинацию элементов литературного языка и обиходно-разговорного койне, причем доля того или другого зависит от таких факторов, как ситуация общения, возраст, образование, социальный статус говорящего и/или собеседника, степень их знакомства и т.д. Употребляющий литературных элементов больше, чем требуется в данной конкретной ситуации, рискует прослыть снобом, меньше – невежей, при этом «переключение кодов» происходит автоматически и незаметно для самого носителя языка» [Изотов 2008: 66].

³ Разговорная речь функционально обеспечивает сферу неформального общения, специфика которого находит отражение в неоднозначном соответствии лингвистической формы и функции в речевом дискурсе.

Несмотря на давно предложенный [Shiffrin 1987] термин «дискурсивные маркеры» (discourse markers), в работах чешских лингвистов, занимающихся изучением особенностей устной речи, рассматриваются *členicí signály, kontaktní slova, parazitní vsuvky, vyplňková slova, spojovací vsuvky a konektory*, при этом репертуар описываемых языковых единиц во многом идентичен. Так, например, Р. Зимеком [Zimek 1980] при описании сигналов эмоциональности на лексическом уровне было введено понятие *поисковые слова* (отсылающее к механизму порождения высказывания)⁴, М. Чехова [Čechová 1992] признает, что отдельные *слова-паразиты* могут помогать устанавливать контакт между говорящим и слушающим, а О. Мюллерова [Müllerová 1994], исследуя синтаксические особенности построения высказывания и различные виды его сегментации, называет встречающиеся ей в местах потенциальных пределов слова *сигналами членения*, оговаривая, что некоторые из них могут выступать в роли *коннекторов, соединительных слов*, связывая различные сегменты речи. Такое терминологическое разнообразие, вероятнее всего, было связано с конкретной направленностью исследований и выявлением частных функций. Однако с появлением академического издания *Syntax mluvené češtiny* [Hoffmannová, Homoláč, Mrázková 2019]⁵, представляющего собой первое систематическое описание синтаксических явлений разговорного чешского языка, термин *diskurzivní markery* (дискурсивные маркеры) закрепился в чешской лингвистической литературе – «этим термином обозначаются различные явления (вводные слова и конструкции, поисковые слова, слова-паразиты, континуаторы, коннекторы, а также выражающие колебание и нерешительность звуки – хезитативы)» (здесь и далее перевод наш – В.Б.) [Čechová 2020:17].

Авторы IX. главы⁶ «Синтаксиса разговорного чешского языка» [SMČ 2019: 244–351], посвященной описанию дискурсивных маркеров (далее ДМ), определяют их как «не имеющую четких границ группу слов, относящихся к разным частям речи и служащих для организации диалога», и на основании трех критериев – отношение к слушателю, отношение к содержанию высказывания, организация структуры высказывания – выделяют три базовые категории ДМ:

1. интерактивные (interakční);
2. модальные (modální);

⁴ Известно, что в процессе продуцирования высказывания говорящий пользуется наряду с долговременной и оперативной памятью так же кратковременной и промежуточной, и в определенных случаях человеку может потребоваться некоторое время на поиск (восстановление) формулировки, ушедшей из кратковременной памяти. Следовательно, предоставление этого времени можно считать общей функцией.

⁵ Далее будет использоваться сокращение SMČ с указанием года издания и страниц.

⁶ A. Čermáková, L. Jílková, Z. Komrsková, M. Kopřivová, P. Poukarová.

3. коннективные ДМ⁷ (konektivní).

Следует отметить, что из-за разнородности объединяемых в одну группу коммуникативных единиц классификация ДМ значительно затруднена и может основываться на разных принципах (Ср. функциональная классификация Шиффрин⁸ [Shiffrin 1987] и типология Фрейзера⁹ [Fraser 1999]), вплоть до предложения выделить ДМ в отдельную часть речи на основе выполняемых ими прагматических функций [Бергельсон 2007].

Для того чтобы более точно очертить область нашего исследовательского интереса, необходимо рассматривать систему дискурсивных единиц, опираясь на их прагматические функции, отделяя при этом синсемантические части речи от коммуникативных клише и частично или полностью десемантизированных слов, традиционно относящихся к знаменательным частям речи, но по своим прагматическим функциям сближающихся со служебными. Из представленной в СМČ [2019: 261] таблицы были отобраны следующие ДМ: *ale, ano, emm, hej, hele, hezitace, hmm, jako, jo, ne, no, protože, tak, vid'*.

«В обиходном дискурсе незнаменательные слова могут выполнять разнообразные прагматические функции, которые для слова могут быть основными (или первичными), дополнительными - вторичными, т.е. характерными для определенных контекстов, либо они являются дополнительными – окказиональными, в этом случае они накладываются на основные, обогащая содержание лексической единицы» [Бабаева 2008: 14]. Поскольку основными прагматическими функциями лексических единиц разговорного дискурса являются: а) участие в структури-

⁷ Специально не используется термин «коннекторы», поскольку он употребляется в более широком значении – «Этот термин обычно понимается очень широко и включает помимо дискурсивных маркеров другие соединительные элементы (союзы, относительные местоимения и наречия, частицы)» (*перевод наш – В.Б.*) [СМČ 2019: 247].

⁸ Основная функция дискурсивных маркеров – обеспечение когезии текста: «дискурсивные маркеры не создают, но показывают отношения между сегментами дискурса» [Shiffrin 1987: 57], поэтому помимо выделения основных типов ДМ (соединительные, восклицательные, наречные, лексические фразы – вводные предложения) Д. Шиффрин предлагает дискурсивную модель планов, включающую пять составляющих (пропозициональная структура; структура действий (речевые акты); структура чередования; структура участников; информационное состояние), поскольку дискурсивные маркеры могут действовать на разных уровнях дискурса, соединяя высказывания либо на одном плане, либо на различных планах одновременно.

⁹ По Фрейзеру, задача прагматических маркеров – показать, как одно высказывание связано с другим, поэтому выделяются базовые маркеры (тип речевого акта; перформативы; «прагматические идиомы»); комментирующие маркеры (оценка; маркеры очевидности / возможности; источник информации; смягчение); параллельные маркеры (обращение; маркеры солидарности; маркеры недовольства и т.д.); дискурсивные маркеры (маркеры смены темы; маркеры противопоставления; маркеры детализации, уточнения; маркеры вывода) [Fraser 1996: 167–175].

ровании, организации дискурса; б) передача эмоциональности; в) выражение субъективного отношения, то среди синсемантических частей речи выделяются слова с первичными прагматическими функциями (междометия и частицы), вторичными / дополнительными прагматическими функциями (союзы) и окказиональными / дополнительными прагматическими функциями (предлоги). Следует отметить, что описание роли синсемантических частей речи в формировании прагматического аспекта чешского разговорного дискурса осложняется неоднозначным определением частеречной принадлежности отдельных слов: «В этой главе на первый план выходят обоснованные убеждения авторов о переходных процессах, неопределенности границ и сложности определения и разграничения изучаемых ими явлений» [Šechová 2020:17]. Тем не менее, мы попытаемся рассмотреть функционирование чешских ДМ, основываясь на типологии служебных частей речи с точки зрения выполнения прагматических функций в разговорном дискурсе¹⁰.

Основной характеристикой разговорной речи является процессуальность, т. е. развертывание высказывания во времени, определяющее речевую активность участников коммуникации (вступление в диалог, чередование реплик, прерывание партнера, окончание высказывания, выход из диалога), поэтому особую важность приобретает понимание перспективы высказывания (*projektivita*) – «Для участников диалога важно не только ясно выражать свои мысли с точки зрения формы и содержания, но и обозначать фазу диалога, в которой они находятся в данный момент» [SMČ 2019: 62]. Поскольку при продукции устного текста говорящий сосредоточен на сообщаемой им информации, а формулирование законченного высказывания не является конечной целью (т.к. неизвестно, когда эта информация будет уже достаточно раскрыта и понятна слушающему), для беспроблемной коммуникации необходимо точное установление момента изменения перспективы высказыва-

¹⁰ Класс *междометий* призван быть показателем эмоциональности обиходного дискурса. Междометия являются прежде всего маркерами состояний, средствами манифестации эмоций. Основное назначение модальных *частец* – вербализация субъективно-модального аспекта обиходного дискурса; специальные диалогические частицы вносят вклад в формирование структуры и организации дискурса, обеспечивая тем самым речевое взаимодействие коммуникантов; для названных классов выполнение соответствующих указанных прагматических функций является категориальным признаком, на основе которого они объединяются в функциональные классы. Для *союзов* и *предлогов* прагматические функции (делimitация речи и создание динамичности повествования, сигналы обратной связи и др.) не являются основными. Слова, относящиеся к классу союзов, в обиходном дискурсе могут быть конструирующими элементами устойчивых сочетаний, которые служат для передачи прагматической информации; употребление предлогов в определенных условиях может быть маркером коллоквиальности, свидетельствовать о неформальности общения [Бабаева 2008].

ния, «т.е. de facto момента, когда может произойти плавная смена ролей (говорящий – слушающий). Эти моменты, естественно, не определены заранее, поскольку формируются только в интерактивном режиме во время разговора» [SMČ 2019: 27]. Устный текст можно сегментировать тремя способами: на звуковые отрезки с нисходящей или восходящей каденцией¹¹; на отдельные синтаксические конструкции, пределы между которыми иногда усилены интонационно¹²; на отрывки текста, связанные содержательной и прагматической целостностью и относительной синтаксической независимостью¹³. Сегменты разных типов членения могут совпадать, усиливая возникающий на стыке единиц членения потенциальный предел, и не совпадать (или совпадать частично). При этом ДМ могут заполнять практически все потенциальные пределы, возникающие между любыми видами сегментов речи, и выполнять различные функции. Синсемантические части речи используются в качестве интерактивных и коннективных ДМ:

INTERAKČNÍ		
Kontaktové	iniciační	<i>hej, hele, tak</i>
	terminální	<i>vid'</i>
Responzní	<i>ano, emm, hmm, jo, ne, no, hej</i>	
MODÁLNÍ		
KONEKTIVNÍ	<i>ale, hezitace jako, protože, hej, hele</i>	

Интерактивные ДМ используются говорящим для выражения определенного отношения к партнеру по коммуникации, помогая устанавливать и поддерживать контакт (*kontaktové DM*), а также давать «обратную связь» (*responzní DM*), демонстрируя внимание и согласие/несогласие с содержанием высказывания. При этом в зависимости от позиции в начале (*iniciační DM*) или конце реплики (*terminální DM*) они служат как сигналы:

- привлечения внимания;
- желания вступить в диалог или сменить тему;

¹¹ Несовпадение звуковой сегментации устных и письменных текстов связано с принципом постепенной реализации устной речи: говорящий сам точно не знает, когда сообщаемая им информация будет уже достаточно раскрыта и понятна слушающему, что позволит закончить этот речевой отрывок.

¹² Поскольку в процессе спонтанной устной речи не всегда представляется возможным идентифицировать отдельные предложения, логичнее на основе синтаксических отношений между лексическими единицами описать устный текст как последовательность синтаксических конструкций, имеющих главный член – предикат и второстепенные члены, зависящие от него синтаксически и по смыслу (валентные и факультативные).

¹³ В тексте принято выделять основную и второстепенную темы коммуникации. Отрывок речи, в котором обсуждается одна тема, называется тематическим блоком и является единицей содержательно-прагматического членения текста [Müllerová 1994].

- побуждения слушателя к ответной реакции;
- окончания высказывания;
- активного слушания¹⁴.

Коннективные ДМ предназначены для связи отдельных частей диалога, обеспечивая его целостность и помогая ориентироваться в логике высказывания. В эту группу наряду с традиционными соединительными словами были включены эксплетивы¹⁵ и хезитативы¹⁶, служащие для создания эффекта непрерывной речи. К прагматическим функциям коннективных ДМ относятся:

- выражение несогласия с утверждением партнера;
- подчеркивание несоответствия ожиданий и реальности;
- прерывание реплики собеседника;
- проявление эмоционального отношения к содержанию высказывания (удивление);
- уточнение информации;
- стремление продолжить свою реплику;
- «заполнение паузы» в момент поиска подходящей формулировки¹⁷.

Рассматривая ДМ как систему функциональных средств, участвующих в формировании прагматического аспекта чешского разговорного дискурса, следует отметить, что «прагматические функции служебных слов входят в зону диффузности частей речи и определяют гибридный характер слов в повседневной речи» [Бабаева 2008: 7]. Так, в Академическом словаре современного чешского языка [<https://slovníkcestiny.cz/>] *ale* описывается как союз, частица и междометие¹⁸, но в роли ДМ выступает как единица с ослабленным коннектив-

¹⁴ «Континуаторы, т.е. короткие ответные звуки, такие как *hm, jo jo, aha*, являются важным сигналом, что слушающий понимает говорящего, не имеет возражений и не собирается его прерывать» [SMĚ 2019: 335].

¹⁵ «Некоторые семантически пустые выражения выполняют ту же функцию, что и хезитативы – в риторике такие слова называются эксплетивами или словами-паразитами» [SMĚ 2019: 247].

¹⁶ «Хезитативы – это в основном те самые знакомые долгие гласные звуки неопределенного качества, которые говорящий вставляет в речь, когда не знает, как продолжить, и чувствует, что молчание было бы худшим решением» [SMĚ 2019: 335].

¹⁷ Важной особенностью реальной коммуникации является то, что и ее форма, и ее содержание имеют элементы непредсказуемости, случайности, поэтому успешность и результат коммуникации, как правило, имеет вероятностный характер. Партнеры постоянно осуществляют вероятностное прогнозирование намерений друг друга и, оценивая ход коммуникации, в случае необходимости меняют тактику. Коммуникант продуцирует высказывание непосредственно в момент речи, поэтому он часто бывает вынужден изменить ранее выбранную и уже начатую синтаксическую линию текста или «перескочить» с одной конструкции на другую, что приводит к необходимости использовать средства для автокоррекции.

¹⁸ *ale* I [ʔale] spojka I. spojka souřadící odporovací spojuje větné členy nebo věty, které si významově odporují...

ным значением, выражающая несогласие с утверждением партнера или несоответствие ожиданий и реальности, что позволяет говорить о модальной функции; в позиции в начале реплики выполняет функцию структурирующую или уточняющую, а также может использоваться в качестве эксплетива – «в этом случае функция сводится к сигнализации желания говорящего удержать слово и продолжить реплику» [SMČ 2019: 316]. Примером полифункциональности может служить также междометие *hej*, которое в роли ДМ не только является сигналом членения реплики, смены темы или говорящего, но и используется как показатель «активного слушания».

Особое место в группе синсемантических частей речи занимают предлоги и союзы, поскольку их прагматическая функция в разговорном дискурсе связана с перспективой высказывания, и наличие нереализованной валентности предлога может стать маркером неформальности – «Предлоги в чешском языке редко стоят в постпозиции или сами по себе, например, они могут завершать высказывание, когда очевидно, что должно следовать за предлогом; например, бармен: *с или без?* / клиент: *с* / бармен наливает бокал пива и добавляет рюмку водки» [SMČ 2019: 37], а «союзы могут использоваться при членении реплики так, чтобы говорящий получил «функциональную паузу» для обдумывания продолжения высказывания» [SMČ 2019: 38].

Исследование синсемантических частей речи как маркеров чешского разговорного дискурса было направлено на рассмотрение их прагматических функций, что привело к расширению понятия полифункциональности служебных слов за счет прагматического аспекта и признанию размытости границ между отдельными группами ДМ – «В группу коннективных ДМ вошли выражения, которые в основном используются для связности лексем внутри реплики или высказывания. Границы между различными группами ДМ, конечно, весьма расплывчаты; наше исследование подтвердило, что ДМ являются полифункциональными и что их функции часто невозможно отделить друг от друга» [SMČ 2019: 351].

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение региональных вариантов использования ДМ и их функциональных соответствий.¹⁹ Изучение функционирования ДМ представляет интерес не только теоретический (репертуар, систематизация и классификация ДМ в сопостави-

ale II [ʔale] částice 1. zdůrazňuje citový postoj mluvčího k situaci... ale III [ʔale] citoslovce
ále [ʔa:le] citoslovce 1. zvolání vyjadřující údiv, překvapení...
[https://slovníkcestiny.cz/heslo/ale/3/9013].

¹⁹ «Использование некоторых выражений ограничено регионально (ср. ДМ «обратной связи» *vid*, встречающийся в Чехии, и *hej*, характерный для Моравии, который не выступает как средство выражения «обратной связи» в Чехии, выполняя там другие функции» [SMČ 2019: 351].

тельном аспекте на материале славянских и других языков), но также переводческий²⁰ и лингводидактический²¹.

Литература / References

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1990. 688 с.
2. Бабаева Р.И. Незнаменательная лексика в немецком обиходном дискурсе (прагматический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04/ Раиса Ивановна Бабаева. М., 2008. 42 с.
3. Бергельсон М.Б. Прагматическая и социокультурная мотивированность языковой формы. М.: Университетская книга. 2007. 320 с.
4. Изотов А.И. Литературный чешский язык и обиходно-разговорное койне // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2008. Вып. 36. С. 64–69.
5. Нецименко Г.П. Языковая ситуация в славянских странах: Опыт описания. Анализ концепций. М.: Наука, 2003. 279 с.
6. Широкова А. Г. Сопоставительное изучение синсемантических частей речи // Научные доклады филологического факультета МГУ. Вып. 3. К XII Международному съезду славистов в Кракове. М., 1998. С. 133–148.
7. Шустова С.В., Царенко Н.М. Дискурсивные маркеры как средство формирования прагмалингвистической компетенции. [Электронный ресурс.] URL: <http://rllinguistics.ru/journal/article/1435/> Дата последнего обращения 27.10.2023.
8. Čechová M. Komplexní jazykové rozbor. Praha: SPN, 1992. 325 s.
9. Čechová M. Jana Hoffmannová, Jiří Homoláč, Kamila Mrázková (Eds.) (2019): Syntax mluvené češtiny. Praha: Academia // Nová čeština doma a ve světě 1/2020. S. 13–18.
10. Fraser B. Pragmatic markers / B. Fraser // Pragmatics. 1996. № 6 (2). P. 167–190.
11. Hoffmannová J., Homoláč J., Mrázková K. (eds.) Syntax mluvené češtiny. Praha: Academia, 2019. 394 s.
12. Schiffrin D. Discourse Markers. [Электронный ресурс.] URL: https://assets.cambridge.org/97805213/57180/frontmatter/9780521357180_frontmatter.pdf Дата последнего обращение 27.10.2023.
13. Zimek R. Odráz emocionálnosti v sémantické a gramatické výstavbě výpovědi // Otázky slovanské syntaxe. IV/2, Sborník sympozia Aktualizační (pragmatické) složky výpovědi v slovanských jazycích, Brno 6.-9. září 1976. Grepl, Miroslav (Editor). Vyd. 1. V Brně: Univerzita J.E. Purkyně, 1980. S. 99–103.

²⁰ Перевод синсемантических частей речи предполагает реализацию концепции динамической эквивалентности, поскольку слова служебной семантики в большей степени призваны отражать те или иные отношения внеязыковой действительности, и особое значение приобретает точная передача прагматического значения (наряду с семантическими и стилистическими оттенками, проявляющими национальный узор сопоставляемых языков).

²¹ «Прагмалингвистическая компетенция рассматривается как способность самостоятельно устанавливать контакт, вступать в речевое общение, поддерживать его и завершать, соблюдая социальные нормы и речевой этикет носителей чужой культуры. Прагмалингвистическая компетенция включает знания о ресурсах языка для реализации определенных интенций с учетом контекста и речевых актов. Однако в процессе обучения ее часто игнорируют, что приводит к возникновению коммуникативных неудач» [URL: <http://rllinguistics.ru/journal/article/1435/>].

ЧЕШСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

Ж.Ж. Варбот

CZECH ETYMOLOGIES

Zh. Zh. Varbot

ABSTRACT:

Object of the paper is etymological analysis of two Czech words. (1) *plápoliště* ‘free area; haystack’ is interpreted as derivative of *plápolati* ‘burn’ with semantic evolution of the noun *‘scorched earth’ → ‘free area’ → *‘grassy scorched earth, haymaking’ → ‘haystack’. (2) *viziti* ‘torment’, *vízeti se* ‘perish’ is interpreted as cognate with Old-Czech. *súžiti* ‘press’, *vězěti* ‘be kept, be arrested’ and derivative of **vězti* ‘tie’.

Keywords: lexicon of Czech; semantics; etymology

АННОТАЦИЯ:

Предметом этимологического анализа в статье являются две чешские лексемы. (1) *plápoliště* ‘свободное пространство; стог, место стога’ толкуется как производное от *plápolati* ‘гореть, полыхать’ с семантическим развитием существительного *‘выжженное место, гарь’ → ‘свободное пространство’ → *‘поросшая травой гарь, покос’ → ‘стог, место стога’. (2) *viziti* ‘мучить’, *vízeti se* ‘гибнуть, чахнуть’ рассматривается как родственное со ст.-чеш. *súžiti* ‘стеснять’, *vězěti* ‘задерживаться, быть узником’ и производное от **vězti* ‘вязать’.

Ключевые слова: лексика чешского языка; семантика; этимология

Спецификой этимологических исследований в кругу других отраслей лингвистики является «штучный» по преимуществу объект анализа – слово, связанное, однако, своими структурными и семантическими характеристиками с различными языковыми системами (семантическими полями, словообразовательными цепями или моделями, паронимами и омонимами, синтаксическими конструкциями и т.п.), что было названо П. Гиро «морфосемантическим полем лексемы» [Guiraud 1956]. Степенью учета этих связей определяется надежность этимологического толкования и соответственно возвратность / возобновляемость / вариантность результатов исследования. Ниже предлагается пересмотр или дополнение этимологического исследования двух чешских лексем: *plápoliště* и *viziti* с опорой на некоторые ранее не учтенные исследовательскими структурно-семантические связи слов.

Чеш. *plápoliště* известно в двух значениях: диал. ходск. ‘свободное пространство’ [Hruška 1907: 66] и ‘стог, место стога’ [Kott II, 1878: 572]. В. Махек учитывал только первое значение и присоединил ходск. *plápoliště* к группе *tratoliště* (*latoviště*, *latoliště* и под.) с преимущественным значением ‘лужа крови’, предположив для всей группы исходное

mlákoviště* (от *mláka* ‘болото’), ссылаясь на многочисленность преобразований этого слова в диалектах [Machek 1997: 649]. Это толкование представляется малоубедительным, особенно при учете второго значения *plápoliště* ‘стог, место стога’. Иное объяснение происхождения *plápoliště* ‘свободное пространство’ предложил Ф. Травничек, включив это слово в словарную статью *plápol* рядом с *plápolati* ‘гореть, полыхать’ [Trávníček 1952: 1165]. *Plápolati* образовано удвоением корня **pol-* ‘гореть’: **polpolati*, так что для *plápoliště* в качестве исходного очевидно предполагается значение *‘выжженное место, гарь’, откуда далее ‘свободное пространство’. Осталось необъясненным значение ‘стог, место стога’. Появление этого значения может быть понято в семантических пределах того же глагольного гнезда **pel-* / **pol-* при обращении к известной истории славянского подсечного земледелия и ее отражению в русской диалектной лексике: пожарища как освобожденная от леса территория использовались славянами и для посевов, и для строительства, и как сенокосные угодья: см. родственные с чешским словом русск. диал. (коми) *nenelúxa* ‘покос в лесу на месте выжженного леса’ [Словарь русских народных говоров 25, 1990: 349], калин. *nenelúche* ‘место, где находится дом’ (там же), перм. *nlúšce* ‘расчищенное, выжженное для пашни место среди леса’ (там же 27, 1992: 143) и производное от синонимичного с **pel-*/pol-* корня **gor-* русск. *гарь* урал. ‘луг на выгоревшем участке леса’, перм. ‘сено с высокого места’ [Словарь русских народных говоров 6, 1970: 149]. Таким образом, реконструируется следующая семантическая история чеш. *plápoliště*: *‘выжженное место, гарь’ → ‘свободное пространство’ → *‘гарь, поросшая травой, покос’ → ‘стог, место стога’ (как место складирования скошенной травы, сена).

Чеш. *víziti* ‘мучить’ вместе с родственным и соотносительным по структуре *vízeti se* ‘гибнуть, исчезать; дряхлеть, чахнуть’ В. Махек истолковал, опираясь преимущественно на семантику, как производные глагольного гнезда **ved-* ‘вянуть’ [Machek 1997: 693]. Но синонимичное чеш. *soužiti* ‘мучить’ соотносено им с *sužovati* ‘ставить в затруднительное положение, стеснять’, так что определяется производность *soužiti* от **vez-*/**oz-* ‘вязать, узкий’ [Machek 1997: 568]. Очевидно, того же происхождения и *víziti* ‘мучить’ (<**veziti*) и *vízeti se* ‘гибнуть, исчезать; дряхлеть, чахнуть’ (<**vezěti se*). Ср. еще чеш. *vězet* ‘застрывать, торчать’ (<‘быть в заточении, узником’), восходящее к тому же **vez-* [Rejzek 2001: 709].

Литература / References

1. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. СПб–М.: «Наука». Вып. 6 (1970). С. 149. Вып. 25 (1990). С. 349; Вып. 27 (1992). С. 143.

2. *Guiraud P.* Les champs morpho-sémantiques (Critères externes et critères internes en étymologie // Bulletin de la Société de linguistique de Paris, 1956. 52. P. 265–288.
3. *Kott F. Št.* Česko-německý slovník, zvláště gramaticko-frazeologický. Praha, 1878. II. S. 572.
4. *Trávníček F.* Slovník jazyka českého. 4 vyd. Praha: Slovanské nakladatelství, 1952. 1801 s.
5. *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha: Nakladatelství «Lidové noviny», 1997. S. 568, 649, 693.
6. *Rejzek J.* Český etymologický slovník. Praha: Leda, 2001. S. 709.

СЛОВАЦКИЕ ФРЕКВЕНТАТИВНЫЕ НАРЕЧИЯ С ФОРМАНТОМ *-krát* ПО КОРПУСНЫМ ДАННЫМ

Д.Ю. Ващенко

SLOVAK FREQUENTATIVE ADVERBS WITH THE SUFFIX *-krát* ACCORDING TO CORPUS DATA

D.Yu. Vashchenko

ABSTRACT:

The article analyzes the Slovak temporal frequentative adverbs with the suffix *-krát*: *viackrát*, *mnohokrát*, *veľakrát* and *častokrát*. The first part examines the frequency of these adverbs in the Slovak National Corpus focused on literary usage: both in the general composition of the corpus and in individual functional styles, as well as in texts created before 1955; as well as in the corpus Araneum Slovacum Beta Pentaplex II Majus, based on Internet texts and reflecting colloquial usage. The following data are given on the frequency of synonymous variants with the formant *-rát* in these cases in their ratio to adverbs with *-krát*. In addition, in terms of frequency, cases of combined/ separate spelling of formants *-krát* / *-rát* are distinguished. It is shown that *mnohokrát* dominates the artistic style of the literary language, as well as in older texts; in modern language there is a tendency to some expansion of *veľakrát* and *častokrát*. Variants with the formant *-rát* are not widely used. In the second part of the article there are considered the Czech equivalents of these Slovak adverbs. The materials of the parallel Slovak-Czech corpus, which is part of the Slovak National Corpus, are used, while translations from Slovak to Czech are analyzed separately, and from Czech to Slovak separately. It was revealed that, firstly, the adverbs in the two languages, despite their significant formal proximity, are not always equivalent in semantic volume, and secondly, Slovak translators often strive to push away as much as possible from the formal similarity of Slovak and Czech adverbs.

Keywords: adverbs; korpus linguistics; variability; synonymy; semantics.

АННОТАЦИЯ:

В статье анализируются словацкие темпоральные фреквентативные наречия с формантом *-krát*: *viackrát*, *mnohokrát*, *veľakrát* и *častokrát*. В первой части рассматривается частотность данных наречий в Словацком национальном корпусе, ориентированном на литературный узус: как в общем составе корпуса, так и в отдельных функциональных стилях, а также в текстах, созданных до 1955 г.; а также в корпусе Araneum Slovacum Beta Pentaplex II Majus, основанном на интернет-текстах и отражающем разговорный узус. Далее приводятся данные по частотности синонимичных вариантов с формантом *-rát* в указанных корпусах в их соотношении с адвербами с *-krát*. Кроме того, в плане частотности разграничиваются случаи слитного / отдельного написания формантов *-krát* / *-rát*. Показано, что *mnohokrát* доминирует в художественном стиле литературного языка, а также в старших текстах; в современном языке есть тенденция к некоторой экспансии *veľakrát* и *častokrát*. Варианты с формантом *-rát* являются малоупотребительными.

Во второй части статьи рассматриваются чешские эквиваленты указанных словацких наречий. Используются материалы параллельного словацко-чешского корпуса, входящего в Словацкий национальный корпус, при этом отдельно анализируются переводы со словацкого на чешский, отдельно – с чешского на словацкий. Выявлено, что, во-первых, наречия в двух языках, несмотря на значительную формальную близость, не всегда равнозначны по семантическому объему, во-вторых, словацкие переводчики часто стремятся максимально оттолкнуться от формального сходства словацких и чешских адвербов.

Ключевые слова: наречия; корпусная лингвистика; вариативность; синонимия; семантика.

Предметом рассмотрения в статье будут являться словацкие наречия, относящиеся к семантической группе с общим значением «часто», которое предполагает повторяемость ситуации, при этом число подобных повторений представляется говорящему высоким.

В словацком языке, согласно данным толковых и синонимических словарей, относятся следующие лексемы, частотность которых мы приводим согласно её убыванию в Национальном корпусе словацкого языка (Slovenský národný korpus, далее SNK¹): *často* насчитывает 514 790 вхождений (312,08 на миллион), *neraz* – 63 807 (38,68 на миллион), у *viackrát* будет 43 153 вхождений (26,16 на миллион), у *mnohokrát* 16 333 (9,90 на миллион), у *veľakrát* 13 851 (8,40 на миллион), и у *častokrát* 9 964 (6,04 на миллион).

Для сравнения приведем здесь также частотность словацких фреквентативных наречий в корпусе Araneum Slovacum Majus (далее AS)², который по объему сопоставим с SNK, однако базируется на текстах из интернета и соответственно отражает не литературный, а обиходно-разговорный узус. В данном случае *často* представлено 541 348 вхождениями (433,10 на миллион), у *neraz* 31 123 вхождений (24,90 на миллион), у *viackrát* представлено 26 409 (21,10 на миллион), у *mnohokrát* 19 776 (15,80 на миллион), у *veľakrát* 15 679 (12,50 на миллион), наконец, у *častokrát* 17 671 (14,10 на миллион).

В словацких толковых и синонимических словарях³ фреквентативные наречия, как правило, говорится о синонимии наречий группы

¹ Slovenský národný korpus – prim-10.0-public-sane. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV 2020. [Электронный документ.] URL: <http://korpus.juls.savba.sk>. Дата последнего обращения 22.12.2023.

² Корпусы доступны по адресу: [Электронный документ.] URL: <http://unesco.uniba.sk/aranea/>. Дата последнего обращения 22.12.2023. Подробнее о корпусах группы Aranea см. [Benko 2014].

³ Здесь мы приводим данных трех основных словарей: *Krátky slovník slovenského jazyka* (далее KSSJ), который единственный из всех словацких лексикографических изданий имеет кодификационный статус; *Slovník súčasného slovenského jazyka* (далее SSSJ),

«часто». Так, в KSSJ толкование *často* вводится через лексемы *veľa ráz* и *mnohokrát*. «Словарь современного словацкого языка» выделяет два значения для *často*: «1. многократное повторение (нерегулярное), в обильном количестве, частотно... 2. во многих случаях, нередко». В SSS указано следующее: «*často* выражает (нерегулярную) повторяемость действия, состояния и т. д., встречающуюся в большом количестве...». Для *neraz* в KSSJ приводятся синонимы *nie raz*, *často*, *veľa ráz*. SSSJ выделяет у данного наречия два значения: «*neraz*... 1. в относительно интенсивной, регулярной частотности ... 2. повторение в различных интервалах...». В толковании для *neraz* в [SSS] указываются только его синонимы: *často* и *veľakrát*.

Наречие *mnohokrát* в KSSJ вводится через синонимы «*mnohokrát*... *veľa ráz*, *veľakrát*», *viackrát* – через *niekoľkokrát*, *niekoľko ráz*, а вот для *veľakrát* уже приводится более развернутое толкование: «*veľakrát*... во многих случаях, *mnoho ráz*, *mnohokrát*»⁴. В SSSJ для *mnohokrát* постулируются два значения, указано, что данное наречие: «1. Выражает кратность действия, состояния, признака в большом численно не определенном количестве... 2. Близко по значению к наречиям *v mnohých prípadoch*, *neraz*, *často*»⁵. У *mnohokrát* в [SSS] выделяются два значения, в то время как у *veľakrát* и *viackrát* – только одно: «*mnohokrát* 1. р. *veľakrát*, *viackrát* 1, *často* 2. р. *oveľa* (намного)»; «*veľakrát* выражает кратность в большом количестве, повторение в большом количестве, во многих случаях»; «*viackrát* выражает неопределенную кратность действия, состояния; выражает повторяемость действия, состояния в неопределенном количестве случаев». Для *viackrát* мы видим следующие толкования. KSSJ выделяет у лексемы два значения: «1. больше, несколько раз; 2. больше, уже». SSS дает для наречия следующее определение: «*viackrát*... выражает *kra vyjadruje násobenosť deja, stavu neurčitém počtom; vyjadruje opakovanosť deja, stavu v neurčitom počte prípadov* 2. 2. р. *viac* 3 *Častokrát*, согласно SSSJ, имеет два значения, фреквентативное и экзистенциальное, ср. толкование: «1. много раз... 2. во многих случаях, иногда... В SSS наречие вводится через синонимы *mnohokrát*, *často*, *veľa ráz*, *veľakrát*.

которое на данный момент является наиболее полным толковым словарём словацкого языка: при этом словарь находится в процессе разработки, поэтому часть лексем по понятным причинам будут нами в данном случае не охвачены; и *Synonymický slovník slovenčiny* (далее SSS), который часто содержит очень точные толкования интересующих нас лексем.

⁴ Здесь и далее переводы принадлежат автору статьи.

⁵ Наречия *veľakrát*, *viackrát* в SSSJ пока что не представлены: соответствующий том находится в процессе подготовки.

В данном случае будут рассмотрены четыре словацких темпорально-фреквентативных наречия с формантом *-krát*: *mnohokrát*, *veľakrát*, *viackrát* и *častokrát* – мы сосредоточимся на функционально-стилистических аспектах их употребления, а также на проблеме эквивалентности данных наречий с фреквентативными чешскими наречиями с формантом *-krát*.

Основными критериями рассмотрения будут являться следующие:

1. Абсолютная частотность наречий в Словацком национальном корпусе, причём как во всём корпусе, так и в его отдельных подкорпусах: употребление в текстах соответственно художественного, публицистического, научного стиля; в художественных оригинальных словацких текстах. Нас также будет интересовать частотность случаев отдельного написания форманта кратности. Здесь же мы приведём частотность наречий с формантом *-krát* в текстах SNK, датированных до 1955 года. Развёрнутый комментарий мы в данном случае давать не будем ввиду сильной ограниченности объема подкорпуса. Кроме того, будет рассмотрена встречаемость наречий в корпусах семейства Araneum, которые базируются на интернет-текстах, и в большей степени, нежели SNK, ориентированы на разговорный узус. В этом же разделе мы кратко рассмотрим употребительность в SNK и в Araneum Slovacum синонимичных фреквентативных наречий с формантом *-rát*.

2. Чешские корреляты *mnohokrát*, *veľakrát*, *viackrát* и *častokrát*: в данном случае мы базируемся на материалах параллельного словацко-чешского корпуса, входящего в SNK.

1. Частотность фреквентативных наречий в Словацком национальном корпусе (Slovenský národný korpus, далее SNK).

В общем корпусе (версия prim. 10.00 public-sane) встречаемость данных адвербов будет следующей: *mnohokrát* 16 333 вхождений, *veľakrát* 13 851, *viackrát* 43 153, *častokrát* 9 964. Мы видим, что наиболее частотным здесь является *viackrát*, примерно в 3,5 раза реже встречается *mnohokrát*, еще реже при соотношении того же порядка – *veľakrát*, и в 4,5 раза менее частотно *častokrát*. При этом те же самые наречия с отдельным написанием частицы кратности имеют в prim. 10.00 public-sane следующую частотность: *mnoho krát* 246 вхождений (соотношение со слитным написанием (1:66), *veľa krát* – 556 (1:24), *viac krát* 555 (1:77), *často krát* 1 376 (1:7,2). Частица чаще всего пишется раздельно у *častokrát*, кроме того, соотношение слитного / отдельного написания является высоким сравнительно двух оставшихся наречий у *veľakrát*.

Теперь рассмотрим статистические данные для наречий с формантом *-krát*, в подкорпусах SNK, представляющих различные функциональные стили словацкого языка. Так, в художественных текстах (подкорпус prim. 10.00 public-img) частотность будет следующей: *mnohokrát* 1558 вхождений, *veľakrát* 1338, *viackrát* 3220, *častokrát* 261, в том числе в оригинальных словацких текстах: *mnohokrát* 1008 вхождений, *veľakrát* 573, *viackrát* 1488, *častokrát* 179. Мы видим, что в художественных текстах сильно снижается частотность *viackrát*, и при этом в собственно словацких текстах встречаемость *mnohokrát* примерно в 2 раза превышает *veľakrát*, при том, что в основном корпусе данные показатели являются сопоставимыми. В публицистике, которая составляет 2/3 от общего объема SNK (подкорпус prim. 10.00 public-inf), соотношение наречий в плане частотности сопоставимо с общими показателями по Корпусу: *mnohokrát* 11 449 вхождений, *veľakrát* 10 980, *viackrát* 36 039, *častokrát* 7614. Наконец, в специальной литературе (научный стиль, подкорпус prim. 10.00 public-prf) все четыре наречия демонстрируют частотность приблизительно одного порядка, ср.: *mnohokrát* 2 950 вхождений, *veľakrát* 1 376, *viackrát* 3 571, *častokrát* 2 011. Употребление фреквентативных наречий с формантом *-krát* в текстах SNK, относящихся к периоду 1843-1955 гг. (подкорпус r1843az1954-1.0) демонстрируют минимальную встречаемость наречия *veľakrát*, которое появляется только у Й.Г. Тайовского в сборнике «Prvé prózy» («Первые прозы»), написанном в 1896 г.

Сходные фреквентативы с формантом *-rát* демонстрируют на корпусном материале следующую картину – здесь мы приводим лишь данные из основного корпуса SNK; из текстов SNK, датированных периодом 1844-1955 гг., а также из Araneum Slovacum Majus, который по объему сопоставим с основным корпусом SNK.

В общем корпусе SNK (10.00 public-sane) наречия со слитным написанием частицы малочастотны – так, *mnohoráz* насчитывает 26 вхождений, *veľaráz* 10, *viacráz* 21, *častoráz* не представлено вообще. С отделяемой частицей картина несколько иная – *mnoho ráz* имеет те же 1483 вхождения, малочастотно *často ráz* с 10 вхождениями, а вот *veľa ráz* и *viac ráz* демонстрируют большую частотность – 3 125 и 4 271 вхождений соответственно. Формы *veľa ráz* и *viac ráz* при этом чаще всего проявляются в художественных текстах, переведенных на словацкий язык.

В корпусе текстов, созданных до 1955 года, тенденции несколько иные – употребительным является *mnohoráz*, которое насчитывает 296 вхождений. Остальные три наречия употребляются редко / не употреб-

ляются: *veľaráz* 4 вхождения (авторы), *viacráz* 12, *častoráz* 0. Вариант с раздельным написанием в данном случае превалирует в случае *viac ráz* (469 вхождений); остальные наречия имеют встречаемость: *mnoho ráz* 22 вхождения, *veľa ráz* – 89, *často ráz* – 2.

В *Araneum Slovacum Majus* частотность наречий с формантом *-ráz* во многом сходна, с той, что представлена в текстах SNK до 1955 года. Точно так же наиболее частотно здесь *mnohoráz*, которое имеет 509 вхождений; встречаемость остальных следующая: *veľaráz* 17 вхождений, *viacráz* 15, *častoráz* 8. Отделяется частица чаще всего у *viac ráz* – 815 вхождений; также у *veľa ráz* – 567 вхождений, сравнительно редко это происходит у *mnoho ráz* с 52 вхождениями, и у *často ráz* с 6 вхождениями.

Мы видим здесь несколько основных тенденций. Так, в публицистических текстах *mnohokrát* / *veľakrát* сопоставимы в плане встречаемости, а *viackrát* частотнее их примерно в 3 раза. При этом в оригинальных словацких художественных текстах *mnohokrát* в 2 раза частотнее *veľakrát* и сопоставимо в этом плане с *viackrát*. При этом в текстах до 1955 года мы находим только *mnohokrát*, но не *veľakrát*. Частица отдельно чаще пишется у *častokrát* и *veľakrát*. В ориентированном на разговорный узус *Araneum Slovacum* все четыре наречия сопоставимы по частотности, однако частица чаще отделяется у *veľakrát*.

Наречия с *-ráz* в обоих корпусах демонстрируют гораздо меньшую встречаемость, нежели соответствующие варианты с *-krát*. Так, соотношение *mnohokrát* / *mnohoráz* (*mnoho ráz*) в SNK выглядит как 628:1, в AS оно равно 1: 39 (1: 380). *Veľakrát* / *veľaráz* (*veľa ráz*) имеют следующее соотношение: SNK 1: 1385 (1: 4,4), AS 1: 922 (1: 27,6). Соответственно у *viackrát* / *viacráz* оно является в SNK 1: 2054 (1: 92) и в AS 1: 1760 (1: 32,4). Наконец, *častokrát* / *častoráz* соотносятся следующим образом: SNK 1: 996, AS 1: 2208 (1: 2945)

2. Далее будут проанализированы данные параллельного словацко-чешского и чешско-словацкого корпусов. При этом, ввиду значительной формальной близости лексем в двух языках⁶, мы брали не общую выборку соответствий, в которую также входят переводы с некоторых иных языков на чешский и словацкий, а лишь переводы с чешского на словацкий и со словацкого на чешский, которые мы рассматриваем отдельно.

⁶ Дивергенции чешских и словацких лексем в интересующем нас аспекте посвящены исследования К.В. Лифанова [Lifanov 2017], также [Лифанов 2018], [Лифанов 2023] и многие другие. Из словацких работ назовем здесь [Buzássyová 1993], [Nábělková 2008], [Sokolová 1995] и др.

2.1. *Mnohokrát* в переводах с чешского на словацкий имеет 61 вхождение в корпус, вариант *mnohokráte* – 7 вхождений. В данном случае из них полный словацкий коррелят *mnohokrát* является переводным эквивалентом 10 раз, при этом в примерах наречие, как правило, появляется в контексте плана прошедшего в высказывании (ср. примеры 1–4).

(1) *Mnohokrát* mě samozřejmě napadlo, jak se ona hájila sama před sebou. / *Mnohokrát* mi, samozrejme, napadlo, ako sa ona sama hájila pred sebou. / Конечно, я **много раз** вспоминал, как она защищалась сама от себя.

(2) Už *mnohokrát* jsem jí hleděl v tvář. / Už *mnohokrát* som jej hľadel do tváre. / Я уже много раз смотрел ей в лицо.

(3) Bylo vidět, že už o tom doma hodně přemýšlel a že *mnohokrát* svůj nápad překresloval na papír. / Bolo vidno, že už o tom doma veľa premýšľal a že *mnohokrát* svoju predstavu prekresľoval na papier. / Было видно, что дома он об этом много размышлял и свои соображения **неоднократно** выражал на бумаге.

(4) Ale měl ještě *mnohokráte* lomití rukama nešťastný vězeň. / Ale ešte mal *mnoho ráz* nešťastný väzeň zalamovať rukami. / Еще **не один раз** приходилось несчастному узнику заламывать руки.

Вариант *mnoho ráz* встретился нам всего 4 раза, *veľakrát* – 2 раза, в качестве иллюстрации приведем здесь два полнотекстовых примера (5, 6).

(5) ... ale od naší první návštěvy již *mnohokrát* slunce zapadalo, takže jsem již poznal, jací jste, zda špatní či dobří. / Od poslednej návštevy nad nami *mnoho ráz* zapadlo slnko a mal som možnosť poznať, akí ste, či zlí a či dobří. / С нашей последней встречи над нами **много раз** заходило солнце и у меня была возможность узнать, каковы вы, хорошие или дурные.

(6) Vše to viděli už *mnohokrát*. / Všetko toto videli už *veľakrát*. Все это вы видели уже **много раз**.

Основным соответствием в данном случае является вариант *veľa ráz*, который соответствует чешскому наречию в 37 случаях. Здесь представлены разные контексты, в том числе уже упомянутое употребление в прошедшем времени (7), другой возможностью является употребление наречия при спецификации частотности с конструкцией вида «много раз в день» (8), или с дальнейшим уточнением количества (9).

(7) Už jsem na to *mnohokrát* myslel... / Už som na to *veľa ráz* myslel... / Я уже **много раз** об этом думал.

(8) Upozorňování na nebezpečí náletu přicházelo *mnohokrát* denně a lidé se stali otrlími. / Upozornenia na nebezpečenstvo náletu počúvali *veľa ráz* za deň a stali sa apatickými. / Предупреждения об угрозе налёта они слышали *no mnoho raz* в день и в итоге перестали их воспринимать.

(9) *Mnohokrát* ho policie dopadla, *desekrát patnákrát* stál před soudem, ale *vždycky* byl pro nedostatek důkazů osvobozen. / Polícia ho *veľa ráz* chytla, *desať — pätnásť ráz* stál pred súdom, ale *vždy* ho pre nedostatok dôkazov oslobodili. / Полиция *много раз* арестовывала его, *десять-пятнадцать раз* он предстал перед судом, но *всегда* был отпущен за недостаточностью улик.

Takže provedem zdeš primery, kôdã v ešeskom originale upotrebuje sa väčšie jednoho temporalného narечия. V (10) v dvoch častiach složného upotrebeno *mnohokrát*, ktoré oboja rãza prekladã sa slovačkim *veľa ráz*, pri tomto reč je ide o jednotipných dejstviah. V (11) prvé dejstvo je javã fixovateľným izvne (rodilã), druhé nosit subjektívny charakter (strãdaet), v ešeskom jazyke oboja markirovãny ešez *mnohokrát*, v slovačkom jazyke «vnešneš» dejstvo označeno ešez *veľa ráz*, a «subjektívne» – posredstvom *často*.

(10) *Mnohokrát* se v italském tiskú objevily články, odhalující tajné machinace vatikánských bankéřů, *mnohokrát* byli obviněni z podvodu a daňového úniku, prokazatelně spekulují s pozemky. / *Veľa ráz* sa v talianskej tlači uverejnili články, odhaľujúce tajné machinácie vatikánskych bankárov, *veľa ráz* ich obvinili z podvodu a daňového úniku, dokázateľne špekulujú s pozemkami... / *Mного раз* в итальянской печати появлялись статьи, разоблачавшие махинации банкиров из Ватикана, *много раз* их обвиняли в подлоге и укрытии от налогов, и также достоверно в спекуляциях с участками земли.

(11) Je třeba se *mnohokrát* narodit a *mnohokrát* trpět, aby se člověk stal králem a pánem Posvátných. / Človek sa musí *veľa ráz* narodiť a *často* trpieť, aby sa stal kráľom a pánom Posvátných. / Человек должен *много раз* родиться и *много* страдать, чтобы стать королём и господином Посвященных.

Druhimi ekvivalentami ešeskeho *mnohokrát* môžu javã narечия *niekoľkonásobne*, *mnohonásobne*, *niekoľkokrát*, *viackrát*, *častokrát*, *neraz* a *často*. Vše oni v materiãloch paralelného korpusu malofrekvency, provedem zdeš len niektoré primery.

(12) *Mnohokrát* silnější Terrazasovo vojsko využilo této příhodné chvíle a udeřilo na Victoriův tábor... / *Niekoľkonásobne* silnejšie Terrazasovo vojsko využilo túto vhodnú chvíľu a udeřlo na Victoriiov tábor...

/ Войско Терразия, во **много раз** превосходящее по силе, воспользовалось моментом, и нанесло удар по лагерю Виктора...

(13) NITRIANSKY HRAD, obec Nitra (okr. Nitra) – **mnohokrát** přestavěný hradní komplex na vrcholu skalnatého vrchu... / Nitriansky hrad, obec Nitra (okr. Nitra) – **viackrát** prestavaný hradný komplex na vrchole vysokého brala... / Нитранский град, село Нитра (район Нитра) – **много раз** перестраивавшийся укрепленный комплекс на вершине скалистого холма...

(14) Stiskl mu tedy ruku a najednou mu vyklouzlo slovo, které tu v cirkuse už **mnohokrát** slyšel: / A tak mu stisol ruku a odrazu vyšmyklo sa mu slovo, ktoré tu v cirkuse už **veľmi často** počul: / Он сжал его руку и тут же он услышал из его уст слово, которое здесь в цирке слышал уже **много раз**.

2.2. Наречие *viackrát* встретилось в переводах с чешского на словацкий 28 раз, при этом полный формальный коррелят *viackrát* является здесь эквивалентом 6 раз, *viac rás* – также 6 раз. Вариант *viackrát* насчитывает 19 вхождений, из которых *viackrát* имеет 7 соответствий, *viac rás* – 7. Основные контексты употребления вариантов здесь практически идентичны.

Во-первых, сюда относится употребление наречия в прошедшем времени при обозначении потенциально конкретизируемых действий (15–17):

(15) ... hrad **viackrát** obsadili vojáci vzbouřenců a při tom se stal dějištěm bojových událostí. / ... hrad **viackrát** obsadili vojáci vzbúrencov, a tak sa stal aj dejiskom bojových udalostí. / ... крепость **много раз** осаждали войска повстанцев, так что она стала полем военных действий.

(16) Volala jsem tam **viackrát** a naposled mi řekli, že to už dají kriminálce. / Volala som tam **viac rás** a naposledy mi povedali, že to už ohlásia na kriminálku. / Я звонила туда **много раз**, в последний раз мне сказали, что отдают дело криминалистам.

(17) Newhampshirský ranger, ač je mu teprv devětadvacet let, bojoval s Indiány už **viackrát** — v Kanadě, na Kennebeku a přednedávnem se vyznamenal znovu... / Newhampshirský ranger, hoci má ešte len dvadsaťdeväť rokov, bojoval už s Indiánmi **viac rás** — v Kanade, na Kennebecu, a nedávno sa vyznamenal znovu... / Рейнджер из Нью-Хэмпшира, хотя ему всего двадцать девять лет, сражался с индейцами уже **много раз** – в Канаде, в Кеннебеке, и недавно отметился снова...

Ср. также собственно фреквентативное употребление наречия в настоящем времени, при этом в (19) множество, обозначенное наречием, в дальнейшем специфицируется:

(18) Ona vrtí hlavičkou a opakuje **vícekrát**, že prý mně přec musí něco být. / Ona krúti hlávkou a **viackrát** opakuje, že mi vraj musí voľačo byť. / Она крутит головкой и повторяет **много раз**, что со мной что-то не так.

(19) Ale Petr se odjakživa umývá **vícekrát** i v normálních dnech, **vždy** jen pod sprchou a **nikdy** ve vaně... / Ale Petr sa odjakživa **viac ráz** umýva aj v normálne dni, **vždy** len pod sprchou a **nikdy** nie vo vani... / Но Петр всю свою жинь **чаще всего** моется и в обычные дни, **всегда** под душем и **никогда** в ванне.

Распространенным контекстом является употребление с глаголом в отрицательной форме будущего времени (контексты вида «больше не будет X»); также в сочетании с отрицательной формой повелительного наклонения, ср.:

(20) Prosím za prominutí, pane, **víckrát** se to nestane. / Prosím o odpustenie, pane, už sa to **viackrát** nestane. / Прошу извинить, господа, **больше** этого не повторится.

(21) Fakt se to **víckrát** nestane. / Fakt sa to **viac ráz** nestane. / Факт, **больше** этого не повторится.

(22) To mi **víckrát** nedělejte, – poroučel kdosi a Ondřej z Vlkova jen neochotně otvíral oči zpátky ke světu, který ho pro tu chvíli opustil. / **Viac ráz** mi to nerobte, rozkazoval ktosi a Ondřej z Vlkova len neochotne otváral opäť oči do sveta, ktorý ho na tú chvíľu opustil. / **Больше** со мной этого не делайте, повторял кто-то, и Ондрежей из Влкова вновь неохотно открыл глаза в мир, который на минуту покинул.

Наречие *viac* имеет 10 вхождений в качестве аналога *víckrát*, и 3 – в роли коррелята *vícekrát* – здесь оно повсеместно появляется в случае наличия отрицания при глаголе, ср. формы повелительного наклонения (23), будущего времени (24), и прошедшего (25–26):

(23) A **víckrát** už mi o tom, prosím tě, nemluv! / A už to **viac** ani nespomeň! / И **больше** мне об этом, пожалуйста, не говори!

(24) Ztratíš ho jednou a **víckrát** ho nenajdeš. / Raz ho stratiš a **viac** ho nenájdeš. / Однажды ты его потеряешь и **больше** не найдешь.

(25) Pak oči zavřela a **víckrát** neotevřela. / Potom zatvorila oči a **viac** ich neotvorila. / Потом она закрыла глаза и **больше** не открывала.

(26) **Vícekrát** jsem tam nešel. / **Viac** som už ta nešiel. / **Больше** он туда не ходил.

Иными соответствиями в словацком также могут быть *ani ráz*, *niekoľkokrát*, *už nikdy*.

(27) Opakuji tu otázku **vícekrát**, ale jediný, kdo na ni reaguje, je tradičně stařec ze sousedního lůžka... / Opakujem tú otázku **niekoľkokrát**, ale jediný, kto na ňu neartikulovalne reaguje, je tradične starec na susednom

lôžku... / Я повторяю один и тот же вопрос *несколько раз*, но единственный, кто на него хоть как-то реагирует, это старик с соседней кровати.

(28) *Víckrát* jsem ji neviděl. / *Už nikdy* som ju nevidel. / *Больше* я ее не видел.

(29) Bylo zajisté více než pravděpodobné, že by se *víckrát* nevrátili. / Bolo viac než pravdepodobné, že by sa *nikdy* nevrátili. / Было весьма вероятно, что *больше* они не вернутся.

В данном случае мы видим сразу несколько характерных особенностей перевода темпоральных наречий с чешского на словацкий.

Во-первых, отчетливо видна тенденция к употреблению в переводах наречий с формантом *-rát*, которые в общих материалах Корпуса употребляются в несколько раз реже, нежели варианты с *-krát*, в то время как в переводах они употребляются либо наравне, либо, как в случае с эквивалентами для *mnohokrát*, *mnohokráte*, словацкие переводчики стараются употребить максимально отличающуюся от чешского, словацкую форму *veľa krát*.

Во-вторых, объем значения чешского *víckrát*, по всей вероятности, выше, нежели у словацкого *viackrát*. Данный вопрос требует отдельного прояснения, здесь отметим только тот факт, что при наличии отрицания при глаголе в словацких переводах активно употребляются описательные конструкции с формой *viac* 'больше'.

Далее кратко рассмотрим представленные в параллельном корпусе переводы со словацкого языка на чешский.

3.3. Так, словацкое наречие *mnohokrát* встречается в словацких оригиналах 88 раз, из которых в большинстве случаев переводится чешским *mnohokrát* – 67 вхождений. Также в роли эквивалента фигурирует чешское *častokrát* с 18 вхождениями, и *časteji* – 1 вхождение.

(30) To sa dnes prejavuje úplne všade, *mnohokrát* v zdanlivých maličkostiach. / Ti se dnes projevuje úplne všude, *mnohokrát* ve zdanlivých maličkostech. / Это сейчас проявляется абсолютно везде, *нередко* как будто в частностях.

(31) Tam sa prehliadky robili v noci a *často*, *mnohokrát* sa sama prebudila na to, že sa jej akási ruka pchá pod košeľu, aby sa presvedčila, či sa v tme pod dekou nevyzliekla. / Tam se prohlídky dělaly v noci a *často*, *mnohokrát* se sama probudila tím, že se jí jakási ruka cpe pod košili, aby se přesvědčila, jestli se ve tmě pod dekou nevyzvlékla. / Такие досмотры проводились по ночам, и *часто, неоднократно* она сама просыпалась от того, что какая-то рука лезет ей под рубашку, дабы удостовериться, что там, под одеялом, она не разделась.

(32) *Mnohokrát* sa im to však podarí hneď na prvý raz. / *Častokrát* se jim to však podaří hned napoprvé. / *Часто* им это удается с самого первого раза.

(33) Konkrétne formu dáva *vždy* príslušný človek svojím konaním a *mnohokrát* táto forma na prvý pohľad ani nemusí vyzerať ako nesprávny čin. / Konkrétní formu dává *vždy* příslušný člověk svým jednáním a *častokrát* tato forma ani nemusí na první pohled vypadat jako nesprávny čin. / Конкретную форму *всегда* задает тот или иной человек своим поведением, и *часто* эта форма не должна производить впечатление неправильного действия.

3.4. *Veľakrát* насчитывает 50 вхождений в словацкую часть параллельного корпуса. В данном случае эквиваленты распределяются несколько иначе – практически не представлено чешское *častokrát* (лишь 1 вхождение), при этом происходит конкуренция наречий *mnohokrát* (21 пример) и *mockrát* (17 примеров). Небольшое число вхождений имеют также наречия *často*, *spoustakrát*, *víckrát* и *tolikrát* (по 2–3 случая).

(34) Mne už invalidný dôchodok *veľakrát* zvýšili, lebo mňa si ľudia vážia. / Už mně invalidní důchod *mnohokrát* zvýšili, protože mě si lidé váží. / Мне уже *много раз* повышали пенсию по инвалидности, поскольку люди меня уважают.

(35) „Dúfam, že mi to povieš ešte *veľakrát*.“ / "Doufám, že mi to řekneš ještě *mnohokrát*." / Я надеюсь, что ты мне это скажешь еще *много раз*.

(36) Liečil som *veľakrát* a nepomohlo to. / Léčil jsem se *mockrát* a nepomohlo to. / Я *много* лечился, но мне не помогло.

(37) Budeš to ešte *veľakrát* potrebovať. / Ještě *mockrát* to budeš potřebovat. / Тебе это еще *много раз* понадобится.

(38) *Veľakrát* ich bolo proti nemu veľa, *občas* to aj bolelo, *občas* išlo o krk, no smrť Červeného kapitána a celý jeho prípad [...] aj tak vyryl v Krauzovej profesionálnej dráhe hlbokú ryhu. / *Mockrát* jich proti nemu bylo hodně, *občas* to i bolelo, *občas* šlo o krk, ale smrť Rudého kapitána a celý jeho případ [...] označil Krauzovu profesionální dráhu nadměru výrazně. / *Часто* врагов было слишком много, *иногда* ему было больно, *иногда* он был на краю гибели, но смерть Красного капитана и вся его судьба [...] оставила на профессиональной судьбе Крауза глубокий след.

(39) Ja *veľakrát*, najmä po práci, musím vypnúť a preto *niekedy* oslovím kamarátov. / Já *často*, hlavně po práci, musím vypnout, a proto *někdy* oslovím kamarády. / Я *часто*, в основном после работы, должен расслабиться, и поэтому *время от времени* зову друзей.

(40) Môžu byť jednoduchí ľudia **veľakrát** ľudia, čo stoja za viac ako tí, akože, vzdelaní. / Prosti lidé mohou být **často** lidmi, kteří mají větší cenu nežm jako že, tí vzdelaní. / Простые люди **часто** могут представлять из себя больше, чем так называемые образованные.

(41) Ako **veľakrát** v minulosti, ani teraz sa na Dunaji neplavia žiadne lode. / Jako už **víckrát** v minulosti, ani teď se po Dunaji neplaví žádné lodě. / Как это **часто** бывало в прошлом, и сейчас по Дунаю не плавают никаких кораблей.

(42) Hneď ako zistíme nové skutočnosti, budeme ich s vami konzultovať, a uvidíme sa ešte **veľakrát**. / Hned jak zjistíme novú skutečnosti, budeme je s vámi konzultovat, a uvidíme se ještě **spoustakrát**. / Сразу как мы заметим перемены, мы будем с вами консультироваться, и увидимся еще **не раз**.

(43) Zdalo sa jej, akoby už o nich niekde **veľakrát** čítala. / Zdálo se jí, jakoby už o nich někde **několikrát** četla. / Ей казалось, будто она о них где-то **не раз** читала.

(44) Nudná, otupná robota, robil to už **veľakrát**. / Nuda k uzouřání, dělal to už **bezpočtukrát**. / Скучная, отупляющая работа, он делал ее уже **много раз**.

3.5. Nakonec, slovačkové **viackrát** встречается в словацких оригиналах параллельного корпуса 65 раз. Полные чешские эквиваленты здесь составляют примерно половину переводных коррелятов: **víckrát** 26 вхождений, **vícekrát**, **vícekráte** – 6.

(45) Potom ho rozoberiete, hoci **viackrát**, na školení v čatách. / Потом ho rozebereme, třeba **víckrát**, na školení v četách. / Потом вы разберете это, пусть даже **несколько раз**, в учебных чатах.

(46) Zaľúbiť sa môžeš **viackrát** v živote, ale rodičov máš len jedných. / Zamilovat se můžeš **víckrát** v životě, ale rodiče máš jenom jedny. / Влюбиться ты можешь **несколько раз** в жизни, но родители у тебя только одни.

(47) Z ich rodiny už sedel každý, niektorí aj **viackrát**. / Z jejich rodiny už seděl každý, někteří i **víckrát**. / У них в семье сидел каждый, некоторые по **несколько раз**.

(48) Vyzbrojil sa železnou trpezlivosťou a viaceré dôležité informácie **viackrát** zopakoval. / Vyzbrojil se železnou trpělivostí a některé důležité informace zopakoval **víckrát**. / Он вооружился железным терпением и некоторую важную информацию повторял **но много раз**.

Обширную группу составляют контексты с наречием **několikrát**: 19 вхождений, как правило, сюда относятся высказывания в прошедшем

времени, в случае, если не-единичность действия представляется говорящему существенной:

(49) Prebehol zrakom po mojej postave, **viackrát**, akoby nemohol uveriť, že som to ja. / Přejel očima po mé postavě, **několikrát**, jako by nemohl uvěřit, že jsem to já. / Он окинул взглядом мою фигуру, **несколько раз**, словно не мог поверить, что это я.

(50) Sedel vedľa nej na koberci a **viackrát** sa jej ukradomky dotkol. / Seděl vedle ní na koberci a **několikrát** se jí kradmo dotknul. / Он сидел рядом с ней на ковре и **несколько раз** до нее украдкой дотронулся.

(51) Zobudila som sa celá dolámaná, budík musel usilovne zvoniť na **viackrát**, aby som sa prinútila vstať. / Vzbudila jsem se celá polámaná, budík musel usilovně zvonit **několikrát**, abych se donutila vstát. / Я проснулась совершенно разбитая, будильнику пришлось прозвенеть **несколько раз**, пока я заставила себя встать.

Из других соответствий представлены также наречия *nejednou* (4 раза) и *mnohokrát*, *mnohokráte* (3 раза):

(52) Už **viackrát** som premýšľal o tom, prečo si práve vtedy, práve v tom čase, keď trvala tá cholera, Brecherovci zmenili meno... / *Nejednou* jsem přemýšlel o tom, proč si právě v době, kdy řádila cholera, Haferovi změnili jméno... / Я уже **не раз** размышлял о том, почему именно в час, когда свирепствовала холера, Брехеры сменили имя.

(53) Oravci, ale najviac Oravky, majú silný zrak, sám som to zistil **viackrát** na vlastnej koži, ale muselo sa to určite stať aj tebe, keď si ešte býval na Orave. / Oravané, ale nejvíc Oravanky mají pronikavý zrak, sám jsem to *nejednou* zakusil na vlastní kůži, ale jistě se to stalo i tobě, dokud jsi ještě žil na Oravě. / Мужчины, и особенно женщины с Оравы, отличаются острым зрением, я сам это **неоднократно** испытал на себе, но эты тоже должен был это ощутить, когда ты еще жил на Ораве.

(54) Kvílenie poplašných sirén ich donútilo **viackrát** zbehnúť do pivnice hotela... / Kvílení poplašných sirén je donutilo už **mnohokrát** seběhnout do sklepa hotelu... / Шум предупреждающих сирен их вынуждал **неоднократно** спускаться в подвал отеля...

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы.

В словацком языке наблюдается тенденция к конкуренции *mnohokrát* и отсутствующего в чешском языке *vel'akrát*, что выражается в нарастании употребления второго наречия в публицистическом стиле; сходные тенденции проявляются и в корпусе Araneum Slovacum, ориентированном на обиходно-разговорный узус. При этом в художественном стиле *mnohokrát* сохраняет свои позиции. *Viackrát*, по всей видимости, ощущается носителями языка как не-тождественное двум указанным

наречиям, и редко вступает с ними в собственно синонимическую конкуренцию. *Častokrát* в данном случае находится «на ближней периферии» системы фреквентативных наречий. При этом соответствующие варианты с формантом *-rát* являются гораздо менее употребительными, чем с *-krát*. Вместе с тем прослеживается тенденция к расширению их употребления в переводных текстах, и в частности, в переводах с чешского языка, где варианты с *-rát* и *-krát* употребляются практически параллельно, что можно мотивировать стремлением переводчика максимально оттолкнуться от чешских вариантов. Кроме того, в ряде случаев чешские и словацкие наречия с *-krát* не вполне тождественны по семантическому объему.

Литература / References

1. *Лифанов К.В.* Асимметричная дивергенция словацкого и чешского литературных языков // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации, М.: ИСЛ РАН, 2018. С. 316–334.
2. *Лифанов К.В.* К вопросу о дивергенции словацкого и чешского языков на словообразовательном уровне // *Litera*, 2023. № 10. С. 171–178.
3. *Benko V.* Aranea: Yet Another Family of (Comparable) Web Corpora // Text, Speech and Dialogue: 17th International Conference, TSD 2014, Brno, Czech Republic, September 8–12, 2014: Proceedings / P. Sojka, A. Horák, I. Kopeček, K. Pálek, eds. Cham [et al.]: Springer, 2014. P. 257–264. [Электронный ресурс.] URL: http://unesco.uniba.sk/aranea_about/index.html. Дата последнего обращения 22.12.2023.
4. *Buzássyová K.* Kontaktné varianty a synonymá v slovenčine a češtine. *Jazykovedný časopis*, 1993. № 44. S. 92–107.
5. *Krátky slovník slovenského jazyka / Kačala J., Pisárčiková M., Považaj M.*, red. 4 vúd. Bratislava: Veda, 2003. 985 s. [Электронный ресурс.] URL: <https://slovník.juls.savba.sk/>. Дата последнего обращения 14.12.2023.
6. *Lifanov K.V.* Asymetrická divergencia spisovnej slovenčiny a spisovnej češtiny na slovotvornej rovine // *Slovo a slovesnosť*, 2017. Zv. 78. № 4. S. 305–321.
7. *Nábělková M.* Slovenčina a čeština v kontakte: Pokračovanie príbehu. Bratislava – Praha: Veda – Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra SAV – Filozofická fakulta Univerzity Karlovy v Praze, 2008. 364 s.
8. *Sokolová M.* České kontaktné javy v slovenčine // Sociolingvistické aspekty výskumu súčasnej slovenčiny (= Sociolinguistica Slovaca, 1) / S. Ondrejovič, M. Šimková (eds.). Bratislava: Veda, 1995. S. 188–206.
9. *Slovník súčasného slovenského jazyka. 1. A – G / Buzássyová K., Jarošová A.*, eds. Bratislava: Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 2006. 1134 s.; 3. M – N / *Jarošová A.*, ed. Bratislava: Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 2015. 1100 s. [Электронный ресурс.] URL: <https://slovník.juls.savba.sk/>. Дата последнего обращения 16.12.2023.
10. *Synonymický slovník slovenčiny / Pisárčiková M.* red. 3. nezm. vyd. Bratislava: Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 2004. 998 s. [Электронный ресурс.] URL: <https://slovník.juls.savba.sk/>. Дата последнего обращения 16.12.2023.

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ СТРАТИФИКАЦИИ ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА

Н.В. Воробьева

LINGUODIDACTIC PRESENTATION OF CZECH STRATIFICATION

N.V. Vorobyeva

ABSTRACT:

Based on the specificity of the forms of existence of the Czech national language and their interaction, the author offers her own solution to the actual problems of didacticization of the standart-substandard opposition in the formation of the Czech language course in order to improve the linguistic competence of students.

Keywords: literary language; colloquial language; training course; stratification of the Czech language; linguodidactic presentaion

АННОТАЦИЯ:

Исходя из специфики форм существования чешского национального языка и их взаимодействия, автор предлагает своё решение актуальных проблем дидактизации оппозиции стандарт-субстандарт при формировании учебного курса чешского языка с целью повышения языковой компетенции студентов-богемистов.

Ключевые слова: литературный язык; обиходно-разговорный язык; учебный курс; стратификация чешского языка; лингводидактическая презентация

Особенностью чешской языковой ситуации является наличие двух идиомов общенационального языка: литературный язык (*spisovná čeština*) – язык официальный и обиходно-разговорный язык (*obecná čeština*) – язык повседневного неофициального общения (другие названия: второй национальный код; субстандарт). Исторически сложилось так, что различия между ними существуют как на системно-структурном уровне, так и на уровне их функционирования в чешской коммуникации, фактически, для чешской языковой среды характерна ситуация естественного двуязычия (диглоссии).

Репрезентантом всей нации является, разумеется, литературный язык, но возрастание роли, общественной значимости и динамическое территориальное распространение обиходно-разговорного языка делает актуальной проблему дидактизации оппозиции «стандарт-субстандарт» при формировании учебного языкового курса.

Наш учебный курс традиционно ориентирован на изучение литературного языка. Литературный язык полифункционален, его употребление является ожидаемым, требуемым и адекватным в официальном контакте, в сферах общественно-правовой, образования, а также в области образования, науки и культуры. Следует заметить, что от иностран-

ца обычно ожидается владение литературным языком и, наоборот, использование субстандартного кода вместо литературного языка считается неадекватным и может привести не только к коммуникативной неудаче, но и вызвать негативную реакцию. К тому же знание литературного чешского языка упрощает в дальнейшем переход к овладению обиходно-разговорным языком, обратный процесс протекает гораздо сложнее (как показывает наш преподавательский опыт, фактически, начинается с нуля).

Однако специфика языковой ситуации отражается и на литературной норме. Сближение литературного и разговорного узусов, особенно активизировавшееся с 60-х годов прошлого века, приводит к тому, что понятие литературный/литературность релятивизируется. Разговорные элементы пополняют вариативную литературную норму, при этом некоторые кодифицированные варианты почти не используются в письменной реализации и, наоборот, являются более предпочтительными в устной литературной реализации, напр.: полная и краткая формы винительного падежа личного местоимения *mne / mě (já)*. Помимо этого, существуют варианты некодифицированные, но допустимые в устном литературном узусе (т.наз. широко понимаемая литературная норма), напр.: флексия *-m* у глаголов 1 и 2 классов вместо *-me (nesem, tisknem* лит. *neseme, tiskneme)* и варианты, не допустимые в литературном языке, которые, тем не менее, вытеснили на периферию устного общения литературный вариант, напр.: одно общее окончание *-u* в именительном падеже мн. числа всех трёх родов местоимения *ten / ta / to*.

Таким образом, доминирующее положение обиходно-разговорного языка в сфере неформальной коммуникации и функциональное сосуществование двух кодов в устной реализации, т.е. смешение литературного языка с разговорным, делает необходимым его включение в учебный курс чешского языка для повышения языковой и коммуникативной компетенции студентов. И тут хочется заметить, что если проблема соотношения форм существования чешского национального языка является одной из основных в лингвистической богемистике, то в лингводидактике такой проблемой является оптимальная презентация обиходно-разговорного языка в учебном курсе чешского языка как иностранного.

В чешской лингводидактике предлагаются разные варианты решения актуальных вопросов выбора этапа обучения, объёма и содержания учебного материала: от переноса презентации обиходно-разговорного языка на продвинутый этап с тем, чтобы не усложнять учащимся освоение литературной нормы до выбора системных разговорных грамматических форм как единственных на начальном этапе, чтобы облегчить освоение чешской грамматики [Hrdlička 2010]. При этом подчеркивается, что подходить к презентации следует осторожно, чтобы избежать

негативного влияния на освоение языка, т.к. введение второго кода увеличивает количество вариантов и, тем самым, в той или иной степени нарушает ориентацию студентов в структуре стандарта и создаёт впечатление хаотичности литературного чешского языка [Variety čeština a čeština jako cizí jazyk 2017].

Проблематичным является и использование для этих целей учебников и учебных пособий в процессе обучения. Несмотря на то, что с каждым годом в каждом новом учебнике доля второго языкового кода увеличивается, разговорные элементы, тем не менее, представлены в них в разной степени, непоследовательно, как правило, без соответствующих комментариев, чаще всего, просто с графическим выделением, а в некоторых учебниках отсутствуют уже литературные аналоги, т.е. некодифицированные варианты приводятся как единственно возможные.

Наша специфика презентации обусловлена как ограниченным количеством учебных часов (8/6 часов в бакалавриате), так и непрямым контактом с языковой средой, т.е. минимальной возможностью следования вербальным моделям носителей. Поэтому с чешской языковой ситуацией, со стратификацией чешского национального языка, с историей возникновения специфики чешской языковой ситуации и её последствиями наши студенты знакомятся на первом же занятии. А последовательная и систематическая презентация субстандарта, по нашему мнению, должна сопровождать процесс обучения чешскому языку в практической парадигме с самого начала. Хотя представляется, что в нашей ситуации непрямого контакта мы могли бы на начальном и среднем этапах ограничиться литературным языком для лучшего его освоения, акцентирование внимания на функционально-стилистических противопоставлениях мы полагаем обязательным. И дело не только в формировании комплексной языковой компетенции студентов-богемистов, их необходимо также подготовить к чтению художественной литературы, где субстандарт является частью речевой характеристики героев, самостоятельной работе с современными информационно-коммуникационными средствами и к устной коммуникации с носителями.

Необходимо заметить, что цель овладения субстандартом при этом не ставится, поскольку овладение обиходно-разговорным языком, а главное, спецификой его функционирования представляет для инофонов значительные трудности даже в языковой среде при прямом контакте с носителями, а активное освоение коммуникативных ситуаций, предполагающих или позволяющих использование второго кода в отрыве от языковой среды тем более является проблематичным, и, в общем, нереальным.

Как показывает наш опыт, при формировании курса следовало бы стремиться к комплексной презентации обиходно-разговорного языка,

но основное внимание при этом должно уделяться морфологическим отличиям, поскольку, чаще всего, именно на морфологическом уровне разговорные элементы проникают в вариативную литературную норму или функционируют на границе литературности.

При отборе морфологических явлений мы руководствуемся их частотностью (это основной критерий и для подачи особенностей на остальных уровнях), т.к. в силу вышеуказанных причин вопрос выбора главного и второстепенного является для нас весьма актуальным. Презентация морфологических отличий осуществляется нами дифференцированно, исходя из их градации или статуса в речевой практике. Частотные, не допустимые в устной литературной реализации отличия, напр.: флексия *-ta* (*-ata*, *-eta*) в творительном падеже множественного числа у существительных всех трёх родов вводится параллельно с литературной парадигмой лишь с целью дальнейшего их распознавания и понимания с указанием на исключительно разговорный статус и недопустимость использования в процессе обучения. Знакомство с вариантами частотными, близкими к нейтральному функциональному стилю, напр.: формами кондиционала 1 лица ед. и мн. числа *bysem*; *bysme* вместо лит. *bych*; *bychom*, осуществляется после усвоения литературных форм со всеми необходимыми комментариями и стимулированием к использованию в спонтанной речи в процессе обучения. При этом необходимо также учитывать особенность восприятия противопоставлений носителями русского языка. В связи с тем, что чешский и русский языки являются близкородственными, некоторые разговорные явления могут осложнять усвоение литературных форм нашими студентами по причине их сходства с аналогичными русскими формами, напр.: нестяженный вариант притяжательных местоимений женского рода *mojí* в косвенных падежах (литературная стяженная форма *mé*). Презентация подобных явлений, независимо от их частотности и статуса, (а в нашем примере это явление частотное и относится к широко понимаемой литературной норме), переносится на продвинутый этап.

Презентация лексических отличий, которые, как правило, вызывают наибольший интерес у студентов, облегчается тем, что помимо нашей дозированной подачи разговорных лексем, таких как напр., универбы (*turek / turecká káva*) или же синонимы (*furt / stále*), допустимые субстандартные варианты представлены в диалогах и отдельных текстах во многих учебниках, пособиях, словарях [Изотов 2009]. Кроме того, именно лексические противопоставления активно усваиваются студентами при самостоятельной работе с произведениями художественной литературы, интернет- и медиаресурсами.

Фонетические отличительные особенности не так актуальны для нас из-за нашей специфики, поэтому в силу их выраженной разговорности

мы ограничиваемся информацией об основных отличиях фонетического уровня на начальном этапе.

Презентация синтаксических противопоставлений, по нашему мнению, возможна лишь на продвинутом этапе, иначе знакомство с ними, например, с порядком слов/энклитик или же заменой вспомогательного глагола 1-го лица ед. и мн. числа соответствующими личными местоимениями в формах прошедшего времени, может привести к дезориентации студентов в усвоении литературной нормы и её дестабилизации.

Несомненно, было бы идеально осваивать оба идиома параллельно, однако, наш опыт показывает, что, пока не появятся соответствующие «идеальные» учебники, это нереально. Поэтому, чтобы научить наших студентов, пусть не переключать коды, как это делают носители, но идентифицировать, интерпретировать, активно и дифференцированно употреблять грамматические и лексические средства в рамках дихотомии литературность/нелитературность, представляется необходимым создавать свой оптимальный учебный курс с авторским решением лингводидактических проблем чешской языковой специфики.

Литература / References

1. *Изотов А.И.* Обиходно-разговорный чешский язык: материалы к словарю // Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Григорьевны Широковой / Ред. колл.: В.В. Красных, А.И. Изотов, В.Г. Кульпина. М.: МАКС Пресс, 2009. Вып. 38. С. 55–89.
2. *Hrdlička M.* Kapitoly o češtině jako cizím jazyku. Plzeň: Fakulta pedagogická, 2010. 248 s.
3. *Variety češtiny a čeština jako cizí jazyk.* Praha: Akropolis, 2017. 296 s.

К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ АСПЕКТУАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ ГЛАГОЛОВ В ДЕВЕРБАТИВАХ РУССКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ

В.К. Голубева

ON THE ISSUE OF PRESERVING ASPECTUAL SEMANTICS OF VERBS IN DEVERBATIVES
OF THE RUSSIAN AND BELARUSIAN LANGUAGES

V.K. Golubeva

ABSTRACT:

The article analyzes verbal nouns of the Russian and Belarusian languages with the transpositional suffix Russian *-nij(e)*, Belarusian *-nn(e)* from the point of possibility preserving the aspectual verb semantics – perfective aspect and imperfective aspect. Pairs like Russian *peregruppirovaniye* – *peregruppirovyvaniye*, Belarusian *rasfarbavanne* – *rasfarbouvanne* are revealed, the «reliability» of the imperfective indicator of the second member of the pair is approved. Language means capable of marking the perfectiveness and imperfectiveness of Russian and Belarusian deverbatives are identified.

Keywords: grammatical semantics; verb; verb aspect; deverbative; verbal noun; perfective meaning; imperfective meaning; aspect marker

АННОТАЦИЯ:

В статье рассматриваются отглагольные существительные русского и белорусского языков с транспозиционным суффиксом рус. *-nij(e)*, белорус. *-nn(e)* с точки зрения возможности этих лексем сохранять аспектуальную семантику глаголов СВ и НСВ. Анализируются пары типа рус. *перегруппирование* – *перегруппировывание*, белорус. *расфарбаванне* – *расфарбоўванне*, устанавливается «надежность» имперфективного показателя второго члена пары. Выявляются средства, способные маркировать перфективность и имперфективность русских и белорусских девербативов в контексте.

Ключевые слова: грамматическая семантика; глагол; вид глагола; девербатив; отглагольное существительное; перфективное значение; имперфективное значение; аспектуальный маркер

Девербативы – это синкретичные единицы, которые, как и слова центральных, негетерогенных частей речи, характеризуются набором устойчивых грамматических свойств: *nomina actionis* имеют род, число, падеж, принадлежат к определенному типу склонения и согласовательному классу, представляют абстрактную, непредметную сущность в виде предмета. В то же время, в отличие от ядерных представителей частей речи, в девербативах сохраняется пласт «чужой» семантики. Это имплицитное, свернутое содержание существительного сложнее подда-

ется описанию: семантика синкретичной единицы зависит от семантики производящего глагола, но, более того, степень сохранения глагольных признаков в субstantиве задается композицией / игрой смыслов в тексте, в котором и происходит актуализация разных потенциалов глагола. В этом смысле девербативы требуют принципиальной текстоориентированности своего описания.

Исследованию девербативов в славянских языках посвящена богатая литература. Нас интересует вопрос сохранения в девербативах семантики одной из «универсальных» глагольных категорий – категории вида.

На материале русского языка проблемы преломления аспектуального значения глагола в именах действия рассматривались в работах А.А. Зализняка, Е.А. Иванниковой, З.А. Монастыренко, Е.В. Падучевой, А.Г. Пазельской, Е.Э. Пчелинцевой, С.Г. Татевосова и др. [Зализняк 2007; Иванникова 1972; Монастыренко 1977; Падучева 1991; Пазельская 2003; Пазельская, Татевосов 2008; Пчелинцева 2016]. Белорусисты писали о девербативах немного, причем отдельные исследования лежат скорее не в грамматической, а в лексической области (см., например, изучение функционирования девербативов в составе терминов в [Бабровіч]). Вопросы же формально-структурного варьирования отглагольных существительных и семантической дистрибуции таких вариантов; степени выраженности видовой субstantивной «парности» в белорусском языке по сравнению с другими славянскими языками; диапазона средств, способных маркировать перфективные и имперфективные значения, наследованные существительными от производящего глагола, – не затрагивались вовсе. Кроме того, в славистике пока отсутствуют работы, в которых данная проблематика изучалась бы на материале русского и белорусского языков в сопоставительном аспекте. Это предопределяет актуальность данного исследования.

В обоих языках девербативы, способные выражать отвлеченный процессуальный признак, представленный в субstantивной форме, характеризуются разнообразием морфем: некоторые из них оформляются специфичные для языка образования, другие же совпадают в сравниваемых языках. В «Русской грамматике» 1980 г. отмечены единицы с разными суффиксами, такими как, например, *-тиј-* (*битье, прорытие*), *-к-* (*глажка, стежка*), *-(а)циј-* (*фальсификация, репетиция*), *-б-* (*борьба, похвальба*), *-ств-* (*воровство, производство*), *-от-* (*дремота, ломота*), *-н-* (*ругня, суетня*), *-аж-* (*массаж, инструктаж*) и др. [Русская грамматика 1980: 157–166]. В числе описанных «Беларускай граматыкай» производных имен существительных с такой семантикой представлены лексемы с суффиксами *-(о)б-* (*вучоба* ‘учеба’, *касьба* ‘косьба’), *-к-* (*чытка* ‘чтение’, *настойка* ‘настаивание’), *-(а)цыј-* (*акупацыя* ‘оккупация’, *рытмізацыя* ‘ритмизация’) и др.; многие являются либо непродук-

тивными, либо малопродуктивными -янк- (*гулянка* ‘кутеж’), -отк- (*дрыготка* ‘дрожание’), -оўк- (*галадоўка* ‘голодовка’), -оўл- (*будоўля* ‘строительство’), -л- (*купля* ‘покупка’), -н- (*балбатня* ‘болтовня’), -тв- (*шытво* ‘шитье’) и др. [Беларуская граматыка 1985–1986: 217–293].

К числу наиболее продуктивных относятся образования с транспозиционным суффиксом рус. -ниј(е), белорус. -ни(е): рус. *проектирование, плавление, горение*; белорус. *апісанне, вызваленне, спусташэнне*. Эта группа и стала объектом нашего изучения, поскольку она является не только продуктивной, но и одной из наиболее интересных с точки зрения аспектуальной семантики в разных славянских языках. Не случайно, учитывая специфику польских процессуальных девербативов на -enie, -anie и их отличие от отглагольных существительных с другими суффиксами, Я. Пузынина разграничивает данные явления как *substantiva verbalia* и *substantiva deverbalia* [Puzynina 1969]. Вопросы сохранения процессуальными *substantiva verbalia* глагольных свойств, в частности аспектуальности, изучались и ученицей А.Г. Широковой – Т.А. Ацаркиной на материале чешского языка [Ацаркина 1985].

Материал для нашего исследования отбирался из словарей русского языка: прежде всего из Большого универсального словаря русского языка [Морковкин 2022] и Большого академического словаря русского языка [Большой академический словарь 2004–]; белорусского языка – Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы [Тлумачальны слоўнік 1977–1984], Вялікага слоўніка беларускай мовы Ф.А. Пискунова [Піскуноў 2012], Граматычнага слоўніка назоўніка [Граматычны слоўнік назоўніка 2013]. Специфика функционирования русских девербативов рассматривалась на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [Национальный корпус русского языка], а также собранных автором примеров из художественных, научных и научно-технических текстов, текстов СМИ и интернет-общения. Белорусские отглагольные существительные также извлекались из разножанровых текстов, функционирующих в обозначенных сферах¹.

Между девербативами с транспозиционным суффиксом рус. -ниј(е), белорус. -ни(е) и мотивирующими их глаголами можно выделить несколько типов отношений.

Первая, наиболее распространенная модель соотношения «глаголы – девербативы» – это при формальном образовании девербатива от глагола определенного вида (НСВ или СВ) его смысловое соответствие **двум глаголам** с противоположными видовыми характеристиками:

¹ Контексты, извлеченные из НКРЯ, паспортизируются в соответствии с обозначениями корпуса; контексты, собранные автором из других источников, маркируются обозначениями «СМИ», «научная лит.» и т. д.

а) девербатив формально соотносится с глаголом НСВ: рус. *отваривание* от *отваривать*; белорус. *завісанне* от *завісаць*;

б) устанавливается словообразовательная производность девербатива от лексемы СВ: *направление* от *направить*; белорус. *навадзенне* от *навесці*².

В семантическом же отношении девербативы в русском и белорусском языках проявляют способность коррелировать с обоими глаголами. Ср.: словообразовательно рус. *добавление* от *добавить*, а семантически соотносится с *добавить* и *добавлять*; *испытание* от *испытать*, а семантически лексема связана с *испытать* и *испытывать*; белорус. *навадзенне* от *навесці*, но в смысловом отношении коррелирует с *навесці* и *наводзіць*.

Несоответствие формальной словообразовательной связи с одним глаголом и возможности девербатива семантически соотноситься с обоими глагольными лексемами, противопоставленными по виду, по нашим наблюдениям, последовательно отражается в словарной практике, в частности в [Морковкин 2022]. Так, в поле *Дер.* лексикографы помещают девербатив только при одном глаголе конкретного вида (например, *направление* при *направить*), при вынесении же девербатива в отдельную словарную статью он семантизируется с отсылкой к глаголам СВ и НСВ: «*Действие по знач. глаг. напра́вить, направля́ть*» [Морковкин 2022, т. 1: 579]

Второй тип соотношения «глаголы – девербативы» предполагает восстановление структурного баланса по линии «два глагола СВ и НСВ – два образованных от них девербатива». Условно говоря, девербативные «видовые пары» образуются путем имперфективации (чаще): рус. *перегруппирование* – *перегруппировывание*, белорус. *перагуканне* – *перагукванне* и перфективации: рус. *писание* – *написание*, белорус. *чытанне* – *прачытанне*. Как отмечено в [Пчелинцева 2016: 17], «видовая парность» может создаваться корреляцией имен на рус. -*ниј(e)*, белорус. -*нн(e)*, с одной стороны, и с нулевым суффиксом или -*к-*, с другой стороны: рус. *пересаживание* – *пересадка*, белорус. *пераграванне* – *перагрэў*. Мы же сосредоточим внимание на корреляции членов, каждый из которых в паре оканчивается на рус. -*ниј(e)*, белорус. -*нн(e)*.

В белорусском языке тенденция к образованию двух коррелятивных девербативов, «копирующих» морфемную структуру мотивирующих глаголов, проявляется весьма широко, ср.: *абдзьмуханне* – *абдзьмухванне* ‘обдувание’, *апустошанне* – *апустошванне* ‘опустошение’, *замоўчанне* – *замоўчванне* ‘замалчивание’, *застрашанне* – *застрашванне* ‘устрашение’, *зменшанне* – *зменшванне* ‘уменьшение’,

² По данным Е.Э. Пчелинцевой, в русском языке модель а) встречается в 10 раз чаще, чем модель б) [Пчелинцева 2016: 14].

пагоршанне/пагаршэнне – *пагоршванне* ‘ухудшение’, *перагляданне* – *пераглядванне* ‘переглядывание’, *накіраванне* – *накіроўванне* ‘направление’, *намнажэнне* – *намножванне* ‘накопление/накапливание’, *расфарбаванне* – *расфарбоўванне* ‘раскрашивание’, *расхваленне* – *расхвальванне* ‘расхваливание’, *умацаванне* – *умацоўванне* ‘укрепление’ и др. Вторые члены данных пар, содержащие имперфективный показатель, несколько шире отражаются в современных словарях [Піскуноў 2012, Граматычны слоўнік назоўніка 2013], в отличие от [Тлумачальны слоўнік 1977–1984], создававшегося еще в 1970–1980-е гг. (из приведенных лексем в этом словаре отсутствуют *зменшванне* и *намножванне*), при этом такие лексемы в ряде случаев маркируют менее «официальный» вариант белорусского языка. Что же касается аналогичных пар в русском языке, они формируются менее активно.

Так, в результате поиска слов с финалью рус. *-овывание* и белорус. *-оўванне* типа рус. *опротестовывание*, белорус. *абгрунтоўванне* ‘обосновывание’ у нас получилась выборка из словарей, включающая 168 русских и 536 белорусских девербативов – разница более чем в 3 раза. При этом анализ таких существительных на предмет наличия соотносимого существительного без имперфективного суффикса типа рус. *опротестование*, белорус. *абгрунтаванне* показал, что только примерно 10 % из всего количества образуют такие корреляции в русском языке (17 пар): *замурование* – *замуровывание*, *истолкование* – *истолковывание*, *отпочкование* – *отпочковывание*, *переформирование* – *переформировывание*, *расквартирование* – *расквартировывание* и др. и примерно 33 % – в белорусском языке (162 пары): *дадрукаванне* – *дадрукоўванне* ‘допечатывание’, *завербаванне* – *завярбоўванне* ‘завербование – завербовывание’, *пераасэнсаванне* – *пераасэнсоўванне* ‘переосмысление – переосмысливание’, *распланаванне* – *распланоўванне* ‘распланировка’, *уладкаванне* – *уладкоўванне* ‘обустройство – обустройство’.

Остальные, согласно данным ресурсов [Академос] и [Піскуноў 2012, Граматычны слоўнік назоўніка 2013], не имеют нейтрального (без суффикса НСВ) члена пары на рус. *-ниј(e)*, белорус. *-ни(e)*: рус. *залакировывание* – **залакирование*, *переупаковывание* – **переупакование*; белорус. *выфарбоўванне* ‘выкрашивание’ – **выфарбаванне*, *падпільноўванне* ‘подстерегание’ – **падпільнаванне*.

Если говорить об употребительности членов пар, то лексемы с имперфективным показателем, как правило, употребляются на порядок реже, чем их корреляты. Многие из таких девербативов (*распластовывание*, *откомандировывание*) можно рассматривать как периферийное явление. Так, согласно НКРЯ, количественная характеристика употребительности членов пар при поиске по лемме выглядит так:

переименование – 728 словоупотреблений (основной подкорпус), 5347 (газетный), 289 (социальные сети), 24 (устный) vs. **переименовывание** – 1 словоупотребление (основной), 8 (газетный), 10 (социальные сети), 0 (устный);

откомандирование – 90 (основной), 33 (газетный), 0 (социальные сети), 0 (устный) vs. **откомандировывание** – во всех подкорпусах 0;

застрахование – 28 (основной), 2 (газетный), 0 (социальные сети и устный) vs. **застраховывание** – 1 (социальные сети), в остальных 0.

Стилистический и функциональный статус разных лексем с одинаковой структурой в русском языке неодинаков: одни девербативы на *-овывание* фиксируются словарями и являются узувальными, другие же – не только отсутствуют в лексикографических источниках, но и практически не встречаются в НКРЯ, их единичные употребления можно обнаружить в языке интернета и устной, профессиональной речи, такие единицы являются потенциальными. Так, по запросу *перегруппировывание* в НКРЯ не было зафиксировано ни одного вхождения, в результате поиска в Google Books обнаружилось 6 выдоч (всего в разных падежных формах; в основном узкоспециальная научная и научно-техническая литература), было выявлено несколько контекстов употребления данной лексики в интернет-коммуникации.

Что касается белорусских лексем, то практически не встречаются в реальном употреблении словарные девербативы, отмеченные в словарях типа *вытычкоўванне* ‘вывешивание’ (из геодезии), *вывяслоўванне* ‘выгребание’ (от *вясло*), *забуртоўванне* ‘забуртовывание’ (из сельскохозяйственной области), *закітоўванне* ‘залепливание’, *перакаліброўванне* ‘перекалибровка’ и др. Поиск в системе Google Books если и обнаруживает данные лексемы, то только в составе реестра словарей.

Между тем важным является вопрос о **семантическом соотношении** членов внутри девербативных пар, а также наличие / отсутствие аспектуальной корреляции девербативов с соответствующими глаголами. Гипотетически функциональный и семантический потенциал существительных в паре может распределяться таким образом:

а) по пути **четкого противопоставления** аспектуальных характеристик на уровне девербативов по аналогии с тем, как это происходит у мотивирующих глаголов;

б) по пути аспектуального **маркирования одного девербатива** (например, обладающего имперфективным суффиксом) и неразличения видовой характеристики другого;

в) по пути **нейтрализации аспектуальных характеристик** и одного, и другого отглагольного существительного.

Проведенный анализ показал, что как в русском, так и в белорусском языках дистрибуция членов аналогичных пар может зависеть от характера имперфективного суффикса одного из девербативов. Так, нами были исследованы пары на рус. *-овывание / -ёвывание*, белорус. *-оўванне / -ёўванне* типа рус. *перегруппирование – перегруппировывание*, белорус. *расфарбаванне – расфарбоўванне*. Такие пары развиваются скорее по второму пути. В этом смысле соответствующие морфы можно назвать «надежными» имперфективными показателями девербативов.

Как известно, «замещающий морф» *-ыва-* в глагольных формах русского языка не только выполняет свою основную функцию (СВ → НСВ), но и задействуется в периферийных типах видовой деривации [Панова 2022, с. 356], т. е., например, способен разрушать двувидовость посредством маркирования значения НСВ двувидовых глаголов. По нашим наблюдениям, наличие имперфективных суффиксов рус. *-(ов)ыва- / -(ёв)ыва-*, белорус. *-оўва- / -ёўва-* в основе девербативов обеспечивает их весьма четкое и последовательное противопоставление однокоренным отглагольным существительным без таких суффиксов в паре.

Проверенные нами девербативы с указанными показателями в подавляющем большинстве случаев употребляются именно в имперфективном значении:

(1) *У нас сегодня профессиональный праздник... – Превращения милиции в полицию? – встрял я. – Да нет же. Переименование в полицию для меня, по сути, как смена погоды. То есть ничего с этим лично не сделаешь, оно все равно состоится. Уже то есть состоялось* (СМИ) – имперфективный девербатив дает возможность представить действие как дпящееся, охватывающее настоящее и ближайшее будущее (*состоится* – СВ); при этом отглагольный субстантив и глагольные формы фиксируют изменение ракурса рассмотрения говорящим действия: сначала с синхронной точки зрения («изнутри») и – при самоисправлении – в ретроспекции (*состоялось* – СВ).

(2) <...> Г. Ф. Шершеневич права на **опубликовывание** и на **переделку произведения** включает в состав имущественных правомочий (научно-учебная лит.) – девербатив несет семантику не единичного факта, а способности субъекта многократно осуществлять действие – реализовать свое право.

(3) *Сярод агучаных школьнікамі ідэй – **выкарыстоўванне** падчас заняткаў VR-акуляраў, сімулятараў, анлайн-гульніяў і квестаў для нагляднага засвойвання вучэбнага матэрыялу* (СМИ) ‘Среди озвученных школьниками идей – использование во время занятий VR-очков, симуляторов, онлайн-игр и квестов’ – девербатив выражает значение НСВ – действие продолжительное, неоднократное, предполагающее приложение к разным объектам.

(4) *Цяпер вядзецца аббудоўванне на цэнтральным блоку (СМІ) ‘Теперь ведется отстраивание на центральном блоке’* – на имперфективное прочтение девербатива указывает глагол *вядзецца*, маркирующий незавершенность процесса.

Эта тенденция нарушается немногочисленными примерами, когда контекст предполагает однозначно перфективное прочтение (например, непоследовательно распределяются члены пары белорус. *аб’яднанне – аб’ядноўванне* ‘объединение’) либо отдельными случаями конфронтации аспектуальных маркеров:

(5) *Але я думаю, што ад 2012 года аббудзецца паступовае данасоўванне словаў да справы* (СМІ) ‘произойдет постепенное согласование слов и дела’ – глагол *аббудзецца* ‘произойдет’ указывает на законченное, результативное действие девербатива, а адъектив *паступовае* ‘постепенное’ – как раз на длительность этого процесса.

Немаркированные девербативы в парах без показателей рус. *-(ов)ыва- / -(ёв)ыва-*, белорус. *-оўва- / -ёўва-* способны выражать значения и СВ, и НСВ:

(6) *Разновидностью красных крестин считались «октябрины» — так чаще всего называли обряд переименования взрослых людей, нередко также проходивший в коммунах* [Н.Б. Лебина. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю // Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю, 2015] – имперфективность поддерживается коррелятивной причастной формой НСВ, а также лексемой *обряд*, семантика которого предполагает не единичное одноактное действие, а совокупность действий.

(7) *Улица Бахрушина до советского переименования носила название Лужнецкой — по находившейся здесь в XVII веке конюшенной дворцовой слободе Большие Лужники* [Д.П. Дроздов. Большая Ордынка. Прогулка по Замоскворечью от Москворецкого моста до Серпуховской площади (2017)] – с предлогом *до* реализуется перфективное значение.

(8) *Латышы змаглі пачаць рэальнае аббудаванне сваёй дзяржаўнасці* (научная лит.) – представлено имперфективное значение.

(9) *Герой марыць пра аббудаванне раскіданага дому, а значыць, аднаўленне страчанай цэласнасці Сусвету* (научная лит.) – маркеры аспектуальности отсутствуют, однако более вероятно, на наш взгляд, перфективное прочтение: мечта героя – осуществившееся, законченное действие.

Развитие по второму пути обнаруживают и пары с редкими в русском языке девербативами на *-авание*. В нашей выборке их насчитывается 17 (*вставание, доставание, задавание, заставание, издавание, обдавание, опознавание, отдавание, отставание, подавание,*

подавание, познание, преподавание, приставание, распознавание, расставание, узнавание), причем видовые пары образуют только 4 из них (*издание – издавание, опознание – опознавание, познание – познавание, распознавание – распознавание*). Согласно контекстам НКРЯ, имперфективный член пары практически всегда выражает значение НСВ, в то время как другой член обнаруживают семантическую амбивалентность.

В белорусском языке пары типа *перагуканне – перагукванне*, развиваются по третьему из обозначенных путей: такие существительные выступают преимущественно немаркированными единицами. Так, в контекстах (10)–(13) отражены возможности обоих deverбатов употребляться и в имперфективном, и в перфективном значениях.

(10) *Стан пацярпелых падчас абрушэння будынка ў Станькаве здавальняючы* (СМИ) ‘состояние потерпевших во время обрушения здания’ – употребление немаркированного, амбивалентного deverбатива в **имперфективном** контексте.

(11) *Сёння раніцай <...> адбылося абрушэнне даху і верхняга (трэцяга) паверха будынка дыспетчарскай* (СМИ) ‘произошло обрушение крыши’ – употребление немаркированного deverбатива в типично **перфективном** контексте.

(12) *Аднак у нейкі момант падраздзяленні атрымалі каманду на выхад. Пачалося абрушванне канструкцый* (СМИ) ‘началось обрушивание конструкций’ – употребление deverбатива с имперфективным показателем *-ва-* в **имперфективном** контексте.

(13) *На паўночным захадзе Пуэрта-Рыка адбылося абрушванне дамбы* (СМИ) ‘произошло обрушение дамбы’ – употребление deverбатива с имперфективным показателем *-ва-* в типично **перфективном** контексте.

О том, что такие белорусские deverбативы с суффиксом НСВ выступают скорее как формально-структурные варианты другого deverбатива в паре, а не его аспектуальные антиподы, свидетельствует и способность коррелятов употребляться в составе одних и тех же клишированных выражений. Возможность взаимозамен подтверждает немаркированность имперфективного суффикса и отсутствие закрепления за формальными различиями данных отглагольных имен аспектуальных признаков. Ср.:

(14) *Права абскарджання працэсуальных дзеянняў, пастаноў* (офиц.-деловая лит.) ‘право обжалования процессуальных действий’;

(15) *Скарыстаўшы права абскарджвання пры нязгодзе з атрыманымі адказамі, 16 грамадзян звярнуліся ў аблвыканкам* (СМИ) ‘использовав право обжалования’.

При отсутствии же надежных маркеров имперфективности / перфективности аспектуальная амбивалентность субстантивов подтверждается тем, что они допускают естественную трансформацию в глагольные формы как НСВ, так и СВ:

(16) МНС прагназуе **пагарышэнне** гідралагічнай абстаноўкі на Нёмане і рацэ Іпуць (СМИ) ‘МЧС прогнозирует ухудшение обстановки’ допустимо = абстаноўка будзе пагарышацца / пагоршыцца.

(17) Палітыка польскай улады ў дачыненні Заходняй Беларусі выклікала шматлікае незадавальненне насельніцтва, прыводзячы да **сталлага пагоршвання** становішча заходнебеларускага пралетарыяту і працоўнага сялянства (научно-учебная лит.) ‘Политика польской власти вызвала недовольство населения, приводя к постоянному/устойчивому ухудшению’ – возможно = становішча пастаянна пагаршалася / устойліва пагоршылася. Хотя прилагательное *сталы* ‘постоянный, неизменный; рассчитанный на долгое время, не временный’ [Тлумачальны слоўнік 1977–1984] склонно указывать на имперфективное значение определяемого слова, в данном контексте адъектив может обозначать неизменность, устойчивость наступившей ситуации, т. е. допускается и перфективное прочтение; аспектуальная трактовка существительного зависит от того, оператором каких сем девербатива выступает прилагательное – процессуальных или результативных.

Говоря о средствах, маркирующих то или иное видовое значение неоднозначного девербатива, отметим, что на грамматическом уровне существенных различий между языками нами выявлено не было. Как в русском, так и в белорусском **идентифицировать значение НСВ** в контексте позволяет:

– сочетаемость девербативов с существительными и предлогами, в которых уже актуализированы **процессуальные семы** (часто в составе генитивных конструкций, в компонентах которых смысловой множитель ‘процесс’ дублируется), в частности с существительными, указывающими на **постатпное** осуществление «под-действий», составляющих в совокупности единое целое: *Другое дело – процедура формирования правительства по итогам выборов в Думу* [Евгений Жеребенков. Учитель властвовать... // «Итоги», 2003.03.04]; см. также пример (6) с сочетанием *обряд переименования*; *Рэфінансаванне дапаможа вам у працэсе пагашэння студэнцкага крэдыту* (интернет) ‘Рефинансирование поможет вам в процессе погашения студенческого кредита’;

– сочетаемость девербатива с существительными и предлогами, имеющими в своей семантической структуре **сему рус. ‘время’, белорус. ‘час’** (особенно показательно указание на длительный промежуток времени, как рус. *век разделения государств*, белорус. *стагоддзе фарміравання*): *Во время возведения дома к саду подводятся все необ-*

ходимые коммуникации [Михаил Харит. Этапы большого пути // «Домовой», 2002.05.04]; *Афганское пекло стала доброй школой жьщца, асэсананнем перажьстага, часам сталення* (СМИ) ‘афганское пекло стало временем взросления’³.

– употребление *nomina actionis* с **фазисными глаголами** СВ и НСВ, с другими глаголами НСВ: *Но параллельно продолжається **создание** все новых и новых мифов* [В.М. Кулистикова, А.В. Пыжиков. Последнее лето империи // «Огонек», 2016]; *Завяршылі расследаванне аб міжнародным канале гандлю какаінам* (СМИ) ‘Завершили расследование о международном канале торговли кокаином’. При этом, когда описываются равноположенные, длительные процессы, может наблюдаться иррадирующее влияние предиката соседнего высказывания: *Зарастанне дрэвамі і хмызнякамі адбываецца праз стадыю бьльнягавасці травастаю. Напластоўванне расліннага ападу змушае адступіць нават такога магутнага эдыфікатара, як малінія блакітная* (научная лит.) ‘Зарастание деревьями и кустарниками происходит через стадию образования чернобыльникового травостоя. Напластование растительных остатков заставляет отступить даже молинию голубую’;

– распространение девербативов **прилагательными** со значениями **длительности процесса или повторяемости**: *С точки зрения классических теорий сопротивления длительное перенапряжение чревато срывами* [Анатолий Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019]; *Гісторыю свайго нараджэння і доўгага вяртання дадому яна* [Марыя Пятроўна] *ведае ад бацькоў* (СМИ) ‘Историю своего рождения и долгого возвращения домой Мария Петровна знает от родителей’;

– употребление девербатива **в форме мн. ч.**, что свидетельствует о повторяемости действия, его многообъектности: *Итальянцы не склонны, подобно моим соотечественникам, к переименованиям улиц...* [Юрий Лепский. В поисках Бродского // «Дальний Восток», 2019]; *У выніку шматвяковых выгнанняў і эміграцый армяне складалі толькі 20 % насельніцтва горада* (интернет) ‘В результате многовековых изгнаний и эмиграции армяне составляли только 20 % населения города’.

В то же время **перфективность актуализируется / усиливается**:

³ Интересно, на наш взгляд, поведение операторов, обозначающих краткий промежуток времени: *В момент пення птички приподнимают хвост, опускают крылья и почти непрерывно находятся в движении* [И.Г. Иерусалимский, В.М. Антонов, Н.И. Елифановский. Певчие птицы и волнистые попугайчики (1977)]. При буквальном прочтении предлога *в момент* и девербатива *пенне* происходит семантическое рассогласование по признакам «сжатая процессуальность, одноментность» – «протекание процесса». Явление дебуквализации семантики таких предлогов может стать предметом отдельного исследования.

– при употреблении девербативов с **предлогами**, указывающими на **последовательность локализованных во времени действий**, на **результативность** действия: см. пример (7); *Унук Яраслава Мудрага <...> Пасля ўзмужнення <...> быў апорай бацьку ва ўсім* (научно-попул. лит.) ‘Внук Ярослава Мудрого после возмужания был опорой отца во всем’;

– при сочетании девербатива с **глаголами**, обозначающими **завершенное, результативное действие**: *В ходе переориентации елки «на отечественную почву» и создания псевдофольклорной елочной мифологии и произошло оформление Деда Мороза* [Елена Душечкина. Дед Мороз и Снегурочка // «Отечественные записки», 2003]; *У 1978–1985 гг. у ААН адбылося ўзмацненне дыскусіі* (научно-учебная лит.) ‘В ООН произошло усиление дискуссии’;

– распространение девербативов **прилагательными**, актуализирующими **быстроту, мгновенность** осуществления действия: *Небяспечны вытворчы фактар <...> прыводзіць да траўмы ці іншага нечаканага рэзкага пагаршэння здароўя* (офиц.-деловая лит.) ‘Опасный производственный фактор приводит к травме или другому неожиданному резкому ухудшению здоровья’; *Чтобы обеспечить такое «почти мгновенное нагревание» воды, аппарат должен обладать достаточной мощностью* [Горячий «Источник» // «Наука и жизнь», 2009] – наречный распространитель прилагательного, в свою очередь, может усиливать или ослаблять перфективную семантику девербатива.

Завершая данный перечень, который не является исчерпывающим, подчеркнем, что если лексическая семантика или «надежный» имперфективный суффикс предполагают имперфективное прочтение, то перфективные маркеры не просто изменяют значение девербатива, а вносят определенный аспектуальный оттенок в его трактовку: рус. *после чтения*, белорус. *пасля кармлення* – ‘по окончании процесса чтения, кормления’. Кроме того, в одном контексте могут использоваться два маркера, свидетельствующие о противоположных аспектуальных характеристиках девербатива: *Падчас абрушэння даху, якое адбылося ў 9.55, два супрацоўнікі МНС знаходзіліся непасрэдна на ім* (СМИ) ‘Во время обрушения крыши, которое произошло в 9.55’ – *падчас* обычно маркирует имперфективность, а результативный глагол *адбылося* – перфективность. Более пристальное изучение таких контекстов позволит понять механизм нейтрализации аспектуального противопоставления.

Таким образом, анализ исследованных участков девербативных систем русского и белорусского языков показал, что в обоих языках есть тенденции к восстановлению количественного равенства между глаголами и девербативами: глагол СВ – девербатив СВ, глагол НСВ девербатив НСВ, однако в белорусском девербативы образуются

активнее. В обоих языках deverбатив без показателя имперфективности выступает более универсальным, немаркированным членом оппозиции: рус. *перегруппирование* – *перегруппировывание*, белорус. *умацаванне* – *умацоўванне*, он и более распространен в языковой практике. Суффиксы рус. *-(ов)ыва-* / *-(ёв)ыва-*, белорус. *-оўва-* / *-ёўва-* выступают относительно «надежными» показателями имперфективности: включающие их deverбативы последовательно передают НСВ как в составе «видовой deverбативной пары», так и выступая непарным существительным. Этим имперфективные deverбативы отличаются от многих имен, образованных от глаголов СВ, которые обнаруживают аспектуальную амбивалентность – неустойчивость семантического соотношения с глаголами СВ и НСВ.

Перечень средств, способных маркировать имперфективность и перфективность русских и белорусских deverбативов, на грамматическом уровне не обнаруживает существенных различий. В обоих языках идентификаторами семантики СВ и НСВ способны выступать существительные, предлоги, глаголы и др., актуализирующие продолжительность действия, его распространение на множество объектов либо мгновенность, однократность, результативность. В некоторых случаях встречается включение в один контекст аспектуально противопоставленных маркеров, что может стать предметом отдельного исследования.

Литература / References

1. Академос. [Электронный ресурс] URL: <https://orfo.ruslang.ru/>. Дата последнего обращения 28.10.2023.
2. *Ацаркина Т.А.* Семантика и функционирование отглагольных существительных в современном чешском языке / МГУ. М., 1985. 25 с.
3. *Бабровіч Т.П.* Адзяслоўныя назоўнікі (дэвербатувы) будаўнічай тэрміналогіі ў СМІ. [Электронный ресурс] URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/161294/1/267-269.pdf>. Дата последнего обращения 20.09.2023.
4. *Беларуская граматыка: у 2 т. / Пад рэд. М.І. Бірылы, П.П. Шубы.* Мінск: Навука і тэхніка, 1985–1986.
5. *Большой академический словарь русского языка: в 30 т. / Под ред. К.С. Горбачевича.* М.: СПб.: Наука, 2004–.
6. *Граматычны слоўнік назоўніка: А–Я / НАН Беларусі, Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры, Ін-т мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы.* Мінск: Беларуская навука, 2013. 1245 с.
7. *Иванникова Е.А.* К вопросу об аспекте изучения вида у отглагольных существительных в русском языке // Известия АН СССР. Отд. лит. и яз. 1972. Т. 31. Вып. 2. С. 113–123.
8. *Зализняк А.А.* Связь отглагольных существительных на -ние, -тие с глагольным видом // *Terra Balcanica. Terra Slavica.* 2007. Т. 9. С. 43–51.
9. *Монастыренко З.А.* Семантическая соотносительность производных и их производящих в современном русском языке // Вопросы языкознания и литературоведения. 1977. С. 65–72.
10. *Морковкин В.В., Луцкая Н.М., Богачева Г.Ф.* Большой универсальный словарь русского языка: в 2 т. / Под ред. В.В. Морковкина. М.: АСТ-Пресс, 2022.

11. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] URL: <https://ruscorpora.ru/>. Дата последнего обращения 28.10.2023.
12. Падоучева Е.В. Отпредикатные имена в лексикографическом аспекте // Информационные процессы и системы. 1991. № 5. С. 21–28.
13. Пазельская А.Г. Аспектуальность и русские предикатные имена // Вопросы языкознания. 2003. № 4. С. 72–90.
14. Пазельская А.Г., Татевосов С.Г. Отглагольное имя и структура русского глагола // Исследования по глагольной деривации / Под ред. В.А. Плунгяна, С.Г. Татевосова. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 348–380.
15. Панова Г.И. Морфология современного русского литературного языка. М.: Юрайт, 2022. 564 с.
16. Піскуноў Ф.А. Вялікі слоўнік беларускай мовы: арфаграфія, акцэнтацыя, парадыгматыка. Мінск: Зміцер Колас, 2012. [XIV, 1195 с.](#)
17. Пчелинцева Е.Э. Аспектуальные признаки в отглагольных именах действия в русском, украинском и польском языках / Ин-т лингвист. исслед. РАН (СПб). СПб., 2016. 44 с.
18. Русская грамматика: в 2 т. / Под ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.
19. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа. Мінск: Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, 1977–1984.
20. Ruzynina J. Nazwy czynności we współczesnym języku polskim. Warszawa: PWN, 1969.

ЛИНГВОРЕАЛИИ ВЕНДИНГА В ЧЕШСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: ОТ БАНКОМАТОВ К ПЕЛЬМЕНЕМАТАМ

И.Ю. Гранева, А.А. Мартинкова

THE LINGUISTIC REALIAS OF VENDING IN THE CZECH AND THE RUSSIAN LANGUAGES: FROM ATMs TO DUMPLING MACHINES

I.Ju. Graneva, A.A. Martinkova

ABSTRACT:

The purpose of the paper is to provide an overview of neological word formation, reflecting the linguistic development of the realities of vending in modern Czech and Russian speech. New formations according to the *X-mat / X-mam* model are highlighted as the embodiment of active processes in the Czech and Russian languages in the light of trends towards globalization and internationalization. It is shown that Czech and Russian new derivatives have much in common, and some differences are interpreted as a reflection of the specifics of national linguistic cultures.

Keywords: active processes in a language; globalization; neological word formation; the realities of vending; modern Czech and Russian speech

АННОТАЦИЯ:

В работе рассматриваются рефлексy неологического словообразования, отражающие языковое освоение реалий вендинга в современной чешской и русской речи. Новообразования по модели *X-mat / X-mam* освещаются как воплощение активных процессов в чешском и русском языках в свете тенденций к глобализации и интернационализации. Показано, что чешские и русские неодериваты имеют много общего, а некоторые различия трактуются как отражение специфики национальных лингвокультур.

Ключевые слова: активные процессы в языке; глобализация; неологическое словообразование; реалии вендинга; современная чешская и русская речь

В работе рассматриваются модели неологического словообразования, отражающие языковое освоение реалий вендинга в современной чешской и русской речи. В языковом воплощении данных моделей ярко проявляют себя активные процессы, происходящие в славянских языках в контексте общемировой тенденции к глобализации и интернационализации самых разных сторон культуры, в том числе и языков.

Явление глобализации сегодня выступает как ведущий тренд мировой цивилизации: «глобализм охватывает различные сферы жизнедеятельности человека и накладывает отпечаток на общество в целом» [Воронченко, Михина 2013: 356]. Применительно к проблемам языкового существования это явление находит свое отражение в процессах интернационализации языка, проникающих на все уровни языковой системы и ее речевого функционирования [Мартинкова 2015; Язык в гло-

бальном контексте 2018]. В этой связи актуальным становится концептуальное осмысление процессов глобализации и интернационализации в современных славянских языках как определенных форматов знания о действительности в условиях новых коммуникативных потребностей, а также как отражения изменяющихся социокультурных реалий [Активные процессы... 2022: 4].

В научной литературе в основном процессы глобализации связывают с лексико-семантическим уровнем: «Интенсивное пополнение словарного состава языка наблюдается в период общественных перемен, в результате которых появляются новые реалии, понятия, требующие номинации. К таким эпохам принадлежит и наше время» [Мельник, Штехман 2015]. Однако в то же время многие исследователи, говоря о тенденции к глобализации и интернационализации, отмечают и значительно возрастающую роль словообразования, подъём словообразовательной активности в современном коммуникативном пространстве. В этой связи примечательна мысль Е.И. Коряковцевой о том, что «деривационные процессы и отношения отражают способы усвоения знаний и опыта с помощью актуальных для данной эпохи корневых и аффиксальных морфем, используемых для объективизации новых концептов и связей» [Коряковцева 2016: 9]. В целях нашего исследования важно отметить, что многие новообразования отличаются значительной степенью лингвокреативности [Николина, Рацибурская, Фатхутдинова 2020].

В основе неодеривационных процессов в современных славянских языках чаще всего лежат англоязычные элементы, зачастую имеющие уже интернациональный характер: «<...> тенденция к интернационализации обусловила существование в славянских языках разных пластов интернациональной лексики: во-первых, уже вошедшие в язык греко-латинские элементы (*анти-*, *де-*, *гипер-*, *макро-*; *био-*, *эко-*; *-мани (я)*, *-фоби(я)* и др.), во-вторых, инновационные заимствования непосредственно из английского языка и активизировавшиеся под влиянием английского языка греко-латинские морфемы (*-инг*, *e-*, *wiki-/вики-* и др.)» [Мартинкова 2015: 75].

В центре исследовательского внимания в настоящей работе находятся чешские и русские неодериваты, отражающие реалии вендинга, т.е. созданные по активным словообразовательным моделям *X-mat / X-mat*. На наш взгляд, создание и функционирование указанных новообразований представляет значительный интерес в плане осмысления самого характера неодеривационных процессов, отражающих глобализацию и интернационализацию в современных славянских языках.

Вендинг – это явление нового времени, связанное с широким распространением интернет-технологий. Под вендингом понимается торговля с помощью автоматизированных систем. Клиент оплачивает и

получает товар или услугу благодаря техническим средствам без непосредственного участия продавца или иного специалиста. Появление по всему миру вендинговых автоматов обусловило и возникновение значительного количества неологизмов с интернациональным компонентом греческого происхождения *-mat*. Так, в Чехии распространены наименования *automaty na ...* (наименование товара), *nápojovú automat* ('автомат по продаже напитков'), *prodejní automat*, в России – *вендинговые автоматы, автоматы по продаже*. Очевидно, что в среде носителей языка формируется потребность в сокращенной номинации данных составных наименований в целях языковой компрессии. Источником активизации модели создания подобных окказиональных дериватов становится уже устоявшееся сложносокращенное слово *bankomat / банкомат*.

Это слово уже зафиксировано в современных словарях чешского и русского языков. Так, в чешском словаре иностранных слов [Nový akademický slovník cizích slov 2011: 98] слово *банкомат* трактуется как «*automat na peněžní styk pomocí platebních karet, peněžní automat*» – «автомат для кассовых операций с использованием платежных карт, банкомат» (пер. Автора) [Nový akademický slovník cizích slov 2011: 98].

Слово *банкомат* отмечено, например, в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова: «БАНКОМАТ, -а; м. Автоматическое устройство для получения наличных денег по кредитной карточке» [БТСРЯ 2000: 58]. Оно также зафиксировано в словаре-справочнике «Новые слова и значения»: «БАНКОМАТ, а, м. Автоматический аппарат, выдающий наличные деньги с банковского счета по индивидуальной карте клиента какого-л. банка» [НСиЗ-И 2009: 132]. Признаком языкового освоения этой лексемы в современном русском языке являются отмеченные в этом же словаре аффиктивные образования *банкоматный* и *банкоматовый* [НСиЗ-И 2009: 133].

Этимология этого сложносокращенного слова достаточно прозрачна ← фр. *banque* 'банк' + гр. *automatos* 'самодельствующий'. Однако модель образования этого слова представляется исконно славянской. Так, например, в русском языке слово *банкомат* является сложносокращенным дериватом на базе исходного словосочетания *банковский автомат*. Иными словами, интернациональный иноязычный корень *банк-* и греческий элемент *-mat* используется в чисто славянской модели, так как в английском языке-источнике данная реалия именуется совсем по-другому – посредством аббревиатуры *АТМ (Automated Teller Machine)*, реже – составным наименованием типа *cash machine, bank machine* и под.

При этом широкая распространенность этой реалии в жизни людей, а также развитие новых типов вендинговых услуг приводят к тому, что

данное слово в чешском и русском языках стало источником аналогических моделей образования сложносокращенных дериватов с устойчивым интернациональным элементом *-mat / -mat*.

Неодериваты по модели *X-mat* в чешском языке

Отражение в языке нашли уже достаточно устоявшиеся для чешской среды вендинговые реалии, например, автоматы по продаже молока – *mlékomat*: *Ještě před několika měsíci to s mlékomaty vypadalo zle a postupně mizely z mapy Česka. Nyní však zažívají renesanci, o automaty s čerstvým mlékem mají lidé čím dál větší zájem* [<https://www.denik.cz>]; кофе – *kávomat*: *Umístíme ve Vaší společnosti náš prodejní automat – kávomat* [<https://www.quavas.cz>]; яич – *vejcomat*: *Ve vejcomatech končí i část produkce Podniku pro výrobu vajec v Kosičkách* [<https://www.denik.cz/ekonomika/vejce-prodej-automaty-20221013.html>], а также специально отведенное место для «уличной библиотечки» – *knihomat*: *Dnes je knihomat už zaplněn a knihy slouží světu účelu* [<https://www.obecblatnicka.cz>]. Популярность завоевывают и автоматы по продаже проездных билетов – *jízdenkomat*: *Těší mě, že se nám již během prvního měsíce podařilo úspěšně zprovoznit další plánované funkce jízdenkomatů, které jsme cestujícím chtěli nabídnout. K dnešnímu dni bylo vydáno již přes 20 000 kreditních jízdenek a věřím, že nové jízdenkomaty teď budou využívány ještě častěji, uvedl generální ředitel DPO Daniel Morys.* [<https://zdravaova.cz>]. Национальные предпочтения представлены новообразованиями *burčákomat* (автомат по продаже бурчака, молодого вина из виноградных ягод, которые еще находятся в процессе первичного брожения), или *levandulomat* (установленные Праге, Пардубицех, Остраве и других городах автоматы по продаже лаванды).

Специфической чертой чешской языковой среды является использование новообразований по модели *X-mat* в нейминге интернет-сайтов по продаже или рекламе определенных товаров. Примерами могут послужить *svíčkomat* (svickomat.cz – интернет-магазин по продаже свечей), *dárkomat* (darkomat.cz – сайт по продаже различных подарков), *vinomat* (vinomat.cz – интернет-ресурс по продаже вина), или *letákomat* (letakomat.cz – сайт актуальных рекламных флаеров и акций разных супермаркетов). Подобное концептуальное значение ‘хранилище, все на одном месте’ имеет название интернет-сайта srandomat.cz, посвященного шуткам и юмору (от чеш. *sranda* ‘шутка’).

Неодериваты по модели *X-mat* в русском языке. В современной русской речи наблюдаются неодериваты, аналогичные выявленным ранее для чешского языка. Это, например, *книгомат*: *Книгоматы используются – но редко* [<https://daily.afisha.ru>]; *молокомат*: *Для фермерского хозяйства или молочного завода молокоmat – это вариант про-*

даже молока без посредников [<https://molokovend.ru>]; **кофемат**: **Кофематы** бывают настольные и напольные [<https://habr.com/ru/articles/73399/>]. Семантическое расширение сферы применимости данной модели дает в русском языке рефлекс **стихома́т** (по аналогии с исходным, чешским *veršomat*): *На ВДНХ открыли новый арт-объект – «Стихома́т». Автор — чешский энтузиаст Ондржей Кобза – приехал лично на презентацию* [<https://mirtv.ru/video/19861>].

Интернет-мониторинг русскоязычных источников выявил новообразования, не зафиксированные в чешской речи: **сокома́т** Уникальный **сокома́т** самообслуживания для супермаркетов OR FILL UP – настоящий эксклюзив от итальянской компании Oranfresh [<https://ipita.ru/novosti>]; **колбасома́т**: Я тут предложила коллегам пофантазировать и представить, что было бы, если бы «Мираторг» или какой другой мясной гигант придумал **колбасома́ты** [<https://lady.mail.ru/forum/>]; **спортома́т**: Торговый автомат спортивного питания – **Спортома́т-П**. Цена – 165000 руб. [<https://torgovets.com/>]; **пельменема́т**: Первые три «пельменема́та» проданы предпринимателям из Ижевска, Симферополя и Казани [<https://dzen.ru/>]; **плюшкома́т**: Наши сотрудники вендинговую машину ласково называют **плюшкома́том** [<https://pikabu.ru/>].

Спецификой актуализации русских новообразований с *-ма́т* является их использование в моделях «языковой игры», ироническое функционирование: ... *вот если бы поставили пивома́т, водкома́т и коньякома́т (для тех кто может себе позволить)... жизнь в БЦ стала бы ярче и полноценнее*)) [<https://ngs.ru/text/business/>].

Также отмечено образование неодериватов с метафорической мотивацией, когда слово с *-ма́т* используется для стяженного описательного именованья целой ситуации (фрейма): «**Доброма́т**» – *это устройство для сбора пожертвований бесконтактным способом с помощью банковской карты или смартфона* [<https://www.b-soc.ru/>]; *Вот и сегодня я бы хотела рассказать об изобретении Антона и Глеба под названием шу́ткома́т или позлотитель карточек. Это вот такая легю машина с 8 колесами и 2 гусеницами. Если засунуть карточку с одной стороны, то она прокатывается и машина вылевывает ее с другой стороны. Очень похоже на работу банкома́та* [<https://pereezd-rb.ru/>]. В чешской культуре *dobromat* – название сайта (dobromat.cz), обеспечивающего поддержку отдельных организаций (люди делают онлайн покупки, а провизия переводится в пользу выбранной организации), *srandomat.cz* – сайт, где собраны анекдоты и смешные видео. Популярностью пользуется интернет-приложение *nadávkomat* (‘руганема́т’), благодаря которой можно анонимно «выпустить пар», отправив текст сообщения на Rock Rádio.

В целом проанализированный материал обнаруживает существенное сходство в реализации моделей неодеривации *X-mat* / *X-mat* в чешском и русском языках. Некоторые расхождения могут быть связаны со спецификой отражаемых культурных реалий, ср. *burčákomat*, но *пельменемат*. В этих случаях, видимо, можно говорить об использовании интернациональных схем для отражения национальных особенностей, т.е. о действии тенденции, в известном смысле противоположной интернационализации. Также для русских неодериватов в большей степени характерно порождение игровых или метафорических новообразований, реализующих установку на лингвокреативность. Однако при этом все же отмечается общность проанализированных неологических процессов в словообразовании русского и чешского языков, что позволяет говорить о наличии сходных общеславянских моделей языкового освоения интернациональных элементов в национальных речевых практиках.

Литература / References

1. Активные процессы в русском языке новейшего периода: учеб. пособие / Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, Е.В. Щеникова, Н.А. Самыличева, В.А. Куликова, И.В. Палоши, Л. Ясаи, И. Хегедюш; под ред. Т.Б. Радбиля. М.: ФЛИНТА, 2022. 232 с.
2. Большой толковый словарь русского языка (БТСРЯ) / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2000. 1536 с.
3. *Воронченко Т.В., Михина А.Э.* Global english как фактор гибридности литературного текста // Фундаментальные исследования. 2013. № 11. С. 356–361.
4. *Коряковцева Е.И.* Очерки о языке современных славянских СМИ (семанτικο-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты). Siedlce: Uniwersytet PrzyrodniczoHumanistyczny w Siedlcach, 2016. 152 с.
5. *Мартинкова А.А.* Языковая интернационализация в славянских языках и их изучение в аспекте синхронии // Елабужские филологические чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / науч. ред. Д.А. Салимова. Казань: Центр инновационных технологий, 2015. С. 73–77.
6. *Мельник Ю.А., Штехман Е.А.* К вопросу о статусе неологизма в современной лингвистике [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–1. [Электронный документ.] URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=21100>. Дата последнего обращения 24.10.2023.
7. *Николина Н.А., Рацибурская Л.В., Фатхутдинова В.Г.* Новые явления в сфере деривационных формантов как отражение динамики словообразовательной системы русского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2020. Т. 19. № 2. С. 5–19. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.2.1>
8. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 2 т. (НСнЗ-1) / Сост. Т.Н. Буцева, Е.А. Левашов, Ю.Ф. Денисенко, Н.Г. Стулова, Н.А. Козулина, С.Л. Гонобоблева; Отв. ред. Т.Н. Буцева. Ин-т лингвистических исследований РАН. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. Т. I. 816 с.
9. Язык в глобальном контексте: Современная языковая ситуация как следствие процесса глобализации: Сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Отв. ред.: Потапов В.В., Казак Е.А. М.: ИНИОН, 2018. 202 с.
10. *Nový akademický slovník cizích slov: Nakladatelství Akademia, Praha, 2011.*

ТРАВЕЛОГ ЛАДИСЛАВА ВЕТВИЧКИ S JARKEM PO STO ROKACH OKOLO RAKUSKA-UHERSKA И ОСТРАВСКИЙ ЯЗЫК

A.I. Izotov

TRAVELOGUE BY LADISLAV VETVICHKA «S JARKEM PO STO ROKACH OKOLO RAKUSKA-UHERSKA» AND THE OSTRAVA LANGUAGE

Andrey I. Izotov

ABSTRACT:

Professor A.G. Shirokova insisted on the need for Bohemian students to get acquainted not only with the literary Czech language, but also with non-literary idioms represented in the Czech discourse. The article is devoted to the travelogue *S Jarkem po sto rokach okolo Rakuska-Uherska* (2019), written, according to the definition of the author of the travelogue Ladislav Větvička, in the "Ostrava language" (*ostravština*). The travelogue is a successful symbiosis of the southern dialects of Czech Silesia, literary Czech and partly everyday-spoken Czech. The appearance of such texts strengthens the position of the "Ostrava" (= Lyashsky = Czech-Silesian) microlanguage, which sounds in the reader's mind whenever texts are read on it.

Keywords: Czech language; Ostrava language; Standard language; colloquial koine; dialect

АННОТАЦИЯ:

Профессор А.Г. Широкова настаивала на необходимости знакомства студентов-богемистов не только с литературным чешским языком, но и с представленными в чешском языковом пространстве нелитературными идиомами. Предлагаемая статья посвящена травелогу остравского блогера и писателя Ладислава Ветвички *S Jarkem po sto rokach okolo Rakuska-Uherska* (2019), представляющему пример удачного симбиоза южных говоров чешской Силезии, литературного чешского языка и отчасти обиходно-разговорного чешского языка. Появление в электронном и печатном виде подобных названному художественных и художественно-публицистических текстов усиливает позиции «остравского» (= ляшского = чешско-силезского) микроязыка.

Ключевые слова: чешский язык; остравский язык; литературный язык; обиходно-разговорное койне; диалект

Профессор А.Г. Широкова настаивала на необходимости знакомства студентов-богемистов не только с литературным чешским языком, но и с представленными в чешском языковом пространстве нелитературными идиомами. Статья посвящена травелогу остравского блогера и писателя Ладислава Ветвички [Větvička 2019], написанному, по определению самого автора травелога, на «остравском языке» (*ostravština*).

Речь идет о нелитературном идиоме, который, бесспорно являясь частью чешского языкового континуума, занимает пространство вблизи пересечения границ континуумов чешского, польского и моравско-словацкого (= «восточно-моравского»). С польским ареалом его сближает (противопоставляя чешскому и моравско-словацкому ареалам), в частности, отсутствие фонологической долготы гласных и ударение на втором от конца (а не на первом от начала) слоге, с ареалом чешским – наличие <ř>, с ареалом моравско-словацким – неперегласованные окончания в словах с основой на мягкий согласный и т.д.

Автор «Самоучителя опавского языка» В. Скаличка метафорически иллюстрирует эту близость/удаленность идиомов перекрестком с указателем *Opavské nářečí* [чешск. ‘Опавские наречия’]: газон с одной стороны снабжен табличкой *Česká oblast* [чешск. ‘Чешский регион’], газон с другой – табличкой *Okřęg polski* [пол. ‘Польский регион’], с третьей стороны – табличкой *Slovenská oblast* [словац. ‘Словацкий регион’], а стрелки в соответствующих направлениях сообщают: «Литературный чешский язык – 3 км», «Обиходно-разговорное чешское койне – 5 км», «Польский язык – 6 км», «Польско-силезские наречия – 4 км», «Валашские [северные восточно-моравские] наречия – 2 км», «Словацкий язык – 4 км» и предлагает два составленных им отрывка «на опавском языке», первый из которых звучит почти по-словацки, а второй – почти по-польски:

1. *V zoologickej zahradě maju volny děň. Ružova opice a lemury možu čítať encyklopediu a hryžť šalát a kel. Navštevňnici idu preč. Hroch hraje hry na mobile, idě spat' do izby až něskoro rano. Dalši děň v paviloně vitaju cvičitěla. Ten ma šikovne ruky a robi kusky, jake ště eště něviděli! Oprata šlahně – a male morky se vykluvaju z vajvat! Viditě ich? Koněc show.*

2. *Raz bylo pani Volne zle. Tajak by ju nožicama pchal v pucheřině. V tym tydňu něbylo u nich dochtora, tuž šla do svych děcek. Martin ju vzal na vože s koněm. Specialistovu se něpodobať moč – něbyť žulty, jak zvykle. Pravěť, něch pani zonaně v špitale. Pani utěkla, bo se bała dochtoruv, až mušela ešče raz na WC. A tu brňknul do misy močovy kameň, a byl koněc bolešti.* [Skalička 2017: 9].

Этот идиом, не совпадающий с «силезским» микроязыком Силезии польской (чешск. *slezština*, пол. *język śląski*, нем. *Wasserpölnisch*), отражен во многих стихах номинанта на Нобелевскую премию по литературе 1970-го года Ондры Лысогорского, см. [Дуличенко 1993].

На большей части Силезии этот идиом известен как «моравский язык» (*moravština*), в Моравии и в части чешской Силезии – как «силезский язык» (*slezština*) или «пруссский язык» (*prajzština / prajsština*; аннексированная в 1742 году Фридрихом Великим северная часть Силезии

получила у её жителей и их соседей название «прусская», в отличие от оставшейся в составе Священной Римской империи «имперской» части), сами же носители данного идиома полагают, что они говорят просто «по-нашему», см. [Skalička 2017: 6].

В академической литературе в связи с данной территорией говорят о силезской (ляшской) группе чешских говоров, противопоставленной группе собственно-чешских говоров, группе центрально-моравских (= ганацких) чешских говоров и группе восточно-моравских (= моравско-словацких) чешских говоров, см. [Vělič 1972: 217-306]. Эти ляшские (=чешско-силезские) говоры распадаются, в свою очередь, на южную (моравскую), западную (опавскую) и восточную (остравскую) подгруппы, см. [Изотов 2022].

Мы попытаемся определить, как данные говоры чешской Силезии отразились в нарративе травелога *S Jarkem po sto letech okolo Rakuska-Uherska*, который, как и другие книги Л. Ветвички, можно заказать на сайте <https://eshop.knihuchran.cz/>.

Употребляемые автором травелога «остравские» слова, словосочетания и конструкции рассматривались нами на фоне литературного чешского языка, а также некоего общечешского дискурса, формируемого текстами Чешского национального корпуса и прежде всего текстами 5-миллиардного референтного репрезентативного корпуса современных чешских письменных текстов SYN_v.11, см. также [Изотов 2015].

Автор травелога характеризует себя как «остравского парня, который родился в Фифейде [район города Острава] в Чехословакии» (*ostravský cyp¹, se narodil na Fifejdách v Československu*), а язык, на котором

¹ В «Словаре нелитературного чешского языка» слово **суп** приводится с пометой *ostrav.* ‘остравский регион’ и интерпретируется как **1.** hlupák, někdy však bez podtextu v podobném postavení jako „týpek“ apod. ‘Простофиля, иногда в значении *типаж, парень*’ **2.** vulg. mužské přirození. ‘вульг. Мужской половой орган’. **3. jako cyp** nespecifické hodnocení charakteristické pro současný ostravský dialekt, analogie (dnes už nejen) brněnského „jak sviňá“. ‘как **Subj.** неопределенная характеристика, используемая в остравском диалекте в тех же ситуациях, что и брненское (а теперь вышедшее за его пределы) «как свинья», см. [Hugo 2009]. В рассматриваемом травелоге данная лексема встречается достаточно регулярно – в первом или третьем из приведенных значений, ср. *Kdybysem si byl býval ja cyp starý aspoň nechal nabít baterky do elektrokola!* ‘Ах если бы я старый **дурень** хотя бы зарядил электровелосипед!’ – *Cyp z Ostravy bucha na dveře zapadleho maďarskeho penziona, v kerem nikdy dva roky nespál... ‘Чудака* из Острavy ломится в двери задохлостного венгерского пансионa, в котором уже два года никто не ночевал...’ – *Nevim, jestli si dokážete představit depresi cypa, kery je zpoceny, smradlavý, ma v nohach 188 kilaku... ‘Не знаю, можете ли вы представить депрессию [не нашедшего обещанной гостиницы] **мужика** – потного, вонючего, проехавшего [в этот день на велосипеде] 188 км...’ – *Fronta zpocených lidí čekajících ve štyrcetistupňovém vedru, až bude do země vpuštěn jakýs cyp z Ostravy, se posunula o jednu příčku... ‘Очередь вспотевших на сорокоградусной жаре людей, ожидающих, пока через границу пропустят какого-то **чудака** из Острavy, продвинулась на одну позицию’ // *Bylo jaro roku 2014, počasí fajne jak cyp, takže bylo jasne, že Vlastika najdu na terase ‘Была весна 2014 года, погода чудная как сволочь, так что было ясно, что я найду Властикa на***

он пишет – «остравским» (*Tuž ale řekněte mi, čemu by mi byl stolety věk, když všeci okolo mě budu mrtvi a ja bysem měl psat pro ty mlade, kteří už ani nerozumi Ostravsky?* ‘Скажите, зачем мне жить сто лет, ведь тогда все вокруг меня умрут и мне придется писать для молодых, которые уже не понимают по-остравски?’).

Язык травелога близок говорам южной (моравской) подгруппы диалектов чешской Силезии, в которых, в частности, мягкие фонемы <ř>, <d> реализуются в звуках без шипящего (как в западной подгруппе) или свистящего (как в восточной подгруппе) призвука. Это, а также отсутствие в данной подгруппе встречающихся в говорах западной и восточной подгрупп некоторых других звуков, например, мягких [sʲ], [zʲ], неслогового [ɟ] или назального [ɟ̃], вместо которых употребляются соответственно твердые [s], [z], [ʃ] и обычный (неназальный) [u], позволило автору использовать для записи его текста стандартный чешский алфавит без дополнительных значков. При этом потерялось различие твердого [ʃ] и мягкого [ʃʲ], актуальное для силезских говоров, но не для литературного чешского языка, в истории которого они совпали в одном альвеолярном [ʃ], однако эта потеря для смысла текстов травелога не катастрофична.

Сюжет травелога основан на желании нарратора объехать (пусть не за один раз – это нереально) на велосипеде основные места, где бывал Ярослав Гашек – как на территории бывшей Австро-Венгрии, так и бывшей Российской империи. Сначала он совершает свои путешествия на обычном велосипеде, потом на электрическом, что позволяет ему одолевать действительно большие расстояния. Как это часто в жанре травелога бывает, описания дороги и дорожных происшествий чередуются с размышлениями на ту или другую историческую, социальную или политическую тему.

Подкарпатская Русь, куда нарратор, воспользовавшись безвизовым режимом, решил заехать на пару часов, а потом вернуться в Венгрию, понравилась ему настолько, что он там провел несколько дней, любуясь пейзажами и местной кухней, а также проводя под самогонку философские беседы с местными жителями.

терассе’. – *Maly pokojiček nevadil, horši bylo, že v něm bylo horko jak cyp*. ‘Маленькая комнатка [в пансионе] – это ничего, хуже было то, что там была жара как сволочь’ – *Lahoda jak cyp* ‘Вкуснятина как сволочь’. Ко второму из приведенных в словаре значений отсылает нежелание повествователя ночевать в венгерском пансионе с неприлично для жителя Остравы звучащим названием: *Vlastik by určitě řekl: „Ladik, přece nebudeš spat v penzjyonu s nazvem Cypkeš? To je Ostravaka nedustojne!“* ‘Властик бы наверняка сказал: «Ладик, ты же не будешь ночевать в пансионе, который называется *Cypkeš*? Это недостойно жителя Остравы!»’

В Боснии местная кухня также была, по мнению нарратора, превосходная, и воспроизвести что-то подобное плескавице дома у него так и не получилось.

На заданный немолодому боснийцу вопрос, когда же жилось лучше – при турках, при короле, при Гитлере, при Тито или сейчас, тот задумался и ответил: «Давай выпьем!»

Кладбище «в американском стиле» в Сребренице произвело на нарратора еще более гнетущее впечатление, чем посещение Освенцима в детстве.

Нарратор не хочет ни с кем спорить, он уважает покой мертвых, но действительно ли все, кто здесь похоронен, были безоружными мусульманами, перебитыми сербскими головорезами? Или же здесь похоронены также те мусульманские парни, которые под руководством Насера Орича совершали налеты на сербские деревни, убивали там сербов и сами были убиты? А также те парни, которые убежали от наступающих сербов прямо по минному полю? А где памятник двум тысячам погибших сербов из соседних деревень? Все эти мысли роились в голове нарратора, когда он слезал с велосипеда и шел к этому кладбищу в американском стиле.

Авторская горькая ирония проявляется к подписи к одной из приводимых фотографий: «Насер Орич на своей верной Хататитле², на которой он выезжал в окрестные сербские деревни, где ничего плохого не делал, у жителей которых не тронул и волоска и не поджег ни одного дома, ведь международный суд в Гааге признал его чистым как лилия».

Восхищаясь красотами южнославянских пейзажей («Босния и Герцоговина – рай на земле»), нарратор вспоминает «о старой доброй Югославии и о Тито» и фиксирует различия в отношении к прошлому в сербских, хорватских и мусульманских поселениях.

Размышляя об Австро-Венгрии и о первой мировой войне, нарратор обращается к фигуре императора Франца-Иосифа I, правившего империей 68 лет, да к тому же, как говорят, тайного отца Т.Г. Масарика – первого президента Чехословакии.

Проезжая через Венгрию, нарратор, которому никак не удается найти после целого дня езды на велосипеде ночлег (намеченная по интернету гостиница оказалась закрытой уже несколько лет, во второй также найденной по интернету – куда он на всякий случай позвонил по телефону – в результате не оказалось свободных мест (а телефонную трубку брала престарелая родственница владелицы гостиницы, которая ничего не понимала и просто поддакивала), в третьей единственная якобы свободная комната на самом верхнем этаже оказалась, когда нар-

² Хататитла (= Молния) – лошадь Старого Шаттерхенда, полученная им в подарок от Виннету.

ратор вместе с велосипедом доковылял до неё, занятой) смог глубоко прочувствовать слова сапера Водички (одного из колоритных персонажей романа Гашека) относительно венгров.

Оказавшись в Закавказье, нарратор с удовольствием фотографируется на фоне огромного мозаичного панно с Лениным, а также фиксирует рекламу «Джентльмен-клуба» с неприлично звучащим для чеха названием³, на еще на Коммунистической улице.

Добравшись до Волгограда, нарратор посещает музей, основанный на месте пленения Паулюса – командующего самой крупной военной группировки Второй мировой войны.

Поскольку нарратор повсюду рассказывает в военной пилотке времен Австро-Венгрии, он нередко слышит, особенно от посетителей ресторанов с чешской кухней «Швейк, иди сюда!».

Нарратор фотографируется и на фоне дома семьи Ульяновых в бывшем Симбирске, и на фоне бывшего здания военной комендатуры в Бугульме, где во время Гражданской войны служил Я. Гашек.

Заканчиваются путешествия нарратора в венском Café Central, где он размышляет, что бы всего интересного он мог заказать здесь из кухни различных входивших в Австро-Венгрию народов, если бы «престарелый Франта Йозеф не попался на удочку интриганов». Автор травелога разделяет мнение ряда историков, что первая мировая война была спровоцирована интригами британских политиков для того, чтобы остановить стремительно растущую экономическую мощь Германии и не менее стремительно растущую политическую мощь Российской империи.

Лексические особенности авторского текста названного травелога были нами проанализированы в [Изотов 2023], а его грамматический строй – в статье «Остравский язык в нарративе травелога», направленной нами в журнал «Славянский альманах».

Подводя итоги сказанному, следует констатировать, что появление в электронном и печатном виде подобных рассмотренному ярких художественных и художественно-публицистических текстов, с одной стороны, разрушают исторически сложившуюся на территории региона диглоссию, так как нелитературный идиом проникает в позицию литера-

³ Převět (z latinského locus privatus – soukromé místo) je typ středověkého záchodu. Objevuje se na hradech, zámcích i jiných stavbách. Jednalo se zpravidla o malé arkýře umístěné na krakorcích, které dotvářejí kolorit celé stavby. Žádný splachovací systém nebyl potřebný, neboť o patřičný odvod výkalů se zpravidla postarala sama gravitace. Tento výraz, respektive jeho počestěná forma „prevít“, se stal nadávkou a synonymem pro nečestného člověka. ‘Prevět (от лат. locus privatus – личное пространство) – тип средневекового отхожего места. Встречался в замках, крепостях и других строениях. Речь идет о небольшом эркере на торчащих из внешней стены балках, что завершало колорит всего здания. Смысловая система отсутствовала, так как об удалении фекалий заботилась гравитация. Это слово, принявшее в чешском языке форму prevít, стало ругательством и обозначением нехорошего человека’ (<https://cs.wikipedia.org/wiki/Prev%C3%A9t>).

турного, с другой – усиливают позиции «остравского» (или ляшского, или чешско-силезского) микроязыка.

Литература / References

1. Дуличенко А.Д. Литературная ляштина Ондры Лысогорского в контексте западнославянских языков и в связи с литературными микроязыками современной Славии // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. М.: Наука, 1993. С. 151–161.
2. Изотов А.И. Диалект в чешском художественном тексте // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2015. № 3(15). С. 115–126.
3. Изотов А.И. Чешская диалектология. М.: МАКС Пресс, 2022. 184 с.
4. Изотов А.И. Ляшский (чешско-силезский) микроязык в практическом учебнике и в авторском тексте травелога: лексика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т.16. 2023. № 9. С. 2536–2543.
5. Bělič J. Nástin české dialektologie. Prc.aha: SPN, 1972. 464 s.
6. Ferguson Ch. Diglossia // Language and Social Structures / Ed. Giglioli P.P. London: Penguin, 1972. P. 232–251.
7. Hugo J. Slovník nespisovné češtiny. Praha: Maxdorf s.r.o., 2009. 501 s.
8. Skalička V. Opavština pro samouky. Štěbořice: Matica slezská, 2017. 192 s.
10. Větvíčka L. S Jarkem po sto letech okolo Rakuska–Uherska. [Poruba:] Literární & cestovatel'ský klub Ladislava Větvíčky v edici Heitzmann Production, 2019. 209 s.

<https://doi.org/10.29003/m4105.978-5-317-07174-5/85-91>

ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕШСКОЙ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ И ТЕРМИНОЛОГИИ В ТРУДАХ Я.С. ПРЕСЛА

А.А. Индыченко

FORMATION OF CZECH NATURAL SCIENCE NOMENCLATURE AND TERMINOLOGY
IN THE WORKS OF J.S. PRESL

A.A. Indychenko

ABSTRACT:

The article examines the history of the formation of Czech terminology of natural sciences – botany, zoology, chemistry, mineralogy, geology, technology in the works of Professor J. S. Presl (1791–1849), a representative of the second generation of the Czech national revival. Special attention is drawn to the contribution of other Slavic languages to the development of Czech natural science terminology, especially to the various types of reception of Russian scientific terminology by J.S. Presl.

Keywords: Czech literary language; national revival; natural science terminology; nomenclature; phytonyms

АННОТАЦИЯ:

В статье рассматривается история складывания чешской терминологии естественных наук – ботаники, зоологии, химии, минералогии, геологии, технологии в трудах профессора Я.С. Пресла (1791–1849), представителя второго поколения чешского национального возрождения. Отдельное внимание обращается на инославянские источники пополнения чешской естественно-научной терминологии, в особенности на различные виды рецепции Я.С. Преслом русской научной терминологии.

Ключевые слова: чешский литературный язык; национальное возрождение; естественно-научная терминология; номенклатура, фитонимы

Вопросы истории формирования лексического состава чешского литературного языка на протяжении многих лет оставалась в поле зрения А.Г. Широковой как педагога и ученого, свидетельством чему являются соответствующие разделы очерков развития чешского литературного языка в созданных ей учебниках [Широкова 1961: 258-286], [Широкова, Васильева, Едличка 1990: 12-22], а также разделы в коллективных монографиях и статьи, написанные в соавторстве с Г.П. Нецименко, в которых предложено точное описание и глубокий анализ развития чешского литературного языка в период национального возрождения (конец XVIII – 1-я треть XIX вв.) [Широкова, Нецименко 1978а; Широкова, Нецименко 1978б; Нецименко, Широкова 1981].

В работе [Широкова, Нецименко 1978а: 72] отмечается большое значение для формирования чешской научной терминологии трудов Я.С. Пресла. В отечественной славистике информация об этом выдающемся деятеле чешского национального возрождения и его наследии ограничивается отдельными упоминаниями, в связи с чем нам представляется важным дать краткий очерк его научного пути и подчеркнуть его вклад в формирование научной терминологии в XIX в. в общеславянском контексте.

Деятельность Яна Сватоплука Пресла (1791–1849) является уникальным примером того, как усилиями одного человека была создана терминологическая база национального языка в области сразу нескольких естественно-научных дисциплин: ботаники, зоологии, палеонтологии, химии, минералогии, геологии, технологии. Термины и наименования, предложенные в трудах Я.С. Пресла, вплоть до сегодняшнего дня составляют значительную часть чешской научной лексики.

Я.С. Пресл принадлежит ко второму поколению «будителей» – деятелей второго периода национального возрождения, специфической особенностью которого стало постепенное расширение сферы применения чешского литературного языка, его стабилизации и обогащения словарного состава [Широкова, Нецименко 1978а: 49–50]. Деятельность Я.С. Пресла по созданию чешской научной терминологии в контексте задач, которые ставили перед собой будители, хорошо описываются следующей цитатой из его труда по химии: «Что нам оставили древние о природоведении, химии и иных естественных науках? <...> Поскольку иные народы постепенно продолжали развивать науки эти, в той же мере находили выражения для новооткрытых предметов. Но мы, чехи, плененные судьбой, внезапно стремимся встать на тот уровень, до которого иные росли два столетия»¹.

Он родился в Праге в 1791 г. в семье предпринимателя, где через три года, в 1794 г., появится еще один сын – Карл Борживой Пресл, будущий соратник и соавтор Я.С. Пресла. Уже в ранней юности оба брата увлеклись ботаникой и занимались составлением гербариев. В 1816 г. Я.С. Пресл окончил Карло-Фердинандов университет в Праге, где изучал медицину и естественные науки. Именно профессором естественных наук – зоологии и минералогии – Пресл почти 30 лет прослужит в своей альма-матер (1820–1849). В 1821 г. Я.С. Пресл принял участие в создании первого научного журнала на чешском языке «Крок», и вплоть

¹ «Co nám stařj zůstawili o přjrodnictwj, lučbě a giných wědách přjrodných? <...> Poněwadř ginj národowé zponěnhla pokračowali s wywinowanjm wěd těchto, w té mjě nalezali výrazu pro nowonalezéne wěcy. My ale Čechowé osudem uchwácenj náhle snařjme se na stupeň postawiti, pro který ginj za dwa celé wěky dospjwali» [Presl 1828:1].

до закрытия оставался его главным редактором (1821–1840) [Hoffmanová 1973: 12, 22, 25, 45].

К 1819 г. относится первая работа Я.С. Пресла, написанная в соавторстве с К.Б. Преслом, в которой были заложены основы научной ботанической номенклатуры на чешском языке – «Flora Čechica» [Presl, Presl 1819]. Данный труд представляет собой первое систематическое описание чешской флоры (522 рода, 1498 вида растений), выполненное в соответствии с принципами бинарной классификации К. Линнея (существительное в названии обозначает род, прилагательное – вид). В предисловии к работе в самом общем виде описаны источники предлагаемых авторами номенклатурных наименований растений исходя из их приоритетности: в первую очередь это труды «отечественных авторов», в меньшей степени – авторские новообразования, в последнюю очередь – заимствования из польского и русского языков [Presl, Presl 1819: XII]. В целом данный подход соответствует программе обогащения словарного состава, предложенной автором первого словаря чешского языка современного типа Й. Юнгманом с его приоритетом языкового узуса предшествующих эпох и привлечением материала родственных славянских языков [Широкова, Нещименко 1978а: 65–66]. Отметим, что уже в этом труде обнаруживается значительное количество лексики, заимствованной из российских источников либо созданной по образцу русского названия. Руководствуясь материалами, представленными в [Mašek 1954] и [Orloš 1972], в «Flora Čechica» нами обнаружено 32 родовых названия растений, источником введения которых в чешскую ботаническую номенклатуру был русский язык (28 из них сохранились в научном обороте до настоящего времени). Для иллюстрации различных способов адаптации русской лексики Я.С. Преслом приведем некоторые примеры:

1) заимствования лексики с сохранением денотата: чеш. *durman* для *Datura* [Presl, Presl 1819: 45] от рус. *дурман* [САР 1790: 796; Анненков 1878: 123];

2) заимствования и фонетической адаптации лексики с сохранением денотата: чеш. *klikva* [Presl, Presl 1819:84] для *Vaccinium oxycoccus* от рус. *клюква*; чеш. *řebčik* для *Fritillaria* [Presl, Presl 1819: 74] от рус. *рябчик-трава* [Анненков 1878: 148]; чеш. *žlutucha* для *Thalictrum* [Presl, Presl 1819: 113] от рус. *золотуха* [Анненков 1878: 352];

3) заимствования лексики для иного денотата: чеш. *pitulník* для *Galeobdolon* [Presl, Presl 1819: 121] от рус. диал. *питульник* для *Galeopsis* [САР 1793: 826; Анненков 1878: 150];

4) использования заимствованной лексики для создания авторского наименования для иного денотата: чеш. *čilimník* для *Cytusis* [Presl, Presl

1819: 149] от рус. *чили́м* для *Typha natans* [САР 1794: 754; Анненков 1878: 357].

Особенный интерес в этой связи представляет вопрос об источниках, из которых Я.С. Пресл мог почерпнуть информацию о русских названиях растений, т.к. к 1819 г. на русском языке не существовало единого свода ботанической номенклатуры. В этой связи указывалось на труды П.С. Палласа, на ботанические словари К.А. Кондратовича, Н.М. Максимовича-Амбодика, а также на лексикографические труды И.А. Гейма (В.А. von Heim) и С. Линде (S.G. Linde) [Orloš 1972: 45–46]. Более подробное изучение этого вопроса в контексте всего корпуса ботанических трудов Я.С. Пресла позволит уточнить круг его российских источников.

В то время как в «*Flora Čechica*» было представлено систематическое описание местной чешской флоры, в последующих ботанических работах Я.С. Пресла предлагаются наименования, дается подробное описание растений всего земного шара, а также разрабатывается общепотаническая терминология. Речь идет о незаконченном многотомном труде «*O přirozenosti rostlin, aneb Rostlinář*» (I том в соавторстве с ботаником Ф. фон Берхтольдом – 1820, II том – не вышел, III том в 3 частях – 1823–1825) и о поздних работах Я.С. Пресла «*Všeobecný rostlinopis*» (1846) и «*Počátkové rostlinosloví*» (1848). Естественно, что в указанных трудах при создании номенклатурных наименований Я.С. Пресл еще в большей степени, чем в «*Flora Čechica*», прибегает к инославянским источникам. В первом томе труда «*O přirozenosti rostlin, aneb Rostlinář*» при описании принципов терминообразования отдельным пунктом прописывается правило: «не должны использоваться иные названия, нежели славянские»². Далее, предворяя обширный список вводимых в научный оборот фитонимов, автор указывает, что далее названия, взятые из русского языка, будут маркироваться литерой R, из польского – P, из «иллирийского» – II, авторские названия будут обозначаться M, а иностранные/чужие (*cizí*) – C [Berchtold, Presl 1820: 215]. Несмотря на значительное количество отступлений как от принципа использования исключительно славянских основ, так и от систематической маркировки источников заимствования, очевидно, насколько важным для Я.С. Пресла была ориентация на материал «сестринских» (*zseštěných* – [Presl, Presl 1819: XII]) славянских языков.

К сожалению, этот масштабный проект подробной иллюстрированной ботанической энциклопедии не был завершен в связи с недостатком финансирования. Стремившийся сделать свои труды достоянием не только ученых, но и широкой читательской аудитории, Я.С. Пресл наряду с номенклатурой и ботаническим описанием включил в три кни-

² «*Neužijwegtež se žádná gména, nežli slowanská*» [Berchtold, Presl 1820: 213].

ги III тома подробную информацию о лекарственных свойствах растений, их применении в кулинарии и в быту. Отметим, что при описании свойств растений, произрастающих на территории России, автор неоднократно ссылается на работы П.С. Палласа, И.Г. Гмелина, С.П. Крашенинникова, Ф.К. Биберштейна, а также приводит этноботаническую информацию о применении растений в народной медицине и быту народов, проживающих на территории России. Эта информация представляет значительный интерес как для филологов, так и для специалистов по этноботанике.

Принципы, предложенные Я.С. Преслом при создании ботанической номенклатуры, будут им реализованы в трудах по различным естественно-научным дисциплинам: **зоологии** («Navržení soustavy živočichů podle tříd, řádů a rodů, a spolu pokus zčeštění potřebných v živočišstvu názvů», 1821–1831; «Ssavectvo. Rukověť soustavná k poučení vlastnímu», 1834), **минералогии** («Nerostopis», 1837), **геологии** («Barona Jiřího Cuviera Rozprava o převratech kůry zemní...», 1834, перевод сочинения Ж.Кювье³), **технологии** («Obširné prstonárodní pojednání o řemeslech a umělostech čili Technologia všeobecná...», 1836–1837, дополненный перевод сочинения Г. фон Поппе).

Наиболее стройной и совершенной представляется номенклатура и терминология, разработанная Я.С. Преслом в области **химии** («Lučba čili chemie zkusná», 1828). Для обозначения химических соединений им было предложено 5 суффиксов в соответствии с валентностью (-*ny*, -*natý*, -*itý*, -*ový*, -*ělý*), позволяющих идентифицировать степень окисления по названию вещества (например, CO – *oxid uhelnatý*, CO₂ – *oxid uhličtý*), что выгодно отличает чешскую химическую номенклатуру от соответствующих подсистем в иных языках. Также Я.С. Преслом были созданы чешские наименования химических элементов с суффиксом -*ík*, основанные на их характерных свойствах либо местонахождении. Многие из них постепенно были вытеснены международными эквивалентами (например, *barvík* для хрома от *barva* ‘цвет’, *chaluzík* для йода от *chaluha* ‘бурые водоросли’), однако 10 пресловских наименований для элементов представлено в современной чешской химической номенклатуре (H – *vodík*, O – *kyslík*, A – *dusík*, C – *uhlík*, Na – *sodík*, K – *draslík*, Al – *hliník*, Mg – *hořčík*, Si – *křemík*, Ca – *vápník*). Примечательно, что и при создании химической номенклатуры Я.С. Пресл учитывал и творчески переосмыслил инославянские образцы – в предисловии он ссылается на

³ Отметим, что этот труд Я.С. Пресла наряду с указанным выше сочинением по зоологии «Ssavectvo» упоминается в романе К. Чапека «Война с саламандрами» [Чапек 1975: 521].

первый польский учебник химии А. Снядецкого – «при этой работе светил мне Снядецкий сочинением по химии на польском языке»⁴.

В заключение укажем, что неустанные труды по созданию чешской научной номенклатуры и терминологии, а также выдающиеся достижения Я.С. Пресла в естествознании привлекали внимание его российских современников. Нами обнаружено упоминание перевода Я.С. Преслом работы Ж. Кювье в статье Н.И. Надеждина «Европеизм и народность, в отношении к русской словесности» («Гелескоп», 1836) [Надеждин 1972: 435]. На уникальность научного наследия Я.С. Пресла указывал в своей работе «Взгляд на чешскую литературу» (1838) М.И. Касторский: «Пресл найдет в этом мире всегда должную дань почитания и удивления, но редко найдет подражание» [Касторский 1838: 34]. И действительно, по обширности охвата материала труды Я.С. Пресла в процессе формирования славянских литературных языков являются уникальным явлением. Вместе с тем, имеются многочисленные свидетельства влияния его наследия на процессы формирования научной терминологии в иных славянских языках – словацком, хорватском, болгарском и др. [Šlosar, Večerka, Dvořák 2009: 122–123; Orloš 1972: 16].

Литература / References

1. Анненков Н. И. Ботанический словарь. СПб: Типография императорской академии наук, 1878. 648 с.
2. Касторский М.И. Взгляд на чешскую литературу. СПб: В типографии императорской академии наук, 1838. 39 с.
3. Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика. М: Художественная литература, 1972. 575 с.
4. Нецименко Г.П., Широкова А.Г. Особенности формирования литературного языка чешской нации в эпоху национального возрождения // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М.: Наука, 1981. С.179–197.
5. Словарь Академии Российской. Часть II. СПб: при Императорской Академии наук, 1790. 1200 с.
6. Словарь Академии Российской. Часть IV. СПб: при Императорской Академии наук, 1793. 1272 с.
7. Словарь Академии Российской. Часть VI и последняя. СПб: при Императорской Академии наук, 1794. 1068 с.
8. Чапек Й. Собрание сочинений в семи томах. Том II. М: Художественная литература, 1975. 704 с.
9. Широкова А.Г. Чешский язык. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1961. 351 с.
10. Широкова А.Г., Нецименко Г.П. Становление литературного языка чешской нации. // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М.: «Наука», 1978. С. 9–85.
11. Широкова А.Г., Нецименко Г.П. Возрождение чешского литературного языка как необходимый компонент формирования чешской нации. // Славянские культуры в

⁴ «Při této práci my Sňadecký spisem o lučbě polským gazykem napsaným swjtil» [Presl 1828: III].

- эпоху формирования и развития славянских наций. Материалы международной конференции ЮНЕСКО. М.: «Наука», 1978. С. 128–133.
12. Широкова А.Г., Васильева В.Ф., Едличка А. Чешский язык. М.: Издательство Московского университета, 1990. 344 с.
 13. Berchtold F., Presl J.S. O přirozenosti rostlin, aneb Rostlinář. Praha: U Karla Wiljma Endersa, 1820. 324 s.
 14. Hoffmannová E. Jan Svatopluk Presl. Karel Bořivoj Presl. Praha: Melantrich, 1973. 296 s.
 15. Machek V. Česká a slovenská jména rostlin. Praha: Nakladatelství ČSAV, 1954. 368 s.
 16. Orłóš T. Z. Zapożyczenia słowiańskie w czeskiej terminologii botanicznej i zoologicznej. Kraków: Nakładem Uniwersytetu Jagellońskiego, 1972. 176 s.
 17. Presl J.S., Presl K.B. Flora Čechica. Indicatis medicinalibus, oeconomicis technologicisque plantis. Kwětena Česká. S poznamenáním lékařských, hospodářských a řemeslnických rostlin. Pragae: In comissis apud J.G. Calve, 1819. 224 s.
 18. Presl J.S. Lučba čili chemie zkusná. Praha: U Jozefy Fetterlové z Wildenbrunnu, 1828. 279 s.
 19. Šlosar D., Večerka R., Dvořák J., Malčík P. Spisovný jazyk v dějinách české společnosti. Praha: HOST, 2009. 180 s.

ИЗ СЛОВЕНСКЕ МИКОНОМАСТИКЕ: СРП. БЛАГВА¹

Мaja Калезић

AN OUTLINE OF THE ONOMASTIC ESSAY ON MYCONIM BLAGVA

Мaja Kalezić

ABSTRACT:

The work is an etymologico-phytonomastic essay in which by detailed semasyologico-onomasiological analysis is reconstructed the process of naming unit *Blagva* - the name for *fungus* that is encountered in *codices*, herbals, collections and other records representing *in latissimo sensu* traditional terminological lexicons from the so called pre-Linnaean systemic period - by an onomatourgos, considering social opportunities that *we read* from codes hidden in the iconic names structure *a posteriori* assumed to belong more often to the semantic field in which the names for the so-called toxins from nature are obtained, which is why it can be understood the reason why traditional onomatourgos or why traditional compilers of folk botanical nomenclatures *felt* that these strikingly different bioentities should be included among botanicals – thus incorporating them as *mini-corpus* of bio-onomastic designs for reference *realia* within the systematics and nomenclatures of the wider botanical *corpora*.

Keywords: phytonymy; traditional botanical lexicon; nature's nomenclature of *toxins from nature*; mykonomastics; etymology.

АННОТАЦИЈА:

Рад представља етимолошко-фитономастички оглед *sui generis*, у којем се детаљном семасиолошко-ономастиолошком анализом грађе реконструира процес именовања срп. *Благва* – назива за гљиву на који се налази у кодексима, хербалима, фитонимијским збиркама и другима списима који представљају прегледе *in latissimo sensu* народне специјалистичке лексике из пре-Линеовског периода систематике биофеномена – од стране народног ономатурга, које детерминишу друштвене прилике које се *уичућавају* из кодова скривених у иконимској структури назива за које смо *a posteriori* утврдили да пре припадају семантичком пољу у којем се остварују називи за тзв. отрове из природе због чега се може разумети зашто је народни ономатург и зашто су састављачи традиционалне ботаничке номенклатуре сматрали да ове упадљиво другачије биоентитете треба уврстити међу ботаничке – инкорпорирајући на тај начин један готово неодвојиви за то време мини-корпус био-ономастичких десигната

¹ Ова студија је произишла из научноистраживачког рада који се спроводи у одсеку *Лингвистичка истраживања савременог српског језика и израда Речника* САНУ Института за српски језик САНУ уз финансијску подршку Министарства науке, технолошког развоја и иновација Републике Србије (бр. Уговора за 2023. годину: 451-03-47/2023-01) и у оквиру етимолошких истраживања српског језика у циљу израде етимолошког речника у Етимолошком одсеку Института за српски језик САНУ уз финансијску подршку Министарства науке, технолошког развоја и иновација Републике Србије (бр. Уговора за 2022. годину: 451-03-68/2022-14 и бр. Уговора за 2023. годину: 451-03-47/2023-01).

за референтне реалије у оквиру систематике и номенклатуре ширег ботаничког корпуса.

Кључеве слова: фитонимија; ботаничка народна специјалистичка лексика; номенклатура отрова из природе; микономастика; етимологија.

Рад «Из словенске микономастике: срп. Блава» представља део ширих истраживања који су посвећени етимологији назива и етимологији текстова – *in strictissimo sensu* етимологији традиционалних ботаничких назива и ботаничких номенклатура и таксономија писаним народним језиком које су настале у тзв. пре-Линеовском периоду, тачније у периоду који се према и/или у оквирима епистемологије односно препознавања корена настанка и могућности системског/систематског организовања људског сазнања (*in concreto* о ботаници и биоентитетима) може одредити као период који почиње обнављањем и ревизијом Природне философије класичне антике преко латинских превода углавном грчких текстова и њиховог асимиловања у наредним вековима пре свега у исламским истраживањима посебно утицајним у Западној Европи од 10–13. века све до револуције у науци и научној методи која се одвијала током 15. и 16. века о којој В. Вивел пише: <Among the most conspicuous of the revolutions which opinions on this subject have undergone, is the transition from an implicit trust in the internal powers of man's mind to a professed dependence upon external observation; and from an unbounded reverence for the wisdom of the past, to a fervid expectation of change and improvement. The origin and progress of this disposition of mind;—the introduction of a state of things in which men not only obtained a body of indestructible truths from experience, and increased it from generation to generation, but professedly, and we may say, ostentatiously, declared such to be the source of their knowledge, and such their hopes of its destined career; – the rise, in short, of Experimental Philosophy, not only as a habit, but as a Philosophy of Experience, is what we must now endeavour to exhibit.> [Whewell 1860: 57].

Одједи и утицаји Природне и Емпиријске философије протежу се све до данас. Из овог периода потичу два изузетно значајна кодекса како за изучавање српске и јужнословенске народне ботаничке номенклатуре, таксономије и друге специјалистичке лексике која се у њима појављује тако и за изучавање историје ботанике, посебно ботаничке систематике и таксономије: а. Хиландарски медицински кодекс (сачувани препис највероватније с краја 15. или почетка 16. века) писан српкословенским језиком са много елемената српског народног језика са гла јужне Србије који се могу самеравати са савременим стањем говора призренско-тимочког дијалекта, као и са стањем у косовско-ресавском дијалекту [Јовић 2012: 34–35]. Због чињенице да су особине народних говора потврђене у старој српској писмености од посебног значаја за компаративну лингвистику, историјску

дијалектологију и етимологију, овај Кодекс вишеструко је значајан и за изучавање културног наслеђа српског народа *in generale*, и б. Codex Liber de simplicibus Benedicti Rinii, medici et philosophi veneti (cod. Marc. Lat. VI, 59 = 2548) – хербал и вишејезични фитонимијски речник <[which] is a testimony to the earliest and widespread use of *medicina botanica* and its special herbal *remedia* among the South-Slavic people many of which were also recorded in later lexicographical works. Numerous questions related to this Codex, despite many contemporary significant contributions in which they have already been dealt with, unfortunately still stay open (they mainly concern the identity of *manuscriptor* of the Codex and the sources that the author was using when compiling it). So far, there is only one generally accepted assumption: it concerns existing of numerous attestations of evidence that confirms the possibility that this Codex can be considered one of the oldest systematically presented South-Slavic phytonymic collections>². Овај средњовековни споменик важан је не само за изучавање историје фармакогнозије и фармакопеја већ и за изучавање упоредне јужнословенске и словенске лингвистике и лексикографије. Спис садржи називе за биљке на највише пет језика (латински, грчки, арапски, *sclavonice* и *teutonice*). Питање читања словенских назива – *sclavonice* и његове идентификације, остаје до данас отворено. Хуманистички лекар и природописац Ulisse Aldrovandi, за потребе својих записа на вероватно и због своје полиглотске знатижеље, око 1571. године исписивао је потврде назначене *cum detrminativum de lingua – sclavonice*, које је он назвао *nomi illirici*. Алдровандијев се рукопис налази у Болоњи под бројем 136 (цитирано је место: vol.V, с. 208 и с. 231). Будући да је Алдрованди путовао дужином целог Јадрана и да је сарађивао са чувеним Шулековим *извором* Матиолијем, не чуди нас што се занимао за словенске називе биљака са подручја Јадранског приобаља.³ [cf. Vajs 1995: 176–177].

² В. Kalezic M. Venenum: an insight into the realm of poison through the neoplatonist key-hole for identifying venenum in 15th century's South-Slavic nomenclatures // International Journal of the Platonic Tradition (in print). Вредне податке о поменутом «Codex Liber de simplicibus Benedicti Rinii, medici et philosophi veneti» (cod. Marc. Lat. VI, 59 = 2548) в. у [Bezljaj 1973/1974: 185–162; Vajs 1995: 175–187; Vajs 2003: 41–42; Pitacco 2002: 11–23; Đokić 2006: 73–74].

³ Овде би требало у вези са изразом *sclavonice* упоредити запис у «Дјелима словенских краљева» <Svevladio dedit regionem quae Slavonice dicitur Podagoria [raško Podgorje], Latine Submontana, et has iupantias: Onogoste, Moracia, Comarniza, Piva, Gerico, Netusine, Guisemo, Com, Debrea, Neretva et Ramma (GRS I: 118)>. <Није сигурно да ли је Подгорје, које се по опису «Дјела словенских краљева» простира од Оногошта и Мораче до Неретве и Рама као посебна, прелазна област у саставу првобитне Србије, уистину постојало, или је, заједно с именом, књижевна фикција ([ИСН I: 162, нап. 14, ИЦГ I: 314–316, Новаковић С. 2003/1880: 152–166]; с поменом на црногорска Брда, Стојан Новаковић је уверен да је морало бити некакве посебности ове области, макар у домену физичке географије, 163–166)> [Савић 2017: 96–97].

У пре-Линеовским ботаничким номенклатурама⁴ као *denotata designatum*-а-хиперонима *благва*, регистровано је више биородова и њихових врста који, са данашњег гледишта научне ботаничке систематике, припадају радије систематици гљива него ботаничкој систематици. Већ због саме сложене конструкције синонимијских морфизама које успоставља *designatum благва* и његова *denotata*, настојали смо да овај назив сагледамо не само у историјском корпусу, који понајпре темељимо на грађи почев од најстаријег референтног списка De abiete et de fungo abietis, до Шулековог Именика биља из друге половине 19. и Симоновићевог Ботаничког речника из средине прошлог века, већ и кроз компаративни приступ референтном јужнословенском и севернословенском фитонимијском и миконимијском материјалу. Другим речима, фитонимијско-миконастичка анализа онима *благва* спроведена је у овој студији на различитим нивоима и из угла различитих лингвистичких система: а. лексикографског, б. морфонолошко-семантичког у историјско-компаративној и етимолошкој перспективи, в. ономастичког (кроз семасиолошко-ономасиолошки анализу назива *благва*) и г. термиолошког. На тај

⁴ Осврћући се у прошлост, не можемо заобићи чињеницу да је човек одувек тежио да именује, опише, и класификује све оно са чим се у природи сусретао, сав тај *склад* или *хаос*, сходно томе како ко објашњава природу и све оно што у њој постоји. Још су Аристотел (384–322 п.н.е.) и његов ученик Теофраст (370–285 п.н.е), у 4. веку п.н.е., проучавајући биљке увидели сличности и разлике међу њима и покушавали да их разврстају и систематишу. Теофраст је све њему познате биљке класификовао у три групе: зеласте биљке, жбунове и дрвеће. Грчки лекар Диоскоридес је познавао преко 500 лековитих биљака које је разврстао према својствима и употреби на отровне, зачинске и ароматичне, због чега се може сматрати претечом и оснивачем фармаколошке ботанике. Током средњег века биљке су углавном груписане према начину коришћења на лековите, хранљиве, отровне, итд. Још од 17. века, разноврсност живог света на Земљи, онолико, колико је у то време била позната, привлачила је пажњу природњака и лекара, универзалног образовања, који су покушавали да опишу биљне и животињске врсте и да их на одређен начин систематишу. У то време су се појавиле и прве варијанте доследнијег разврставања и именовања врста применом биномне, биноминалне или бинарне номенклатуре, која је подразумевала двоимено означавање биљних или животињских организама, при чему је први део имена било латинско име рода, док је други део имена (епитет) ближе описивао одређену врсту датог рода. Једну варијанту бинарног система биљака примењивали су, неких 200 година пре Линеа, швајцарски ботаничар, браћа Гаспар (1560–1624) и Јохан (1541–1613) Баухин. Доследним научним напорима, Карл Лине је успоставио конзистентну употребу биноминалног именовања биљака и животиња, као и класификацију утемељену на хијерархијском принципу сродничких група (таксона вишег ранга), због чега се извесно може сматрати “оцем таксономије”. Таксономија (пореклом од грчких речи *taxis*, ред, положај и *nomos*, закон) је наука о закономерној сређености, односно класификацији живих организама. Она обухвата именовање, описивање, рангирање и разврставање организама по хијерархијском принципу од еволутивно старијих и једноставнијих до млађих, савремених и сложенијих облика. Предлог нове класификације Лине је изнео у два дела, *Systema Naturae* и *Species Plantarum*, штампана 1753 године. Систем класификације који је успоставио Лине, мењао се упоредо са развојем ботанике и зоологије те је временом ревидиран и допуњаван. Овај процес усаглашавања класификације живих бића траје и остаје и до данашњих дана један од интригантних биолошких проблема [cf. Стевановић 2007: 7–15].

начин антиципиран и конципиран референтни корпус, састоји се од језичких потврда које не подлежу увек унапред утврђеним системским/систематским анализама какве се могу спровести у анализи корпуса који попуњавају *designata* инвентарисана у научним ботаничким номенклатурама, будући да семантички развој народне специјалистичке лексике, како је то већ опште прихваћено у савременој терминолошкој науци, иде својим путем који се мора разјаснити различитим лингвистичким методама: етимолошком, лингвогеографском, дијалектолошком, концептуалном, итд. што је управо и био примарно циљ овог рада. Наравно нису могле бити изостављене ни философске и философско-антрополошке спекулације *in latissimo sensu*; другим речима, готово све претходне студије произишле из нашег истраживачког рада на поменутиим језичким и референтним вањезичким феноменима наглашавају дијалектички приступ истим. Наиме, мишљења смо да језички феномени, поготово када се ради о терминолошким системима, не могу стајати независно од *phaenomena universi*. Другим речима, тешко је прихватљиво да се овде ради о два независна идентитета који случајно долазе у контакт. Напротив, како то и Ферклоф примећује, ради се о блиско повезаним феноменима на фундаменталном нивоу, тј. о њиховом суштинском и дијалектичком односу јер <linguistic phenomena are social phenomena of a special sort, and social phenomena are in part linguistic phenomena> [Fairclough 1989: 23]. Било како било, Ферклоф не поставља овом тврдњом нове хипотезе и научне теорије. Бројним еминентним славистима и лингвистима дијалектички приступ обради језичке баштине није непознат, напротив, он је посебно примењив и видљив, нарочито када је у питању постављање оквира за изучавање језичких феномена и њихових односа са онима из сфере уметности – као још једног концепта мишљења са манифестацијама *sui generis*. Хрватски лингвиста и класични филолог Дубравко Шкиљан у Динамици језичких структура пише: <дијалектички приступ јеziчкој дјелатности, за разлику од нпр. класичног структурализма [Škiljanov termin], омогућује да се јеziчни феномен објасни у свом totalitetу и у својој punoj дубини; он међусобно повезује до сада izolirane облике lingvističkih истраживања у cjelini и umnogome проширује дјелатно подручје lingvistике. То изискује дијалектичку reinterpretацију lingvističke баштине и изdvajaње onih njezinih tekovina које би могле бити на корист тако (дијалектички) конципираној lingvističkoј будућности> [Škiljan 1976: 22]. Ваљало би овде напоменути и то да дијалектички приступ ставља акценат на синтезу која подиже саставне елементе на ниво општег, конкретно на ниво апстрактног и сумира све многострукости у једну целину односно једну јединицу која је даље подложна евентуално новом раслојавању, чиме се преко елементарних долази или до комплексних појмова или се исти поново разлажу на још једноставније. Водећи се, дакле, дијалектичким приступом обради

језичких феномена створили смо морфичку мрежу која прецизно показује пут повезивања различитих терминологија, што на нивоу обраде једне лексеме односно једног термина јасно указује на то како је дошло до појаве различитих и међусобно неповезаних семантичких реализација једне лексеме, односно, или еквивалентно и консеквентно томе, како је дошло до ретерминологизације одређеног термина у смислу његове делимичне или потпуне трансформације и преласка у други треминолошки корпус или у једен његов специфично структуриран, целовит и готово издвојен део, а да путеви тог преласка односно транзиције не остану у тами. У оквирима поменуте мреже у овом раду управо откривамо могућности етимолошке интерпретације миконима *благва* и детерминисања његовог термиолошког статуса.

Номенклатура (и таксономија) гљива у пре-Линеовским биономенклатурама представља један строго затворени десигнацијски подсистем у оквиру система именовања ботаничких реалија. Гљиве су саме по себи чудновато растиње, за посматраче – готово тајанствено магичног карактера; оне одступају од другог растиња пре свега по месту и начину раста и по свом начину живота, а потом и по својој употребној вредности спрам човека; хабитус гљива је неупадљив или често невидљив, а може се чак и помешати са другим формама биоентитета који у симбиози са њима живе. У вези са последње исказаним треба посебно нагласити чињеницу да су гљиве варијабилног и непостојаног раста и до у бескрај су склоне трансформацијама и мутацијама, тако да се из њих, готово преко ноћи, непрестано рађају нове врсте или прелазни облици односно биоморфоструктуре које остају без јединствене дефиниције, што свакако на нивоу науке изазива таксонимијске потешкоће. Наиме, сваки ономастичар у ономасиолошко-семасиолошкој реконструкцији процеса именовања реалије од стране ономатурга свакако полази или *vice versa* долази до ономастичких или тзв. *дијагностичких обележја* који су послужили као мотив од којег полази сваки процес именовања референтне реалије који по правилу свакако мора бити верификован у релевантној и референтној научној литератури која за стожере мора имати научно ботаничку систематику, таксономију и номенклатуру. Када се приступи анализи именовања гљива, најстарије тзв. традиционалне пре-Линеовске биосистематике, таксономије и номенклатуре као и оне пренаучне дисциплине *simile de re*, без обзира на форму у којој су до нас стизале, не бележе велик број десигната за ово посебно царство биоентитета које се у тзв. пренаучном периоду сматрају делом ботанике. Тако у класичном латинитету те у класичном грчком језику наилазимо понајпре на термин *fungus* који представља *designatum*-хипероним за све родове и врсте гљива, и тек касније, тачније од првог века нове ере па надаље, почињемо да наилазимо у литератури на парне структуре као основне јединице организације оног дела ботаничке систематике која се односи на

структурирање гљива које човек временом упознаје; следствено томе, у покушају да се направи одговарајућа референтна номенклатура, појављују се аналогне биномне или парне структуре назива које у бити представљају, с обзиром на семантику садржаја, *designata inter se opposita*, према параметрима који важе и за дуалну односно парну структуру система класификације односно систематике гљива, а ти параметри су везани за хабитус, хабитат и *usus fungi* – нпр. живи у земљи vs не живи у земљи, живи на дрвету vs не живи на дрвету, живи у симбиози vs не живи у симбиози, итд, што се касније развија у различитим семантичким смеровима. Такав пример налазимо у најстаријем референтном латинском пару *fungus vs boletus: живи на дрвећу vs живи на земљи*). Слично налазимо и у најстаријим поменути традиционалним системима како у српском тако и у другим словенским језицима. Свакако треба напоменути да, уважавајући принцип динамике у језику у оквирима дијалектике на коју смо се раније осврнули, ове парне структуре замењују временом друге организационе структурне јединице не само у биосистематикама него и њиховим номенклатурама, но и даље остаје интересантна чињеница да је народна номенклатура за гљиве у речницима или збиркама речи писаним на пример језиком јужних Словена на Балкану до краја 18. века врло оскудна – помиње се тек неких десетак најтипичнијих родова/врста међу којима су нпр. *благва, вргањ, смрчак, печурка, млијечница и тартуф*. Већи број назива – више од 600, али без идентификација (sic!) – налазимо тек у другој половини 19. века у Шулековом Именику биља. Због разноликог дијалекатског порекла назива, Шулек није ни покушао да одреди о којим је родовима односно врстама реч. Дакле, иако традиционална номенклатура миконима постаје богатија и заступљенија она и даље представља један затворени лексички дијасистем и концептуалну класу *sui generis*; с тога језички опис и структурација референтних назива остаје и даље у фокусу интересовања многих ономастичара.

Бавећи се корпусом тзв. *дијагностичких обележја* за именовање отрова из природе, дошли смо до готово идентичног *круга* мотива за именовање гљива што потврђује и симболика која се приписивала гљивама у различитим културама током праисторије све до данас која је *via modo sui generis* концептуализовала иста горе поменута *дијагностичка обележја*. Како смо већ претходно у тексту напоменули, јединствени обрасци раста гљива, физички изглед и посебно њихова биолошка својства која су им омогућила да делују у биосфери показујући магичне готово метафизичке ефекти са којима су се људи упознавали најпре путем сензорних система а потом и у покушају да их уведу у свакодневни јеловник, учинили су ово царство живих ентитета извором инспирације и фасцинације за многе људе. Гљиве се виде као симбол многих ствари и појава, укључујући плодност, рођење, смрт, ново рођење, просветљење, духовну трансформацију, итд. Сходно

претходном, изнећемо предлог корпуса *дијагностичких обележја* који је дефинисан према ботаничким критеријумима као што су нпр. место раста (понајпре), општи изглед биљке, употребна вредност, итд, но на начин на који се *они* рефлектују у симболичким представама које попут тајног језика (гљива), омогућавају људима да комуницирају дубља значења (изнад површинског *наратива*) и исказују емоције кроз аудио-визуелне репрезентације и сл. – што је резултирало с формирањем шест референцијалних група:

1. Плодност: у различитим културама широм света, гљиве су повезане са моћном симболиком која се често односи на плодност и поновно рођење. То је због њихове невероватне способности да брзо расту и да се појављују готово ниоткуда или уздижући се из дубине земље на готово магичан начин.

2. Препород/трансформација: гљиве су сматране симболима трансформативне моћи природе, јер би брзо ницале након падавина или других природних догађаја; осим тога гљиве су имале удела и у различитим вештинама лечења током историје цивилизације.

3. Обнова/регенерација: гљиве су посматране као симболи обнове и регенерације вероватно због њихове јединствене способности да напредују у срединама где друге биљке не могу да преживе, као што су тамне шуме или природна поноришта.

4. Смрт/пропадање: иако су уобичајено препознате као симбол живота и раста, гљиве такође могу представљати смрт и пропадање због својих јединствених образаца раста. Многе врсте гљива расту на распадајућој органској материји попут мртвог дрвећа или животињских остатака, што је навело извесне културе да их повезују са смртношћу и циклусом живота.

5. Просветљење/духовни преображај: гљиве имају дугу историју коришћења због својих психоактивних својстава, а докази о њиховој употреби датирају хиљадама година уназад. Садрже разна психоактивна једињења, као што су псилоцибин и псилоцин, која могу изазвати дубоке промене у перцепцији, мишљењу и емоцијама. У многим културама, гљиве се виде као *канал* ка другим световима, омогућавајући појединцима да се повежу са духовима, божанствима или прецима. Употреба гљива у духовне и верске сврхе није ограничена само на домородачке културе. У западном свету, употреба *психоделичних* гљива је постала популарна током контракултурног покрета 1960-их и 1970-их, при чему су их многи појединци користили да истражују свест и прошире своје разумевање природе стварности. Истраживања су показала да употреба гљива које садрже псилоцибин може довести до мистичних искустава, која се одликују осећањем јединства, трансцендентности и неизрецивости. Ова искуства су повезана са позитивним променама у расположењу, понашању и

ставовима, као и са трајним променама у особинама личности као што су отвореност, креативност и духовност. Иако њихова употреба може бити корисна за лични раст и духовно истраживање, важно је приступити им са опрезом и поштовањем и тражити одговарајућу специјалистичку подршку када се користите у ове сврхе.

6. Мистерија/илузија/магија: гљиве су вековима у људској култури повезиване са мистеријом, илузијом и магијом. Један од главних разлога за ову асоцијацију је њихова *неухватљива* природа: многе врсте расту скривене од погледа, а њихово присуство открива се само у плодишту које повремено излази изнад земље. Овај тајновити образац раста дао је гљивама интригу и мистичност. Штавише, физички изглед гљива може бити прилично чудан и *ванземаљски*, са широким спектром боја, облика и текстура. Неке су јарких боје и изгледају као да светле у мраку, док су друге прекривене брадавицама или шиљцима. Укупан ефекат које [њиме] остављају је често надреалан и налик на снове, што доприноси осећају мистерије који окружује ове фасцинантне организме. У древном европском фолклору, на пример, веровало се да су гљиве биле места становања вила и других магичних створења.

Гљиве су такође имале важну улогу у књижевности и уметности, где се често користе као симболи скривеног знања. У делима уметника попут Салвадора Далија и Ренеа Магрита, гљиве се често приказују као надреални објекти који провоцирају нашу перцепцију стварности.⁵

До предложеног корпуса дошли смо пре свега упоредном анализом предлинеовских латинских назива који се налазе у већини наших речника и упоређивањем с потврдама из класичних писаца и средњовековних номенклатура које су често биле извор нашим народним ономатурзима. Класични су писци (Плиније, Теофраст, Диоскурид, Колумела), као и средњовековне номенклатуре темељно *обрађени* и за њих је утврђен корпус мотива за именовање према линеовској систематици и референтној литератури из области фамације, фармагнозије, фармакопеја и медицине [cf. Marzell]. То нам је био оријентир који нам је помагао при сасатвљању корпуса мотива *ad nomen fungi nominandum*.

Са последње изложеном, враћамо се претходно дефинисаном *framework*-у, односно спољашњем оквиру презентације лингвистичких анализа у којем смо их спроводили и који их обједињава – а то је принцип анализе и интерпретације језичке баштине у светлу дијалектике. Фитонимијска грађа најчешће је представљена у лексикографским делима. Интерпретације порекла назива *благва* у српском језику бројне су и могу се наћи такође у великом броју

⁵ Наведени критеријуми се свакако код неких врста гљива међусобно преплећу.

лексикографских дела, посебно оних који се тичу етимолошке лексикографије. Но ни до дана данашњег, колико нам је познато до овога тренутка, нити постоји детаљнија и опширнија ономастичка студија која износи целовиту језичку анализу миконима *благва* нити постоји опште прихваћена етимологија односно интерпретација изворног порекла и значења овог назива, а његов терминолошки статус је детерминисан у оквирима ботаничке терминологије чак и данас. ЕРСЈ 4 s.v. *благва*, тек нотира као могуће тумачење за које смо установили према горе изнетим постулатима да је највероватније; наиме, иако без солидних аргумената и само на основи супрфицијалне морфонолошке анализе, ауторка одреднице даје предност другим бројним тумачењима; из написаног није сасвим јасно у којем су семантичком пољу тј. од којег корпуса мотива полазе (ономасиолошке) примесе на основу којих се нуде многобројне интерпретације порекла и основног значења овог назива што (њ)их без сумње чини мање убедљивим, а понеке и потпуно невероватним. Но оно што свакако у овом истраживању чини новину у односу на приказано у ЕРСЈ 4 s.v. *благва* јесте промена дискурса – проблеми и противречности које се јављају у анализама језичких феномена, које се током процеса суочавају као антитезе, резултују решењем или новим разумевањем званим синтеза који је довео до дизајнирања аргументоване и на тај начин солидне платформе за реконструисање етимолошког прототипа лексеме *благва* и детерминисање њеног терминолошког статуса. Наиме, повезивањем свих горе поменутих логичких примеса на основу којег је формиран *pattern* за примену постулираних анализа и могућност реконструисања процеса именована једне реалије и изношења чврстих аргумената *pro et contra* предложеног прототипа – *designatum*-а и његовог изворног значења – свакако је дуг дијалектичком приступу обраде језичке баштине.⁶

У закључку овог рада, у оквиру скице за (евентуални и/или неки други будући) етимологијски (лексиколошко-) лексикографски приказа лексеме *благва*, изнећемо тумачење њеног порекла које, на основу свега

⁶ Неколико примера лексикографских одредница у оквиру којих су приказана тумачења изворног порекла миконима *благва* дато је на сликама бр. 1 [ЭССЈ 2: 173]. [Електронски извор.] URL: <https://etymolog.ruslang.ru/doc/essja02.pdf>. Последњи пут приступљено сајту 16.01.2024. 2, 3 и 4 [ЕРСЈ 4: 32–34]. [Електронски извор.] URL: https://www.academia.edu/108983940/%D0%95%D1%82%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%88%D0%BA%D0%B8_%D1%80%D0%B5%D1%87%D0%BD%D0%B8%D0%BA_%D1%81%D1%80%D0%BF%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3_%D1%98%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D0%BA%D0%B0_4_%D0%91%D0%9B_%D0%91%D0%89_Etymological_Dictionary_of_the_Serbian_Language_4_BL_BLj_?ri_id=72024. Последњи пут приступљено сајтовима 16.01.2024 – на завршним страницама овога рада.

претходно написаног, имамо разлога да сматрамо утемељенијим и тиме веродостојнијим у односу на досадашње понуђене интерпретације:

Потврђеност лексеме (и њена ареална дистрибуција): *благва* f. назив за неке врсте јестивих и нејестивих гљива: *Amanita caesarea*, *Boletus regius* Шулек [РСА], *blagva* ‘гљива *Boletus regius*’, Стули ‘*fungus regius*’ босански Хрвати, Белостенец [Ѕ.], ‘*Boletus regius*’ Јамбрешић, Волтићи [РЈА], *благва* назив за неке врсте гљива: вргањ, *Boletus edulis*, рујница, *Amanita caesarea*, печурка, *Psalliota campestris*, ‘млеч, *Lactarius piperatus*’ [РНККЈ], *бла'гва* ‘гљива *Amanita caesarea*’ Тимок [Кожелџац], *благвић* m. ‘гљива *Boletus regius*’ Хрватско приморје?, Шулек [РСА; РЈА], *благвица* f. dem. од *благва*, *благдовић* m. Сремски округ? ‘гљива, *Boletus regius*’ [РСА].

Упоредни словенски материјал: буг. дијал. *благата* назив за гљиву *Phallus impudicus* [МББР], слн. *blagva* назив за гљиву *Agaricus piperatus* [Brekerfeld, Ѕ.], рус. дијал. *благие грибы* ‘несъедобный гриб’, *благой гриб* id., *благун* ‘ядовитый гриб’, *благуша*, pl. *благуши* ‘несъедобный гриб’, *благушка* id. [СРНГ, s.vv].

Етимолошки коментар: У класичном латинитету гљиве се најпре разликују само по месту раста; наиме, у називима је јасно изражена дихотомија *fungus* ([оне] које расту на дрвећу) *vs boletus* ([оне] које расту на земљи) (Плиније 22, 92; 29, 03). Према овом тзв. дијагностичком обележју формиран су називи који условно речено представљају родове: 1. *agaricus* ([оне] које расту на дрвећу, Плиније 16, 33, 25, 103) ~ данас *Armillaria melea* Vahl. / *Cantharellus olearius* [André 1956: 20], 2. *myces, micetes* ([оне] које расту на земљи) (Диоскурид 3,1; 4, 82), 3. *sponge* (Плиније 9, 36) – ливадске гљиве ~ *Morchella esculenta* Pers, *M. conica* Pers., 4. *tuber* – гљиве које расту под земљом [André 1956: 322], 5. *pezica* (Плиније 9, 38): према опису радије „врста” у оквиру рода *fungus* са специфичним морфолошким карактеристикама – гљиве без стричка [другачије Vajs 2003: 384-391]. У вези са тим, начелну паралелу можемо наћи у миконимима (као носиоцима родова?) које наводи Н. Вајс: <Potvrde što ih za gljive nalazimo u našoj starijoj leksikografiji nisu mnogo brojnije. Načelno možemo reći da ... [u njima] nalazimo mikonime koji se odnose na one gljive koje su i današnjim beračima ... najzanimljivije: blagva, vrganj, smrčak, pečurka, mliječnica i tartuf. O drugim se nazivima može samo nagađati. Navedene gljive, s današnjeg gledišta sistematike ..., pripadaju rodovima koji sadržavaju izrazito otrovne vrste> [Vajs 2003: 384]; нпр. у нашем најстаријем фитонимијском извору *Liber de simplicibus* (15. век) миконим *pečurva vela* де Тони идентификује као *Polyporus officinalis* (но има података да се назив односио и на гљиве *Boletus laricis* и *Agaricus albus*), а Шулек као – *Agaricus campestris*. Највећи пак број врста разликује Белостенец: s.v. *volva/vulva*; о *благви* Белостенец пише:

„*mezdra* bela ona na spodobu jajca iz kojega blagva izhaja”; на другом месту бележи и њене латинске еквиваленте: *fungus ruber*, *fungus regius*, *fungus herilis*, *boletus* [cf. Vajs 2003: 386]. Интересантно је напоменути да Шулек у допунама свом Именику биља, s.v. *Agaricus* (= *Lactarius*) *piperatus* (sic!) наводи назив *raprenjača* који би се могао у свом основном значењу ‘зачињен; сладак’ [в. Skok, s.v. *sladak*] упоредити са немачким називима за ову врсту, нпр. сложенице са првим делом *Pfeffer* svv. *Boletus piperatus*, *Lactarius piperatus* [Marzell 5: 415] те називом *medenjača* *Agaricus torminosus*. Свеузевши, могућност да се назив *blagva* доведе у везу са поимениченим придевом *благ* у падежном облику – локативу множине који се доцније могао уопштити као номинатив у којем би случају име *blagva* могло значити *‘гљива која расте у благуновим шумама’, налази највише семантичких паралела у најстарије забележеним називима за *blagvu* у (словенским и) европским језицима [cf. Marzell]. Но, како се јасно види, чак и у случају да је **хабитат** као доминантно обележје биљке био основни номинацијски подстицај, тешко је прецизније утврдити како је извршена концептуализација и организација садржаја према којем је формиран миконим; с друге стране никако не треба искључити могућност да је дошло до контаминације претпостављеног прототипа са сазвучним основама, но у том случају детаљна анализа семантике оправданости за такву интерпретацију била би више него нужна. Са сигурношћу би се једино могло тврдити да су овим називом именоване гљиве са сличним како морфолошким и физиолошким тако и фармаколошким својствима те да се несумњиво ради о појави хомонимијске полисемије у фитонимији [cf. Bezljaj 1: 24, Skok 1: 167].

Литература / References

1. БЕР – Български етимологичен речник / Софија: изд. На БАН, 1971.
2. ЕРСЈ – Етимолошки речник српског језик 4 / Београд: САНУ: Институт за српски језик САНУ, 2023.
3. *Јовић Н.* Елементи косовско-ресавског и призренско-тимочког дијалекта у Хиландарском медицинском кодексу // Филологија и универзитет: тематски зборник радова / Ниш: Филозофски факултет, 2012/1. С. 34–54.
4. *Калезић М.* Етимолошка и семасиолошко-ономасиолошка истраживања имена биљака у Диоскуридовом делу ΠΕΡΙ ΥΛΗΣ ΙΑΤΡΙΚΗΣ (De materia medica). Докторска дисертација у рукопису. Београд, 2010. 229 с.
5. *Калезић М.* Кроз историју хербалне медицине I: „Књига о зачинима“ Педанија Диоскорида из Аназарба. Београд, Академска мисао, Центар за богословске студије Ниш, Философт, 2022. 218 с.
6. *Кожељац Р. Љ.* Речник тимочког говора. Неготин: Књижевно-издавачко друштво Лексика, 2014. 657 с.
7. МББР – Материали за български ботаничен речник. Събрани от Б. Давидов и А. Явашев, подредени от М. Шосев и П. Балабанова, допълнени и редактирани от Б. Ахтаров. Софија, 1939.

8. РСА – Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд: Српска академија наука и уметности и Институт за српски језик САНУ, 1959.
9. *Савић В.* (Псеудо)класични и стари називи српских земаља у старим српским изворима // Српско језичко и књижевно наслеђе на простору данашње Црне Горе. Српски језик и књижевност данас. Зборник радова са Другог међународног научног скупа одржаног у Подгорици 26–28. маја 2017. С. 95–125.
10. *Симоновић Д.* Ботанички речник имена бильака. Београд: Научно дело, 1959. 890 с.
11. СРНГ – Словарь русских народных говоров. М., Л., СПб. Т. I–L, 1965–2018.
12. *Стевановић В.* Карл Лине // Карл Лине у Универзитетској библиотеци, аутор каталога Стела Филипи-Магутиновић. Београд: Универзитетска библиотека “Светозар Марковић”, 2007. С. 7–15.
13. ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под редакцией О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1974.
14. *André J.* Lexique des terms de botanique en latin. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1956. 343 p.
15. *Bezljaj F.* Liber de simplicibus Benedicti Rinij // Jezik in slovstvo. 1973/1974: 6/7. S. 185–162.
16. *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika (Slovene Etymological Dictionary, 4 vols). Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1976–2005.
17. *Đokić (nunc Kalezić) M.* Iz srpsko-hrvatske fitonimije (1): rmanj // Studia etymologica Brunensia 2006/3. S. 73–85.
18. *Fairclough N.* Language and Power. London: Longman, 1989. 259 p.
19. *Kalezić M.* On Serbian nalep/nalijen ‘Aconitum napellus’ // Славјански мир в настоящем и прошлом. М.: Макс-пресс, 2021. С. 65–74.
20. *Kalezić M.* Venĕnum *Narcissus*: an insight into the realm of poison through the Neoplatonic keyhole for identifying *venĕnum* in 15th century’s South-Slavic nomenclature(s) // The International Journal of the Platonic Tradition (in print).
21. Liber de simplicibus Benedicti Rinij, medici ephilosophi Veneti (CL. VI. Cod. LIX [C. IV. 30. Z. Z. 5]).
22. *Mallory, J. P., Adams, D. Q.* Encyclopedia of Indo-European Culture. London–Chicago: Fitzroy Dearborn, 1997. 829 p.
23. *Mallory J. P.* In Search of the Indo-European. London: Thames and Hudson, 1989. 288 p.
24. *Mallory J. P., Adams D. Q.* The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World. New York: Oxford University Press, 2006. 731 p.
25. *Marzell H.* Wörterbuch der deutschen Pflanzennamen I–IV. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1943–1979. Bd. 5: Register (Alphabetisches Verzeichnis), 1958.
26. *Pitacco F.* Un prestitomai rifiuto: la vicenda del Liber de simplicibus di Benedetto Rini // Figure di collezionisti a Venezia tra Cinque e Seicento / Borean, Linda and Stefania Mason (a cura di). Udine: Forum, 2002. P. 11–23.
27. RHKKJ – Rječnik hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika 1–12. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1984–2011.
28. RJA – Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika I–XXIII. Zagreb: Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti, 1880–1976.
29. *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika I–IV. Zagreb: Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti, 1971–1973.
30. *Škiljan D.* Dinamika jezičnih struktura. Zagreb: Studentski centar Sveučilišta, 1976. 159 s.
31. *Šulek B.* Jugoslavenski imenik bilja. Zagreb: JAZU, 1879. 564 s.
32. *Vajs N.* Prinos hrvatskoj fitonimiji: Nicolo Roccabonella (1386-1459), Liber de simplicibus // Folia onomastica croatica 1995/4. S. 175–187.
33. *Vajs N.* Hrvatska povijesna fitonimija. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2003. 548 s.
34. *Whewell W.* On the Philosophy of Discovery, Chapters Historical and Critical. [Електронски извор.] URL: <https://www.gutenberg.org/files/51555/51555-h/51555-h.htm>. Последњи пут приступљено сајту: 16.01.2024.

Приложения

***bolgo**: ст.-слав. благо ср. р. (τὸ ἀγαθόν, (τὰ) ἀγαθά, bonum, bona 'добро, доброе дело, добрая вещь' (SJS), болг. *блáго* 'добро, имущество', 'варенье', 'скоромное' (Геров), 'благо, богатство', 'блаженство', 'скоромная пища' (Младенов ВТР), макед. *благо* ср. р. 'благо, добро', 'богатство, имущество' (И-С), сербохорв. *блáго* ср. р. 'богатство, деньги, ресипиá', 'домашний скот', диал. *блáго*, восклицание: *блáго* тебе ју сред гóре (Ел. I), словен. *blagó* ср. р. 'добро, благо', 'скот', 'товар' (Plet. I, 30), чеш. *blaho* ср. р. 'блаженство, счастье', 'преуспевание', словц. *blaho* ср. р. 'счастье, блаженство', 'процветание, преуспевание' (SSJ I, 98), польск. стар. *blogo* ср. р. 'благо, счастье' (Warsz. I, 174), др.-русск. *болого* 'добро, bonum' (Р. Прав. Яр. 1019 г., Срезневский I, 145), сюда же русск. диал. *болого*, нареч. 'хорошо', 'хорошо что' (Опыт 12), *бóлогб* 'благо, хорошо' (Мельниченко 34). — Сюда также, по-видимому (ср. выше знач. 'скоромная пища'), сербохорв. *blágvа* ж. р. 'гриб *Boletus regius*' (в словарях Белостенаца, Ямбрешича, Вольтиджи и Стулли, RJA I, 423), *блáгва* ж. р. 'съедобный гриб *Amanita caesarea*', 'гриб *Boletus regius*' (PCA I, 600), словен. *blágvа* ж. р. 'название грибов *Agaricus piperatus*, *Boletus*' (Plet. I, 31), ср. ст.-словен. *blava* 'хлеб вообще' (< **blagva*) (M. Kos. S kmečkih domačij v Hrastovljah iz dobe okoli 1300. — «Slovenski etnograf», XVI—XVII, 1963—1964, 104).

Праслав. **bolgo* имеет вид архаич. слова, однако его происхождение и этимологические связи с точностью не установлены. Обычно сравнивают с авест. *barəjayēiti* 'приветствует, воздает почести', *barəg-* 'ритуал, обычай', ср. далее др.-инд. *bṛhas-pátiḥ* 'господин молитвы', но недоказанное для этих индо-ир. слов историческое тождество *r* < и.-е. *l* остается принимать на веру. См. Verneker I, 69 (с более стар. литер.); Фасмер I, 188 (описанные выше сомнения относительно индо-ир. слов опускает); Масhek 33. Формально правдоподобно также сближение **bol-g-o* с **bolъjъ* (см.), см. Verneker, там же; позднее см. также J. Otęębski LP III, 1951, 295—296.

***bolgostь**: болг. *блáгост* ж. р. 'благость', 'сладость' (Геров: *блáгость*), сербохорв. *блáдст* ж. р. 'доброта, добродушие, bonitas', словен.

благва *блågва* f. мик. назив за разне врсте гљива: ‘*Amanita caesarea*’ (РСА), ‘*Boletus regius*’ (id.; RJA), *блågва* Тимок (Рајковић IV), *благва* ‘*Art Schwamm*’, ‘*B. regius*’ (Поповић Ђ. II), ‘*A. caesarea Scop.*’, ‘*B. regius Krombh.*; *Boletus lupinus Fr.*’, ‘*Lactarius piperatus Fr.*’, ‘*Psalliota campestris (L.) Fr.*’ (Симоновић), ‘*B. regius Krombh.*’, ‘*Agaricus piperatus L.*’, изрази: ~ *црљена*, ~ *дивја*, ~ *стејкла* ‘врста гљиве’ (Šulek); *блågвица* dem. (РСА), *блågвић* m. ‘*B. regius*’ (id.; RJA), *благвић* (Šulek; Симоновић), *благдџић* (РСА; асс.?), *блågовић* Ј. Борјанић (грађа РСА); кајк. *благва* ‘*L. piperatus*’ 1840. (РНККЈ). — Од XVII в. *благва* општи назив за гљиву Танцлингер, ‘*Fungus regium*’ Витезовић (Vajs 2003: 385–386), ‘*fungus ruber, fungus regius, fungus herilis, boletus*’ Белостенец, ‘*Boletus, ein kleiner gelber Pfifferling*’ Јамбрешић (RJA), ‘*Gattung der köstlichen Pfifferlinge*’ Патачић (Vajs 2003: 387), ‘*Schwamm*’ Волтић, ‘*boletus*’ Стулић (RJA); кајк. *благва* ‘врсте гљива: *Boletus edulis*; *A. caesarea*; *P. campestris*’ Хабделић, Белостенец, Јамбрешић (РНККЈ), ‘*boletus, fungus herilis*’ Хабделић (Vajs 2003: 386).

• Подложно различитим тумачењима; уп. слн. *blågva* ‘*A. caesarea*’ (SSKJ), *blågva* ‘*der Pfefferschwamm (L. piperatus); der Röhrenpilz (boletus)*’ (Pleteršnik), ‘*A. caesarea; L. piperatus; Boletus*’ (Bezljaj 1: 24).

Миконим *благва*, идентификован као *A. caesarea* (Scop.) Pers. (Срп. енци. I/2: 208), посведочен је у РСА и код Симоновића из истог (и јединог) извора: *Бошњачка терминологија*, Београд 1934. Такође, потврђен је на западном делу с.-х. подручја, у: К. Влагаић, *Гљиве наших крајева*, Загреб 1931: 85, 88 (но те потврде нема код Симоновића, иако се налази у списку извора) и код М. Медића у часопису БК 1898: 1117–1118 и рукописној збирци *Природоисна или јеситасивенична зрна* 1931: Ljudi беру за jelo ... glive, od kojih kuhane se jedu: mleč, *blågva* Хрв. Загорје (грађа РСА). Његов ареал (Хрв.) преклапа се с хомонимним

називом као десигнатом за врсту *Butyriboletus regius* (Krombh.) D. Arora & J.L. Frank (= *B. regius*), на основу потврда из Борјановићеве збирке (у грађи РСА) и Шулековог *Imenika bilja* (у РСА, РЈА и код Симоновића). Мотивација за пренос назива могла би се објаснити запажањем М. Медића (у БК I.c.): Вода, у којој се блаве [A. caesarea] кухају, пожути као и од врсте *Boletus regius*. Код Ж. Јуришића (Симоновић) посведочене су две миколошке идентификације: *Agaricus bisporus* (J.E. Lange) Imbach (= *P. campestris* (L.) Fr.), познатија као *јечурка* и *рудјача* код Вука, и *Lactifluus piperatus* (L.) Roussel (= *L. piperatus* Fr.), потврђена и у Хрватској, из Борјановићеве збирке (грађа РСА) и код Шулека. Код Јамбришића и Патачића се назив *благава* налази са немачким еквивалентом *Pfifferling*, за који Vajs 2003: 387 сматра да има хиперонимску вредност и да се према Марцеловој класификацији (Marzell) односи на врсте *Cantharellus cibarius* и *L. piperatus*, док је у осталим старим лексикографским изворима тај миконим идентификован као лат. *bōlēus*, уп. са слн. *blāgva*, *blāgovka*, *oblāgva* f. 'der Pfefferschwamm (*L. piperatus*); der Röhrenpilz (boletus)' (Pleteršnik). У сумњива образовања спада: *благава* за врсту *Rubroboletus lupinus* (Fr.) Costanzo, Gelardi, Simonini & Vizzini (= *B. lupinus* Fr.) (Радић 1909: 94), те га Симоновић наводи уз знак питања, и облик *благар* 'A. caesarea' (Симоновић), потврђен једино код Благића, оп.цит. О непоузданости тог извора писао је Б. Иванчевић (БДМС 1/1995: 11). Од историјских лексикографских извора (о томе детаљније в. Vajs I.c.), миконим *благава* је добро потврђен у „илирским“ речницима који доносе кајк. и чак. материјал, а слабије у речницима са претежно шток. материјалом (само код Стулића, не и код Микаље и Дела Беле, иако су и у њима забележени називи гљива). На простору Србије је тај назив, према мишљењу миколога М. Каљевића (БДМС 2/1996: 24), преузет из хрв. миколошке литературе. Миконим *blāgva* Skok 1: 167a s.v. *blāg*, а за њим ERNJ 1: 63, тумачи као изведеницу од придева **блар** < **bolgъ*(ъ) са суфиксом -*va*; уп. са називом *блага зуба* 'Phallus impudicus (L.) Fr.' Врање (Симоновић; РСА), који Sadnik/Aitzetmüller 5: 328 § 263, потом Bezlaj I.c., повезују са бут. *blāgama* 'id.', што је у БЕР 1: 52 s.v. *благ* од псл. придева **bolgъ* (за ономасиологију врсте *P. impudicus* в. ОС 5–6 s.v. *бабушка*, *бабушка*). ЭССЯ 2: 173 и Дронова 2005: 182, с.-х. *blāgva*, слн. *blāgva* и стелн. *blava* 'хлеб' (< **blagva*) своде на псл. именицу **bolgo* < **bolgъ*(ъ) (в. **бларо**). Bezlaj I.c., уп. и Sadnik/Aitzetmüller I.c., 5: 332 § 263b, изводи слн. *blāgva*, *blāgovna*, *blāgovka*, *oblāgva* > *oglvka* са метатезом, с.-х. *blāgva*, *благар*, *blāgviћ* и кајк. *благава* од псл. **blagi*, **blagъve*, уз коментар да је дубља етимологија нејасна, док у раду (Bezlaj 1960: 106) помишља на везу, коју сугерише Е. Fraenkel, са рус. *благой*, чеш. *blahový* и стлит. *blagnas* 'лош, љут', који Smoczyński s.v. *blagnas* сматра славизмом, као и *blōgas* 'зао' из стблр. *blagii*. За псл. **bolgy*, *bolgъve* од *ī*-основе, са доцнијим преласком у *a*-основе (тип *буква* < **buku*, *bukъve*), можда у неким случајевима треба претпоставити негативно значење и узети у обзир **bolgъ* 2. 'рђав, лош, слаб' (SP 1: 307), од којег се изводе пољ. дијал. *blogawu* 'слаб на ногама' си. Пољска, чеш. *blāhový* 'глуп, луд, суманут' и слн. *blagūti* 'посртати,

тетурати'; ту се могу још придодати рус. дијал. *благун*, -á м. 'отровна гљива' Костромска област, *благуна* f., *благуни* pl. 'нејестиве гљиве' Смоленска област, *благуника*, -и 'нејестива гљива' ib. (СРНГ), *благой гриб* 'id.', које Бузмакова 2016: 47, 90, 135 објашњава од основе *благ*- 'лош; дуг; зао'. За слн. *blagūtiati*, Bezlaj l.c. указује на могуће девербално порекло, упућујући на лит. *blāgnytis* 'отрезнити се' и повезујући с називима *molniena goba* 'agaricus muscarius' (Pleteršnik) и *nore gobė* 'халуциногене гљиве' (SSKJ). Лит. *blāgnytis* значи још и 'ведрити се (о небу)', 'поправљати се (о здрављу болесника)', што је по Смочињском (Smoczyński l.c.) деноминал од *blagnas* (< псл. **blag*- 'зао, лош?'), но значењем пре одговара псл. **bolg*- 'добар, благ' > **благ**, уп. **благнути**. Разграната семантика придева **благ** оставља простор и за претпоставку о повезаности миконима *блага* (можда и **бљава**ка) са значењем 'сладак, укусан', од којег је изведен јсл. фитоним **благун**, с обзиром на то да врста гљиве *A. caesarea* (Scop.) Pers. расте најчешће крај храстова. Са гласовне тачке гледишта, могао би се извести од **ob-volg*- 'омрсити се', уп. у истом значењу *o-blaжiti* < *o-bolžiti* < **obvolžiti* 'овлажити' s.v. **благжити**. Уколико се пође од тога да се с.-х. *блага* првенствено односи на врсту *A. caesarea*, која је из рода пупавки, те је у младости обавијена белом опном, овојем (Срп. енци. l.c.; уп. код Белостенца *блага* = *кнезница* 'бела опна из које кнезница излази' = лат. *volva* 'бела корица, која личи на јаје, из које *блага* излази', као и са другим синонимним називима за ту врсту гљиве: *скорујача*, *гајуша*, *лонче*, *пошадјуја* итд., Хашић 1995–1996: 99; уп. и са ит. *ovolo buono*, ERHJ l.c.), могло би се претпоставити, због слн. *oblāgva*, да је с.-х. облик *блага* декомпонован од **ob-volk*-, са озвучењем *k > g(v)*, уп. с.-х. *дблага* 'одећа; навлака, облога', стчеш. *oblaka* 'одећа', *obvlaky* pl., рус. дијал. *оболо́ка* 'id.; поклопац', укр. дијал. *оболо́ка* 'белика, слој дрвета између коре и сржи', слн. *oblak* м. 'зелени омотач ораха' од псл. **obvolka* f. (в. ЭССЯ 31: 84–85 s.v. **obvolka* I/**obvolko* I/**obvolкъ* I < **obvelk*'i, према Махеку од пие. **üelk-/üelg*- 'влажан, мокар'), као и пол. *oblócza* мик. 'хупениум, наслага спора на гљивама' (id. 80 s.v. **obvolčьka* I/**obvolčькъ* I). Са сличном семасиологијом је слн. миконим *blānja* s.v. **бљава**ка, који према опису гљиве код Штрекелја – кад је млада налази се у затвореној белој љусци, има црвенкастожути шешир с листицима (Štrekelj) – у потпуности одговара изгледу врсте гљиве *A. caesarea* (Scop.) Pers., и у ЭССЯ 2: 176 s.v. **bolna* изводи се од псл. основе **boln*- > **bolna* '(беличаста) опна, мембрана', 'белика, слој дрвета између коре и сржи', 'чворуга' (в. SP 1: 307–308 s.v. **bolna* 1).

J. J.

благдан *blāgdān* / *blāgdān* м. 'празник, обично већи' НПР, 'крсно име, слава' (РСА), 'дан кад се мрси' Пирот (id.; асс.?), *blāgdān*, *blāga dne* 'dies festus, празник' (Вук; RJA), 'крсно име' (Вук), *blāgdān* 'празник' бачки Буњевци (Reić/Vašljića), *blāgdan* Вршац, Јасеново, *blāgdan* Војв. (РСГВ), *blāgdān* Драгачево (Петровић/Капустина I), *blāgdān* Ново

НАУЧНЫЙ ПОДХОД ПРОФЕССОРА А.Г. ШИРОКОВОЙ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАММАТИКИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Л.Б. Карпенко

SCIENTIFIC APPROACH OF PROF. A.G. SHIROKOVA AND COMPARATIVE STUDIES
OF THE GRAMMAR OF SLAVIC LANGUAGES

L.B. Karpenko

ABSTRACT:

The article deals with the contribution to the comparative study of Slavic languages of Prof. A.G. Shirokova. Her approach, based on the study of functional equivalence of languages, makes it possible to investigate similarities and differences in the ways of expressing the same meaningful categories, to reveal the national-linguistic specificity of their functioning. The features of grammatical conceptualization of the category of spatiality in Russian against the background of Bulgarian are shown. The emphasized expression of spatiality in Russian language is manifested in the systematic organization of spatial prepositional and case forms, in the prevalence of everyday sentences with spatial determinants, in the productivity of spatial derivational models, in the redundancy of spatial semantics units in speech.

Keywords: Slavic languages; Comparative study; National-linguistic specificity; Spatiality; Russian; Bulgarian

АННОТАЦИЯ:

В статье рассматривается вклад в сопоставительное исследование славянских языков профессора А.Г.Широковой. Примененный ею подход, основанный на изучении функциональной эквивалентности языков, позволяет исследовать сходства и различия в способах выражения одних и тех же содержательных категорий, выявлять национально-языковую специфику их функционирования. Показаны особенности грамматической концептуализации категории пространственности в русском языке на фоне болгарского. Особенная выраженность данной категории в русском языке проявляется в системной организации пространственных предложно-падежных форм, в распространенности бытийных предложений с пространственными детерминантами, в продуктивности пространственных деривационных моделей, в избыточности употребления единиц пространственной семантики в речи.

Ключевые слова: сопоставительное языкознание; национально-языковая специфика; пространственность; русский язык; болгарский язык

В книге мемуаров «Зигзаги памяти» С.Б. Бернштейн, вспоминая о становлении славянского отделения в МГУ, с признательностью гово-

рит о подвижническом труде Александры Григорьевны Широковой. В книге приведены дневниковые записи от 25 сентября 1943 года: «Скоро начнутся занятия, а ничего нет. Нет ни учебников, ни словарей, ни текстов. Широкова усиленно изучает чешский, готовит от руки тексты, составляет словарики тематического характера. Из студентов-русистов второго курса отобрали группу будущих богемистов. Таким образом, в этом учебном году у нас на славянском отделении будут три группы: две группы богемистов и одна – сербистов. Есть все основания полагать, что в будущем самый большой спрос будет именно на славистов этих двух направлений» [Бернштейн 2002: 29].

Начав с составления текстов, словариков, программ, А.Г. Широкова продолжила учебно-методическую работу созданием пособий и учебников по всем курсам лингвистической богемистики: по истории и диалектологии чешского языка, по грамматике современного чешского языка (в соавторстве с чешскими лингвистами) и др. Значительный вклад внесла А.Г. Широкова и в теорию сопоставительного изучения славянских языков, в исследование грамматики чешского языка в сравнении с русским языком.

Оценивая в предисловии значение коллективной работы «Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков», подготовленной в соавторстве с Н.Е. Ананьевой, В.Ф. Васильевой и А.И. Изотовым, сама А.Г. Широкова указала на его новизну: каждая из четырех частей представляет собой новый аспект анализа, недостаточно разработанный в славистике [Широкова 1998: 9].

Свою часть коллективного труда А.Г. Широкова начинает с регламентации важного для лингвистической эпистемологии научного аппарата – с уточнения таких понятий, как методология, научный метод, методика, прием; с установления иерархии методов, уровней, а также с логической последовательности их включения в исследование.

Обобщения А.Г. Широковой имеют значение для компаративистики в целом. За основу в сопоставительных исследованиях должен быть взят системный подход к изучению языковых объектов, который «предполагает рассмотрение комплекса языковых явлений, объединяемых взаимной синхронной связью в языковую систему» [Широкова 1998: 45]. «Для конфронтации необычайно важно различие системно-функциональной и узуальной эквивалентности; последняя тесно связана с национальным языковым узусом, она требует знаний не только лингвистических, но и экстралингвистических, в частности страноведческих и национально-культурных особенностей поведения говорящих» [Широкова 1998: 54].

Внимание А.Г. Широковой обращено в первую очередь на грамматическую специфику славянских языков, но её интересует не только

парадигматическая соотнесенность форм, но и семантические нюансы проявления грамматических категорий в сравниваемых языках. Среди многих открытий главы А.Г. Широковой наблюдения о функциональных различиях при системной соотносительности инфинитива в севернославянских языках. В чешском и словацком зависимый объектный инфинитив употребляется значительно реже, ср.: *Dovolte, abych se vám představil* – *Разрешите вам представиться*. Инфинитивные конструкции с дательным лица и частицей *by* в русском языке часто употребляются в делиберативном вопросе. В чешском и словацком языках и в этом случае обычным является употребление форм кондиционала: *Koho bychom tam poslali?*

Системный характер различий функционального плана показан и на примере расхождений в употреблении глаголов совершенного вида: в чешском и словацком языках выявлена большая функциональная нагрузка глаголов совершенного вида, в русском языке им чаще соответствуют глаголы несовершенного вида. Хотя основное видовое противопоставление глаголов СВ и НСВ в русском и западнославянских языках системно соотносительно, степень противопоставленности видов на уровне частных значений различна, ср.: *Přišel obyčejně v pátek*. – *Он приходил обычно в пятницу*. Исследование функциональной нагрузки глаголов совершенного и несовершенного вида в формах прошедшего и настоящего времени приводит А.Г. Широкову к выводу, что функциональный метод, вместе с системно-структурным, выступает как обязательный при сопоставительном изучении грамматического строя родственных языков.

Разделяя идеи А.В. Бондарко, А.Г. Широкова показывает, что функциональный метод позволяет изучать комплексы морфологических, синтаксических, лексических, словообразовательных и контекстуальных средств выражения, объединяемых общим семантическим инвариантом. Такому изучению могут быть подвергнуты функционально-семантические категории аспектуальности, темпоральности, модальности, квантитативности, определенности / неопределенности, оптативности, посессивности и др.

На значительном фактическом материале А.Г. Широковой продемонстрировано значение таких ключевых для теории перевода и сопоставительных исследований явлений, как функционально-семантическая эквивалентность, системно-функциональные оппозиции, узуальная эквивалентность, ситуационная эквивалентность речевого этикета и др. Наряду с системно-функциональной эквивалентностью при сопоставительном анализе вырисовываются и другие типы соотношений, которые характеризуют национальный языковой узус, употребление языковых средств в сравниваемых языках. Таким образом, на

материале чешского и русского языков А.Г. Широковой были применены принципы комплексного подхода в компаративистике, реализация которых была продолжена в кандидатских и докторских диссертационных сопоставительных исследованиях учениками А.Г. Широковой – В.Ф. Васильевой, А.И. Изотовым, Е.В. Петрухиной.

Комплексный подход был подготовлен всей логикой развития лингвистики XX века, пережившей поворот от узконаправленных задач реконструкции к исследованиям систем и структур, к типологическим обобщениям, к исследованию функционирования языковых средств в речи. Разработка теоретических оснований функционального сопоставительного языкознания поступательно осуществлялась петербургскими лингвистами; она связана с теорией активной грамматики Л.В. Щербы, концепцией функциональной аспектологии Ю.С. Маслова, теорией функциональной грамматики А.В. Бондарко, с масштабно развернутыми сопоставительными исследованиями фразеологии В.М. Мокиенко и др.

Компаративистика сегодня сохраняет свою актуальность, обогащаясь современными семиотическим, дискурсивным, когнитивным, лингвокультурологическим аспектами исследований. В русле комплексного подхода, соединяющего принципы системного и функционального анализа, развиваются сопоставительные исследования, обращенные на выявление особенностей концептуализации мира в языках. Такой ракурс анализа позволил выявить в русском языке ряд существенных черт: неопределенность (Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева), предел как граница действия (Е.В. Петрухина), которые получили наименование семантических доминант русского языка – «фундаментальных идей, характеризующихся частотностью, разнообразием форм реализации в отдельном языке» [Петрухина 2003: 1].

В связи с идеей семантических доминант заслуживает внимания обращение к семантико-грамматической концептуализации категории пространственности. Способы выражения пространственных отношений в русском языке в сравнении с болгарским рассматривались ранее автором на материале осуществленной вручную выборки из параллельных оригинальных и переводных текстов в количестве 9000 примеров [Карпенко 1984: 20–28]. Современные возможности анализа корпусного материала позволяют расширить поиск и уточнить сделанные прежде выводы. Покажем далее, что подчеркнутая выраженность идеи пространственности обнаруживается на разных уровнях системы языка, проявляется в речи и является одной из доминант русского языка.

Языковая концептуализация на грамматическом уровне не вполне очевидна, но именно в грамматических средствах своеобразие «языкового взгляда» закреплено наиболее последовательно: грамматика не

только выделяет и классифицирует различные аспекты опыта и изучает их выражение в языке, она определяет, какие аспекты того или иного опыта *должны* быть выражены [Якобсон 1985: 233–234]. Основными грамматическими средствами выражения пространственности в обоих языках служат предложно-именные конструкции, они передают пространственные отношения, по нашим наблюдениям, в русском тексте в 90, 4 % случаев, а в болгарском – в 78.93 %. Существенные различия в выражении пространственности состоят в преобладании прямого способа выражения предложно-именными формами в русском языке и редукции предложного способа в болгарском за счет увеличения приемов косвенного выражения.

На фоне болгарского языка единицы пространственной семантики русского языка характеризуются строгой, закреплённой в системе языка, закономерной организацией: падеж, не маркированный в выражении пространственности определённого типа сочетается с маркированными предлогами (*от города, возле города, до города...*), а ‘слабые’ предлоги сочетаются с ‘сильными’, маркированными падежами (*в город / в городе; за город / за городом*). Таким образом, в любой пространственной предложно-падежной форме русского языка есть по крайней мере один маркированный член: *к городу, по городу, в городе, в город, до города, вдоль города, возле города, от города, за городом, под городом...* Конкретное значение передается не одним предлогом, а всей предложно-падежной формой. Такая грамматическая системность обуславливает четкость выражения пространственных отношений, их грамматикализацию, а также самодостаточность предложно-падежных форм русского языка и их тяготение к фразеологизации: *на носу; и на коне, и под конём; не в бровь, а в глаз; в огонь и в воду; в трубу; ни в какие ворота* и т.д. В целом любая пространственная предложно-падежная форма русского языка является автосемантической единицей, способной в отрыве от контекста обозначать, в выражении какого из трех типов категориальных пространственных отношений (где? – откуда? – куда?) она участвует. Значение этих категориальных пространственных отношений для русского языка было давно замечено отечественными грамматистами. По вопросам где? – откуда? – куда? А.Х. Востоковым были сгруппированы в «Русской грамматике» пространственные предлоги и наречия.

В современном болгарском языке в большей мере концептуализированы и грамматикализированы не пространственные, а временные отношения, а семантика направления и места носителями языка воспринимается целостно. Любой из предлогов *в, на, над, под, пред, зад, към, до, при, у* может выражать значения и места, и направления. Вследствие аналитизма имени и изменения пространственных значений предлогов

предложно-именная конструкция в отрыве от контекста не дифференцирует эти различия и может передавать и нахождение, и направление движения, ср.: *Бил, казват, в Америка, в град Мадисон* – был где? (Калчев. При извора на живота). – *Всички са ходили в Америка и все в този град Мадисон* – ездили куда? (Калчев. При извора на живота); *Човекът седеше на високия бряг* – сидел где? (Вежинов. Втората рота). – *Двата се изкачиха на брега* – поднялись куда? (Вежинов. Втората рота). Значения где? – куда? передаются пространственно-именными конструкциями вместе с контекстом, а дифференцируется обычно глагольными средствами. Таким образом, при сходстве наиболее употребительных предлогов подсистемы предложно-именных средств русского и болгарского языков различаются грамматическими потенциями единиц и вследствие этого различными свойствами их системной организации.

В синтаксисе предложения пространственность как особенность русского языка проявляется в распространенности экзистенциальных предложений, часто с избыточными детерминантами. В русских бытийных предложениях со значением общего указания на наличие/отсутствие чего-либо и в предложениях характеристики формальными фразеологизованными маркерами пространственной семантики служат предложно-падежные формы *на свете, в мире, на дворе*. Весьма часто болгарские переводчики их опускают: *Все в мире начинается с организации* (Суворов. Контроль). – *Всичко започва от организацията* (Пер. Мисиркова); <...> *мечтать ведь можно обо всем на свете...* (Айтматов. Плаха). <...> *да си мечтае, човек може за какво ли не...* (Пер. Златановой). Формальный пространственный детерминант регулярно употребляется при описании состояния среды, примет времени (*На дворе холод и дождь; На дворе двадцать первый век; Но теперь на дворе век компьютеров; Теперь на дворе век Интернета*).

Для соответствующих болгарских высказываний употребление пространственных маркеров менее характерно, нормальными функционально-стилистическими эквивалентами будут фразы: *Това е двадесет и първият век. Нима сега е ерата на компютрите. Сега е епохата на Интернет / Сега живеем в дигитална епоха* и под. Количество примеров с выраженной идеей пространства в русском тексте и нулевым или иным выражением в болгарском достигает в отдельных выборках 20% – 30% случаев. В соответствии с русскими пространственными моделями в болгарском тексте могут использоваться структуры с субъектной, временной, определительной семантикой: *В голове мутнело* (Приставкин. Ночевала тучка золотая) / *Главата ти се размътваше* (Пер. Петрова; *Я тебе сказку расскажу* <...> *была на свете одна тетя* <...> (Булгаков. Мастер и Маргарита) *Ще ти разкажа една приказка* <...> *има*

ло *едно време* една леличка<...> (Пер. Минковой); Он и сам понял *не к ме-сту про бессмертие* (Суворов. Контроль) *Пък и той разбра: не му беше времето да говори за безсмъртие* (Пер. Мисиркова).

Характерной особенностью русской речи является максимальная экспликация пространственных отношений, содержащихся в ситуации. Показательны побудительные реплики типа: *Подай сюда! Пойди сюда (отсюда, вон, прочь)! Положи (сядь) на место! Сядь за стол! Встань с места* и др. Примечательно отражение во фразеологическом материале различий в тяготении языков к предметно-пространственной или оценочной семантике. В болгарских идиомах часто находят выражение характер протекания действия ср: *взять с места – тръгна, петегля рязко, изведнъж; не сходя с места – на един път, наведнъж, на един дъх; всё на месте, – всичко е в ред, както трябва, както му е редът* и т.п. [Влахов 1980: 334–336].

Актуализация пространственной доминанты на уровне словообразования поддерживается рядом продуктивных деривационных моделей имен с суффиксами *-овье, -ище, -лище, -бище* семантикой места обитания людей или животных; *верховье, зимовье, кочевье, низовье; зимовище, убежище; гнездовище, логовище; местелище, жилище, хранилище; гульбище, стрельбище* и под.; моделей отыменных существительных, образованных конфиксальным способом с пространственными приставками: *межбровье; заволжье, подмосковье, предуралье* и т.д.; отвлеченных имен со значением неограниченности пространства, образованных суффиксально-префиксальным способом с приставками *без-/бес-* и суффиксом *-ость*: *безбрежность, безграничность, бесконечность, беспредельность*.

Словообразовательная подсистема прилагательного содержит модели отыменных прилагательных со значением неограниченного признака, образованных суффиксальным способом: *безбрежный, беспредельный, бесконечный, безграничный* и др.); отглагольных прилагательных неограниченного признака, образованных суффиксально-префиксальным способом: *необъятный, неохватный, необозримый*.

В корпусе словообразовательных типов глагола, кроме известной всем славянским языкам модели образования глаголов приставочным способом от глаголов движения (*вести, вывести, довести, завести, отвести* и т.д.), в русском языке продуктивны модели конфиксального словопроизводства глаголов со значением движения в разные стороны: *разойтись, разбежаться, разъехаться, раскатиться, разлететься, разнестись, распространиться, расступиться, растечься*, а также их видовых коррелятов несовершенного вида; модели образования глаголов со значением движения в одну точку, образованных конфиксальным

способом: *сойтись, сбежаться, съехаться, слететься*, а также их видовые корреляты несовершенного вида.

Сопоставительный анализ материала параллельных корпусов, а также проверка по электронному онлайн толковому словарю болгарского языка показывает, что ряд отмеченных деривационных моделей не обнаруживает параллелей в современном болгарском. Здесь не представлена модель с суффиксом *-овье* (*верховье, зимовье, низовье* и др.) – вместо соответствующих дериватов используется описательный способ передачи места: *нагоре по течението / надолу по течението*. Лексически ограничены субстантивные модели с суффиксами *-ище, -бище, -лище*; в болгарском языке отсутствуют конфиксальные модели образования имен типа *надглавье; загорье* и под.

Выводы. Комплексный подход сохраняет свою актуальность в сопоставительном изучении славянских языков, способов выражения одних и тех же содержательных категорий, таких, как рассмотренная категория пространственности.

Особая выраженность пространственности в русском языке заметна при сравнении его с болгарским языком. Данная особенность проявляется в грамматической системности пространственных предложно-падежных форм, в распространенности бытийных предложений с пространственными детерминантами, в продуктивности пространственных деривационных моделей. Грамматикализация идеи пространственности в русском языке обнаруживается на разных языковых уровнях, проявляется в речи и является одной из характерных особенностей русского языка.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. *Арутюнова Н.Д.* Человек и мир человека. Москва: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи / Отв. ред. В.Н. Топоров. М.: Ин-т славяноведения, 2002. –373 с.
3. *Влахов С.* Русско-болгарский фразеологический словарь. М.: Русский язык; София: Наука и искусство. 1980. 582 с.
4. *Карпенко Л.Б.* Способы выражения локальности в русском и болгарском языках. Сьпоставително езикознание, 1984. №1. С. 20–28.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruskorpora.ru> (Дата последнего обращения 26.10. 2023).
6. *Петрухина Е.В.* Доминантные черты русской языковой картины мира (в сравнении с чешской) // Русское слово в мировой культуре. X Конгресс МАПРЯЛ. Пленарные заседания. СПб, 2003. 7 с.
7. *Широкова А.Г., Ананьева Н. Е., Васильева В.Ф., Изотов А.И.* Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков / Под ред. А.Г. Широковой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 326 с.
8. *Якобсон Р.* Взгляды Боаса на грамматическое значение // Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 231– 238.

<https://doi.org/10.29003/m4108.978-5-317-07174-5/117-124>

ЧЕШСКИЕ ПОСЛОВИЧНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОГО МИНИМУМА 2022 ГОДА

М.Ю. Котова

CZECH PROVERBIAL PARALLELS OF RUSSIAN PROVERBS OF THE PAREMIOLOGICAL
MINIMUM OF 2022

М.Yu. Kotova

ABSTRACT:

For the first time, a new segment of the Russian paremiological minimum of 2022, published in 2023 according to the results of the author's sociolinguistic experiment is compared with the Czech paremiological minimum by D. Bittnerova and F. Schindler. The newly introduced Russian proverbs are analyzed by the method of descriptive analysis. The types of selection of Russian-Czech proverbial parallels on the specified material are given. The conclusion is made about the need to expand the search by involving a paremiological experiment with Czech respondents.

Keywords: Czech proverb; paremiological minimum; proverbial parallels; Russian proverb; sociolinguistic paremiological experiment.

АННОТАЦИЯ:

Впервые сопоставлен новый сегмент русского паремиологического минимума 2022 г., опубликованного в 2023 г. по результатам авторского социолингвистического эксперимента, и чешский паремиологический минимум Д. Биттнеровой и Ф. Шиндлера. Методом дескриптивного анализа рассмотрены вновь введенные русские пословицы. Приведены типы подбора русско-чешских пословичных параллелей на указанном материале. Сделан вывод о необходимости расширения поиска за счет привлечения паремиологического опроса чешских респондентов.

Ключевые слова: паремиологический минимум; пословичные параллели; русская пословица; социолингвистический паремиологический эксперимент; чешская пословица.

Полагая, что выявленный в 70-х гг. XX в. Г. Л. Пермяковым паремиологический минимум русского языка [Пермяков 1988], в наши дни, в 20-х гг. XXI в., уже несколько утратил свою актуальность и требует корректировки, мы решились на проведение собственного социолингвистического паремиологического эксперимента [Котова, Раина 2022].

В 2021–2022 гг. на кафедре славянской филологии СПбГУ был проведен такой социолингвистический паремиологический эксперимент (далее – РЭ-22). Материалом для него стал наш «Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями» (далее – РССПАС),

опубликованный в 2000 г. на основе паремиологического минимума Г. Л. Пермякова [Котова 2000].

Результаты РЭ-22 отражены в нашей книге «Тетради паремиографа. Выпуск 8» [ТП8 2023], завершающей серию приложений к учебному пособию «Лекции по сопоставительной славянской паремиологии» [Котова, 2010]. В серию ранее вошел второй выпуск, подготовленный при обработке опросников паремиологического социолингвистического эксперимента среди носителей чешского языка [ТП2 2013].

Социолингвистические характеристики трехсот сорока респондентов-носителей русского языка, которые приняли участие в опросе РЭ-22, опубликованы [ТП8 2023: 10–22]. Ограничимся здесь лишь информацией об их возрасте (от 16 до 88 лет) и гендерной принадлежности (56 мужчин и 284 женщины). До 17-летнего возраста они проживали в самых различных регионах Российской Федерации, представляют великое разнообразие профессий и специальностей, во время онлайн-опроса друг с другом не общались, и богатая вариантность концовок русских пословиц РЭ-22 (орфографическая, именная, глагольная, лексико-синтаксическая и др.) обусловлена исключительно своеобразием их личных пословичных картин мира.

После обновления в 2022 г. русский паремиологический минимум включает 543 паремиологические единицы (далее – ПЕ). Паремиологический минимум 2022 г. komponуют три составляющие:

- часть паремиологического минимума Г. Л. Пермякова (413 ПЕ, то есть 76,1 % всего нового состава);
- пословицы, которые были включены автором в 2000 г. в РССПАС наряду с ПЕ паремиологического минимума Г. Л. Пермякова и доказали свою актуальность по результатам РЭ-22 (56 ПЕ, то есть 10,31 %);
- новые ПЕ, введенные организаторами в опрос и подтвержденные 100% -15 % респондентов РЭ-22 (74 ПЕ, то есть 13,63 %).

В ряде наших прежних исследований в целях выявления русско-чешского паремиологического ядра уже анализировались материалы первых двух составляющих нынешнего паремиологического минимума [Котова 2016; Сергиенко 2015; Kotova 2014; Kotova 2019]. В этих работах рассматривались чешско-русские пословичные параллели, с одной стороны, из нашего второго выпуска «Тетрадей паремиографа» [ТП2 2013] и на материале чешских паремиологических минимумов Биттнеровой-Шиндлера [Bittnerová, Schindler 2003] и Ф. Чермака [Čermák 2003] и, с другой стороны, на материале паремиологического минимума Г. Л. Пермякова [Пермяков 1988] и РССПАС [Котова 2000].

Теперь назрела необходимость анализа подбора чешских пословичных параллелей ко вновь введенным в паремиологический минимум 2022 г. русским пословицам.

Цель данной статьи: при помощи метода дескриптивного анализа проанализировать русские пословицы, вновь введенные в паремиологический минимум 2022 г., и возможности подбора к ним чешских пословичных параллелей. Данная цель на указанном материале ставится и реализуется впервые.

Все семьдесят четыре новые русские пословицы из упомянутой выше третьей составляющей паремиологического минимума 2022 г. можно разделить на девять групп в зависимости от количества информантов, «опознавших» ту или иную пословицу, составив рейтинг их употребительности по результатам РЭ-22.

Приведем из этого рейтинга первые пять групп русских ПЕ полностью, в порядке убывания частотности, а остальные четыре – фрагментарно:

а) 15 ПЕ, к которым дописали концовки 99% – 90 % респондентов (*Из грязи в князи* – 98,5 % инф. [ТП8: 29]; *Любопытной Варваре /на базаре/ нос оторвали* – 97,9 % инф. [ТП8: 32]; *Меньше знаешь, крепче (лучше) спишь* – 97,4 % инф. [ТП8: 32]; *Скупой платит дважды* – 97,4 % инф. [ТП8: 41]; *Хотели, как лучше, а получилось (вышло) как всегда* – 96,8 % инф. [ТП8: 44]; *Губа не дура* – 96,2 % инф. [ТП8: 27]; *По секрету всему свету* – 95,6 % инф. [ТП8: 38]; *За что боролись, на то и напоролись* – 94,1 % инф. [ТП8: 29]; *Кто рано встаёт, тому бог (Бог) подаёт (даёт)* – 93,5 % инф. [ТП8: 31]; *Жадность фраера сгубила (погубит)* – 93,8 % инф. [ТП8: 28]; *Не в бровь, а в глаз* – 93,8 % инф. [ТП8: 34]; *Держи ухо остро* – 92,6 % инф. [ТП8: 27]; *Ломать – не строить* – 92,1 % инф. [ТП8: 32]; *Кто не рискует, тот не пьёт шампанское (шампанского)* – 90,6 % инф. [ТП8: 31]; *На сердитом (сердитых) воду возят* – 90,6 % инф. [ТП8: 33]);

б) 11 ПЕ, к которым дописали концовки 89% – 80 % респондентов (*Сказал «а», говори /и/ «б»* – 88,5 % инф. [ТП8: 41]; *Никогда не говори никогда* – 87,9 % инф. [ТП8: 36]; *Обещать – не значит жениться (сделать)* – 87,6 % инф. [ТП8: 37]; *Против лома нет приёма /окомя другого лома /* – 87,6 % инф. [ТП8: 39]; *Не буди лихо, пока /оно/ тихо (пока спит тихо)* – 87,4 % инф. [ТП8: 34]; *Не сотвори себе кумира* – 87,4 % инф. [ТП8: 36]; *И тжец (ивец), и жнец, и на дуде игрец* – 86,5 % инф. [ТП8: 29]; *За спрос денег не берут* – 83,2 % инф. [ТП8: 29]; *Волка ноги кормят* – 81,5 % инф. [ТП8: 25]; *Что русскому хорошо, то немцу смерть* – 80,9 % инф. [ТП8: 45]; *Хозяин – барин* – 80,6 % инф. [ТП8: 44]);

в) 8 ПЕ, к которым дописали концовки 79% – 70 % респондентов (*Без бумажки ты букашка (какашка, никто) /,а с бумажкой человек /* – 79,7 % инф. [ТП8: 23]; *Солдат спит, служба идёт* – 79,1 % инф. [ТП8: 42]; *Болтун – находка для шпиона* – 75,6 % инф. [ТП8: 23]; *Пусти козла*

в огород /,он всю капусту съест/ – 75,6 % инф. [ТП8: 39]; Кто не с нами, тот против нас – 74,7 % инф. [ТП8: 31]; От сумы и от тюрьмы не зарекайся – 74,4 % инф. [ТП8: 37]; Жизнь бьёт ключом по голове /,и всё по голове/ – 74,1 % инф. [ТП8: 28]; Все дороги ведут в Рим – 70,9 % инф. [ТП8: 25];

г) 11 ПЕ, к которым дописали концовки 69% – 60 % респондентов (*Курить – здоровью вредить – 69,4 % инф. [ТП8: 31]; Нет ничего более постоянного, чем временное – 67,6 % инф. [ТП8: 36]; От осины не родятся апельсины – 67,4 % инф. [ТП8: 37]; Поздно пить Боржоми, когда почки отказали (отвалились) (когда печень отказала (отвалилась)) – 65,9 % инф. [ТП8: 39]; Вот тебе, бабушка, /и/ Юрьев день – 64,4 % инф. [ТП8: 25]; Простота хуже воровства – 64,4 % инф. [ТП8: 39]; Не мечите бисер перед свиньями – 62,9 % инф. [ТП8: 35]; Бог шельму метит – 62,6 % инф. [ТП8: 23]; Глупый учится на своих ошибках /, /а/ умный – на чужих/ – 62,4 % инф. [ТП8: 26]; Хочешь мира, готовься к войне – 62,3 % инф. [ТП8: 44]; Всё возвращается на круги своя – 61,2 % инф. [ТП8: 25];*

д) 10 ПЕ, к которым дописали концовки 59% – 50 % респондентов (*Деньги не пахнут – 59,4 % инф. [ТП8: 27]; На наш век хватит – 58,8 % инф. [ТП8: 33]; Истина познаётся в сравнении (в споре) – 58,5 % инф. [ТП8: 30]; Надо держать порох сухим (в пороховницах) – 56,5 % инф. [ТП8: 34]; Курочка по зёрнышку клюёт /и сыта бывает/ – 56,2 % инф. [ТП8: 31]; Русские долго запрягают /,да быстро едут/ – 55,6 % инф. [ТП8: 40]; Время – деньги – 55,3 % инф. [ТП8: 25]; Для бешеной собаки семь (сто) вёрст не крюк – 53,2 % инф. [ТП8: 27]; Если бы молодость знала, а (если бы) старость могла – 53,2 % инф. [ТП8: 28]; Кто о чём, а вшивый о бане – 50,0 % инф. [ТП8: 31];*

е) 5 ПЕ, к которым дописали концовки 49% – 40 % респондентов, например: *Дела – как сажа бела – 44,7 % инф. [ТП8: 27]* и др.;

ж) 5 ПЕ, к которым дописали концовки 39% – 30 % респондентов, например: *Нищему собраться, только подпоясаться – 37,4 % инф. [ТП8: 36]* и др.;

з) 2 ПЕ, к которым дописали концовки 29% – 20 % респондентов, например: *Говорят, в Москве кур доят – 28,5 % инф. [ТП8: 26]* и др.;

и) 7 ПЕ, к которым дописали концовки 19% – 15 % респондентов, например: *На каждый чих не наздравствуешься – 19,4 % инф. [ТП8: 33]* и др.

Как видно из приведенного списка, новый состав пословиц русского паремиологического минимума 2022 г. представлен не только экспрессивными ПЕ обиходно-разговорного стиля речи (типа, *Для бешеной собаки семь (сто) вёрст не крюк*), но и интернациональными ПЕ, бывшими крылатыми словами или библеизмами, ранее не включенными в

паремиологический минимум Г.Л. Пермякова (например, *Все дороги ведут в Рим, Не мечите бисер перед свиньями* и др.).

Подбор чешских пословичных параллелей к русским пословицам ведется по всем доступным новейшим паремиографическим источникам, например, по многоязычному словарю пословиц Э. Мргачовой [Mrhačová 2017] (далее – Mr) и по одноязычным пословичным сборникам чешских пословиц [ТП2, 2013; Bittnerová, Schindler 2003 (далее – BSch)].

Отметим, в первую очередь, идеальные русско-чешские пословичные параллели, совпадающие не только семантически (как знаки идентичных ситуаций), но и близкие по компонентному и структурному составу, например: *Сказал «а», говори /у/ «б»* – 88,5 % инф. [ТП8: 41] – чеш. *Kdo řekne A, at' řekne také B* [Mr: 61]; чеш. *Když jsi řekl A, musíš říct taku B* [BSch: 19];

Никогда не говори никогда – 87,9 % инф. [ТП8: 36] – чеш. *Nikdy neříkej nikdy* [Mr: 93];

Кто не с нами, тот против нас – 74,7 % инф. [ТП8: 31] - чеш. *Kdo nejde s námi, jde proti nám* [Mr: 59];

Кто рано встает, тому бог (Бог) подаёт (даёт) – 93,5 % инф. [ТП8: 31] – чеш. *Kdo časně vstává, tomu Pánbůh dává* [Mr: 53];

Все дороги ведут в Рим – 70,9 % инф. [ТП8: 25] – чеш. *Všechny cesty vedou do Říma* [Mr: 133];

Деньги не пахнут – 59,4 % инф. [ТП8: 27] – чеш. *Peníze nesmrdí* [Mr: 100];

Не мечите бисер перед свиньями – 62,9 % инф. [ТП8: 35] – ср. чеш. *Neházejte perly sviním!* [Mr: 32].

Среди другого типа пословичных параллелей, которые строятся за счет общей русско-чешской доминантной семы, можно выделить, во-первых, чешские пословицы, которые прежде уже были использованы в РССПАС как параллели других русских пословиц, с которыми наша новая пословица образует синонимический ряд, например:

Обещать – не значит жениться (сделать) – 87,6 % инф. [ТП8: 37] (ср. синоним *Обещанного три года ждут*) – ср. чеш. *Řeč se mluví, voda teče* [Mr: 113]; чеш. *Sliby chyby* / чеш. *Sliby se slibují, blázní se radují* [Mr: 116; BSch: 22];

Кто не рискует, тот не пьет шампанское (шампанского) – 90,6 % инф. [ТП8: 31] (ср. синонимы: *Риск – благородное дело; Кто не рискует, тот не выигрывает*) – ср. чеш. *Kdo nic neriskuje, nic nemá* / чеш. *Risk je zisk* [Mr: 60; 112]; чеш. *Kdo nevsadí, nevyhraje* [BSch: 20];

*Глупый учится на своих ошибках, /а/ умный – на чужих / – 62,4 % инф. [ТП8: 26] (ср. синоним *Человеку свойственно ошибаться* и др.) – ср. чеш. *Chybami se člověk učí* [Mr: 37; BSch: 20];*

Чужая дурная голова ногам покоя не даёт – 18,5 % инф. [ТП8: 45] (ср. *Дурная голова ногам покоя не даёт*) – ср. чеш. *Plouřá hlava – neštěstí pro nohu* [Mr: 34].

Во-вторых, ко второму типу относятся чешские параллели, которые являются знаками идентичной ситуации, но в них используются другие языковые средства, например:

Скупой платит дважды – 97,4 % инф. [ТП8: 41] – ср. чеш. *Laciné dvakrát placené* [Mr:72];

Хозяин – барин – 80,6 % инф. [ТП8: 44] – ср. чеш. *Kdo má moc, má i právo* [Mr: 57]; чеш. *Králové mají dlouhé ruce* [Mr: 70];

Кто рано встаёт, тому бог (Бог) подаёт (даёт) – 93,5 % инф. – ср. чеш. *Ranní ptáče dál doskáče* [Mr: 111; BSch: 25];

Закон – что дышло, куда повернёшь (повернул), туда и вышло – 47,1 % инф. [ТП8: 29] – ср. чеш. *Kdo má moc, má i právo* [Mr: 57]; чеш. *Zákony jsou od toho, aby se obcházely* [Mr: 137].

Третий тип чешских пословичных параллелей русских пословиц составляют чешские пословицы, которые относятся к той же тематической группе, что и оригинальная русская пословица, и квалифицируют похожую ситуацию, например:

Чтобы рыбку съест, надо в воду лезть – 15,9 % инф. [ТП8: 45] – ср. чеш. *Ráda kočka rybu jí, ale do vody se jí nechce* [Mr: 110];

Сытое брюхо к ученью (учению) глухо – 37,1 % инф. [ТП8: 42] – ср. чеш. *Břich tlustý, mozek/leb pustý* [Mr: 15];

Замуж не напасть, лишь (как) бы замужем не пропасть – 39,1 % инф. [ТП8: 29] – ср. чеш. *O svatbě jeden den veselí, a po celý život trápení* [Mr: 94];

Всяк купец свой товар хвалит – 49,1 % инф. [ТП8: 26] – ср. чеш. *Každá liška svůj ocas chválí* [Mr: 48].

Поскольку сборник Д. Биттнеровой и Ф. Шиндлера [Bittnerová, Schindler 2003] подготовлен по методике социолингвистического паремиологического опроса, разработанной Г.Л. Пермяковым, и содержит паремиологический минимум чешского языка, выше в нашем списке чешских пословичных параллелей мы у ряда примеров приводим ссылки на этот сборник, чтобы подтвердить употребительность той или иной чешской пословицы.

Итак, в статье рассмотрен паремиологический минимум русского языка 2022 г., который на 76,1 % состоит из пословиц прежнего паремиологического минимума, выявленного Г. Л. Пермяковым в 70-х гг. XX в.; на 10,31 % – из пословиц, включенных автором в РССПАС еще в 2000 г. дополнительно к паремиологическому минимуму Г.Л. Пермякова, и на 13,63 % – из пословиц, которые впервые были

предложены тремстам сорока информантам в ходе паремиологического эксперимента 2021–2022 гг.

Дан обзор путей подбора и типов чешских пословичных параллелей к этим 13,63 % (то есть к семидесяти четырем русским пословицам, которые оказались известными 99 – 15 % информантов). В них входят экспрессивные ПЕ обиходно-разговорного стиля речи (например, *Обещать – не значит жениться*) и интернациональные ПЕ, бывшие крылатые слова или библеизмы (например, *Скупой платит дважды; Все дороги ведут в Рим; Не мечите бисер перед свиньями*).

Следует признать, что полноценный подбор чешских пословичных параллелей по словарям возможен только для второй, интернациональной, группы русских пословиц (например, *Никогда не говори никогда* [ТП8: 36] – чеш. *Nikdy neříkej nikdy* [Мг: 93]). Для выявления пословичных параллелей к экспрессивно-разговорным русским пословицам одного обращения к словарям явно недостаточно, поэтому представляется целесообразным обязательное привлечение и других источников (например, чешского национального корпуса и дополнительного паремиологического опроса информантов-носителей чешского языка).

Литература / References

1. *Котова М.Ю.* Лекции по сопоставительной славянской паремиологии: учебное пособие для магистрантов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. 170 с.
2. *Котова М.Ю.* О межславянской паремиологической лакунарности (на материале чешских пословичных параллелей русского паремиологического минимума) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 4(58): в 3-х ч. Ч. 2. С. 103–105.
3. *Котова М.Ю.* Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / Под ред. П.А. Дмитриева. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2000. 360 с. (РССПАС)
4. Тетради паремиографа. Выпуск 8. Паремиологический минимум русских пословиц 2022 года: Учебно-методическое пособие для студентов / Под ред. М.Ю. Котовой. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2023. 560 с. (ТП8)
5. *Котова М.Ю., Раина О.В.* О корректировке паремиологического минимума русского языка // Наука СПбГУ – 2021. Сборник материалов Всероссийской конференции по естественным и гуманитарным наукам с международным участием. Санкт-Петербургский государственный университет / отв. ред. В.Г. Быков. СПб.: Свое издательство (Санкт-Петербург), 2022. С. 616–617.
6. *Котова М. Ю., Сергиенко О. С.* Тетради паремиографа. Чешские пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума: Учебное пособие для студентов / Под ред. М. Ю. Котовой. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. 278 с. (ТП2)
7. *Пермяков Г.Л.* К вопросу о паремиологическом минимуме языка: 500 наиболее употребительных русских пословичных изречений // Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. С. 143–166.
8. *Сергиенко О. С.* Нормативность и вариантность чешских и словацких пословиц. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2015. 296 с.

9. *Bittnerová D., Schindler F.* Česká přísloví. Soudobý stav konce dvacátého století. Praha, 2003. 316 s. (BSch)
10. *Čermák F.* Paremiological Minimum of Czech: The Corpus Evidence // Burger H., Häcki Bufofer A., Greciano G. *Vielvalt der Kulturen. Ascona 2001 zur Methodologie und Kulturspezifik der Phraseologie*, Hrsgb. Hohengehren: Schneider Verlag, 2003. P. 15–31.
11. *Kotova M.* K otázce vymezení rusko-česko-slovenského paremiologického jádra // *Lingua Viva*, 2014. T. 10. № 19. C. 45–54.
12. *Kotova M.Ju.* To the question of the Russian–Czech–Slovak–Bulgarian–English paremiological core // *Bohemistyka*, 2019. № 1. S. 3–18.
13. *Mrhačová E.* a kolektiv. *Východoslovanská přísloví a pořekadla v pohledu od češtiny*. Ostrava: Ostravská univerzita, 2017. 168 s. (Mr)

ОСОБЕННОСТИ РЕДУПЛИКАТИВНОЙ ДЕРИВАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ФОНЕ ЯЗЫКОВ ДРУГИХ СТРУКТУРНЫХ ТИПОВ)

О.Ю. Крючкова

FEATURES OF REDUPLICATIVE DERIVATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE
AGAINST THE LANGUAGES OF OTHER STRUCTURAL TYPES

O.Yu. Kryuchkova

ABSTRACT:

The peculiarity of structural models and functions of reduplication in the Russian language in comparison with languages having a different character of word organization is considered. It shows a nonrigid connection between structural and functional reduplication variants, on the one hand, and the main modes of reduplication and peculiarities of a language morphological type, on the other hand.

Keywords: word-formation; reduplication; languages typology.

АННОТАЦИЯ:

Рассматривается своеобразие структурных моделей и функций редупликации в русском языке в сравнении с языками, имеющими иной характер организации слова. Показано наличие нежесткой связи структурных и функциональных разновидностей редупликации с основными способами словообразования, с особенностями морфологического типа языка.

Ключевые слова: словообразование; редупликация; языковая типология.

В работах по общему языкознанию и языковой типологии редупликация характеризуется как языковая универсалия, как способ, применяемый в самых разных с генетической и структурной точек зрения языках. Подчеркивается, что морфологический тип языка, а также ни один из традиционных типологических параметров (в частности, степень фузионности морфемных швов, доля нестандартных основ и аффиксов, способность к амальгированию в одной морфеме нескольких служебных элементов значения) не сопряжен со степенью развития приема редупликации как специфического вида языковой техники [Беликов 1989: 181].

Вместе с тем открытым остается вопрос о сходстве / различии структурных разновидностей редупликации в языках мира. Не благоприятствует обсуждению данного вопроса определение редупликации, кодифицированное в Большом энциклопедическом словаре «Языкознание»: «редупликация – фономорфологическое явление, состоящее в удвоении начального слога или целого корня» [Языкознание... 1998: 408]. Ограничение явлений редупликации операциями в пределах корня базируется

ся на материале языков с преобладанием агглютинативной техники построения слов или языков изолирующего типа, в которых прием внутрисловного удвоения наиболее прозрачен и лучше изучен (языки азиатского юго-восточного региона, африканские языки), напр. [Языки... 1980], [Рожанский 2011].

С опорой на приведенное определение вопрос о разновидностях редупликации в разных языках сводится в основном к констатации степени распространенности и функций слоگو-корневых, реже фонемных, повторов типа малайск. *labu-labu* ‘глиняный горшочек’, малагасийск. *maitso maitso* ‘ярко-зеленый’, марийск. *кузу-кузу* ‘преобладающий’, *и-изи* ‘маленький-маленький’, карач.-балк. *gab-gara* ‘чернейший, пречерный’, индонез. *colak-culing* ‘беспорядочный’, киргиз. *mal-cal* ‘скот и т.п.’, *улаанһаа улан* ‘самый красный,’ фула *torr* ‘докучать’ (от *tor* ‘просить’), русск. *день-день, тяп-ляп, тик-так, танцы-шманцы*.

Подобный материал позволяет выделить такие разновидности корневых повторов, как полная, неполная, дивергентная (с изменением звукового состава исходного компонента – редупликанта), неосложненная и осложненная (с дополнительным использованием аффиксов), мотивированная / немотивированная редупликация [Крючкова 2000а], [Рожанский 2011], [Минлос 2004].

Не укладываются в разряд фономорфологических явлений слова, образованные повторением семантических компонентов (объединением в одном слове синонимических единиц), ср.: шанск. *tseat3-thaam1-tseat3-toi4* ‘расспрашивать-разузнавать’ (*tseat3-thaam1* ‘расспрашивать’ + *tseat3-toi4* ‘разузнавать’), узбекск. *йиғим-терим* ‘сбор урожая’ (‘сбор’ + ‘уборка’). Не подпадают под приведенное определение случаи аффиксальных повторов (точных и синонимических), распространенные, например, в славянских языках и диалектах: *ведер-к-о – ведер-оч-к-о, вулканиза-тор – вулканиза-тор-щик, при-забыть – по-при-забыть, забросить – по-за-бросить*, диал. *за-за-длиться, ель-нич-ник*, укр. *по-по-ходить, по-по-нести*.

Подход, ограничивающий редупликацию фономорфологическими операциями с корневой морфемой, обусловил, в частности, представление о нехарактерности редупликации для русского словопроизводства, вплоть до чуждости самого термина «редупликация», который эпизодически применяется, и лишь для характеристики лексемных удвоений типа *белый-белый, большой-большой, ходишь-ходишь*, ср. отсутствие понятия «редупликация» в [Русский язык 1979], [Русская грамматика 1980].

Однако в русском языке на протяжении всего его исторического развития в системах разных частей речи функционируют разнообразные модели с нанизыванием одних и тех же или, чаще, синонимических

словообразовательных аффиксов. Ср., напр., дополнительно к приведенным выше примерам устаревшие сейчас, но еще употреблявшиеся в XVIII-XIX вв. *грузинец* (< *грузин*), *челядинец* (< *челядин*), *бегунец* (< *бегун*), *белительник* (< *белитель*), *дешевизность* (< *дешевизна*), *воспрославить* (< *прославить*); др.-русск. *писательник* (< *писатель*), *львичичь* и *львичищ* (< *львичь*), *мельничник* (< *мельник*), *невһрство* (< *невһрство*), *неистовный* (< *неистовый*), *кончавати* (< *кончати*), *сьпостигнути* (< *постигнути*) и мн. др.

Слоговые, корневые и словные удвоения типа *гагара*, *ку-ку*, *тара-рам*, *маломальский*, *большой-большой*, *ходишь-ходишь* находятся на периферии словообразовательного поля русской редупликации (понимаемой как прием внутрисловного удвоения). Слоговая редупликация в русском языке письменной эпохи – это не способ образования слов, а способ фонетической организации ограниченного круга лексем. Слова русского языка со слоговым и корневым удвоением относятся к древнейшему лексическому слою и являются в основном словами междометного и звукоподражательного характера. Живые, продуктивные модели слогового и корневого удвоения в русском языке письменного периода отсутствуют. Словные же удвоения выступают как своеобразные синтактико-словообразовательные единицы. Будучи принадлежностью прежде всего разговорной речи, словные удвоения существуют как особые текстовые слова, не претендуя в большинстве случаев на статус словарных единиц, см.: [Вежицкая 1999], [Крючкова 2004], [Гилярова 2010], [Грудева 2010].

Специфика русской редупликации состоит не только в характере ее базовых единиц (в заметном использовании в этом качестве словообразовательных аффиксов), но и в общей ориентации редупликационных процессов на план содержания «задействованных» в этой операции языковых единиц при необязательном тождестве их плана выражения. Языки иной типологии, применяющие по преимуществу слоговые и корневые удвоения, активно оперируют при редупликационной деривации элементами плана выражения языкового знака, сохраняя в той или иной мере тождество звуковой оболочки редупликанта и редупликата.

Привлечение материала русского языка [Крючкова 2000б], требует выработки такого понимания редупликации, которое позволило бы охватить все многообразие структурно-семантических и функциональных проявлений этого действительно универсального деривационного приема в языках с разной морфологической структурой. Необходимо учитывать, что: а) удвоению может быть подвергнута любая из образующих слово языковых единиц – звук, слог, морфема (в том числе аффиксальная); б) удвоенными в структуре слова могут быть не только

элементы формы, но и элементы плана содержания при необязательном тождестве их формального выражения.

Включение в поле действия редупликации более широкого, чем фоморфологические операции с корнем, круга явлений ставит вопрос о возможных корреляциях структурных разновидностей редупликации с более общими языковыми техниками – с характером словообразования, тяготением к фузионным или агглютинативным механизмам соединения морфем, синтаксическим поведением корней-основ.

Различие языков по характеру редупликантов (редуплицируемых частей слова) коррелирует с продуктивностью определенных способов словопроизводства. Степень развития сложения или аффиксации определяет в известной мере и преимущественное использование тех или иных базовых единиц (корней или аффиксов) в моделях редупликации. Вместе с тем прямая зависимость структурных типов редупликации от типологии способов словопроизводства все-таки отсутствует.

Характер редупликации в большей мере определяется иными, более общими типологическими свойствами языков. Возобладание той или иной структурной разновидности редупликации зависит от особенностей иерархических отношений между компонентами структуры слова: самостоятельности/несамостоятельности корня-основы и самостоятельности/несамостоятельности аффиксов. Самостоятельность корня стимулирует его использование в качестве редупликанта, несамостоятельность корневой морфемы, напротив, ограничивает такую возможность.

Редупликационный потенциал аффиксов связан с их структурно-семантическими особенностями. В языках с развитой фузией аффиксы проявляют склонность к редупликации вследствие таких их свойств, как нечеткая выделимость в составе слова, полисемия, нестандартность, тенденция к дестимологизации. Названные особенности лишают фузионные аффиксы «полноты значимости» (по Э. Сепиру), затрудняют поморфемное восприятие информации, передаваемой словом [Сепир 1993: 126]. Ср.: повторная аффиксация, направленная на устранение многозначности первичного аффикса (*вулканизатор* ‘лицо или предмет?’ – *вулканизаторщик* ‘лицо’), на реконструкцию дестимологизированных значений (*ножик* – *ножичек*, *книжка* – *книжечка*), способствует восстановлению «полноты значимости» аффикса, создает возможность расчлененного восприятия информации.

Аффиксы агглютинативных языков противопоставлены по названным признакам аффиксам фузионным, что является фактором, существенно ограничивающим аффиксальную редупликацию в языках с преобладанием агглютинации. В таких языках аффиксы участвуют в моделях редупликации в случаях приобретения ими фузионных свойств.

Связь аффиксальной редупликации с типологическими свойствами аффиксов, с особенностями их синтагматики и парадигматики хорошо прослеживается на «контрпримерах», т.е. нетипичных примерах использования аффиксального удвоения в языках с агглютинативной техникой соединения морфем и, напротив, неиспользования аффиксальной редупликации в языках с преобладанием фузии. Возможность редупликации некоторых аффиксов отмечена, например, в различных агглютинативных по структуре языках, ср.: эрзя-мордовск. *беряки-ке* – *беряки-ки-не* ‘плохонький’; *вишки-не* – *вишки-нь-ки-не* ‘малюсенский’; казахск. *ат* ‘лошадь’ – *ат-ты-лы* ‘верховой’. Аффиксальные повторы отмечены даже в изолирующих языках со слабо развитой аффиксацией, ср. китайск. *хай²-цзы-р* ‘ребенок’; *тун²-цзы-р* ‘медяк’. Редупликация аффиксов в языках с преобладанием агглютинативной техники указывает на приобретение соответствующими морфемами фузионных свойств: признаков нестандартности и десемантизации. Аффиксальные повторы во всех приведенных и подобных им случаях – следствие аффиксальной синонимии в данном деривационном сегменте либо результат семантико-функционального ослабления аффикса. Так, например, повторение уменьшительных суффиксов в китайском языке и суффиксов со значением лица в казахском языке вызвано десемантизацией названных значений у первичных суффиксов *-цзы* и *-лы* [Люй Шу-сян 1961: 38], [Суник 1965: 61], а удвоение уменьшительных суффиксов в эрзя-мордовском языке связано с наличием синонимических показателей этого значения. Характерно также, что аффиксальная редупликация в языках агглютинативного строя нередко сопровождается явлениями фузии на морфемных швах (см. изменения суффиксальных гласных и согласных в приведенных выше примерах из казахского, эрзя-мордовского языков). Таким образом, аффиксальная редупликация – это свидетельство и следствие развития фузионных тенденций на отдельных участках деривационных систем агглютинативных языков.

Точно так же, как явления аффиксальной редупликации в агглютинативных языках сигнализируют об участках проникновения фузии, принципиальная невозможность аффиксального удвоения или затухание продуктивности соответствующих моделей служат сигналами развития агглютинативных признаков у аффиксов в языках флективного строя. Так, например, префиксы русского языка типа *недо-*, *сверх-*, *квази-*, *анти-* и под., обладающие свойствами агглютинативных морфем, никогда не включались и не включаются в модели редупликации.

Связь аффиксальной редупликации с типологическими особенностями аффиксов позволяет полагать, что утрата или, наоборот, активизация их способности к удвоению в процессе исторической эволюции обусловлена соответственно накоплением агглютинативных (стандарти-

зация, специализация) или, напротив, фузионных (нестандартность, многозначность) признаков. Это положение подтверждается историей моделей аффиксальной редупликации в русском языке. Если аффиксы немодификационных словообразовательных подсистем, накапливая агглютинативные свойства, с течением времени утрачивают способность к редупликации (см., напр., историю моделей суффиксальной редупликации в сфере личных имен существительных в: [Дмитриева, Крючкова 2010: 190–198]), то аффиксы модификационного словопроизводства, напротив, усиливая признаки фузии, увеличивают редупликационные потенции (см., напр., историю диминутивно-оценочной редупликации в: [Дмитриева, Крючкова 2010: 204–215]).

Особенности языкового строя влияют на продуктивность структурных моделей редупликации. Например, в языках Юго-Восточной Азии изолирующего типа широкое распространение имеет полная или дивергентная слоговая и корневая редупликация (малагасийск. *ezakaezaka* ‘повторные усилия’, кхмерск. *снае-снэт* ‘страстно любить’). В тюркских и финно-угорских агглютинативных языках продуктивны полная и дивергентная редупликация основ – так называемые парные слова, или слова-эхо (бурят. *губэр-шэбэр* ‘еле-еле (говорить)’). Флективные славянские языки характеризуются полным или синонимическим нанизыванием аффиксов (суффиксов и префиксов); определенное распространение имеет также полная и синонимическая редупликация слов [Крючкова 2004]. Таким образом, межъязыковые различия в использовании редупликационной техники касаются единиц-редупликантов.

Соглашаясь с положением о том, что степень развития редупликации не определяется типологическими параметрами языков (см. приведенное выше мнение В.И. Беликова), мы полагаем, что конкретные структурные разновидности этого универсального вида языковой техники все-таки обнаруживают соотношенность со спецификой языкового строя.

Специфические черты могут быть отмечены также и в характере выражаемых посредством редупликации значений. В русском языке на протяжении всего его исторического развития основной функцией редупликации является функция выражения словообразовательных значений. Удвоение грамем, выражаемых реляционными аффиксами, единичны на разных этапах языковой эволюции. Ср., например, отдельные, очевидно, фонетически обусловленные случаи удвоения окончания инфинитива в др.-русск. языке: *побри-чи-ти* – ‘обрить’, *поволо-чи-ти* – ‘обтянуть, покрыть тканью’; ‘наильно повести’, *почу-ти-ти* и *учу-ти-ти* – ‘ощутить’, *почес-ти-ти* – ‘почтить’, *привъзви-ти-ти* – ‘приобрести’; диал. *и(д)-ти-ть*, *най-ти-ть*, *пррой-ти-ть-ся*, отражающие абсолютное преобладание форм инфинитива на *-ть* в акающих говорах.

Современному русскому литературному языку известен лишь один глагол с удвоенным окончанием инфинитива – *запропас-ти-ть-ся*. Встречавшееся в древнерусском и старорусском языках нанизывание имперфективных суффиксов (типа *конч-а-ти – конч-а-ва-ти, обон-я-ти – обон-я-ва-ти*) очень скоро утратило продуктивность и удерживалось некоторое время лишь как средство экспрессивизации высказывания, см. [Дмитриева, Крючкова 2010: 254–264] (вторичный суффикс –ва- в подобных образованиях не придавал соответствующим глаголам значения многократности, как это наблюдается, например, в чешском языке, см. [Широкова 1963]).

В изолирующих и агглютинативных языках редупликация регулярно служит средством выражения грамматических значений (посредством редупликации часто выражается, например, значение мн. ч. ср.: индонез. *orang* ‘человек’ – *orang-orang* ‘люди’, *rumah* ‘дом’ – *rumah-rumah* ‘дома’; в яз. кховар *žau* ‘сын’ – *žžau* ‘сыновья’). В языках с неморфологизированным противопоставлением частей речи редупликация корней-основ становится одним из способов морфологической характеристики слова, способом выражения синтаксических отношений (ср.: индонез. *pagi* ‘утро’ – *pagi-pagi* ‘рано утром’; япон. *токи* ‘время’ – *токи-доки* ‘по временам’; арм. *арак* ‘быстрый’ – *арак-арак* ‘быстро’; азерб. *бир* ‘один’ – *бир-бир* ‘по одному’). Русский язык как язык флективного типа характеризуется высокой степенью морфологизированности словоформ, четкой противопоставленностью в большинстве случаев деривационных и реляционных аффиксов. Эти факторы не способствуют развитию редупликации в сфере грамматической семантики.

Учет структурных и семантических разновидностей редупликации ведет к пониманию этой языковой техники в качестве универсального деривационного приема, имеющего своеобразные проявления в языках разных типов. Такой подход позволяет более глубоко и объемно интерпретировать универсальность деривационного приема внутрисловного удвоения, дает возможность рассматривать многообразные случаи внутрисловных удвоений, встречающихся в языках с разной морфологической структурой, как структурно-семантические разновидности единого общезыкового приема образования слов.

Литература / References

1. *Беликов В.И.* Редупликация как типологически значимое явление // Новое в изучении вьетнамского языка и других языков Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1989. С. 180–184.
2. *Вежбицкая А.* Редупликация в итальянском языке: кросс-культурная прагматика и иллюкутивная семантика // Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 224–259.

3. *Гилярова К.А.* Такая девочка-девочка. Семантика редупликации существительных в русской разговорной речи и языке Интернета // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 9 (16). М.: РГГУ, 2010. С. 90–96.
4. *Грудева Е.В.* Лексическая редупликация в современном русском языке (корпусное изучение) // Материалы XXXIX Международной филологической конференции. Секция Общее языкознание / Отв. ред. Н.А. Слепокурова. СПб.: Фил. фак-т СПбГУ, 2010. С. 21–26.
5. *Дмитриева О.И., Крючкова О.Ю.* Динамика словообразовательных процессов: семантико-когнитивный, жанрово-стилистический, структурный аспекты. Саратов: Научная книга, 2010. 364 с.
6. *Крючкова О.Ю.* Редупликация в аспекте языковой типологии // Вопросы языкознания. 2000а. № 4. С. 68–84.
7. *Крючкова О.Ю.* Редупликация как явление русского словообразования. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000б. 264 с.
8. *Крючкова О.Ю.* Вопросы лингвистической трактовки лексической редупликации в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2004. № 2 (8). С. 63–83.
9. *Люй Шу-сян.* Очерк грамматики китайского языка. В 2-х тт. Т. 1. Слово и предложение. М.: изд. Вост. лит, 1961. 266 с.
10. *Минлос Ф.Р.* Редупликация и парные слова в восточнославянских языках: дис... канд. филол. наук. М., 2004. 184 с.
11. *Рожанский Ф.И.* Редупликация: Опыт типологического исследования. М.: Знак, 2011. 256 с.
12. Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980. 792 с.
13. Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ф.П. Филин. М.: Сов. энцикл., 1979. 431 с.
14. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
15. *Суник О.П.* Вопросы типологии агглютинативных языков (К проблеме соотношения агглютинации и флексии) // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.-Л.: Наука, 1965. С. 26–64.
16. *Широкова А.Г.* О категории многократности в чешском языке // Исследования по чешскому языку. М.: АН СССР, 1963. С. 61-85.
17. Языки Юго-Восточной Азии: Проблемы повторов / Отв. ред. Н.Ф. Алиева. М.: Наука, 1980. 187 с.
18. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.

**ЭКСПЛИКАЦИЯ ДИВЕРГЕНТНЫХ СМЫСЛОВ
ПРИ СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИССЛЕДОВАНИИ
ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ФОРМУЛ,
МАНИФЕСТИРУЮЩИХ ПОНЯТИЕ ДОБРА
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ)**

В.Г. Кульпина

EXPLICATION OF DIVERGENT SENSES IN CONTRASTIVE RESEARCHES
OF PROVERBIAL FORMULAS REPRESENTING THE NOTION OF GOODNESS
ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND POLISH

V.G. Kulpina

ABSTRACT:

The article is devoted to the contrastive aspects of Russian and Polish proverbs on the subject of goodness. The aim of the article is to analyze the lexicographical representing of notion *goodness* in Russian and Polish. Proverbial subject material is considered as a component part of the cultural concepts of Russian and Polish linguistic cultures.

Keywords: proverb; dictionary; notion; concept; contrastive analyses; Russian language; Polish language.

АННОТАЦИЯ:

В статье в сопоставительном аспекте рассматривается материал русских и польских пословиц с тематикой добра. Целью статьи является проанализировать на материале паремиологических словарей, и прежде всего на примере «Русско-польского паремиологического словаря» [RPSM], концептуальные различия лексикографической презентации понятия добра в русском и польском языках. Паремиологический тематический материал рассматривается как составная часть культурных концептов ДОБРО и DOBRO русской и польской лингвокультуры.

Ключевые слова: пословица; словарь; понятие; концепт; сопоставительный анализ; русский язык; польский язык.

В статье в сопоставительном аспекте рассматривается материал русских и польских пословиц с тематикой добра, включающих компоненты с корневой базой *добр-*. Пословицы с другой корневой базой (не образованные от корня *добр-*) остаются вне рамок анализа. Целью статьи является проанализировать на материале паремиологических словарей, и прежде всего двуязычных, концептуальные различия лексикографической презентации понятия добра в русском и польском языках. Паремиологический тематический материал рассматривается как составная часть культурных концептов ДОБРО и DOBRO русской и польской

лингвокультур. Наши предыдущие исследования словесного наполнения концептов ДОБРО и DOBRO и прилагательных *dobryi* и *dobry* ‘добрый’ как составных частей указанных концептов, сопоставляемых в русском и польском языках, показали, что как корреляты-существительные, так и корреляты-прилагательные, несут в себе, несмотря на аналогичный фонетико-фонологический состав, целый ряд семантических отличий. Так, польское прилагательное *dobry* в большинстве контекстов выступает в значении ‘хороший’ – в отличие от русского прилагательного *добрый*, у которого более частотны и более выпукло выражены значения ‘благожелательный, отзывчивый, мягкий’ (а значит, *добрый*) (см.: [Кульпина 2021: 218–224] и [Кульпина 2023: 186–194]).

1. Пословица как жизнь культурных смыслов

Пословицы есть великое наследие, оставленное нам предыдущими поколениями. Предваряя сборник Владимира Даля «Пословицы русского народа», М.А. Шолохов пишет: «Тысячелетиями накапливаются и вечно живут в слове несметные сокровища человеческой мысли и опыта. И, может быть, ни в одной из форм языкового творчества народа с такой силой и так многогранно не проявляется его ум, так кристаллически не отлагается его национальная история, общественный строй, быт, мировоззрение, как в пословицах. <...>. Как на крыльях, они перелетают из века в век, от одного поколения к другому, и не видна та безграничная даль, куда устремляет свой полет эта крылатая мудрость» [Шолохов 1957: III–IV].

В.И. Чичеров, известный фольклорист, исследователь наследия В.И. Даля, пишет, что «Сборник пословиц, собранных Далем, жил активной жизнью. <...>. Старые народные пословицы живут в современности как творчество, как мудрость народа, как образные обобщения, слитые и с сегодняшним днем» [Чичеров 1957: XXVIII].

Предисловие «Напутное» В.И. Даля к его «Словарю пословиц русского народа» отражает глубины его понимания народного творчества и уважения к нему. «Пословица не сочиняется, а вынуждается силою обстоятельств, как крик или возглас, невольно сорвавшийся с души, это целые изречения, сбитые в один ком, в одно междометье. Сборник же пословиц – свод народной опытной премудрости и суемудрия, это стоны и вздохи, плач и рыдания, радости и веселие, горе и утешение в лицах; это цвет народного ума, самобытной стати, это житейская, народная правда, своего рода судебник, никем не судимый» [Даль. Напутное: 18–19]. К своей работе собирателя пословиц Владимир Иванович Даль подходит без высокого пиетизма, но с целым веером решаемых им проблемных вопросов, сомнений и опасений. Мятущаяся душа собирателя

предстает в своем стремлении предельно корректно представить и объяснить пословичный материал, не допустить ошибочных и произвольных толкований. В описаниях многотрудного процесса сбора материала ощущается его высочайшая ответственность за собирательский труд. Со сколь сложной и лабиринтной материей он имеет дело, можно понять хотя бы по выражениям *темные пословицы*, *добраться до коренного оборота* и др. Трудности с точки зрения выявления исконно заложенного в них смысла, фиксации произношения вызывают в том числе региональные слова.

2. Пословичная русско-польская и польско-русская лексикография: параметры и аксиология

В пословицах представлены психологические и личностные аспекты жизни человека. Пословица – это своего рода аксиологема труда и добра с деятельностным началом, с одушевленными персонажами, нередко с сакральными мотивами. Пословичная единица часто содержит архаические лексемы и другие архаичные лексические и грамматические элементы и структуры (напр., разговорная частица *да*, будучи употреблена в пословице, способна ее архаизировать и фольклоризировать, придавая языковой единице пословичный вид). Важные атрибуты пословицы: наличие ритмизированных и рифмованных структур.

В Словаре пословиц В.И. Даля тематика добра представлена следующими разделами: «Хорошо – худо» [Даль: 123–127]; «Добро – милость – зло» [Даль: 127–134]. Материала по интересующей нас тематике нередко представлен «антиподами»: «За добрым делом находишься, худое само навяжется» [Даль: 123]; «Горопись на доброе дело, а худое само приспеет» [Даль: 127]. Добро противопоставляется злу, а зло имеет нередко вид архаичных лексем – субстантивов *худо* и *лихо* либо субстантивата *худое*.

Тематика добра достаточно широко представлена в «Большом фразеологическом словаре издательства PWN с пословицами» [WSF: 70–71]. В нем имеются пословицы, содержащие следующие лексемы с корнем *dobr-*: *dobro* ‘добро’, *dobroć* ‘доброта’, *dobrodziejstwo* ‘благодетельство’, *dobry* ‘хороший, добрый’ и *dobrze* ‘хорошо’. Среди них представлены, например, пословицы с наречием *dobrze*, к которым мы в русском языке можем подобрать адекватные соответствия, которые тоже будут оригиналами и одновременно аналогами. См.: «Wszędzie dobrze, ale w domu najlepiej» — «Везде хорошо, а дома лучше»; «Wszędzie dobrze, gdzie nas nie ma» — «Везде хорошо, где нас нет». В отношении народов-соседей трудно подчас бывает установить, кто был первым сочинителем пословицы и вообще, был ли какой-то первый, до того жизненны эти блуждающие сюжеты.

Обсуждение русских и польских пословиц в сопоставлении естественным путем связано с проблематикой двуязычной паремиографии, у которой в этой области есть значимые достижения. Самым известным произведением такого типа на материале обоих языков является многократно переиздававшийся «Словарь пословиц русско-польский и польско-русский» Рышарда Стыпулы, построенный в алфавитном порядке по первому слову пословицы. Тематика добра из русско-польской части словаря представлена в статье русскими пословицами на заголовочные слова с корнем *добр-* и с переводом на польский язык, всего 6 пословичных единиц (см.: [Stypuła 1974: 62–63]). В польско-русской части словаря эта тематика представлена 17-ю пословичными единицами на лексемы с корнем *dobr-*: (см.: [Stypuła 1974: 306–309]). В фокусе анализа статьи находится русская пословица и возможности передачи ее смысла на польском языке.

Особенно важным для представленного в статье анализа является двуязычный паремиологический словарь – это тематический «Русско-польский паремиологический словарь» [RPSM] (редактор Ю.В. Люкшин, соредактор В. Змарзер). В тематическом характере коренится его отличие от Словаря Р. Стыпулы. Обозначенная в статье тематика пословиц сосредоточена в разделе ДОБРО [RPSM: 102–112]. Авторы Словаря дали своему словарю второе имя – *русско-польский народный афористикон*. В нем насчитывается 60 тематических классов (см. о словаре подробнее [Кульпина, Татаринцов 2004: 110–119]). Соредактор словаря В. Змарзер в статье «Систематизация паремий в двуязычном словаре» выделяет следующие его параметры: ориентация на лаконичность, афористичность, строение по определенным моделям, учет определенного социокультурного контекста и этнокультурного статуса, соблюдение соответствующего стилистического ключа, привлечение историко-культурных ассоциаций, наличие определенной синтаксической структуры, соблюдение принципов ритмической организации пословичного текста, учет степени его неделимости, лексико-семантическая вариантность, текстообразующий потенциал с упором на информативную когерентность (см.: [Zmarzer: 9–10]).

В этом же «Русско-польском паремиологическом словаре» [RPSM] для обозначения большей или меньшей смысловой общности русской пословицы и ее польской версии используется ряд знаков, фиксирующих тот или иной тип общности. В связи с дискуссионностью и неоднозначностью установления типа близости/удаленности исходной пословицы от ее иноязычного аналога в данной статье эти знаки не проставляются (опускаются), а русская пословица и ее польский аналог отделяются друг от друга знаком долгого полужирного тире: [—].

В статье Ю. Люкшина «Пословица как текст в модели перевода» речь идет о возможностях передачи пословиц на другом языке, проблемах с подбором пословичных эквивалентов, о безэквивалентных пословицах (см. подробнее в реферативном изложении этой статьи: [Кульпина, Татаринов 2004: 110–119]). В рассуждениях Ю. Люкшина о переводе пословиц можно выделить целесообразность подхода к нему как к художественному тексту и неизбежность в ряде случаев формирования *квазипословиц* как функциональных эквивалентов пословиц-оригиналов. Ю. Люкшин определяет перевод пословиц как сложный вид деятельности.

3. Интерпретация и перевод пословиц

Предметом нашего особого интереса является в статье проблематика интерпретации пословиц и их перевода. Некоторые польские аналоги пословиц имеют явный переводной, а не оригинальный характер и своеобразную интерпретацию. Для анализа переводов пословиц в данной статье используются распространенные толковые и двуязычные польско-русские словари (прежде всего переводного типа), которые имеют длительную историю своего существования в лексикографическом пространстве обоих языков и которые, безусловно, можно охарактеризовать как высококачественный лексикографический продукт (см., напр.: [БТС, USJP, БППС; WSPRWawrz]). В концентрированном виде в этих словарях сосредоточены наработки многих поколений российских и польских лексикографов и переводчиков.

Перевод пословиц можно считать особым жанром перевода, который по своей природе, с точки зрения трансляции смыслов на другой язык, весьма аппроксиматичен по возможностям лексико-синтаксического варьирования. Для переводчика при подборе языковых средств в языке перевода релевантна не одна какая-то отправная точка транспозиции на другой язык. Ситуация выбора языковых средств, стоящая перед любым переводчиком, при переводе пословиц получает ряд особых преломлений. Так, при таком типе перевода задачи переводчика значительно шире и сложнее, чем при переводе более или менее стандартного типа текста, так как перевод находится на пересечении многих координат, а переводчик пребывает под влиянием (давлением) многих факторов. При переводной транспозиции каждой пословицы – это всегда ситуация как минимум дилеммы, а чаще – еще более сложного выбора как лексико-синтаксических средств, так и общей ориентации – к примеру, историко-культурных координат или координат современности.

См. ниже иллюстративные примеры русских пословиц с их переводами на польский язык, зафиксированными в обоих вышеназванных

двуязычных паремиологических словарях, а также – с нашим переводом польского текста. При этом, подчеркнем, польский текст может быть переводом, а может быть текстом уже существующей и давно функционирующей в польском языке пословицы, так называемым блуждающим сюжетом. Индикатором происхождения пословицы (переводного или исконного) могло бы послужить наличие пословицы в польско-русской части «Словаря пословиц» Р. Стыпулы, однако такой прием не выглядит критериальным в связи с недостаточным количеством пословиц по интересующей нас тематике. Наш перевод текста польских пословиц (в одинарных кавычках) помогает выявить зоны несоответствий между русской и польской пословицами (или «неологическим» переводом, выполненным авторами вышеназванных двуязычных паремиологических словарей). На примере переводов русских и польских пословиц затрагиваются некоторые общие проблемы перевода этих паремиологических единиц.

Словарная статья для описания паремиографического материала по указанной тематике выглядит в нашем материале следующим образом: приводится русская пословица, затем польский аналог (в виде польской пословицы или переводного функционального соответствия), который для наглядности переводится нами на русский язык. «Обратный перевод» на русский язык позволяет выявить и осознать понимание пословицы польскими лингвистами, увидеть различия между исходной формой русской пословицы и приводимым в словарях ее польским аналогом, ощутить нюансы восприятия пословицы ее исследователями – носителями польского языка.

3.1. Семантические дивергенции при совпадении фонетико-фонологического облика сопоставляемых лексем

В ряде случаев может сформироваться впечатление, что мы имеем дело с полной эквивалентностью между русской и польской пословицами, совпадением «один в один». Однако впечатление это часто оказывается неточным и даже ложным. Речь идет о том, что аналогичные по своему фонетико-фонологическому составу лексемы сопоставляемых языков нередко являются носителями различающихся смыслов. Рассмотрим далее конкретный языковой материал.

(1) *Добрый человек добру и учит.* — *Dobry dobrego uczy* [RPSP: 104] ‘Хороший хорошему учит’.

На основе русского оригинала и зафиксированного в словаре RPSP перевода формируется картина, на первый взгляд, аналогичности смыслов. Однако перевод на русский язык польской версии пословичного текста демонстрирует существенные расхождения, связанные как раз с семантической неравноценностью адъективов – русского *добрый* и

польского *dobry*, о чем свидетельствует их семантический облик в толковых и двуязычных словарях. Сопоставим атрибуты, относящиеся именно к человеку, так как в пословицах они, как правило, применяются для характеристики человека: «Благожелательный, делающий добро другим, отзывчивый, готовый помочь людям <...>. *Добрый человек. Добрый к кому-л., с кем-л....*» [БТС: 264]. В двуязычном словаре БПРС в значении **1.** на первом месте указывается значение ‘хороший’, за ним следует значение *добрый*. В качестве значения **2.** этой лексемы указывается: *хорошее* (см.: [БПРС I: 146–147]). И таким образом, зафиксированный в паремиологическом словаре RPSP перевод тяготеет к значению *хороший* (это слово более широкозначно, чем *добрый*, интенционал которого в сочетании *хороший человек* содержит «целый набор» замечательных человеческих качеств) – в то время как в русской пословице речь идет о человеке только *добром*. А *добрый человек* – это как бы «часть», «разновидность» хорошего, его грань (*мягкий* и *отзывчивый*). Выделившиеся на материале польского паремиологического словаря RPSP определенные дивергентные (неологические в данном случае) смыслы могут показаться несущественными, тем не менее они нарушают облик русского слова, зафиксированный в русской пословице. И таким образом, несмотря на совпадение фонетико-фонологического облика лексем в русской пословице и в ее польском визави (*добрый* и *dobry*), смысл пословицы в ее польскоязычной версии видоизменен, что, впрочем, не помеха в ее потенциальном использовании благодаря ее броскости и сохранению назидательного характера. Подробнее о различиях между лексемами *добро* и *dobro*, *добрый* и *dobry* польского и русского языков см.: [Кульпина 2021: 218–224; Кульпина 2023: 186–194].

3.2. Добрый человек как средоточие пословиц с тематикой добра

На семантические различия между польским *dobry* ‘хороший’ и русским *добрый* обращается внимание также в данном разделе. См. ряд пословиц, в которых человек и его качества находится в фокусе пословичного текста.

(2) *Добрый человек лучше <надежнее> каменного моста.* — *Dobry człowiek za opokę stoi* [RPSP: 102]. ‘Хороший человек надежен как скала (букв. идет за скалу)’.

(3) *Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу.* — *Dobry nawet cudzą chorobę bierze do serca* [RPSP: 103]. ‘Хороший даже чужую болезнь принимает [близко] к сердцу’.

(4) *Доброму везде <всегда: всюду> добро.* — *Dobremu wszędzie dobrze* [RPSP: 103]. ‘Хорошему везде хорошо’.

(5) *Доброму добрая память.* — *Dobrego ludzie dobrze wspominają.* [RPSP: 103] ‘Хорошего люди хорошо вспоминают’. Можно отметить, что польский аналог в данном случае скорее не обладает таким пословичным атрибутом, как броскость, что при случае могло бы воспрепятствовать использованию его в качестве субститута русской пословицы в польскоязычном ареале.

(6) *Доброму Савве добрая память.* — *Jak kto dobry, to i dobrze o nim mówią* [Stypuła: 356; RPSP: 103]. ‘Если кто-то хороший, то и хорошо о нем говорят’.

Обращение к имени собственному делает текст пословицы более личностным, и этим приближает человеку его смысл. Имя собственное Савва в польском аналоге исчезает в связи с отсутствием в польском языке имени Савва и, соответственно, невозможностью возникновения созвучия (Савва – память), представленного в русском оригинале. Польские переводчики (авторы словаря) дают более обобщенный и менее личностный вариант перевода: см. (6).

(7) *За доброго человека сто рук <сто голов>* — *Jeden dobry ujdzie za dwóch złych* [RPSP: 104]. ‘За одного хорошего двух злых/плохих дают’.

В примере (7) в польском переводе вводится противопоставление плохого человека хорошему.

Русскую пословицу можно было бы интерпретировать таким образом, что *сто рук, сто голов* на стороне хорошего человека, люди с ним солидарны. В примере (7) в польском переводе вводится противопоставление злого/плохого человека хорошему. Опять же смыслы могут не совпадать из-за того, что польское слово *zły* в переводе на русский может означать как *злой*, так и *плохой*. При этом в русском языке *злой* может быть, к примеру, сегодня из-за чего-то *злым*, вспылить и нагрубить, а завтра вся злость пройдет, он опять *хороший* и способен на добрые дела, а *плохой человек* – он плохой хронически, тотально: недоброжелателен, обманщик и жулик.

3.3. Пословицы со смыслом «добро как все хорошее»

Лексема *добро* в русском языке имеет значения: *добро* как что-то хорошее и доброе, а также *добро* в смысле материальных благ; в соответствии с интенционалом слова его можно интерпретировать и как все хорошее в целом, и как материальные ценности. В польском языке лексема *dobro* осциллирует в кругу семантики хорошего и доброго (см.: [USJP 1: 625]), в материальном же смысле функционирует лексема множ. числа *dobra*, означающая крупное земельное имущество (см.: [USJP 1: 624]). В связи с вышесказанным интенционалы лексем *добро* и *dobro* непосредственно не перелагаются друг на друга. В польских переводах пословиц (8) и (9) речь идет о добре как всем хорошем, в то

время как в русском оригинале под словом **добро** может с тем же успехом подразумеваться и нечто материальное, материальные ценности.

(8) *Добро и во сне хорошо.* — *Dobrego chwalić nie trzeba, bo się samo chwali* [RPSP: 102] ‘Хорошее хвалить не надо, потому что оно само себя хвалит’.

(9) *Добро добро покрывает.* — *Dobre samo się nagradza* [RPSP: 103] ‘Хорошее само себя вознаграждает’.

В примере ниже (10) перевод русской поговорки сориентирован на материальное, индикатором такой интерпретации является употребление сочетания *swe rzeczy* ‘свои вещи’ (а не слова **добро**):

(10) *Всяк хлопочет, себе добра хочет.* — *Każdy skrzeczy o swe rzeczy* [RPSP: 103] ‘Каждый верещит о своем (букв. о своих вещах, своем добре)’.

3.4. Извечное противопоставление добра и зла в пословичных текстах

В пословичных фондах обоих рассматриваемых языков представлено противопоставление **добра** и **зла**. Примечательно, что **зло** в старинных русских поговорках часто имеет архаичную форму **худо** или **лихо**, при этом противопоставляются **добро** и **худо**, **добро** и **лихо**. В польской версии пословиц архаичное звучание пословиц нивелируется. См. ниже пословицу в стиле народной логики и ее польскую транспозицию:

(11) *За добро жди добра, а за худо – худо.* — *Złym za złe, dobrym za dobre nagradzać trzeba* [RPSP: 111]. ‘Злым за зло, добрым за хорошее отплачивать надо’.

Противопоставление добра и зла имеет разные частеречные преломления: В примере ниже злой/плохой человек противопоставляется хорошим людям:

(12) *Злой/плохой не верит, что есть хорошие люди.* — *Zły nie wierzy, że są dobrzy ludzie na świecie* [RPSP: 104] ‘Злой/плохой не верит, что есть хорошие люди на свете’.

Амплификация в переводной текст (12) конструкции *na świecie* ‘на свете’ усиливает пословичное звучание перевода, будучи типом локализирующих детерминантов, характерным для фольклорных текстов, в том числе и пословичных.

При переводе пословицы противопоставление добра и зла может исчезать в силу отсутствия такового в польской пословице-аналоге (13) и (14):

(13) *Лихо помнится, а добро век не забудется.* — *Dobre się długo pamięta* [RPSP: 111] ‘Хорошее долго помнится’.

(14) *Добра на худо не меняют* — *Dobre się nigdy nie sprzykrzy* [RPSP: 103]. ‘Хорошее никогда не надоеет’.

В примере (13) и (14) в переводе выпадает семантика *худо*, а в примере ниже (15) – *добро*:

(15) *Ищи добро, а худо и само придет. — Zlego nie szukać, samo się nagodzi* [RPSP: 111] ‘Плохого не искать, само навяжется’.

3.4. Добрые дела как хорошие поступки и как промысл Божий

Сохранение смысла в переводе пословицы в примере ниже конвертировалось в совершенно иной лексический состав. развитие смысла зашло здесь весьма далеко:

(16) *Доброе дело крепко <споро; и в воде не тонет> — Dobrodziejstwa się nie zapomina* [RPSP: 102] ‘Благодееяния не забывают’.

В примере (17) сохранен общий смысл, в то время как детали несколько разнятся:

(17) *Сделав добро, не кайся <не поминай; не попрекай>. — Dobrodziejstwo dawszu, milcz <nie zdób; nie chwal; nie żaluj>* [RPSP: 108]. ‘Сделав благодееяние, молчи <не приукрашивай; не хвались; не жалея>’.

(18) *За добро добром и платят <злом не платят>. — Dobrodziejstwem dobrodziejstwo oddać* [RPSP: 104]. ‘За благодееяние благодееяние отдать’.

В приведенных выше примерах в переводах сохранена пословичная броскость формы и назидательность.

3.4.1. «Бог любит тех, кто творит добро»: эти смыслы широко представлены как в русских, так и польских пословицах:

(19) *Доброхотна дателя любит Бог — Chcesz się dostać do nieba, nie żaluj biednemu kęsa chleba* [RPSP, 103] ‘Хочешь попасть на небо, не жалей бедному куску хлеба’.

Польская версия пословицы (19), возможно, является пословицей-оригиналом. Однако в польско-русской части Словаря пословиц Р. Стыпулы такая пословица отсутствует, что позволяет предполагать ее переводное происхождение. Ее текст по сравнению с русской пословицей являет собой значительное развитие смысла. Пословичный вид ей придает ритмизированность и рифмованность текста.

В примере ниже (20) содержание русской пословицы раскрывается и развертывается в более конкретизированном виде:

20) *Бог на милость не убог. — Więcej Bóg daje niżeli go prosimy* [RPSP: 102]. ‘Бог дает больше, чем мы его просим’.

(21) *За добро Бог плательщик. — Dobrego syna nigdy Bóg nie zapomina* [RPSP: 104] ‘Хорошего сына никогда Бог не забывает’.

Многозначительность исходного текста в переводе снята в пользу конкретизации смысла. Перевод следующей пословицы идентичен предыдущему и являет собой повтор:

(22) *Доброму Бог на помощь > Бог помогает.* — *Dobrego syna nigdy Bóg nie zapomina* [RPSP: 103]. ‘Хорошего сына никогда Бог не забывает’.

В примерах (21) и (22) смысл русской пословицы конкретизируется: лексемы **добро** и **добрый** трансформируются в *dobry syn* ‘хороший сын’.

Представляется, что в примерах ниже (23) и (24) исходный смысл подвергся видоизменению. Исходно в тексте Бог помогает хорошим людям.

(23) *Добрый <нужный> путь Бог правит.* — *Komu Pan Bóg ma dać, to mu drogę pokaże* [RPSP: 103]. ‘Кому Господь Бог должен дать, то ему дорогу покажет’.

(24) *Добрый путем Бог правит.* — *Gdzie Bóg gospodarzy, tam się wszystko darzy* [RPSP: 104]. ‘Где Бог хозяйствует, там все удается’.

Сюжет предостережения от человеческой неблагодарности в этой тематической группе также присутствует:

(25) *За добро не жди добра.* — *Niewdzięczny za dobro złem płaci* [RPSP: 104] ‘Неблагодарный за добро злом платит’

3.5. Добро в пословицах как доброта

В пословицах могут активироваться разные грани понятия добра, в том числе **доброта**:

(26) *Доброта без разума нуста.* — *Dobroć bez rozumu niewiele jest warta* [RPSP: 102]. ‘Доброта без разума немного стоит’.

Доброта может появляться в переводном аналоге пословицы в результате его реинтерпретации, см. перевод в примере ниже (27):

(27) *Добро худо переможет.* — *Dobrocią złego pokonasz* [RPSP: 103]. ‘Добротой злого/плохого одолеешь’.

В русском языке концепт ДОБРО имеет два воплощения: **добро** и **благо** (о различиях в семантике этих лексем см.: [НОСС 2004: 281]). В польском языке расщепление значений отсутствует, соответственно, такая семантика нивелируется в процессах перевода пословиц. См. ниже русскую пословицу, содержащую лексему **благо**:

(28) *Всякое даяние благо.* — *Dobrodziejstwo i od nieprzyjaciela dobre* [RPSP: 102]. ‘Благодеяние и от врага хорошо’.

В примере (28), как видим, появляется **враг**, которого в исходной пословице не было. Эта амплификация, на наш взгляд, видоизменяет смысл пословицы, добавляя к нему весьма существенный момент.

Заключая раздел 3, посвященный пониманию пословиц, их интерпретации и переводу, следует отметить, что крайне редки примеры переводной транспозиции с полным сохранением смысла пословицы. Переводные пословицы, в терминологии Ю. Люкшина – это **квазино-**

словицы, которые чаще всего представляют собой реинтерпретацию и трансформацию смысла пословицы.

4. Роль анализа переводов пословиц в пределах тематических групп для изучения дилемм переводчика

Анализ материала показал, что особая сложность перевода пословиц тематической группы ДОБРО проистекает из семантических различий круга значений лексем ДОБРО и DOBRO, равно как и семантики лексем ДОБРЫЙ и DOBRY русского и польского языков. Вышеназванные лексемы в обоих языках являются многозначными словами, при этом, как и следовало ожидать, многозначность эта по языкам не совпадает. Это следует постоянно иметь в виду переводчику, который сталкивается с данным или иным тематическим пластом пословиц и выражаемых ими понятий.

Проблематика перевода пословиц, требующая пристального внимания и развернутого многоаспектного анализа, в данной статье была представлена в виде экспликации трудностей, реальных проблем перевода, демонстрируемых на материале данной тематической группы в ряде паремиологических словарей.

Переводчик паремий постоянно пребывает в состоянии выбора в гораздо большей степени, чем при переводе какого-либо более стандартного типа текста. Один из таких выборов – между желанием сохранить афористичность, назидательность, сентенциозность пословичного изречения (при определенной степени недоступности ее содержания из-за архаичности формы) и желанием придать пословице современную форму, донеся до адресата прежде всего ее содержание; между стремлением передать общий смысл пословицы и стремлением отразить его также в деталях, которые могут оказаться для современного человека чуждой средой из-за непонятной ему архаики формы и содержания. Отдельный важный момент – условия перевода: осуществляется ли перевод пословиц в устной спонтанной речи или это письменный перевод, дающий переводчику шанс в виде резерва времени учесть важные факторы перевода. Среди проанализированных пословиц есть и такие, которые В.И. Даль называет *темными*, смысл которых не очевиден и которые можно интерпретировать по-разному, по поговорке *Бабушка надвое сказала*.

Следует подчеркнуть, что труд польских исследователей по тематическому упорядочению паремиологического материала, поиску функциональных соответствий русских пословиц заслуживает огромного уважения. Важно, что переведенная пословица должна выполнять те же функции, что и оригинал – быть назидательной, служить людям поддержкой, морально-этическим ориентиром. Задачей же данной статьи

был поиск проблемных сегментов перевода пословиц на материале двух близкородственных славянских языков.

Рассмотренные пути экспликации русско-польских дивергенций могли бы оказаться значимы для преподавания польского языка в русскоязычной аудитории в плане умения распознать дивергентно-специфические компоненты языковых единиц, а также для практики составления двуязычных словарей в направлении подбора более дифференцированной эквивалентности.

Над переводчиком пословиц довлеет желание перевести их красиво, сохранив их нравственно-назидательный заряд, форму, а желательно и рифму и ритмическую организацию, причем полное соответствие оригиналу не является для переводчика догмой и императивом, что можно было наблюдать на представленном в статье материале. При этом можно, наверное, утверждать, что проблематика перевода пословиц не является закрытой темой, в которой точки над *i* давно расставлены и все тут ясно и понятно. Представляется, что именно тематический срез в презентации материала в двуязычных словарях пословиц позволяет более углубленно, «с большим увеличением» взглянуть на проблему перевода пословиц,

В заключение отметим, что представленный опыт описания русских и польских пословиц в сопоставлении является пробным, экспериментальным материалом, подлежащим дальнейшей верификации на более широкой пословичной базе.

Литература / References

1. БПРС – Гесен Д., Стыпула Р. Большой польско-русский словарь: В 2-х т. 2-е изд. М., Варшава: Русский язык; Wiedza Powszechna, 1980. Т. I. 663 с.
2. Даль – Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Гослитиздат, 1957. 992 с.
3. Даль В.И. Напутное // Пословицы русского народа. М.: Гослитиздат, 1957. С. 3–31.
4. Кульпина В.Г., Татаринов В.А. Реф. кн.: Русско-польский паремиологический словарь [Rosyjsko-polski słownik paremiologiczny / Red. nauk. Lukszyn J., Zastępcza red. nauk. Zmarzer W.; Uniw. Warszawski. Inst. Ruscystyki. Warszawa, 2001. 302 s.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечеств. и заруб. лит. Сер. 6, Языкознание. 2004. № 1. С. 110–119.
5. Кульпина В.Г. Семантика, символика и семиотика понятия добра в русском и польском языках // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: Сб. научн. трудов. Вып. 3 / Ред. серии Г.Г. Молчанова. Ред. выпуска В.В. Робустова. М.: КДУ, 2021. С. 218–224.
6. Кульпина В.Г. Адъективные слагаемые концептов ДОБРО и DOBRO русского и польского языков // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация / Лингвокультурные коммуникативные коды изучения иностранных языков в современном образовательном пространстве / Науч. ред. Г.Г. Молчанова. Ред. выпуска В.В. Робустова. Серия 4. Том 4. М.: КДУ, 2023. С. 186–194.
7. Люкшин Ю.В. Пословица как текст в модели перевода // RPSP – Rosyjsko-polski słownik paremiologiczny. Wyd. I / Red naukowy Jurij Lukszyn. Warszawa: Instytut ruscystyki Uniwersytetu Warszawskiego, Katedra Języków Specjalistycznych Uniwersytetu Warszawskiego, 2001. S. 17–25.

8. НОСС – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. руководством Ю.Д. Апресяна. М.; Вена: Языки славянской культуры; Венский славистический альманах, 2004.
9. Чичеров В.И. Сборник Владимира Даля «Пословицы русского народа» // Пословицы русского народа. М.: Гослитиздат, 1957. С. V–XXVIII.
10. Шолохов М.А. Сокровищница народной мудрости // Пословицы русского народа. М.: Гослитиздат, 1957. С. III–IV.
11. RPSP – Rosyjsko-polski słownik paremiologiczny. Wyd. I / Red naukowy Jurij Lukszyn, Zastępcą red. naukowego Wanda Zmarzer. Zespół autorów: M. Kuratczyk, J. Lukszyn, R. Petelczyc, M. Timoszuk, W. Zmarzer. Warszawa: Instytut rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego, Katedra Języków Specjalistycznych Uniwersytetu Warszawskiego, 2001. 302 s.
12. Stypuła – *Stypuła R.* Słownik przysłów i powiedzeń rosyjsko-polski polsko-rosyjski. Warszawa: Wiedza powszechna, 1974. 558 c. 13.
13. USJP – Uniwersalny słownik języka polskiego: W 4 t. / Pod red. Stanisława Dubisza. Warszawa, 2003.
14. WSPRWawrz – Wielki słownik polsko-rosyjski / Red. naczelny Jan Wawrzyńczyk. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2005. 924 s.
15. WSF – Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami / Opracowanie Anna Kłosińska, Elżbieta Sobol, Anna Stankiewicz. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2005. 840 s.
16. Zmarzert W. Systematyzacja paremii w słowniku dwujęzycznym // Rosyjsko-polski słownik paremiologiczny. Wyd. I / Red. naukowy Jurij Lukszyn. Warszawa: Instytut rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego, Katedra Języków Specjalistycznych Uniwersytetu Warszawskiego, 2001. S. 8–16.

К ВОПРОСУ О «СКРЫТЫХ» КАТЕГОРИЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА)

О.О. Лешкова

CONCERNIG PROBLEM OF „COVERT” CATEGORIES IN MODERN POLISH

Olga O. Leshkova

ABSTRACT:

In the light of A.V. Bondarko's concept of functional-semantic complexes and their use in comparative language analysis, the phenomena of the Polish language are considered, which can be interpreted as manifestations of a number of "covert" categories, in particular categories of personality, deprecativity, politeness (honorific forms) and mixed gender.

Keywords: Polish language; contrastive studies; covert grammar and categories; category of mixed gender; categories of personality, deprecativity, politeness

АННОТАЦИЯ:

В свете концепции А.В. Бондарко о функционально-семантических комплексах и их использовании при сопоставительном изучении языков рассматриваются явления польского языка, которые можно трактовать как проявления ряда «скрытых» категорий, в частности категорий персональности, депрециативности, вежливости и смешанного рода

Ключевые слова: польский язык; сопоставительные исследования; «скрытая» грамматика и категории; категория смешанного рода; категория персональности; категория вежливости

В центре внимания профессора А.Г. Широковой как исследователя постоянно находились проблемы теории и практики сопоставительного изучения языков (в первую очередь близкородственных), утверждение функционально-семантических принципов объединения разноуровневых языковых средств, развитие идей, положенных в основу концепции функциональной грамматики А.В. Бондарко. Вся эта проблематика лежит в основе представленных ниже рассуждений.

Такие явления, как так называемая «скрытая» грамматика и «скрытые» категории, имеют достаточно долгую традицию изучения. В первую очередь появление размышлений и упоминаний о «скрытой» грамматике связано со сравнением (в широком смысле), сопоставлением разных языков, которое, как правило, приводит к обнаружению факта, что при всей универсальности многих языковых значений они в разных языках, языках разных типов получают различное выражение – в одних языках эти значения реализуются с помощью обязательных и регулярных способов очевидно грамматического характера, в других же

соответствующие значения выражаются с помощью средств различных уровней языка, не обязательно морфологического.

В работах, посвященных рассматриваемой проблематике, упоминаются в качестве исходных феноменов так называемые криптотипы и фенотипы Бенджамина Уорфа, выделяемые им при описании категорий, которые не обозначаются вообще в предложениях, но вызывают особые явления в некоторых их типах. Приводятся ссылки на замечание Бодуэна де Куртенэ [Куртенэ 1963: 83–84] о «потаянных языковых представлениях»: в «каждый момент жизни каждого языка дремлют в зачаточном виде такие различия, для которых недостает еще особых экспонентов». А.В. Бондарко эти рассуждения оценил следующим образом: «в работах Бодуэна де Куртенэ блестяще предвосхищается разрабатываемая в современном языкознании концепция скрытых категорий» [Бондарко 1971]. Исследователи также отмечали, что часто основную нагрузку в выражении грамматических отношений могут нести так называемые внутренние связи – принадлежность к определенному разряду, реализующаяся в сочетаемости, в возможных нарушениях базовой парадигмы и др. Приводится замечание С.Д. Кацнельсона о том, что скрытая грамматика – это грамматические сигналы, имплицитно содержащиеся в синтаксических сочетаниях и семантике слов. А.В. Бондарко вписывает явления «скрытой» грамматики в концепцию функционально-семантических категорий и полей. Он пишет, что скрытая грамматика – понятие образное и не всегда собственно грамматика [Бондарко 2002: 25]. Оказывается, что очень часто мы имеем дело с грамматически значимым в лексике и контексте и выражается оно опосредованно. В системе языка представлены такие объединения, в рамках которых взаимодействуют элементы разных языковых уровней; и эти объединения индивидуальны для каждого языка. Опора на исследование функционально-семантических категорий (как таких объединений) оказывается особо эффективна при сопоставительном анализе языков, поскольку позволяет не навязывать структурную и уровневую организацию выражения определенного значения, присущую одному из языков, другим. Важно замечание Т.В. Бульгиной о том, что наряду с явной грамматикой существует «скрытая», категории которой обычно ускользающие от внимания исследователей представляют самый непосредственный лингвистический (и даже узко грамматический) интерес [Бульгина 1980: 332].

Среди «скрытых» категорий, влияющих на строение и употребление языковых форм и конструкций, называют такие, как одушевленность/неодушевленность, определенность/неопределенность, множественность, каузативность, актуальность / неактуальность и др. Как

видим, при широком понимании здесь оказывается и то, что традиционно описывается как лексико-грамматические категории и значения.

Описание «скрытой» грамматики и исчисление «скрытых» грамматических категорий осуществляется, как правило, в двух направлениях: первое реализуется, когда идет сопоставление с языками, где данная категория представлена как явная, или открытая. Так произошло с категорией определенности/ неопределенности. Второе направление реализуется, когда категории обнаруживаются в так называемых «маргинальных» проявлениях, то есть в отклонениях, нарушениях, особых правилах построения высказываний – соединении лексем, сочетаемости разного уровня – лексем, словоформ и под. То есть причины «скрытости», «ускользающего» характера определенных языковых фактов могут иметь как внутриязыковую природу, так и метаязыковой характер. Появление тех или иных категорий (грамматических, лексико-грамматических, функционально-семантических) в списке «скрытых» категорий может иметь разную природу, разные причины и основания. Это зависит от понимания явления «скрытости» и от причин «ускользания». Взглянем с этой точки зрения на современные описания польского языка и на появление в них новых категорий.

Так, мы здесь встретимся со случаями новой трактовки (описания) языковых фактов, которые традиционно (ранее) не описывались как грамматические оппозиции. Примером могут стать категории, которые вводит М. Банько при описании системы личных местоимений в польском языке – грамматически значимыми для личных местоимений оказывается противопоставленность по признаку постпропозиционности (употребления в позиции после предлога) (+/-) и акцентированности (+/-). В традиционных описаниях эти факты представляются как описание различия полных и кратких форм с инициальным *n-* и без него [Bańko 2007: 78].

Среди новых категорий находим и категорию депрециативности (сниженной оценки) [Bańko 2007; Saloni 1988]. В трактовке М. Банько это словоизменяемая категория разряда лично-мужских существительных, обладающая первичной семантической функцией, передающей отношение говорящего к лицу, названному данным существительным. Выражается в формах им. – вин. падежей множ. ч. лично-мужских существительных (*urzędnicy – urzędniki*) и согласующихся с ними слов (вторичная – структурная функция). Выбор между двумя формами – нейтральной и депрециативной зависит от отношения говорящего – при помощи депрециативной можно выразить неприязнь, антипатию, неуважение, презрение. Некоторые существительные (как правило, включающие негативную оценочность в лексическое значение) имеют только депрециативные формы в имен.п. (*darmozjady, półgłówki, grubasy*). В

некоторых лексемах лексическое значение депрециативности нейтрализуется, и они имеют депрециативные формы, не согласующиеся с их семантикой (*wnuki, przedszkolaki, zuchy*) либо вообще выпадают из разряда лично-мужских существительных (*Druh pochwalił wszystkie zuchy; ona już miała wnuki; te słowa rozbawiły przedszkolaki*), либо имеют лишь один его формальный показатель – синкретизм вин-род. падежей множ.ч. (*widziała prawdziwych zuchów; na podjeździe zobaczyła nieznanomych chłopaków*).

Следующим примером ранее скрытой, а теперь открытой категории, появившейся в новых грамматических описаниях современного польского языка, является так называемая категория вежливости (*honoryfikatywność*). Вежливость как предмет научного исследования, как правило, связывают с культурой речи, речевым этикетом, которым уделяется первостепенное внимание. Описываются принятые в том или ином обществе, кругу людей правила, нормы поведения, в том числе и речевого поведения (в соответствии с распределением социальных ролей в официальной и неофициальной обстановке общения). Категория вежливости обычно описывается как прагматическая категория с учетом типа дискурса, коммуникативной ситуации, часто в противопоставлении средствам выражения речевой агрессии (богатая библиография см.: [Категория вежливости и ее комплексное описание 2021]).

В польской же лингвистике категория вежливости появляется в списке грамматических категорий иным путем – под влиянием системы иного языка – в конкретном случае японского. Отталкивание шло от грамматической категории вежливости японского (отчасти корейского) языка. В этих языках высказывание получает определенное грамматическое оформление с точки зрения передачи уважительного отношения говорящего с соблюдением межличностной дистанции или нейтрального, сигнализирующего близость отношений коммуникантов. Причем выделяется вежливость 1 уровня – по отношению к собеседнику, и вежливость 2 уровня – по отношению к лицу, о котором идет речь.

Автор предложенной трактовки Ромуальд Хушча [Huszczka 1980; 2006], японист по образованию, задался вопросом, а какие средства в польском эквивалентны японским. И для выражения категории вежливости в польском языке были выделены различные средства: стилистические – выбор определенного стиля (напр., официально-дипломатического или неофициального общения) и соответствующих лексем (*przybyć – przyjechać; małżonka – żona; usiąść – spocząć; otrzymać – dostać; godność – nazwisko*). Интересную интерпретацию в этом плане получают формулы *Może Pani spocznie?*; *Pana godność?* как пример выражения вежливости 1 уровня, поскольку возможны только по отношению к собеседнику, их нельзя употребить по отношению к себе.

В качестве выразителей данной категории автор предлагает рассматривать и ряд словообразовательных средств, в частности квазиуменьшительные суффиксы, широко используемые в сфере обслуживания (*Co podać? Może żurek z kartofelkami?; sto gramów wódeczki; zaraz przyniosę zraziki szanownemu panu*).

И на фоне фактов японского языка автор задает следующий вопрос, не является ли и в польском языке категория вежливости тоже грамматической. Есть ли в польском языке части речи, для которых разграничение (оппозиция) по признаку вежливости было бы обязательным? И дает ответ – да. Это личные местоимения; тут противопоставлены лексемы *ty, wy – pan/-i, państwo*; они имеют, в трактовке Р. Хушчи, категорию вежливости как классифицирующую; второй член оппозиции дифференцирован еще по роду: муж., жен., смешанный.

К грамматическим средствам Р. Хушча относит и местоименное использование личных существительных, как правило, в сочетании с вежливыми *pan/-i*: *Czy pani dyrektor wróci?* В этом случае элемент *pan/-i* является в его трактовке аналитическим показателем грамматической категории вежливости. Новый взгляд (через призму другого языка и другой категории) позволяет выделить/объяснить/описать по-новому и старые факты, которые только фиксировались. Например, оказывается, что для местоимения *pan* звательная вежливая форма будет *proszę pana*, а вовсе не *panie*. Целый ряд существительных может употребляться в функции вежливых местоимений: *ksiądz, siostra, mama, wujek, ojciec, ciocia* и т.д. Могут употребляться и в функции 3 лица, когда субъект присутствует при акте коммуникации (употребление *on/-a* в этом случае было бы невежливо). Рассмотрение набора языковых средств как имеющих категориальный характер позволяет многим разрозненным фактам дать логически вписывающуюся в систему интерпретацию – например, то, что сложные личные местоимения с элементом *pan/-i* не могут сочетаться с фамилиями и именами лиц, являющихся их десигнатами.

Czy pan ambasador otrzymał zaproszenie? – может иметь значение как 2, так и 3 лица (если субъект не принимает непосредственного участия в акте коммуникации, то тогда *ambasador* является личным существительным, маркированным по категории вежливости, а *pan* является показателем этой категории).

Czy pan ambasador Kowalski otrzymał zaproszenie? – это предложение может относиться только к 3 лицу, которое не может быть адресатом высказывания.

Еще одна синтаксическая особенность присуща вежливым личным местоимениям (или их эквивалентам) – они должны повторяться в структуре предложения и не могут быть заменены местоимением *on* (*Ci państwo siedzą tacy smutni, jakby im było czegoś żal – Państwo siedzą tacy*

smutni, jakby państwu było czegoś żal; Wujek musi uciekać, bo wujka ciocia zobaczy – Wujek musi uciekać, bo go ciocia zobaczy; Pan dyrektor musi już iść, bo goście czekają na pana (dyrektora).

В заключение характеристики категории вежливости в польском языке предлагается классификация личных местоимений с точки зрения присущих им классифицирующих категорий и участия в выражении категории вежливости, которая взаимодействует с категориями лица и рода.

В состав средств выражения категории вежливости войдут и притяжательные местоимения, и звательная форма, и имена в разной форме (*Jan, Janek, pan Jan, pan Janek* и под.), которые передают и разные степени вежливости. Глагол входит в категорию вежливости только вторично – в результате согласования с личными местоимениями. И в повелительном наклонении взгляд через призму категории вежливости позволяет внести некоторую модификацию в описание его форм: во-первых, предлагается рассматривать *proszę (proszę pisać)* как показатель императивности и эквивалент частицы *niech*, а во-вторых, распределить формы императива по степеням вежливости: 1 – *pisz*; 2 – *niech pisze*; 3 – *proszę pisać*; 4 – *zechce napisać; będzie łaskaw zgłosić się do biura*.

И наконец, «скрытая» категория, которая еще не получила своего описания, выделения, «открытия», хотя сигналы ее присутствия в польской грамматической системе нам представляются вполне очевидными, особенно если взглянуть на них через призму русского языка.

Как известно, одну из базовых категорий, организующих морфологию польского имени, составляет категория рода и подчиненные ей категории одушевленности, персональности (личности) и мужского лица. Упомянутая выше категория депрециативности также входит в эту иерархическую структуру – отсутствие выражения грамматической категории мужского лица у лично-мужских существительных либо получает семантическое наполнение (депрециацию), либо воспринимается как грубая ошибка, нарушение базовых требований нормы. Лично-мужские формы существительных и зависимых от них слов являются немаркированными членами оппозиции, употребляются в любом контексте, где нет уточнения по роду (полу) участников. Категория мужского лица является семантической, связана с биологическим полом, а значит, покрывается и с категорией персональности. И на этом фоне возникают разного рода семантические и формальные конфликты, языковое разрешение которых позволяет говорить о существовании сигналов дополнительных, «скрытых» значений и категорий.

Во-первых, это касается разряда лично-женских существительных. Морфологически в системе польского языка они уравниваются с назва-

ниями предметов, животных и детей: «one», женско-вещные формы прилагательных и глаголов (*nowe domy, auta, dzieci, studentki*), синкретизм им-вин мн.ч. (*To są nowe studentki; Znam te nowe studentki*). Но, конечно, «персональность» (охарактеризованность по признаку + human; обозначение человека) дает о себе знать в употреблении ряда грамматических средств:

1. Это может проявляться в употреблении местоимений *kto* и *co*. Для польского языка основное семантическое противопоставление, выражаемое этими местоимениями, идет по линии «человек» – «нечеловек» (*Kogo wolisz brunetki czy blondynki – Co wolisz psy czy koty?; Kogo karmisz? – Dziecko sąsiadki – Co tam karmisz? – Kotki z podwórka* (более подробно об этом см. [Лешкова 2014]).

2. Сигналом необходимости грамматически выделить лично-женские существительные (информирующие о том, что речь идет о человеке женского пола) будут особые случаи согласования сказуемого со сложным подлежащим, состоящим из лично-женского существительного и неличного существительного (одушевленного или предметного) мужского или среднего рода – в лично-мужской форме (!): *Na ławce siedzieli babcia i kot; Dziewczyka i samochód nieuchronnie się zbliżali*.

3. Еще более грамматически релевантным оказывается значение смешанной половой принадлежности группы лиц, о которой идет речь. Это значение «смешанного рода», или «разнополюности» (то есть что группа состоит из лиц разного пола) манифестируется разнообразными языковыми средствами на разных уровнях:

а/ Согласование существительных типа *państwo, wujostwo, generalostwo*, формально совпадающих с существительными един. числа (и в словарях получающих квалификатор „blm” – bez liczby mnogiej), с лично-мужскими формами множ. числа зависимых слов, что дает основания З.Салони определять их как личные существительные *pluralia tantum*. [Saloni 1976].

б/ Названия супружеских пар, упомянутые в предыдущем пункте, образуются по особому словообразовательному образцу (правда, давно уже непродуктивному): В качестве мотивирующей основы выступают лично-мужские существительные со значением профессии, должности, титула; словообразовательное значение «... + жена»: *profesor – profesorostwo; ambasador – ambasadorostwo*.

в/ Формирование значения «семья», «группа», «супружеская пара» у форм множ.ч. от фамилий, имен, названий степеней родства: *Nowakowie, Grzesiowie, dziadkowie [dziadek+babcia], teściowie [teść+teściowa], rodzice*.

Значение «пары» будет частным случаем реализации «смешанной группы».

г/ Наличие отдельных лексем со значением «смешанной группы»: *rodzeństwo*.

д/ Наиболее очевидным способом выражения категории «смешанного рода» является сочетаемость с собирательными числительными: *pięcioro studentów; czworo rodzeństwa, sześćcioro państwa*. Особенно, если учитывать, что в современных описаниях (напр., З.Салони) собирательные числительные трактуются как формы количественных (в ряду с лично-мужскими и неличными: *pięć – pięciu – pięcioro*), имеющими особые согласовательные/ сочетаемостные требования и функции. И если в русском языке разряд собирательных числительных сохраняется только в виде ограниченного числа лексем и функционально не определен, то в польском языке численность разряда значительно больше – потенциально могут образовываться в рамках первой сотни (и от составных числительных также). И помимо сочетаемости с существительными *pluralia tantum*, словами определенных словообразовательных типов, отдельными лексемами в силу традиции (*dziesięcioro drzewi, piętnaścioro kurcząt, jedenaścioro rodzeństwa, dziesięcioro przykazań*), основная их семантическая функция - сигнализировать смешанный род (*w sprawie uczestniczy troje sędziów* – в данном предложении заключается информация, что среди судей есть хотя бы одна женщина).

е/ Релевантность особых, дополнительных родо-половых характеристик может проявляться и в индивидуальных свойствах лексем.

Так, для слова *wnuk* выделяются две формы множ.ч.: *wnukowie* -- только о мальчиках, и *wnuki*, если речь идет о смешанной группе, то есть о мальчиках и девочках (ср. *przedszkolacy // przedszkolaki*) [Nowy słownik poprawnej polszczyzny 2003].

ж/ Формально-грамматический конфликт в отношении согласующихся форм рода (как в случае с бабушкой и котом, которые сидели на лавке) наблюдается и в случае выделения одного члена из смешанной группы (или пары): *dwoje studentów wyszło z biblioteki. Każde z nich niosło po kilku książek* – в составе группы, о которой идет речь, один студент - муж.р. и одна студентка – жен.р., прилагательное же, относящееся к каждому из членов этой группы, - *Każde* – сред.р.(!)

Таком образом, представляется, что категория смешанного рода должна быть «выведена из тени» – у нее, несомненно, есть целый комплекс средств выражения, иначе – формальной реакции на значение смешанной группы.

Описанные «новые» категории мы относим к области «скрытой» грамматики, поскольку присущий им набор средств выражения отличается либо нерегулярностью, либо избирательностью, либо периферийным характером, их показатели, как правило, сопутствуют более центральным грамматическим различиям и в силу этого не имели до недав-

него времени традиции выделения и подробного, последовательного описания.

Литература / References

1. *Бондарко А.В.* Грамматическая категория и контекст. Л.: Наука, 1971. 112 с.
2. *Бондарко А.В.* Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале рус. яз. Рос. акад. наук. Ин-т лингвист. исслед. М.: Яз. славян. культуры, 2002. 736 с.
3. *Булыгина Т.В.* Грамматические и семантические категории и их связи / Аспекты семантических исследований / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, А.А. Уфимцева. М.: Наука, 1980. С. 320–355.
4. *Гольдин В.Е.* Речь и этикет. М., 1983. 114 с.
5. Категория языковой вежливости и ее комплексное описание (к постановке проблемы) / Брагина Н.Г., Иссерс О.С., Мендоза И., Ратмайр Р. // Коммуникативные исследования, 2021. Т. 8. № 2. С. 217–232.
6. *Куртенэ Б.* Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 392 с.
7. *Лешкова О.О.* «О функционально-семантическом потенциале местоимений КТО – СО в польском языке» // *Studia Polonoslavica*. К 90-летию с дня рождения профессора Е.З. Цыбенко. М., 2014. С. 158–168.
8. *Харчарек А.* Прагмалингвистическая категория вежливости как инструмент диалогового взаимодействия коммуникантов на русском языке (в сравнении с польским): Автореф. Дис... канд. филол. наук / МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1998. 23 с.
9. *Vańko M.* Wykłady z polskiej fleksji. Warszawa: PWN, 2007. 240 s.
10. *Huszczka R.* O gramatyce grzeczności / *Pamiętnik* 71/1, 1980. S. 175–186.
11. *Huszczka R.* Honoryfikatywność: gramatyka, pragmatyka, typologia. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2006. 227 s.
12. *Nowy słownik poprawnej polszczyzny* / Pod red. A. Markowskiego. Warszawa: PWN, 2003. 1786 s.
13. *Saloni Z.* O tzw. formach nieosobowych [rzeczowników] męskoosobowych we współczesnej polszczyźnie / *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego*, z.XLI, 1988. S. 155–166.
14. *Saloni Z.* Kategorie rodzaju we współczesnym języku polskim // *Kategorie gramatyczne grup imiennych w języku polskim*. Wrocław, 1976. S. 52–64.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ МАДЬЯРИЗМЫ В КОНТЕКСТЕ СЛОВАЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

К.В. Лифанов

LEXICAL MAGYARISMS IN THE CONTEXT OF THE SLOVAK LITERARY LANGUAGE

Konstantin V. Lifanov

ABSTRACT:

The article focuses on the perception of Magyarisms by codifiers of the Slovak literary language, which determined their place in the vocabulary. This perception has changed significantly over time. While A. Bernolák sought to define their status, for L. Štúr and S. Czambel, they did not pose any problem. In the first decades of Czechoslovakia's existence, Magyarisms were at the centre of a struggle between supporters and opponents of the convergence of the Czech and Slovak literary languages which was reflected in their evaluation in the "Rules of Slovak Spelling" (1931 and 1940). At present, however, there is a tolerant attitude towards both Magyarisms and their Slavic correlates.

Keywords: Slovak literary language; Magyarism; codifiers; perception; purism; tolerance

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена восприятию мадьяризмов кодификаторами словацкого литературного языка, что определяло их место в лексическом составе. Это восприятие с течением времени существенно менялось. Если А. Бернолак стремился определить их статус, то для Л. Штура и С. Цамбела они не представляли какой-то проблемы. В первые же десятилетия существования Чехословакии мадьяризмы оказались в центре борьбы сторонников и противников сближения чешского и словацкого литературных языков, что нашло отражение в их оценке в «Правилах словацкого правописания» 1931 и 1940 гг. В настоящее же время сохраняется толерантное отношение как к мадьяризмам, так и к их славянским коррелятам.

Ключевые слова: словацкий литературный язык; мадьяризм; кодификаторы; восприятие; пуризм; толерантность

В статье речь пойдет о восприятии мадьяризмов кодификаторами словацкого литературного языка, что определяло их место в его лексическом составе. Под мадьяризмами понимаются как заимствования непосредственно из венгерского языка, так и заимствования из других языков, прежде всего турецкого, проникшие в словацкий язык посредством венгерского.

Как известно, большую часть своей истории словаки проживали на территории Венгерского королевства с самого начала его формирования в X в. вплоть до 1918 г. Естественно, между двумя языками существо-

вал тысячелетний глубокий языковой контакт, сопровождавшийся ассимиляцией части словацкого населения. Последствием этого языкового контакта было взаимное заимствование лексики. Заметим, что, несмотря на столь долговременный языковой контакт, в словацком языке имеется сравнительно небольшое количество мадьяризов. Как утверждает Р.Х. Тугушева, их всего лишь в два раза больше, чем в чешском языке [Тугушева 2004: 35]. Вероятно, одной из причин этого было то, что официальным языком в Венгерском королевстве вплоть до XIX в. был латинский. Мадьяризмы встречаются уже в средневековых текстах, записанных в Словакии, однако в количественном отношении они существенно уступают заимствованиям из латинского и даже немецкого языков.

Среди мадьяризов выделяется группа наименований, связанных с устройством феодального государства и его историей, а также группа наименований одежды. Эти слова были в свое время широко распространены, а затем превратились в историзмы, каковыми являются и в настоящее время, например: *išpán* 'глава комитата в Венгерском королевстве', *ileš* 'оброк', *bireš* 'дворовый человек', *írek* 'унаследованный земельный участок', *kuruc* 'куруц', *vajda* 'предводитель кочевых цыган', *dolomán* 'доломан', *kepeň* 'длинный плащ без рукавов', *karvaš* 'железная или кожаная перчатка бойца' и др. В памятниках словацкой письменности встречаются самые разнообразные мадьяризмы. Первым же их оценивает А. Бернолак при составлении «Словацкого чешско-латинско-немецко-венгерского словаря» [Bernolák 1825–1827]. А. Бернолак считает их принадлежностью словацкого языка и классифицирует с точки зрения функционирования. Часть из них он считает неотъемлемой частью литературного языка, поэтому приводит их без каких-либо помет, например: *táva* 'верблюд', *kefa* 'щетка', *válov* 'корыто', *dereš* 'скамья для наказаний' и др. Часть слов венгерского происхождения он приводит со звездочкой*, считая их диалектными, с кружком, обозначающим, что они устаревшие, или снабжает пометой, *vulg.* как народные. При этом в некоторых случаях А. Бернолак рекомендует употреблять вместо них слова словацкого происхождения: **banowat* – *lutowat* 'жалеть', **čáko* – *klobúk* 'шляпа', **žunár*¹ – *húser* 'гусак', **kondáš* – *swiňár*² 'свинопас' [Habovštiaková 1987: 92–93]. При этом многие распространенные в словацком языке мадьяризмы в «Словаре» А. Бернолака отсутствуют.

¹ В «Словаре иностранных слов» указано венгерское происхождение данного слова [Ivanová-Šalingová, Maníkova 1979: 340], тогда как в «Словаре словацкого литературного языка» [Slovník 2006] – немецкое. Вероятно, это слово было заимствовано из немецкого через венгерский (венг. *gúnár*).

² В настоящее время слово *sviniar* в приведенном значении устарело, но сохранилось как грубое ругательство.

Ситуация несколько меняется после кодификации Л. Штура, поскольку лексический состав словацкого литературного языка находился на периферии его концепции. В соответствии с ней необходимо сохранять **душу** языка, под которой он понимал фонетику и морфологию. Словарный же состав представляет собой **материю**, поэтому можно употреблять лексемы самого разного происхождения; важно лишь то, чтобы они имели словацкую огласовку и изменялись в соответствии с правилами словацкого языка. Таким образом, Л. Штур был сторонником обогащения лексического состава литературного языка из разных источников. Это могли быть словацкие диалектные слова, словакизированные чешские слова, которые уже употреблялись словаками, словакизированные новые заимствования из чешского языка, заимствованные слова из других языков и неологизмы [Kondrašov 1974: 191]. Л. Штур все же был противником чрезмерного употребления заимствованных слов, главным образом терминов, но касалось это прежде всего интернациональных слов, образованных от греческих и латинских корней. Кроме того, он не рекомендует употреблять чешские слова, имеющие словацкие эквиваленты. Мадыризмы же вообще не были в поле зрения кодификатора.

В связи со сказанным долгое время не велась серьезная работа над лексикографической обработкой лексики словацкого литературного языка. Можно назвать лишь небольшой «Новый словацко-венгерский и венгеро-словацкий словарь» Ш. Янчовича, изданный в 1848 г., в котором, однако, решались практические, а не кодификаторские задачи [Kondrašov 1974: 198]. То же самое относится и к трехтомному «Словарю словацкого, венгерского и немецкого языков» Й. Лооса [Loos 1869–1871].

Впервые задачу кодификации лексики нового словацкого литературного языка выдвигает С. Цамбел, однако делает это весьма своеобразно. Оценивая состояние словацкого литературного языка начала XX в., С. Цамбел отмечает, что он находится на хорошем уровне с точки зрения фонетики и морфологии, чего нельзя сказать о синтаксисе и лексическом составе. «Словарный состав словацкого языка представляет собой полный хаос. То огромное количество слов, которое накопили чехи за сотни лет и которые вмещаются в 5–6 толстых томов, на основе историзма обоснованно считается принадлежащим словацкому языку» [Czambel 1903: 218]. В связи с этим, естественно, селекционная деятельность С. Цамбела затрагивала прежде всего богемизмы, тогда как мадыризмы остались вне поля его зрения. В словаре, завершающим его монографию «Руководство по словацкому литературному языку» [Czambel 1902], обнаруживаем и некоторые мадыризмы: *cimer* ‘герб’, *karika* ‘перстень, обручальное кольцо’, *kopov* ‘гончая’, *paripa* ‘скакун’,

rif ‘локоть (мера длины)’, *vidiek* ‘сельская местность’. Отметим, однако, что словарь небольшой по объему, поэтому он не исчерпывает все мадьяризмы в словацком языке.

В словаре во втором издании «Руководства по словацкому литературному языку» 1915 г. под редакцией Й. Шкультеты в целом повторяются те же мадьяризмы. Исключается лишь слово *karika*, но включается слово *chúr* ‘молва’.

Сразу же после возникновения Чехословакии в 1918 г. было принято решение о создании новых правил правописания чешского и словацкого языков, которые должны были стать официальной кодификацией литературных языков. И если «Правила чешского правописания» были опубликованы уже в 1919 г. [Pravidla 1919], разработчики «Правил словацкого правописания» столкнулись со значительными сложностями, обусловленными как объективными, так и субъективными причинами. К объективным причинам относилось недостаточное количество квалифицированных лингвистов, которые могли выполнить эту работу. Субъективной причиной было негативное отношение значительной части словацкой интеллигенции к официальной идеологии чехословакизма, в соответствии с которой в стране проживает единый чехословацкий народ, говорящий на чехословацком языке. И хотя признавалось существование двух литературных языков – чешского и словацкого, однако провозглашалось, что это временное явление, обусловленное историческими и культурными факторами, однако в будущем литературные языки сольются, что воспринималось в Словакии как поглощение словацкого языка чешским. Подготовить и опубликовать «Правила словацкого правописания» удалось только в 1931 г. [Pravidlá 1931]. Поскольку в правилах содержался целый ряд положений, реально сблизивший чешский и словацкий литературные языки, они были негативно восприняты словацкой общественностью. Более того, на общем собрании 12 мая 1932 г. Матица словацкая выступила с заявлением о вреде «Правил» и приняла решение о разработке пособия с их ревизией. При этом одним из центральных моментов, подвергшимся резкой критике, стало отношение к мадьяризмам. Как известно, с середины XIX в. для чешского языка был характерен пуризм, причем «неабсолютный» [Запрудский 2006: 247], направленный прежде всего против германизмов. Авторы же «Правил словацкого правописания», учитывая словацкую специфику, переносят практику чешского пуризма главным образом на мадьяризмы, что вызывает неприятие словацкой общественности. Дело в том, что в Словакии в это время формируется собственная разновидность неабсолютного пуризма, имевшего однозначную античешскую направленность. Мадьяризмы же воспринимались как специфическая особенность словацкого языка, отличающая его от чешского.

Рекомендация не употреблять мадьяризмы проявилась в том, что в словаре, содержащемся в правилах правописания, указывалось венгерское происхождение слова и приводился его «словацкий» эквивалент:

banovať – венг., по-словацки *ľutovať* ‘жалеть’, *belčov* – венг., по-словацки *kolíska* ‘колыбель’, *egreš* – венг., по-словацки полка ‘крыжовник’, *chýr* – венг., по-словацки *zvest'*, *novína* ‘слух, молва, известие’; *kefa* (венг.) – правильно *kartáč* ‘щетка’; *oldomáš* – венг., *pohostenie*, *počastovanie* (на пр. pri predaji a kúpe) ‘угощение (например, при купле и продаже)’, *címer* – венг., иначе *erb* (нем.), *znak* ‘герб’, *fátel* – венг., по-словацки *závoj* ‘вуаль’, *írečítý* – венг., по-словацки *rýdži*, *čírý*, *pôvodný*, *čistý* ‘чистый, исконный’, *karika* – венг., по-словацки *obručka*, *prsteň*, ‘перстень, обручальное кольцо’, *kelčík* – венг., по-словацки *trovy*, *útrata*, *poplatok* ‘затрата, расход, пошлина’, *lárma* – венг. и нем., *hukot*, *krik*, *šum*, *lomož* ‘грохот, крик, шум’, *paripa* – венг., *lahký kôň* ‘скакун’, *parkan* – венг., *ohrada*, *plot* ‘ограда, забор’, *pipasár* – венг., *pipka*, *trúbelka* ‘трубка для курения’, *ríf* – венг., *lakeť* ‘локоть’; *sára* – венг., *holeň*, *holienka* ‘голень’, *sihot'* – венг.³, *ostrov v rieke* ‘остров на реке’, *šuba* – венг., *kožuch (dlhý)* ‘шуба (длинная)’.

Para *gunár* – *húser* ‘гусак’ дается без помет.

Иногда между мадьяризмом и словом славянского происхождения ставится знак равенства: *řava* = *vel'blúd*⁴ ‘верблюд’, *dohán* = *tabak* ‘табак’, *pajta* венг. = *stodola* ‘сарай’, *okno* = *oblok* ‘окно’; *tiaž* = *řarcha*⁵ ‘бремя, тяжесть’.

В отдельных случаях обозначается венгерское происхождение слова, но дается лишь его толкование, а не точный эквивалент, который в действительности отсутствует: *bilag* – венг., выбитый или выжженный знак ‘клеймо’, *kopov* – венг., *honiaci pes* ‘гончая’.

Мадьяризм *válov* ‘корыто (для кормления животных)’ вместе со славянским словом *koryto* приводится как эквивалент германизма *hrant*:

hrant = *koryto*, *válov*.

Некоторые достаточно распространенные мадьяризмы отсутствуют вовсе, например: *dengľavý* ‘слабый, болезненный’, *barnavý* ‘темнокоричневый’, *rovás'*⁶ ‘палка, на которой в прошлом делалась насечка, свидетельствующая о том, что налог уплачен’, *beřár* ‘шалун, озорник’, *beřah* ‘черт, дьявол’ и др.

³ С точки зрения Ш. Ондруша, данное слово является генетически словацким [Ondruš 1984].

⁴ Слово *vel'blúd* было заимствовано из готского языка (*ulbandus*) еще в праславянский период и поэтому воспринималось как славянское.

⁵ Данная пара слов приведена в обратном порядке, т. е. мадьяризм занимает второе место.

⁶ Используется в идиоматическом выражении *mať (u niekoho) niečo na rovási* ‘провиниться в чём или чем перед кем’.

Как уже было сказано выше, общее собрание Матицы словацкой отклонило «Правила словацкого правописания» 1931 г. и создало комиссию для работы над пособием по словацкому правописанию. Пособие это так и не было создано, а комиссия, в состав которой вошел лидер пуристов Г. Бартек, который в это время был референтом Матицы словацкой, по сути, начала работу над новыми правилами правописания, причем основную работу выполнял именно Г. Бартек. Правила, однако, долго не выносились на утверждение, поскольку Матица словацкая полагала, что в существовавших условиях они не могли быть официально одобрены Прагой. Только в марте 1938 г. руководству Матицы словацкой была представлена словарная часть правил, а в конце января 1939 г., когда Словакия имела автономию в составе Чехословакии⁷, – вводная часть. После одобрения Матицей словацкой текст правил правописания был передан министру образования и народного просвещения Й. Сиваку для утверждения, причем произошло это через несколько дней после провозглашения 14 марта 1939 г. независимости Словакии. Бытовало мнение, что теперь их принятие будет иметь формальный характер. Однако правила были отклонены «вследствие их пуристического характера». В итоге они были приняты в 1940 г. с изменениями, предложенными А.А. Баником, который в это время был библиотекарем, а затем управляющим Словацкой национальной библиотекой в Турчанском св. Мартине. Несмотря на внесенные изменения, после Второй мировой войны эти правила все равно оценивали как пуристические.

Мадьяризмы в новых правилах были представлены несколько иначе. В ряде случаев им отдавалось предпочтение перед их «славянскими» коррелятами, что отмечалось звездочкой * над этими коррелятами. Это означало их исключение из литературного языка, например: **tiaž* = *t'archa*, **kartáč* = *kefa*; **vel'blúd* = *t'ava*, **venkov* = *vidiek*⁸. Часть коррелятов мадьяризмов, зафиксированных в «Правилах» 1931 г. в новых правилах отсутствует: *oldomáš*, *paripa*, *gunár*, *šuba*. Отсутствует славянский коррелят и при слове *kopov*.

Тем не менее «Правила» 1940 г. в отношении мадьяризмов вряд ли можно назвать пуристическими, т. к. некоторые пары слов фиксируются как равнозначные: *banovať* – *želiť*, *ľutovať*; *belčov* (иное *kolíska*)⁹, *egreš* – *pôľka*, *oblok* – *okno*, *irečítý* – *rýdži*, *čírý*, *pôvodný*, *čistý*; *parkan* – *ohrada*, *plot*; *dohán* – *tabak*, *rif* – *lakeť*. Более того, в ряде случаев авторы правил

⁷ Автономия Словакии была провозглашена 6 октября 1938 г.

⁸ В «Правилах словацкого правописания» 1931 г. слово *venkov* отсутствует.

⁹ Слова *belčov* и *kolíska* имеют различия в значении: если *belčov* обозначает детскую деревянную кровать, то *kolíska* имеет более широкое значение 'люлька' и переносное 'колыбель'.

исключают из литературного языка именно мадьяризмы: *karika – obrúčka, prsteň, *kelčik = trovu; útrata; poplatok, *lárma = huk, hukot (krik, šum, lomoz), *sára = holeň, *pajta = humno, pipasár лучше píпка, trúbel'ka; слово fátel' вообще отсутствует в словаре.

Если сравнить современную оценку мадьяризмов с их кодификацией в «Правилах» 1931 и 1940 гг., обращает на себя внимание толерантное отношение современных кодификаторов к мадьяризмам и их коррелятам славянского происхождения, так как их авторы стремятся фиксировать реальную ситуацию в языке, не навязывая субъективного отношения к ним. В последние десятилетия функцию кодификации лексики словацкого литературного языка выполняет «Краткий словарь словацкого языка», четырежды переиздававшийся с изменениями, в последний раз в 2003 г. [Krátky 2003]. В настоящее время из приведенных пар слов в словаре, как правило, содержатся оба, хотя часто мадьяризмы указываются с пометами «устар.», «разг.», «экспр.» и др.; ср. примеры: dohán устар. – tabak, barnavý разг. – hnedý, beľčov устар. – kolíska, beľár разг. – figliar, šibal, huncút экспр., lapaj экспр., beľah разг., экспр. – čert, diabol, parom, ďas; parkan устар. – plot, lárma нар. – krik, hrmot, plesk, huk, lomoz, karika нар. – obruč, obrúčka, rif ист. – lakeť, pipasár разг. – rúrka fajky ‘табачная трубка’, dengľavý экспр. – slabý, neduživý, chudorľavý.

Пометы у славянских коррелятов мадьяризмов представлены значительно реже; ср.: t'archa – tiaž физ. ‘гравитация’, kartáč – правильно kefa. В некоторых парах пометы отсутствуют как при мадьяризме, так и при слове славянского или иного происхождения: banovat' – ľutovat', želieť', oblok – okno, irečity – rázovitý, svojský, rýdži, čistý, pôvodný, chýr – zvesť, címer – erb, válov – žľab, koryto. Некоторые мадьяризмы не имеют параллели: paripa, oldomáš, sára, vidiek, gombík / gombička, egreš, ľava, gunár¹⁰ и др. Мадьяризмы kelčik, fátel' в «Кратком словаре словацкого языка» отсутствуют.

Таким образом, отношение к мадьяризмам в словацком литературном языке с течением времени менялось и зависело как от субъективного отношения кодификаторов к ним, так и от политической ситуации в стране. В целом оно соответствовало общим принципам каждой из кодификаций и существенной спецификой не отличалось.

Литература / References

1. Запрудский С. Белорусский и чешский пуризм: общее и специфическое // Cesty k národnímu obrození: běloruský a český model. Sborník příspěvků z konference konané 4.-6. 7. 2006 v Praze. Praha, 2006. С. 239–256.

¹⁰ Современные словари, в том числе и «Краткий словарь словацкого языка» [Krátky 2003], фиксируют слово *Husák* лишь как фамилию.

2. *Тугушева П.Х.* Особенности исторического развития лексики чешского и словацкого языков // *Bohemistyka IV*, 2004. № 1. С. 28–66.
3. *Bernolák A.* Slowár Slowenský Česko-Laťínsko-Ñemecko-Maďarský. Budae: Typis et Sumtibus Typogr. Reg. Univers. Hungaricae, 1825–1827.
4. *Czambel S.* Rukovät' spisovnej reči slovenskej. Turčiansky sv. Martin, 1902. 374 s.
5. *Czambel S.* Slováci a ich reč. Budapest, 1903. 271 s.
6. *Habovštiaková K.* Slovná zásoba spisovnej slovenčiny z vývinového hľadiska. Nitra, 1987. 402 s.
7. *Ivanová-Šalingová M., Maníková Z.* Slovník cudzích slov. Bratislava, 1979. 944 s.
8. *Kondrašov N.A.* Vznik a začiatky spisovnej slovenčiny. Bratislava, 1974. 284 s.
9. Krátky slovník slovenského jazyka / Red. J. Kačala, M. Pisárčiková, M. Považaj. Bratislava, 2003. 985 s.
10. *Loos J.* Sloník slovenskej, maďarskej a nemeckej reči. I-III. Pešť, 1869, 1870, 1871.
11. *Ondruš Š.* Slovenská sihoť a maďarský sziget // *Slovenská reč*, 1984. 49. S. 321–328.
12. Pravidla českého pravopisu s abecedním seznamem slov a tvarů. Jediné ministerstvem školství a národní osvěty schválené vydání. Praha: Státní školní knihosklad, 1919.
13. Pravidlá slovenského pravopisu s abecedným pravopisným slovníkom. Praha, 1931. 364 s.
14. Pravidlá slovenského pravopisu s abecedným pravopisným slovníkom. Turčianský sv. Martin, 1940. Časť 1. 482 s. Časť 2. 482 s.

О ЯВНОЙ И СКРЫТОЙ ДИГЛОССИИ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА РУССКОГО МИРА

В.А. Мишланов

ABOUT EVIDENT AND HIDDEN DIGLOSSIA OF THE COMMUNICATIVE SPACE OF THE RUSSIAN WORLD

V.A. Mishlanov

ABSTRACT:

The article clarifies the ideas about the linguistic situation that has developed during the evolution of the communicative space (semiosphere) of the Russian World. It is shown that a special role in this space is played by the Church Slavonic language, which to this day remains the most important component of the semiosphere of the Russian culture thanks to the secondary semiotic systems contained in the Slavonic Bible. The opinion is substantiated that the liturgical language of Russian Orthodoxy can be considered as the highest communicative register, organically, "in spirit and letter," connected with the church-religious style of the Russian language and, consequently, with all its other varieties.

Keywords: communication / communicative space; discourse, functional style; diglossia; Church Slavonic language

АННОТАЦИЯ:

В статье уточняются представления о языковой ситуации, сложившейся в ходе эволюции коммуникативного пространства (семиосферы) русского мира. Показано, что особую роль в этом пространстве играет церковнославянский язык, доньше остающийся, благодаря вторичным семиотическим системам, содержащимся в славянской Библии, важнейшим компонентом семиосферы русской культуры. Обосновывается мнение, что богослужебный язык русского православия можно рассматривать как высший коммуникативный регистр, органично, «духом и буквой», связанный с церковно-религиозным стилем русского языка и, следовательно, со всеми иными его разновидностями.

Ключевые слова: коммуникативное пространство; дискурс, функциональный стиль; диглоссия; церковнославянский язык

В широком понимании диглоссия есть **неконкурентное, т.е. дополнительно распределенное**, «одновременное существование в обществе двух языков или двух форм одного языка, применяемых в разных функциональных сферах» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 136]; другими словами, диглоссия оказывается универсальным

свойством *коммуникативного пространства* (семиосферы¹, воплощаемой в множестве дискурсов), поскольку в развитом обществе обязательно происходит расслоение литературного языка на разновидности для функционирования в различных сферах общественной деятельности и «ни один социум внутри данного языкового коллектива не пользуется книжной языковой системой как средством разговорного общения (это обстоятельство, в частности, отличает ситуацию диглоссии от сосуществования литературного языка и диалекта» [Успенский 1994: 5]. Заметим, однако, что и в условиях функционального «одноязычия», соблюдается этот же коммуникативный принцип: в обиходном общении используется просторечие (в синтаксическом плане это относится и к образованным слоям общества), в иных дискурсах – книжные стили того же языка.

«В ситуации диглоссии... члену языкового коллектива свойственно воспринимать сосуществующие языковые системы как один язык, тогда как для внешнего наблюдателя (включая сюда и исследователя-лингвиста) естественно в этой ситуации видеть два разных языка. Таким образом, если считать вообще известным, что такое разные языки, диглоссию можно определить как такую языковую ситуацию, когда два разных языка воспринимаются (в языковом коллективе) и функционируют как один язык» [Успенский 1994: 6]. Подчеркнем, однако, что диглоссия, характерная, например, для средневековой Европы, была все же иной, ибо латинский язык для европейцев был «осознаваемо» другим. Стоит, следовательно, разграничивать явную (осознаваемую в данном этническом коллективе) и скрытую диглоссию. Как мы попытаемся показать, оба вида двуязычия характерны для коммуникативного пространства современного русского мира.

Условимся считать явной диглоссией коммуникативную ситуацию, когда один из языков коммуникативного пространства народа воспринимается как иной, не родной; при скрытой диглоссии языковые системы всех дискурсов расцениваются «языковым сознанием» как разновидности одного (притом своего, родного) языка.

Поэтому, чтобы оценить характер диглоссии в тот или иной период развития коммуникативного пространства, необходимо понять, каково отношение языкового коллектива к иноязычной (в нашем случае церковнославянской) компоненте этого пространства. При этом, в сущности, не имеет значения, находятся ли разные языковые системы в дополнительном распределении (ситуация собственно диглоссии), или они

¹ Этот термин Ю.М. Лотмана, на наш взгляд, вполне может быть использован для обозначения того, что мы называем коммуникативным пространством, ибо оно, по сути, тождественно множеству первичных и вторичных семиотических систем.

конкурируют друг с другом (как это было некогда во французско-русском разговорном дискурсе дворянского сословия).

По Б.А. Успенскому, «эволюция русского литературного языка связана именно с переходом от церковнославянско-русской диглоссии к церковнославянско-русскому двуязычию; поскольку двуязычие, в отличие от диглоссии, представляет собой нестабильную языковую ситуацию, этот переход имеет радикальные последствия для истории русского литературного языка нового типа» [Успенский 1994: 8]. Но само отношение к церковному языку (восприятие его как особой семиотической системы – своей / чужой) прямо с означенным переходом не коррелирует.

Как известно, функциональное двуязычие появляется в эпоху, когда народы переходят от древних своих верования (мифологий), передаваемых новым поколениям устной традицией, к монотеистическим верованиям. Язычеству довлеет устное предание, тогда как «для религии характерна, так сказать, доктринальность, кодифицированность и ортодоксальность – те свойства, которые не могут в должной мере проявиться без письменности, без закрепления вероучения (религиозной доктрины) в Священном Писании» [Мишланов, Салимовский 2015: 85]. Старославянский язык, созданный Первоучителями, стал общим для всего православного славянства языком книжной письменности, перенявшим в своей концептосфере духовные традиции «суперэтноса» Византийской империи [Гумилев 1989: 112]. Будучи по диалектной базе южнославянским (т.е., с позиций «внешнего наблюдателя», для восточных славян другим языком), старославянский язык уже в начале нашей книжной письменности воспринимался на Руси не как *инославянский*, а, скорее, как древнеславянский. А потому практически с самого начала письменности церковнославянско-русское двуязычие на Руси было скрытым. «В ареале *Slavia Orthodoxa* письменно-литературное развитие пошло по пути г и б р и д и з а ц и и церковнославянского и народного языка. У каждого из народов (сербов, болгар и у восточных славян) существовала своя относительно цельная словесность, при этом именно о д н а (а не две), в которой церковнославянский и народный язык в течение веков ощущались как два с т и л я , т.е. как две функциональные разновидности одного языка» [Мечковская 1998: 264].

Однако указанная выше «гибридизация» церковнославянского и народного языка (а лучше сказать, симбиоз, неосознаваемое сосуществование в определенном стиле-дискурсе) произошла значительно позже – лишь в конце XVII в., когда завершилась своего рода секуляризация светских дискурсов, опиравшихся издревле на церковнославянский язык. С XVIII в. славяно-русский язык науки и художественной литературы (высокий и средний стили) включился в новую оппозицию,

превратившую означенную диглоссию в открытую: язык церкви (не только богослужебный, но и проповеднический, т.е., в современных терминах, церковно-религиозный дискурс) и мирской язык расцениваются теперь в языковом сознании как разные (а не стили одного языка).

Уместно здесь привести мнение Б.А. Успенского о том, что «в процессе исторического развития на разных этапах эволюции оба понятия – "церковнославянское" и "русское" – существенно меняли свое содержание; тем не менее сама оппозиция церковнославянского и русского оставалась и на каждом этапе отчетливо осознавалась коллективным языковым сознанием» [Успенский 1994: 3]. Нет сомнения в том, что всякий богослужебный текст ныне воспринимается как специфически церковное, отличное от «русскоязычного мирского» (обиходно-разговорного, научного, официально-делового, включая звучащие в храмах тексты проповедей). Однако, подчеркнем особо, церковнославянское в лексике и грамматике современного русского языка «коллективным языковым сознанием» воспринимается ныне как находящееся по русскую сторону указанной оппозиции, а те церковнославянизмы, которые проникли в обиходно-разговорный язык (*отче, Боже, мать пресвятая Богородица, ангел, храм, пасха, рождество, поститься, благословить* и т.п.), очевидно, расцениваются в народе просто как церковные, но являющиеся частью русского языка.

Поскольку, как и у большинства других народов, письменность на Руси возникла для нужд церковных, первоначально и в «мирских» книжных дискурсах (исключая деловую сферу общения) мог использоваться только язык церкви. Уже по этой причине церковнославянский язык стал ядром ее семиосферы и оставался таковым на протяжении всей тысячелетней истории нашей духовной культуры, и новые тексты, создаваемые «по образу и подобию» текстов Писания, не наделяясь «богодохновенностью»², получают аналогичные семиотические признаки (своего рода стилистическую помету «высокое»).

Благотворное влияние церковного языка не закончилось и после отделения его от внецерковной сферы общения, так как он лексикой и грамматикой внедрился в книжные стили русского языка, продолжая таким образом свое бытие в органичном симбиозе с русским (славяно-русским) языком, не вытесняя народное (восточнославянское). Именно благодаря этому русский литературный язык, по словам А.С. Пушкина, получил, «как материал словесности..., неоспоримое превосходство

² Богословское понятие *богодохновенность* (как «свойство писаний, в силу которого они являются как бы словом самого Бога, а не личным созданием их авторов» [Полный православный богословский энциклопедический словарь 1992: 350]), по-видимому, вполне допускает семиотическую интерпретацию: в прагматическом измерении это не что иное, как особое отношение пользователя к знаковой системе, реализованной в Св. Писании.

перед всеми европейскими». Нет сомнения, что богатейшими выразительными свойствами русский язык обязан этим именно обстоятельством своей истории: тем, что и после XVII в. черпал он главным образом из церковнославянского источника. Так, научная терминология пополнялась не столько прямым заимствованием, сколько калькированием с использованием церковнославянских вариантов морфем. Вот как об этом (на языке, по сути, славяно-русском) писал русский поэт Вяч. И. Иванов: «Язык, стяжавший столь благодатный удел при самом рождении, был вторично облагодатствован в своем младенчестве таинственным крещением в животворящих струях языка церковнославянского. Они частично претворили его плоть и духотворно преобразили его душу, его "внутреннюю форму"... Церковнославянская речь стала под перстами боговдохновенных ваятелей души славянской, Св. Кирилла и Мефодия, живым слепком "божественной эллинской речи", образ и подобие которой внедрили в свое изваяние приснопамятные Просветители» [Иванов 1990: 145, 146].

Вернемся к обсуждаемой здесь теме. Итак, семиосфера русского мира ныне, как и прежде, в ядерной своей части содержит книжные стили русского языка – научный, художественный, публицистический и церковно-религиозный, и множество прецедентных текстов, в том числе текстов славянской Библии, – «вторичных моделирующих [картину мира] систем», содержащих «культурный код» (≈ ценностные вехи), который во многом и определяет бытие духовной культуры. И иначе, как с использованием этого семиотического ключа, не могут быть восприняты вполне и адекватно те духовные, нравственные, философские смыслы, которые заложены в нашей словесности. Так, сокрытые в стихотворении «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые...» философско-поэтические смыслы, несомненно, отсылают к первому стиху Псалтири (*Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ...*), звучащему весьма часто в православных храмах (причем, по видимому, для Ф.И. Тютчева как к идеологической антитезе).

Это значит, что церковнославянский язык также входит в ядро русской семиосферы, но не как первичная семиотическая система (поскольку в наше время порождение новых текстов на ц.-сл. языке практически отсутствует), а как концептуально значимые прецедентные тексты. И если богослужение в РПЦ включать в понятие «церковно-религиозный дискурс» [Крылова 2012: 612–613; Ицкович 2016: 44], то и коммуникативное пространство определяется как **явно диглоссийное**.

Вопрос, однако, в другом: сохраняется ли ныне и в «мирских» дискурсах **скрытая диглоссия**, свойственная коммуникативному пространству древности? Между прочим, это тот самый вопрос, который сформулировал более полувека назад Б.О. Унбегаун: «Главной и в сущ-

ности единственно серьезной проблемой русского литературного языка, в его прошлом и в его настоящем, является соотношение в нем русской и церковнославянской стихий. Эта специфическая проблематика русского литературного языка, которой он отличается от всех остальных славянских языков» [Унбегаун 1971: 329].

Непредвзятое изучение этого вопроса (т.е. без идеологической установки все самое ценное в русском языке непременно связывать с исконно русским, а не иноплеменным, тем более церковным), на мой взгляд, позволяет дать утвердительный ответ. «Вся система функциональных стилей русского языка сложилась в ходе трансформации церковнославянского-русской диглоссии. Современные функциональные стили в разном объеме содержат церковнославянские компоненты, и чем более высокую сферу общения обслуживает функциональный стиль, тем ближе он к церковнославянской основе» [Мишланов 2017: 170]. Но если в древнерусский период, до секуляризации нерелигиозных книжных дискурсов, церковный язык был высшим «регистром» семиосферы (языком письменных жанров, находящихся, согласно типологии Н.И. Толстого, в верхней части пирамиды, вершина которой представлена религиозно-литургическими текстами [Толстой 2002: 86]), то в наше время язык славянской Библии и литургической поэзии коллективным языковым сознанием вновь стал расцениваться как «не вполне свой» язык (как это было в самом начале русской письменности).

Процесс возвращения к явной диглоссии коммуникативного пространства русского мира, начавшись, по-видимому, в XVIII в., завершился в XX в., чему немало способствовали радикальные изменения самого образа жизни в условиях воинствующего атеизма. Знание церковнославянского языка ушло, очевидно, навсегда, став теперь уделом образованной части православного духовенства и старообрядцев, сохраняющих еще кое-где древние традиции духовной жизни. Поэтому главной чертой коммуникативного пространства русского мира следует считать не симбиоз церковнославянского и русского в церковно-религиозном дискурсе (явную диглоссию дискурса), а неосознаваемое языковым коллективом органическое сосуществование этих генетически нетождественных семиотических систем во всех книжных стилях русского языка. Быть может, церковно-религиозный стиль русского языка (не дискурс), более иных связанный с богослужебным языком, становится тем звеном, который размывает границу между русским и церковнославянскими языками, так что последний можно и в наше время расценивать как вершину «пирамиды письменных жанров», или центр нашей семиосферы.

Литература / References

1. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л.: Изд. Ленингр. университета, 1989. 496 с.
2. *Иванов В.И.* Наш язык // Из глубины: Сб. ст. о русской революции. М.: МГУ, 1990. С. 145–150.
3. *Ицкович Т.В.* Жанровая система религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях. Дисс. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 2016. 387 с.
4. *Мечковская Н.Б.* Язык и религия. Пособие для студентов гуманитарных вузов. М.: Агентство «ФАИР», 1998. 352 с.
5. *Крылова О.А.* Ситуация билингвизма в сфере церковно-религиозной общественной деятельности в современной России // Система. Норма. Стиль. К 75-летию академика РАН, академика МАН ПО, докт. филол. наук, профессора О.А. Крыловой. Сб. статей. М.: РУДН, 2012. С. 305–313.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
7. *Мишланов В.А.* О диглоссии жанров церковно-религиозного стиля русского языка // Жанры речи. 2017. №2 (16). С. 160–171.
8. *Мишланов В.А., Салимовский В.А.* Современный церковно-религиозный дискурс в аспекте проблем судебной лингвистики // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. Вып. 2(30). С. 84–96.
9. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. I. Репринтное издание. М., 1992. 1120 с.
10. *Толстой Н.И.* Церковнославянский и русский: их соотношение и симбиоз // Вопросы языкознания, 2002, №1. С. 81–90.
11. *Унбегаун Б.О.* Русский литературный язык: проблемы и задачи его изучения // Поэтика и стилистика русской литературы: Памяти акад. В.В. Виноградова. Ленинград, 1971. С. 329–333.
12. *Успенский Б.А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М.: «Гнозис», 1994. 240 с.

ГЛАГОЛЬНЫЕ АНГЛИЦИЗМЫ В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ (В НЕФОРМАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ИНТЕРНЕТА)¹

Е.В. Петрухина, М.Э. Де Пои

VERB ANGLICISMS IN RUSSIAN AND CZECH LANGUAGES
IN INFORMAL COMMUNICATION OF INTERNET USERS

E.V. Petruchina, M.E. De Poj

ABSTRACT:

The main focus of the article is on the adaptation of verbs borrowed from English to the Russian and Czech language systems, which name the actions of Internet users in informal online communication. A corpus study of verb anglicisms in two closely related Slavic languages reveals a lower degree of their adaptation in Czech compared to Russian, first of all in terms of graphics and orthography, as well as a lower stylistic marking.

Keywords: Russian, Czech, derivation, verbs, neologisms, anglicisms, corpus research, online communication

АННОТАЦИЯ:

Основное внимание в статье уделяется адаптации к системам русского и чешского языка заимствованных из английского языка глаголов, называющих действия пользователей Интернета в неформальной онлайн-коммуникации. Корпусное исследование глагольных англицизмов в двух близкородственных славянских языках выявило меньшую степень их адаптации в чешском языке в сравнении с русским, прежде всего с точки зрения графики и орфографии, а также меньшую стилистическую маркированность.

Ключевые слова: русский язык, чешский язык, деривация, глаголы, неологизмы, англицизмы, корпусные исследования, онлайн-коммуникация.

1. Введение

В статье рассматриваются русские и чешские глагольные англицизмы, которые называют использование браузеров и компьютерных программ, обмен информацией, редактирование изображений и другие действия на основе компьютерных технологий и употребляются в неформальной письменной коммуникации пользователей Интернета. Данный дискурс связан с виртуально-цифровой культурой, в рамках которой коммуникация между людьми и интерпретация внеязыковой действительности происходит по новым, причем никем не регламентированным, правилам. Сопоставление структуры, семантики

¹Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00260, <https://rscf.ru/project/23-18-00260/>.

и употребления заимствованных глаголов в двух близкородственных славянских языках на фоне английского языка (как языка источника) позволяет выявить важные закономерности формирования номинаций действий в виртуальном пространстве Интернета.

Важно подчеркнуть, что проведенное исследование заимствованных глаголов в новом типе дискурса в русском и чешском показало, что при сопоставлении близкородственных славянских языков целесообразно опираться на те теоретические и практические принципы, которые разработала А.Г. Широкова. Во-первых, не теряет своего значения системно-функциональный подход к сопоставлению славянских языков, так как «функциональный подход к изучению языковых фактов дает возможность вскрыть различные способы стилизации одного и того же языкового явления в сопоставляемых языках, что, в свою очередь, позволяет более глубоко проанализировать структурные особенности описываемых языков» [Широкова 1998: 45]. И во-вторых, большое значение имеет узуальная эквивалентность, при установлении которой «необходимо выходить за пределы собственно языка, принимая во внимание связь между формой речи и условиями ее протекания» [Широкова 1998: 61].

Отмеченный многими исследователями рост количества заимствований из английского языка в русский и другие славянские языки в последние десятилетия объясняется прежде всего внешними причинами: необходимостью номинации новых объектов и явлений, пришедших в славянские страны из англо-американских систем культурных, социально-экономических отношений и новых технологий. Поток заимствованных номинаций, связанных с компьютерными технологиями, неизбежен ввиду их западного происхождения и усиливающейся виртуализации современной жизни.

2. Сопоставительный анализ глагольных англицизмов в русском и чешском языках: вопрос эквивалентности

В настоящее время в русском и чешском языках активизируется заимствование из английского языка именно глаголов для обозначения разнообразных действий в виртуальной реальности Интернета. В русском языке наиболее продуктивна деривационная модель с суффиксом *-u*. Например: *репостить* (англ. *to repost*): ‘делать репост; вторично публиковать сообщение, размещённое другим пользователем, со ссылкой на источник’; *фотошопить* (англ. *photoshop*): ‘обрабатывать фотографию графическим редактором Adobe Photoshop или другим аналогичным редактором’; *скринить* (англ. *a screenshot* (‘снимок экрана’) / *to take a screenshot* / *to screenshot*): ‘делать скриншот (снимок экрана)’, в последнем случае предполагаем такую

словообразовательную цепочку: *screenshot* > *скриншот* > *скрин* > *скринить*. Ср. также новые разговорные глаголы НСВ, образованные от названий программных интернет-продуктов, типа *гуглить*, *яндексить*, *инстаграмить*, *экселить* (с общим значением 'использовать браузер или компьютерную программу, названные корнем глагола'). Соответственно заимствованные глаголы сейчас входят в русский язык не как двувидовые глаголы, что было характерно для предыдущих периодов заимствований (типа *регламентировать*) [Гловинская 2008]), а как глаголы НСВ. Сходная картина видового оформления заимствованных глаголов наблюдается и в чешском языке, но здесь преобладает модель с суффиксом *-ova-* [Bozděchová 2019]. Тем самым открывается канал для перфективации заимствованных глаголов при помощи разнообразных приставок. Например, от первичных русских и чешских заимствованных глаголы НСВ *лайкать*, *lajkovat* при помощи приставок образуются глагольные дериваты СВ *залайкать*, *olajkovat* и др.

Заимствованные номинации действий пользователей Сети входят в русский язык на основе трех моделей. Как представляется, эти модели актуальны и для чешского языка, но в данной статье мы основное внимание уделим первой модели, т.е. глагольным англицизмам.

1) В русском и чешском языках наиболее активны собственно глаголы, представляющие собой комбинированные языковые единицы, включающие заимствованные корни и исконные основообразующие и формообразующие аффиксы, например: *пост-и-ть*, *репост-и-ть*, *стрим-и-ть*, *лайк-а-ть*; *post-ova-t*, *repost-ova-t*, *lajk-ova-t*, *stream-ova-t*.

2) В обоих языках встречаются также аналитические предикаты, включающие русский (чешский) глагол, выражающий обобщенное действие и заимствованное имя существительное, называющее конкретную программу, браузер или опредмеченное действие, а также специфический для виртуального пространства знак, например *сделать репост*, *поставить лайк/тег/хэштег*, *позвонит на скайп*; *udělat repost*, *zavolat na Skype* и тому подобные.

3) Могут также использоваться переводные эквиваленты из узуальной русской и чешской лексики. Например, английским глаголам *to tag* (с его дериватом *hashtag*), *to post* в русском языке соответствуют англицизмы *тегать*; *постить* (с их префиксальными дериватами) и их русские синонимы *отметить*; *написать*, *выложить* (что-л.), *опубликовать*. Подобные переводные эквиваленты можно найти и в чешских интернет-текстах², ср. рекомендуемый перевод английской фразы на чешский язык на чешском учебном сайте: *And you wouldn't*

² По нашим наблюдениям, подобные замены в чешском языке встречаются реже, чем в русском, но данный вопрос требует дополнительного исследования.

give *me* the day off to *Skype* with my boyfriend. – *Mně jsi volno na videohovor s přítelem nedala* (<https://tr-ex.me/p%C5%99eklad/anglick%C3%BD%C4%8Desk%C3%BD/skype+me#gref>).

При сопоставлении русских глагольных неологизмов с чешскими мы опирались на исследования Иваны Боздеховой [Bozděchová 2019], которая провела выборку и анализ чешских глаголов-англицизмов в корпусе NEOMAT (Корпус чешских неологизмов, URL: <http://www.neologismy.cz/index.php>). Данное исследование продемонстрировало чрезвычайную интенсивность процессов заимствования глаголов в чешский язык из английского языка. При этом в чешский язык активно входит не только лексика, связанная непосредственно с процессом коммуникации в виртуальном пространстве (*lajkovat*, *postovat*, *hashtagovat*, *streamovat* и т.п.), но и производные от названий программ (*skypeovat*), социальных сетей (*twitterovat*), технологий (*blůtůvat*) и т.п. [Bozděchová 2019: 50].

На основе данных, полученных И. Боздеховой, мы провели сопоставительное исследование с целью выяснить, каким из чешских глагольных неологизмов можно найти соответствия и в русском языке. Исследование проводилось на материале Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ, <http://www.webcorpora.ru/>), мегакорпуса, объемом около 10 млрд. словоупотреблений. Для нашего исследования особый интерес представляют такие подкорпуса ГИКРЯ, как ВКонтакте, Живой Журнал и Блоги Мейл.ру, в которых зафиксирована компьютерно опосредованная разговорная речь в письменной форме (с начала 2000-ных годов до 2016 г. включительно). Для проверки тенденций употребления отмеченных неологизмов, чтобы учесть их употребление и в течение последних восьми лет, мы анализируем также тексты на сайтах Интернета, полученные при помощи браузера Яндекс. Наконец, для дальнейшего сопоставления с чешским языком мы пользовались базой данных Neomat, а также текстами из чешского Интернета, что позволило уточнить данные об употреблении изучаемых неологизмов в чешском языке.

В результате нам удалось найти в русском языке эквиваленты многих неологизмов, приведенных И. Боздеховой. Но наше исследование выявило, что в чешском языке глагольных заимствований больше, так как в русском языке целый ряд неологизмов вообще не образуется и вместо них для выражения того же значения используется русское слово или словосочетание. Данные о чешско-русских соответствиях в области номинаций действий пользователей Сети представлены в следующей таблице³.

³ Знак * означает дополнительный комментарий после таблицы.

Английский глагол	Чешский неологизм	Русский неологизм	Переводной русский эквивалент
to post	postovat / poustovat	постить	писать (сообщения)
to check	checkovat / čekovat	чекать	проверять
to like*	likovat/ lajkovat	лайкать, лайкнуть, поставить лайк	оценить (положительно)
to copypaste	copypastovat	копипастить	плагиатить, бездумно копировать и вставлять (ср. англ. to copy and paste ‘копировать и вставлять’)
to upgrade	upgradovat (se)	апгрейдить, апгрейднуть	обновлять, модернизировать (акцент на качественном обновлении)
to hashtag, см. также to tag	hashtagovat	тегать, тегнуть	отметить (‘поставить в сообщении или записи на странице тег, который при отправке сообщения/публикации записи посылает отмеченному пользователю уведомление об отметке с целью привлечь его внимание к сообщению/записи’)
to stream	streamovat	стримить	транслировать
to SMS	smskovat	смсить, эсэмэсить, эсэмесить	писать смс-сообщения
to update	updatovat	апдейтить, апдейтнуть	обновлять (имеется в виду прежде всего обновление до последней версии)
to tweet	tweetovat, tvitnout	твитить, твиттерить	писать сообщения в твиттере
to spoil	spojleřit	спойлерить	‘испортить впечатление от просмотра фильма, рассказав его концовку человеку, который раньше этот фильм не смотрел’

to share	sharovat/ shero- vat/ šerovat	шерить, шэрить	распространять, делиться
to refresh	refrešovat	рефрешить, рефрешнуть	обновлять
copywriting (сущ.)	copyrightovat	копирайтить	‘заниматься копирайтингом (профессиональное напи- сание текстов для веб- сайтов)’
to save	sejfovat	сейвить	сохранять
to upload	uploadovat, nauploadovat, uploadnout	аплодить, аплоудить, уплоадить	загружать, выгружать
to hate	hejtovat	хейтить	‘выражать ненависть в виртуальном пространстве Интернета, преследовать’
friend zone*	friendzonovat	френдзонить	отшить / отшивать кого-л. (сленг.)
to stalk	stalkovat	сталкерить	следить за кем-л., преследовать
to diss	dissovát	диссить	оскорблять, унижать (в Интернете расширило свое значение, выйдя за рамки рэп-дискурса, поэтому может употребляться в значении, близком к <i>хей- тить</i>)
to reboot	rebootovat	ребутить, ребутнуть	перезапустить
to skype	skypeovat / skypovat / skajpováť	скайпить	‘разговаривать/общаться/зв- онить по скайпу’
to search	proserčovat	серчить, сёрчить	искать
hype	hajpovat	хайпить, хайповать	‘поднимать шумиху, ажиотаж вокруг чего-то, подстёгивая интерес к чему-либо’
to request	requestovat	реквестить, реквестнуть	предложить
ROFL (Roll- ing On the Floor Laugh- ing)*	roflovat	рофлить	шутить

to ICQ / icq	icqovat/ ajsikju- ovat	—	‘общаться при помощи мессенджера ICQ’
hashtag	hashtagovat, zhashtagovat	—	отмечать (с помощью хэштега)
Bluetooth	bltuovat	—	передавать по Bluetooth
to bookmark	bookmarkovat	—	‘сделать закладку страницы в браузере’
web	webovat	—	‘пользоваться интернет- сетью (вебом)’
cloud storage	cloudovat	—	‘загружать файл в облако’ (облачное хранилище данных)

В первом столбце таблицы помещены исходные английские глаголы, во втором — образованные на их основе чешские неологизмы, в третьем — параллельные русские неологизмы, если они есть, в последнем — русские эквивалентные глаголы или описательные конструкции (т.е., по сути, толкования англицизмов или английских глаголов, которые мы помещаем в кавычки ‘’).

Как видим, есть группа случаев, когда заимствование есть и в русском, и чешском языках: *to like* — *lajkovat* — *лайкать*, *to post* — *postovat* — *постить* и т.д. Но целый ряд глагольных англицизмов, представленных в конце таблицы, имеется только в чешском языке: *webovat*, *bookmarkovat*, *cloudovat* и др. Значение этих чешских неологизмов можно понять исходя из английского языка: *webovat* ← *web* (‘пользоваться интернет-сетью, или вебом’), *bookmarkovat* — от англ. *to bookmark* ‘сделать закладку страницы в браузере’, *cloudovat* — от англ. *cloud storage* ‘загружать что-то в облако (облачное хранилище)’. Отметим, что в чешском языке в данных случаях при помощи комбинированного заимствования возникают однословные номинации, а в русском языке аналогичный смысл обычно выражается описательными конструкциями.

Как правило, семантика заимствованного русского и чешского глагола оказывается уже, чем семантика исходного английского глагола. В английском языке глаголы типа *to like*, *to post*, *to share* относятся к употребительной лексике, описывающей обычные действия и отношения во внеязыковой действительности, в то время как мотивированные ими заимствования *лайкать*, *постить*, *шэрить*, *lajkovat*, *postovat*, *sherovat* и т.д. в русском и чешском языках обозначают действие исключительно в компьютерно опосредованном пространстве соцсетей. При этом ряд английских глаголов не имеет в русском и

чешском языках точных однословных синонимов, потому что они выражают некий сплав смыслов, который можно выразить только описательной конструкцией. К таким глаголам можно отнести, например, *hejtít* ('выражать ненависть в виртуальном пространстве Интернета'), а также другие. Рассмотрим данный вопрос подробнее на примере глагола *to like* (который в таблице помечен *).

Семантика и употребление глагола *to like* в английском языке отличается от употребления глаголов *лайкать* и *lajkovat* в русском и чешском. Дело в том, что в английском языке значение глагола *to like* ('поставить положительную оценку' (т.е. нажать на соответствующую кнопку, чтобы продемонстрировать, что публикация понравилась) развилось за счет сужения значения исходного глагола *to like*, более широкого по семантике и обозначающего в принципе положительное отношение субъекта к чему-либо (например: *He likes riding a bike* и т.п.). Можно даже считать, что сужения значения в английском языке в принципе не происходило, наоборот, его семантика и сфера употребления расширилась, так как он стал употребляться также для обозначения определенного действия в Интернете. Иллюстрацией такого сужения значения могут служить контексты типа *How to like a text message on Android (COCA)* (Как **поставить лайк** текстовому сообщению на Android. *Jak v systému Android lajkovat textové zprávy*). Понятно, что к эмотивному глаголу отношения *to like* ('нравиться') не может быть задан вопрос «Как это делать?», а вот к взаимодействию с интерфейсом соцсети — вполне. Ср. другие примеры:

To like a comment on a photo or video, tap to the right of the comment (COCA). – Чтобы **поставить лайк** комментарий к фото или видео, нажмите кнопку справа от комментария.

It is possible that people will feel jealous of your post and therefore choose not to like it (COCA). – Не исключено, что люди могут испытывать зависть к вашему посту и поэтому предпочитают его не **лайкать**.

В русский же и чешский языки соответствующие англицизмы были заимствованы только в связи с сферой употребления в Интернете, в результате чего глаголы *лайкать* и *lajkovat* оказались связаны лишь с указанным узким (по сравнению с исходной лексемой) значением.

Аналогичные процессы, по-видимому, сопровождали и заимствование глагола *to post*, а также других (*to hate*, *to diss*). Можно видеть в этом определенную тенденцию, по которой глагольные лексемы при онлайн-коммуникации заимствуются русским и чешским языками только в одном своем ЛСВ в связи со строго определенной областью употребления и совершенно определенными контекстами, а

именно – для обозначения действий в процессе неформального общения в соцсетях.

Глагольные неологизмы в сопоставляемых славянских языках могут образовываться также от английских имен и аббревиатур, например от двухсловной именной номинации *friend zone* ‘зона дружбы’ или аббревиатуры *ROFL*. Английское словосочетание *friend zone* связано с областью межличностных отношений (в молодежной среде), когда девушка или юноша испытывает романтические чувства к своей избраннице / избраннику, а тот против романтических отношений и предлагает остаться в «зоне дружбы» (ср. русское выражение *Давай останемся друзьями*). Соответственно *отфрендзонить кого-л.* в молодежном жаргоне – это фактически то же самое, что *отшить* (разг., сленг.), при этом бесприставочный НСВ *френдзонить* значит ‘в течение длительного времени отказывать кому-л. во взаимности’.

Для английской фразы, лежащей в основе аббревиатуры *ROFL* (*Rolling On the Floor Laughing*), есть соответствия в русском молодежном сленге: ср. *я валяюсь, я пацалом, арукричусастулалечу* и др., то есть исходно речь идет о том, что субъекта что-то чрезвычайно рассмешило. Однако глагол *рофлить*, производный от этой аббревиатуры, отличается подразумеваемым субъектом: субъект *рофлить* обычно не тот, кто смеется, а тот, кто вызывает этот смех, шутит, т.е. *рофлить* — это сленговый синоним к *шутить*.

В английском языке *ROFL* также может использоваться как глагол. Так, в Британском национальном корпусе (COCA) встречаются примеры, где лексема *rofl* используется с предлогами, характерными для глагола *to laugh*, который присутствует в расшифровке этой аббревиатуры (*rolling on the floor laughing*): *rofl at, rofl about*. Ср. следующий пример:

*I got it on the brain. still **ROFL at** myself; "Yes," one of them says as they **rofl about**, writhing in pain or still lost to laughing. [Corpus of Contemporary American English (COCA)]*

3. Степень адаптации глагольных англицизмов в русском и чешском языках

В недавнем исследовании О.И. Черчук на большом языковом материале было показано, что среди заимствований из английского языка, извлеченных из чешского корпуса Neomat, большая часть (более 57%) подробно рассмотренных 770 существительных графически не адаптирована к чешскому языку и предстает в английском облике, чему способствует и латинская графика чешского языка. Интересны также данные об отглагольных существительных, которые часто употребляются в неадаптированном виде с финалей *-ing*, а конкуренция адаптированной (например, *lobování*) и неадаптированной (например, *lobbying*) форм

редка. В упомянутом исследовании делается вывод о том, что большинство анализируемых англицизмов-номинализаций не приобретает характерные для чешского языка суффиксы и используется в исходном виде, как в английском языке [Черчук 2023].

У глаголов ситуация иная: заимствованная лексема, чтобы функционировать в чешском языке как глагол, должна получить соответствующие глагольные основообразующие и формообразующие аффиксы, что продемонстрировано в приведенной выше таблице – все чешские и, конечно, русские глагольные неологизмы адаптированы к морфологической и словообразовательным системам славянских языков. Но даже в области глагольных англицизмов в чешском интернет-дискурсе встречаются исключения из общих закономерностей (см. примеры в таблице, а также приведенные ниже), а графическая неадаптированность глагольных неологизмов в целом преобладает.

Проанализируем степень адаптации глагольных англицизмов к графической и орфографической системам чешского языка подробнее. Сопоставление чешских контекстов, в которых употребляются глагольные неологизмы, извлеченные из чешского Интернета, с параллельными переводами⁴ чешских текстов на русский язык, позволило глубже изучить дискурсивные функции глагольных неологизмов в сравниваемых языках. Рассмотрим и прокомментируем примеры употребления чешских комбинированных глагольных неологизмов (в сопоставлении с русским языком).

Интересно проанализировать рекомендованные переводы с английского языка на чешский на упомянутом выше учебном сайте текстов, содержащих номинацию программы Skype, которая может быть в английском языке использована и как глагол. В приводимых ниже примерах преобладают переводы с именной номинацией, которая сохраняет в чешских предложениях английское написание. Например:

*You will contact me **by** phone, cell phone, **Skype** or by some other way see contacts – Kontaktujete mě telefonem, mobilem, **Skype** nebo jinak viz kontakty.*

*We had a **Skype** interview, and she offered me the post doc position, which I was very happy about! – Byla velmi hodná, odpověděla **mi** a následoval **pohovor přes Skype**, kdy mi nabídla postdoktorandskou pozici!*

⁴ В этом разделе мы используем русские авторские переводы чешских примеров из интернет-дискурса, созданные с использованием современного электронного переводчика DeepL Translate (<https://www.deepl.com/ru/translator>), работающего на основе технологии машинного обучения нейросети, с последующим анализом, редактированием и комментариями переводов авторами статьи.

Но именно здесь встретилось единичное употребление неадаптированной номинации *Skype* в функции глагола в чешском переводе английской фразы:

Maybe you could Skype with me, if you feel up to it. – Možná bys mohl se mnou Skype, pokud se cítíš.

Но такой перевод является, скорее, исключением: в чешских параллельных текстах преобладают комбинированные англицизмы, когда английский корень, сохраняя английское написание (вплоть до заглавной буквы), снабжается чешскими глагольными аффиксами, например:

You wouldn't even Skype with me, what am I supposed to think? – Nechtěla si se mnou Skypovat, tak co jsem si měla myslet?

Приведем другие аналогичные чешские переводы, в которых аффиксально адаптированный глагол может писаться с заглавной или прописной буквы (приведем без исходных английских предложений):

S tarifem HOME L můžete pohodlně Skypovat s rodinou, hrát online hry, sledovat svá oblíbená videa na YouTube nebo poslouchat hudbu přes Spotify

Miluju být online, jsem ráda, když si s váma můžu ve zprávách nebo komentářích napsat, dyž si můžu vyhledat jakoukoliv odpověď na netu, když můžu skypovat Timovi.

Taky způsob jak skypovat s rodiči na dálku.

В то же время заимствованная основа может писаться в соответствии с правилами чешской графики. Ср. употребление личных форм глагола *skajpovat*:

Jacku, budeš se mnou skajpovat? Náš kouč si zrovna skajpuje a říká, že dneska byly obrovský vlny a že se docela bál. Mluvíme spolu, skajpujeme a píšeme si, jak jen to jde... Včera jsem skajpoval s Ljubou – ta se vrací z Turecka zítra.

На упомянутом учебном сайте встретился также один перевод, в котором используется переводной эквивалент *videohovor* (ср. англ. *video call* и русск. *видеозвонок*), который употребляется в сочетании со вспомогательным глаголом (см. соответствующий пример, приведенный в начале раздела 2). Полученные данные с этого сайта мы сравнили с текстами из чешского Интернета – в них преобладают формы глагольных неологизмов с английской графикой *skypovat*, и даже *skypeovat*. Например:

Když jsem skypeoval s Danem Vránou z Novo Jičinské centrály ..., povedal mi, že volba zvuku je otázkou trhu [www.hifiroom.cz]. – Когда я говорил по скайпу с Дэном Враной из штаб-квартиры Ново Йичина ..., он сказал мне, что выбор звука – это коммерческий вопрос.

Kdybyste skypoval s náma, byl byste v pohodě [<https://facebook.com/>]. – Если бы вы **общались** с нами **по скайпу**, все было бы в порядке.

*O čem si **skypuje** Viktor Fischer s DJ z Chainsmokers a jaký má plán se 100 milionů dolarů?* [<https://www.instagram.com/>] – О чем Виктор Фишер **говорит по скайпу** с диджеем группы Chainsmokers и каков его план на 100 миллионов долларов?

В русских переводах, с нашей точки зрения, более уместны аналитические предикаты типа *говорить, общаться по скайпу*. Данный вывод мы сделали, анализируя с русскими информантами-студентами переводы, которые нам предлагал переводчик нейросети DeepL Translate. Предпочтение аналитических предикатов в русских переводах, по всей видимости, объясняются стилистическими различиями данных глагольных неологизмов в чешском и русском языках: в русском языке они характеризуются большей разговорностью и сленговостью. Ср. примеры употребления русских неологизмов в Рунете:

*У меня обычный комп. Недавно мне подарили ноут, я поставил на него Линукс и передал его матери, чтобы она фильмы смотрела и **скайпила** иногда* [<https://otvet.mail.ru/>];

*Все было норм, я играл и **скайпил** с кланом на первом мониторе в наушниках, дети смотрели мульты на втором мониторе со звуком на колонках* [<https://pchelpforum.ru/>];

*Первый человек с тырнета, с кем я **скайпила*** [<https://ask.fm/SelenSweets/>]; *сайт накрылся... не-е-е! Я **скайпил**, обещают включить сегодня. уже включили* [<https://forum.plusmsk.ru/>];

*Скорость не особо, **скайпил** с затыками, но лазить по инету можно* [<https://www.ayda.ru/>].

Сходные выводы о графике чешского англицизма, а также о его русских переводных эквивалентах можно сделать и по отношению глаголу *twitterovat*. Ср.:

*Britští poslanci chtějí při zasedání **twitterovat**.* [<https://www.lidovky.cz/>]. – Британские парламентарии **хотят писать в твиттере** во время сессии.

*Prezidentův mluvčí se ovšem nevzdal a ve středu dopoledne **twitteroval** o tom, že charitě zaslal dalších 1066 Kč na pomoc potřebným* [<https://www.denik.cz/>]. – Однако пресс-секретарь президента не содался и в среду утром **написал в твиттере**, что отправил 1066 чешских крон на благотворительность, чтобы помочь нуждающимся.

В приведённых русских переводных предложениях, с нашей точки зрения, уместнее использовать аналитические предикаты, в соответ-

ствии с нейтральным стилем исходных чешских предложений. При этом глагольные англицизмы, образованные от названия данной программы, активно используются в Рунете:

*Это легко объяснить: только за последний год рост числа мобильных пользователей, которые активно **твиттерят**, составил 182%. [https://xaker.ru/]*

*Определите влиятельных лиц, **твиттерящих** ваш контент [https://xmldatafeed.com/]; О чём **твитила** популярный тролль в США, пока её аккаунт не закрыли [https://ok.ru/]; Стив **твитил** вроде пару дней назад что надо III допилить и прочие мелочи, это дело где то дней на 5-7 для такой команды работяг [https://interesnoe.me/].*

Сопоставим другие чешские тексты с англицизмами и их русские переводы, в которых, по мнению опрошенных трех русских студентов-информантов, в ряде случаев предпочтительнее употребить русский переводной синоним либо аналитический предикат.

*Nevim, kdy naposledy jsem **postovala** fotku bez jakýhokoliv editu [Neomat]. – Не знаю, когда в последний раз я **выкладывала** фотографию без редактирования (другие возможные варианты: *постила, выставляла, размещала, добавляла, публиковала*).*

*Lidé na ulici zírají do mobilů, každý dělá selfie foto a **sharuje** to se svými kamarády. [Neomat] – Люди на улице смотрят в свои телефоны, каждый делает селфи и **делится** им с друзьями (другие возможные варианты: *скидывает [друзьям], выкладывает, выставляет, шерит, постит*).*

Интересно, что в русском языке возможно употребление заимствованного глагольного неологизма и его русского синонима в одном контексте. Так, заимствованный глагол *mégat* от англ. *tag* ‘отметить, поставить тег’ нередко заменяется в онлайн-коммуникации узуальными русскими глаголами *отметить* и *упомянуть*. Речь идет о функции, позволяющей послать пользователю уведомление о том, что его упомянули в той или иной публикации, с целью привлечь его внимание к важной информации. Ср. пример синонимичного употребления:

*Короче, не знаю, на сколько это правильное решение, но меня не будет очно на психологии. Если она даст кр [контрольную работу] очно, **тегните** все равно, плез. Если все же домой даст, тоже **отметьте**, пожалуйста [https://vk.com].*

Однако употребление *тегнуть* и *отметить/упомянуть* в одном контексте может быть связано и с обозначением разных действий, одно из которых относится к виртуальному пространству чата, а другое – к реальному действию в физическом мире: *Если пустят листочек, **от-***

метьте меня пж и *тегните*, если [преподаватель] даст кр онлайн [https://vk.com]

Наше внимание обратили на себя чешские глаголы, которым нет соответствия в английском языке, образующиеся при помощи чешских аффиксов от именных английских номинаций. В русских переводах в этом случае, по мнению информантов, уместнее употреблять аналитические предикаты. Так, от английского названия устройства *Bluetooth*, в чешском языке образуется соответствующий глагол, который может иметь английскую или чешскую графику: *bluetoothovat* или *blůtůvat*. Ср.:

*A s čím to má bluetoothovat? [https://pc.poradna.net/]. – А с чем он должен **соединяться по Bluetooth**?*

*Něco nosit na poštu – hloupost, blůtůvat stojí mnohem méně práce. [https://cesky.radio.cz/]. – Глупо отправлять что-то по почте, гораздо меньше усилий **требует блютуз**.*

Различия в словообразовательной адаптации заимствованных глаголов в русском и чешском языках касаются также выбора префиксов при образовании глаголов СВ. В частности, в чешском языке, наряду со сходными с русскими приставками: *om-*, *od-* (*odstreamovat*), *pro-*, *pro-* (*prolajkovat*), *na-*, *na-* (*napostovat*), представлены также префиксы *o-* (*olajkovat*), *vy-* (*vypostovat*), *u-* (*ulajkovat*), не используемые при перфективации аналогичных глаголов в русском языке. Аспектуальная и словообразовательная адаптация глагольных англицизмов в русском и чешском языках требует специального исследования и будет представлена в следующих публикациях.

В чешском и русском языках от подобных англицизмов свободно образуются причастные формы и отглагольные существительные. Ср.:

Z lajkování se postupně stává zavedený model chování. [Neomat] – Лайкинг постепенно становится устоявшейся моделью поведения;

*Samotné hry totiž nepoběží přímo na lokálních PC, ale v serverovnách, odkud bude obraz streamován do uživatelských počítačů. [Neomat] – Сами игры будут запускаться не непосредственно на локальных компьютерах, а в серверных комнатах, откуда изображение **будет транслироваться** на пользовательские компьютеры.*

*Svět podle Google youtubizace společnosti. [https://svse.cz/] – Мир по версии Google – это **ютубизация** общества.*

Приведем также примеры употребления русских неличных форм и отглагольных существительных, образованных от рассматриваемых заимствованных глаголов, в текстах, извлеченных из ГИКРЯ:

Мы просиживаем вконтакте... только и делая, что лайкая и репостя, лайкая и репостя.

На что мы тратим свою жизнь? Девушки, зачем вы выкладываете откровенные фото в контакт, думаете парни, пролайкавшие ваши фотки захотят вас видеть в роли своей девушки?

*И висит этот пост **недолайканный**, хоть удаляй беднягу.*

Значение заимствованного глагола в языке-реципиенте может претерпевать дальнейшие семантические изменения, когда глагол выходит за рамки интернет-дискурса и начинает использоваться в значении, не связанном с онлайн-коммуникацией. Так, в корпусе Neomat встретился такой текст, в котором глагол *spamovat* употребляется в значении 'избыточно навязывать что-то', связанном не с рекламой, а с навязчивой опекой детей родителями. Здесь можно говорить о реализации механизма метафоры (поэтому глагол отмечен кавычками), когда на первый план выходит сема избыточности и навязчивости информации и воздействия: *Myslím, že nemá cenu děti za každou cenu «spamovat» aktivitami, stejně je jim nejlíp při hraní a povídání s rodiči* [Neomat]. В переводе на русский язык также можно использовать аналогичный глагольный неологизм в переносном значении: *Я считаю, что «спамять» детей занятиями любой ценой бессмысленно, для них лучше всего, когда они играют и общаются с родителями.*

Заключение

Проведенное исследование продемонстрировало глаголизацию продуктов цифровых технологий в текстах как чешского, так и русского Интернета, причем в чешском языке этот процесс проходит более широко и интенсивно, чем в русском и, что очень важно, с меньшей адаптацией к правилам правописания языка-реципиента. Последнее проявляется в сохранении у чешских заимствований английского облика корня, чему, конечно, способствует латинская графика чешского языка и что в таком виде невозможно в русском языке. Показательно, что неадаптированные корни в чешском материале данного исследования встречаются чаще, чем адаптированные, при этом к обоим видам корня свободно добавляются основообразующие, формообразующие и словообразовательные чешские аффиксы, образуя гибридные неологизмы. Все это подтверждает выводы других исследователей об экспансии английского языка в чешском языковом интернет-пространстве и даже об «американизации», или «билингвоализации», последнего, точнее части этого интернет-пространства, используемого молодыми участниками онлайн-коммуникации [Жоряковцева 2021]. Проанализированные тексты свидетельствуют об американизации речи молодого поколе-

ния чешских интернет-коммуникантов, этот процесс характеризует письменную неформальную коммуникацию и российских молодых пользователей Сети, но все же, по нашему мнению, в меньшей степени.

В целом же рассмотренный глагольный материал позволяет сделать вывод о четко выраженном этапе развития «языка Интернета», когда от номинации новых вещей – серверов, программ, электронных продуктов, приложений, блогов и под., появившихся в цифровом мире, – интернет-язык перешел к формированию глаголов, обозначающих то, что делают с этими вещами [Петрухина, Де Пой 2021]. Глаголизация компьютерных системно-предметных номинаций отражает освоение цифровых технологий пользователями Сети и выявляет особенности виртуальной картины мира, которая меняет чешскую и русскую ЯКМ (последний вопрос требует дополнительного концептуального анализа).

Литература / References

1. Гловинская М.Я. Активные процессы в грамматике // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 187–271.
2. Коряковцева Е.И. Интернационализмы – гибридные дериваты в языке русских, польских и чешских интернет-пользователей // Diana Stołac, Anastazija Vlastelić (ed.). Generacija Interneta. Zagreb–Rijeka: HRVATSKA SVEUČILIŠNA NAKLADA, 2021. С. 457–470.
3. Петрухина Е.В., Де Пой М.Э. Глагольные неологизмы в неформальной коммуникации пользователей Рунета: корпусный, количественный и концептуальный анализ // Когнитивные исследования языка, 2021. Т. 47, № 4. С. 361–370.
4. Широкова А.Г. Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных славянских языков // Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков / Под ред. А.Г. Широковой. М.: Издательство Моск. ун-та, 1998. С. 10–99.
5. Черчук О.И. Заимствования в современном чешском языке: Дисс ... к.филол.н. М., 2023.
9. *Bodzěchová I. Slovotvorná adaptace nových anglicismů v češtině // Глобалізація і славянське словаутварення. Матеріялы XVI Міжнароднага з'езда славістаў. 19–27.08.2018 г. Раздзел 4. Мінск, 2019. С. 50–74.*

Источники языкового материала

1. Генеральный интернет-корпус русского языка (ГИКРЯ). [Электронный ресурс.] URL: <http://webcorpora.ru/> (Дата последнего обращения – 20.08.2023).
2. Databáze excerpčního materiálu Neomat. [Электронный ресурс.] URL: <https://www.neologismy.cz/> (Дата последнего обращения – 22.12.2023).
3. Corpus of Contemporary American English (COCA). [Электронный ресурс.] URL: <https://www.english-corpora.org/> (Дата последнего обращения – 29.11.2023).

ТИПЫ ПЕРЕВОДНЫХ ЭКВИВАЛЕНТОВ В БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ (КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

И.Е. Пинхасик

TYPES OF TRANSLATION EQUIVALENTS IN CLOSELY RELATED LANGUAGES
(CORPUS RESEARCH)

I. Pinkhasik

ABSTRACT:

In the paper, based on the material of the lexical-semantic field "Food" in Russian and Czech, is shown what types of translation equivalents are used to convey the names of food and culinary products, what strategies translators choose during the translation process, what translation transformations and in what way turn out to be useful in conveying lexemes denoting food. The advantages and disadvantages of using different corpora of the Russian and Czech languages while choosing translation equivalents of this kind are discussed.

Keywords: closely related language; Russian language; Czech language; food lexicon; translation; translation transformation; corpus

АННОТАЦИЯ:

В работе на материале лексико-семантического поля «Пища» в русском и чешском языках показывается, какие типы переводных эквивалентов используются для передачи наименований продуктов питания и кулинарных изделий, к каким стратегиям прибегают переводчики в процессе перевода, какие переводческие трансформации и каким образом используются при передаче лексем, обозначающих пищу. Обсуждаются преимущества и недостатки использования различных корпусов русского и чешского языков при подборе переводных эквивалентов такого рода.

Ключевые слова: близкородственный язык; русский язык; чешский язык; пищевая лексика; перевод; переводческая трансформация; корпус

Переводческим трансформациям посвящена весьма обширная литература, на сегодняшний день существует несколько их классификаций, в той или иной степени принятых и распространенных в переводческом сообществе. Вслед за В.Н. Комиссаровым [Комиссаров 1990: 159–161] многочисленные исследователи сходятся на том, что в зависимости от уровня языковой системы, на котором происходит преобразование, трансформации можно разделить на лексические (транскрипция, транслитерация, калькирование, лексико-семантические замены — конкретизация, генерализация, модуляция), грамматические (дословный перевод, грамматические замены, объединение и членение предложений) и лексико-грамматические (экспликация (описательный перевод), компенса-

ция (целостное преобразование) и антонимический перевод). Для передачи формальных и смысловых отношений между лексическими единицами оригинала и перевода, как правило, используются трансформации первого и третьего вида. Как представляется, отдельные лексико-семантические группы при переводе демонстрируют тенденцию к установлению межъязыковых соответствий с помощью определенных трансформаций, что не в последнюю очередь обусловлено семантикой входящих в такие группы языковых единиц.

Цель данной статьи – рассмотреть на примере пищевой лексики в русском и чешском языках особенности перевода лексем отдельной тематической группы в близкородственных языках и проверить сделанные теоретические наблюдения на корпусном материале. Актуальность работы обусловлена тем, что пищевая лексика достаточно широко представлена в разных языках и представляет значительный интерес как источник информации о картине мира, образе жизни и традиционной культуре народа. Практика перевода показывает, что даже языки с большим количеством общих, формально близких лексем, не совпадают по лексическим структурам и предоставляют важную информацию об особенностях развития соответствующих культур [Будовичова 1983: 254].

Материалом исследования послужили лексем, которые хотя бы в одном из значений являются наименованиями блюд, напитков и продуктов питания, извлеченные из толковых и переводных словарей русского и чешского языка, кулинарных книг, баз рецептов, меню заведений общественного питания. В качестве источников примеров осуществленных переводческих трансформаций были использованы чешско-русский параллельный корпус InterCorp Чешского национального корпуса (163 млн словоупотреблений в русской части) и русско-чешский параллельный подкорпус Национального корпуса русского языка (объем 3,9 млн словоупотреблений). Для проверки степени актуальности чешских и русских лексем в современном языке привлекались материалы основного подкорпуса Национального корпуса русского языка (объем 374 млн словоупотреблений), Генерального интернет-корпуса русского языка (19 млрд словоупотреблений), корпусов Araneum Russicum (19,8 млрд словоупотреблений), ruTenTen17 (9 млрд словоупотреблений) и ruTenTen11 (14,5 млрд словоупотреблений), подкорпусов syn_11 и online2_now Чешского национального корпуса (5 млрд и 6 млрд словоупотреблений соответственно), корпусов Araneum Bohemicum (7,1 млрд словоупотреблений) и csTenTen 12+17+19 (11,7 млрд словоупотреблений).

Передача пищевой лексики в переводе требует особого внимания, поскольку необходимо не только учесть особенности конкретной га-

строномической традиции и языковой картины мира носителей языка, которые данной традиции придерживаются, но и принять во внимание семантические, коннотативные, стилистические характеристики лексических единиц. Немаловажным является и тот факт, что «буквальный перевод редко оказывается верным даже при переводе на близкородственные языки» [Гарбовский 2007: 370], следовательно, между оригинальной и переводной лексическими единицами возникает отношение асимметрии, которое можно рассматривать как естественное отношение между текстом оригинала и текстом перевода. Согласно И.А. Стернину, выделяется три типа межъязыковых соответствий: 1) линейные соответствия, когда единице исходного языка соответствует только одна единица языка сопоставления; 2) векторные соответствия, когда единице исходного языка соответствует несколько единиц языка сопоставления; 3) лакуны, когда единице исходного языка не соответствует ни одной единицы языка сопоставления [Стернин 2006: 24]. Следует отметить, что в случае близкородственных языков наиболее характерными оказываются первый и второй типы соответствий. Данный факт представляется закономерным и обусловлен, с одной стороны, происхождением двух рассматриваемых языков из одного языка-источника, вследствие чего они демонстрируют высокую степень структурной и лексической общности, с другой стороны, тем фактом, что разные пути и обстоятельства развития способствовали возникновению значительного числа расхождений на разных языковых уровнях. В связи с этим обстоятельством при сопоставлении русской и чешской пищевой лексики периодически обнаруживались межъязыковые лексические параллели с различной степенью структурной и семантической эквивалентности, что создавало предпосылки для выбора переводчиком той или иной переводческой стратегии. Причинами данного явления, как правило, выступали различия в переводческих традициях относительно использования транскрипции и транслитерации, развитие регулярной и нерегулярной полисемии и возникновение разнообразных коннотаций у лексем, наличие в кухне определенной страны такого же или похожего блюда или степень освоенности продукта.

В ходе исследования анализировались заимствования из русского в чешский и из чешского в русский, а также заимствования в русский и чешский из других языков. Вследствие того, что объем параллельных корпусов, которые послужили источником материала для исследования, достаточно ограничен, вполне закономерно, что не все из собранных лексем были в них обнаружены: так, продукты, не свойственные европейским кухням вообще и русской и чешской кухням в частности, или относительно недавно заимствованные названия блюд, или не слишком широко известные за пределами Чехии и России блюда и продукты

зачастую не находили отражение в параллельных корпусах, поскольку они содержат прежде всего художественные и публицистические тексты в случае НКРЯ и художественные тексты и субтитры в случае InterCorp. В таких случаях для проверки степени употребительности той или иной лексемы приходилось прибегать к материалам иных корпусов, которые лучше отражают актуальное состояние языка, а именно веб-корпусов, в которых собраны тексты из самых разных интернет-источников (тематические и новостные сайты, блоги, социальные сети и др.) и которые лучше отражают современный разговорный узус. Анализ результатов поисковой выдачи позволил сделать следующие наблюдения.

Достаточно распространенной переводческой трансформацией оказываются транскрипция и транслитерация, которые обычно применяются в случае перевода безэквивалентных наименований, заимствованных из русского в чешский или из чешского в русский, а также наименований, заимствованных в русский и чешский из третьего языка-источника. Написание подобных наименований либо полностью подчинялось существующим правилам практической транскрипции и транслитерации, ср. рус. *щи* и чеш. *šči* и рус. *пирожки* и чеш. *pírožky*, либо демонстрировало происходящий процесс адаптации заимствований к нормам языка-реципиента, ср. рус. *авокадо* и чеш. *avokádo* и рус. *пельмени* и чеш. *pelmeně*.

(1) *Наверное, ни в одном ресторане мира нельзя получить сметки, тарелку сушеных сметков, **щи** со сметками, а в Пскове можно, и это хорошо, так же как хороша наша деревенская баня с березовыми вениками, половики, вышитые полотенца, так же как шотландская клетчатая юбка, клетчатые ковры, цветная клетка, которой расчерчена вся Шотландия, ее отели, переплеты книг, – все здесь клетчатое.* [Д.А. Гранин. Прекрасная Ута] – *Ani v jedné restauraci na světě byste asi korušky nedostali, talíř sušených korušek, **šči** s koruškami, ale v Pskově ano, což je pravá nádhera, stejně jako je nádherná naše vesnická lázeň s březovými metlami, běhouny, vyšívané ručníky.*

(2) *Я вернулся из гостей. Ел настоящие сибирские **пельмени**, тушеную баранину с картошкой, **пирожки**, колымский ликер, какао и тому подобные вкусные вещи.* [Д.А. Гранин. Еще заметен след] – *Jedl jsem pravé sibiřské **pelmeně**, dušené skopové s brambory, **pírožky**, pil kolymský líkér, kakao a podobné dobroty.*

(3) *Пытка состояла в порциях: заключенному приносили полблюдечка **бульона**, одну восьмую часть котлеты, две стружки жареного картофеля.* [А.И. Солженицын. В круге первом] – *Mučili je přitom velikostí porcí: vězeň dostával půl talířku **bujónu**, osminku karbanátu a dva plátky smaženého bramboru.*

(4) *Na tácu jsem našel čerstvé housky, ještě horké, kouli ztuhlého másla velkou jako pěst, výběr ze studených mas, mezi nimiž vynikaly plátky rostbifu složené do tvaru růžových poupat, žlutý tvrdý a bílý měkký sýr, napůl rozteklý, podle vůně a vzhledu francouzský nebo švýcarský sýr, avokádo, chřest, nakládané olivy, kyselé okurky a sušené švestky a také prapodivné ježaté ovoce, které jedl posledně Záhir a jež rytíř nyní doporučil mé pozornosti, označiv je cizokrajným názvem durian.* [M. Urban. Sedmikostelí] – *На подносе оказались свежие, почти горячие, булочки, шар холодного масла величиной с кулак, мясное ассорти (в том числе куски ростбифа, свернутые наподобие розовых бутонов), сыры — твердый желтый, мягкий белый и еще один, слегка расплывшийся и, судя по запаху, то ли французский, то ли швейцарский... авокадо, хрен, фаршированные оливки, маринованные огурцы, сушеные сливы и вдобавок тот самый колючий плод, который ел тогда в больнице Загир и который рыцарь сейчас особо рекомендовал моему вниманию, назвав его иностранным словом «дуриан».*

Другой достаточно широко используемой трансформацией выступают конкретизация и генерализация – замена слова или словосочетания исходного языка переводным эквивалентом с более узким или широким значением соответственно. Как показал исследованный языковой материал, к такого рода трансформациям переводчики прибегают как в случаях, когда более узкое видовое название не слишком хорошо известно потенциальному читателю, так и в случаях, когда по разным внеязыковым причинам гипоним или гипероним оказывался более уместным в тексте перевода (например, точное наименование блюда или продукта оказывалось менее важно для содержания текста, ср. рус. *форшмак из селедки* и чеш. *slaneček* ‘селедка’, либо особенности приготовления и названия блюда в русской и чешской кухнях отличались, ср. рус. *две гусиные ножки* и чеш. *dvě husí stehna* ‘два гусиных бедра’).

(5) *Tedy si představ: polívka s nudlema, hovězi maso se sardelovou omáčkou, dvě husí stehna, knedlíků a zelí do stropu a palačinky!* [J. Hašek. *Osudy dobrého vojáka Švejka*] – *Представь себе: лапша, говядина с анчоусовой подливой, две гусиные ножки, кнедликов и капуста прямо до потолка и, наконец, блинчики.*

(6) *A šéf se uklonil a rukou nabídnul dveře do kuchyně, a když tam vešel, slyšel jsem, jak se představil, já jsem zástupce firmy van Berkel, prosím, nakrájejte mi tady deset deka uheráku, ano?* [B. Hrabal. *Obsluhoval jsem anglického krále*] – *И шеф поклонился и рукой предложил пройти в кухню, и когда толстяк туда вошел, то я слышал, как он сказал: «Я представитель фирмы „Ван Беркель“, будьте добры, нарежьте мне сто граммов салами».*

(7) В этот день бог послал Александру Яковлевичу на обед бутылку зубровки, домашние **грибки**, **форимак из селедки**, украинский **бориц** с мясом первого сорта, курицу с рисом и компот из сушеных яблок. [И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев] – *Toho dne pánbůh dal hospodářskému správci k obědu láhev zubrovky, doma nakládané hříbky, slanečka jako předkrm, výtečnou polévku s masem a zeleninou, slepici s rýží a kompot ze sušených jablek.*

(8) В нем, Корнелиус знал, пироги с **вязигой** и маком, кувшин пива, кус баранины с имбирем и непременно зернистая белорыбья икра, вареная в уксусе. [Б. Акунин. Алтын-толобас] – *Kornelius věděl, že jsou v něm jeseteři a takové pirohy, džbán piva, kus skopového na zázvoru a určitě i zrnitý bílý kaviár, vařený v octě.*

По сходным причинам переводчики зачастую прибегали к экспликации – трансформации, при которой лексическая единица заменяется словосочетанием, объясняющим ее значение. В случае рассматриваемого лексико-семантического поля такого рода объяснения отражали состав, способ приготовления, внешний вид блюд, ср. рус. *сырники* и чеш. *tvarohové koláče* ‘творожные пироги’ или рус. *корейка* и чеш. *uzené žebírko* ‘копченое ребрышко’. Иногда результатом экспликации становились сочетания упомянутого в оригинальном тексте видового названия и более широкого родового названия, ср. чеш. *hermelín* и рус. *сыр гермелин* или чеш. *Heinkel Trocken* и рус. *шампанское «Хайнкель троккен»*.

(9) *To bylo jeho speciálností, a vůbec tohoto podniku, že když se někdo u nás ubytoval, tak platil česnečku a oukrop a bramborové placky a sklenici kyselýho mlíka zrovna tak, jako by jedl ústřice a humry a zapíjel je Heinkel Trocken.* [В. Hrabal. Obsluhoval jsem anglického krále] – *В этом была особенность шефа и вообще его отеля: если у нас кто поселялся в номере, то платил за **чесночный суп** и картофельные оладьи с укропом столько же, как если бы ел устрицы и омары и запивал **шампанским «Хайнкель троккен»**.*

(10) *Boris večer zaskočil do Baretu pro dvě pizzy s černými olivami a hermelínet a narazil tam na Toma, který ho kupodivu poznal, přestože se viděli jen jednou v životě, na naší svatbě.* [М. Viewegh. Vybijená] – *Борис вечером заскочил в «Барету» за двумя пиццами с черными маслинами и **сыром гермелином** и столкнулся там с Томом, который, как ни странно, узнал его, хотя виделись они всего раз в жизни, на нашей свадьбе.*

(11) *Старуха-то, я знаю, мастерица присматривать за кухней. – **Сырники** были со сметаной, тетушка. Соус с голубьями, начиненными...* [Н.В. Гоголь. Иван Федорович Шпонька и его тетушка] – „*Stařena,*

to já vím, umí dohlédnouti mistrně na kuchyni.“ – „*Tvarohové koláče* byly se smetanou, tetičko; omáčka s nadívanými holuby...“

(12) *A в перерывчик блаженно усталые мои новые друзья извлекли водочку, у банищика подкупили пивца: по рублю за бутылку, а Виктор Иванович достал кореечку, лучку зеленого и банку с огурцами...* [А.И. Приставкин. Ночевала тучка золотая] – *O přestávce, blaženě unavení, vytáhli mi noví přátelé lahvinku vodky, u lázeňského koupili pivo: láhev po rublu, Viktor Ivanovič vyčaroval ještě uzené žebírko, zelenou cibulku a sklenici okurek...*

Наиболее редкой из используемых трансформаций, по данным параллельных корпусов, оказалась модуляция, или смысловое развитие, – передача единиц оригинала с помощью контекстуальной замены таким образом, что значение единиц языка перевода логически выводится из значения единиц языка оригинала. Такого рода преобразование чаще всего оказывалось востребованным, когда лексема в языке оригинала развивала регулярную или нерегулярную многозначность или образовывала коннотации, передать которые с помощью привычного и более частотного переводного эквивалента оказывалось невозможным, либо лексема в языке перевода, принадлежащая к рассматриваемому лексико-семантическому полю, демонстрировала регулярную или нерегулярную полисемию или образовывала коннотации, иная передача которых была бы затруднительна или менее удачна, ср. рус. *лимон* в значении ‘миллион’ и чеш. *meloun* ‘дыня, арбуз’ с тем же переносным значением или рус. *котлета* и устаревшее чеш. *fašírka* ‘отбивная’ с тем же переносным значением.

(13) *Когда у человека лимон гринов есть, он уже сидит тихо, а если кто про него гундосить начнет, завялят сразу.* [В.О. Пелевин. Чапаев и Пустота] – *Dyž má člověk melouna v greenech, už pěkně potichu, a dyž ho někdo začne prudit, vodpráskne ho bez douhej keců.*

(14) *A to po tolika zaručených pravdách, za které se nechali lidé dokonce upalovat a nadělat ze sebe fašírku.* [J: Otčenášek. Kulhavý Orfej] – *И это после столькох гарантированных истин, за которые люди или даже на костер и позволяли сделать из себя котлету!*

Таким образом, выбор стратегии перевода пищевой лексики определяется различными факторами и во многом зависит от характера лексических единиц языка перевода. На выбор способа передачи лексем данного семантического поля влияют время заимствования, степень освоенности заимствованной лексемы, способность вступать в гипогиперонимические отношения, наличие и распространенность регулярной модели развития полисемии, коннотативные компоненты значений лексем, привычность и активность употребления продукта питания,

отношения с языком-донором, развитость и влиятельность кулинарной традиции носителей языка-донора.

Литература / References

1. Будовичова В. К проблематике сопоставительного изучения лексикологии родственных языков (лексические параллели в словацком, русском и чешском) // Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским языком и другими славянскими языками / Под ред. А.Г. Широковой, В. Грабье. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 252–271.
2. Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
4. Национальный корпус русского языка. 2003–2023. [Электронный ресурс.] URL: ruscorpora.ru. Дата последнего обращения 28.09.2023.
5. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика: Проблемы теории и методики исследования. М.: Восток-Запад, 2006. 206 с.
6. Benko V. *Aranea*: Yet Another Family of (Comparable) Web Corpora // P. Sojka, A. Horák, I. Kopeček and K. Pala (Eds.). Text, Speech and Dialogue. 17th International Conference, TSD 2014, Brno, Czech Republic, September 8–12, 2014. Proceedings. Springer International Publishing Switzerland, 2014. Pp. 257–264.
7. Jakubiček M., Kilgarriff A., Kovář V., Rychlý P., & Suchomel V. The TenTen corpus family // 7th International Corpus Linguistics Conference CL, 2013. Pp. 125–127.
8. Křen M., Cvrček V., Hnátková M., Jelinek T., Koček J., Kovářiková D., Křivan J., Milička J., Petkevič V., Procházka P., Skoumalová H., Šindlerová J., Škrabal M. Korpus SYN, verze 11 ze 14.12.2022. [Электронный ресурс.] URL: <https://www.korpus.cz>. Дата последнего обращения 28.09.2023.
9. Rosen A., Vavřín M., Zásina A.J. Korpus InterCorp, verze 15 z 11.11.2022. [Электронный ресурс.] URL: <http://www.korpus.cz>. Дата последнего обращения 28.09.2023.
10. Machálek T. KonText – aplikace pro práci s jazykovými korpusy. FF UK. [Электронный ресурс.] URL: <http://kontext.korpus.cz>. Дата последнего обращения 28.09.2023.

ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПАССИВНЫХ И ИМПЕРСОНАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ НА МАТЕРИАЛЕ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО КОРПУСА¹

А.Д. Подгорная

DISCOURSE FEATURES OF PASSIVE AND IMPERSONAL CONSTRUCTIONS IN SLAVIC:
A PARALLEL CORPUS STUDY

A.D. Podgornaia

ABSTRACT:

The article presents a comparison of agentless participle passive and impersonal constructions based on the translations of M. A. Bulgakov's novel "Master and Margarita" from Russian into Polish, Czech, Bulgarian, Serbian, and German. I discuss stylistic and semantic effects of the use of passive voice and test a hypothesis that the distribution of the constructions in question in the parallel corpus can be attributed to them denoting different situation types linked to the topicality of the patient. The distinction has been proved relevant for German and Polish, where the participial passive denotes a situation in which the patient is topical, whereas other languages do not show a significant correlation between situation types and the choice of constructions.

Keywords: impersonal; parallel corpus; passive; Slavic languages

АННОТАЦИЯ:

В статье представлено сравнение причастного пассива без выраженного агенса и имперсональных конструкций на материале переводов романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» с русского на польский, чешский, болгарский, сербский и немецкий. Обсуждаются стилистические и семантические эффекты употребления пассива, а также проверяется гипотеза о зависимости выбора конструкции от дискурсивной важности участника с ролью пациенса. Различие оказывается значимым для немецкого и польского, где причастный пассив предполагает перенос внимания на пациенса, в то время как остальные языки не демонстрируют выраженной корреляции выбора средства с типом ситуации.

Ключевые слова: параллельный корпус; пассив; имперсонал; славянские языки

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00260, <https://rscf.ru/project/23-18-00260/>

1. Введение

Пассив как одна из залоговых граммем является предметом обсуждения в рамках различных подходов. По [Shibatani 1985], выбор пассивной формы мотивирован понижением участника с ролью агенса (*agent defocusing*) в коммуникативном ранге, что в языках с «синтаксическим» залогом проявляется в смене синтаксических ролей участников, при которой агентивный участник может быть выражен только в нехарактерной для него позиции сирконстанта. Сходный прагматический эффект имеют субъектные имперсональные конструкции, которые можно считать граммемами интерпретирующей актантажной деривации [Плунгян 2011: 213], среди которых наиболее типологически часты такие, в которых агенс однозначно понимается как человек или группа лиц, референция которых устанавливается только по контексту («косвенная» референция [Падучева 2012: 35]).

Синонимия пассивных и имперсональных средств отмечается во многих славянских языках, например, в [Пипер и др. 2005: 601; Никитина 2011; Иванова, Градинарова 2015: 437] и др., притом сходные по структуре конструкции в том числе в близкородственных языках могут иметь различный функциональный потенциал [Sansò 2003, 2006; Siewierska 2011; Gast, van der Auwera 2013]. Как для внутриязыкового, так и для межъязыкового сопоставления употребления данных конструкций обширный материал представляет параллельный корпус, ср. использование переводных текстов в [Sansò 2006; Иванова, Градинарова 2015; Лунд 2016] и др.

В статье мы обсудим конкуренцию причастного пассива и имперсональных конструкций с глаголом в форме (3-го лица) множ. числа, а также с формой на *-no/to* в польском в ряде славянских языков на материале корпуса переводов романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» с русского на польский, чешский, болгарский и сербский. Для сравнения будут привлечены соответствующие конструкции в немецком переводе. В разделе 2 представлен краткий обзор исследований пассивных и имперсональных форм, в разделе 3 описываются данные параллельного корпуса и возможные факторы, влияющие на выбор одной из конструкций. Раздел 4 содержит краткие выводы.

2. Пассивы и имперсоналы в типологии и славянских языках

Исследования, посвященные мотивации выбора пассива, в основном рассматривают свойства пассивной конструкции с «агентивным дополнением», т.е. выраженным в периферийной синтаксической позиции агенсом, в сравнении с активной конструкцией [Givón (ed.) 1983; Tomlin 1995], в т.ч. для русского, чешского и болгарского [Bonch-

Osmolovskaya, Nesterenko 2019; Нестеренко 2022], однако во многих языках фиксируется значительно бóльшая частотность безагенсных пассивов [Siewierska, Bakker 2012: 160–161]. Условия употребления конструкций с выраженным агенсом и без него могут быть различны. Так, в английском пассив первого типа коррелирует с переносом фокуса внимания на пациентивного участника [Tomlin 1995; Thompson 1987], в то время как пассив без выраженного агенса употребляется при неизвестности, несущественности данного участника или нежелании говорящего его называть, т.е. является основным средством имперсонализации при ограниченности имперсональных употреблений местоимения *they* [Thompson 1987: 499–501; Шелякин 1991: 76; Лунд 2016 и др.]. Данная функция свойственна безагенсным пассивам во многих языках, что обеспечивает их конкуренцию с другими имперсональными средствами [Siewierska 2011: 57].

В славянских языках представлен большой и разнообразный набор пассивных и имперсональных конструкций, см. обзор в [Плунгян, Подгорная 2023]. Общим для всех языков группы является причастный пассив, состоящий из краткого страдательного причастия прошедшего времени и вспомогательного глагола ‘быть’. Такие формы, образованные от глаголов совершенного вида, часто являются омонимичными результативным (выражающим состояние какой-либо сущности, возникшее в результате предшествующего события [Недялков, Яхонтов 1983: 7]), однако, например, в польском выражение пассива (с глаголом *zostać* ‘стать, остаться’) и результата (с глаголом *być* ‘быть’) не совмещено [Siewierska 1988: 248–251], ср. такое же распределение в немецком (с глаголами *werden* ‘стать’ и *sein* ‘быть’). Формы причастного пассива от глаголов несовершенного вида маргинальны по крайней мере в русском, для многих славянских также отмечается ограниченность их употребления [Siewierska 1988: 248].

В качестве средства, синонимичного в славянских языках причастному пассиву, указывается неопределенно-личная конструкция с глаголом в форме (3-го л.) множ. ч. (далее ЗРЛ), при которой не допускается выражение подлежащего [Пипер и др. 2005: 601; Никитина 2011; Иванова, Градинарова 2015: 437] и др., ср.:

(1) а. *За ночь афиши заклеили новыми.*

б. *За ночь афиши были заклеены новыми.*

Соотношение безагенсного пассива и ЗРЛ описывается по-разному: например, в [Храковский 1974; Падучева 2012] обе конструкции признаются производными от активной двусоставной клаузы с выраженным агенсом, в то время как в [Плунгян 2011: 262–263] предлагается считать ЗРЛ исходной для безагенсного пассива. В качестве контраргумента второй позиции в [Падучева 2012: 30]

приводится больший референциальный потенциал опущенного агенса в пассивах: он может быть не только человеком-непокутником, что требуется в ЗРЛ, но и неодушевленной силой или участником речевого акта. Кроме того, во многих славянских ЗРЛ, по крайней мере кроме русского, допускающего ее употребление при единственном неопределенном агенсе, обозначает, что за событие ответственна часть определенной группы агентов [Berger 1991: 80]. Именно при описании действий ситуационно заданной или текстово определенной группы имперсонализированных агентов наблюдается как внутри-, так и межъязыковая конкуренция пассива и ЗРЛ [Плунгян, Подгорная 2023: 10–11], что определяет возможность устанавливать отношения производности и синонимии в данном типе контекстов. В немецком соответствующими средствами оказываются причастный пассив и конструкция с имперсональным элементом *man* [Gast, van der Auwera 2013: 155].

Конкурентом и переводным эквивалентом ЗРЛ в некоторых славянских языках также является специализированная имперсональная форма на *-no/to*, наиболее продуктивная в польском [Prenner, Bunčić 2021], ср. (2). Ее употребление ограничено прошедшим временем и условным наклонением. Она образуется в том числе от непереходных глаголов, а при переходных сохраняет маркирование пациентивного аргумента, в отличие от причастного пассива.

(2) ПОЛЬСКИЙ

— *Przysłano nam jesiotra drugiej świeżości — oznajmил bufetowy.*

(здесь и далее пер. И. Левандовской, В. Домбровского, 1969)

‘— Осетрину прислали второй свежести, — сообщил буфетчик.’

(М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита)

Прототипические условия конкуренции данных конструкций задают контексты с переходными глаголами совершенного вида, описывающие эпизодические события в прошедшем времени. Возможные причины предпочтения одного из средств будут рассмотрены в следующем разделе на материале параллельного корпуса.

3. Конкуренция причастных и имперсональных конструкций на материале параллельного корпуса

3.1. Данные

Материалом для анализа послужили переводы романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» с русского на польский, чешский, болгарский, сербский и немецкий языки. Из текста было извлечено 102 контекста, в которых во всех языках использована какая-либо из рассматриваемых конструкций (безагенса пассив, ЗРЛ,

имперсонал с формой на *-no/to* в польском и *man* в немецком²), включающая переходный глагол в прошедшем времени и описывающая действия различных текстово или ситуационно определенных групп, в том числе представителей различных государственных организаций.

Распределение конструкций в выборке представлено в Таблице 1. Преобладание ЗРЛ над пассивом демонстрируют русский, чешский и болгарский. В сербском переводе контекстов, маркированных пассивом, больше. Меньше всего вхождений ЗРЛ в польском тексте, что ожидаемо за счет употребительности формы на *-no/to*. В немецком пассивы представлены в большем количестве контекстов, чем конструкция с *man*.

Таблица 1. Распределение конструкций в выборке

	русский	польский	чешский	болгарский	сербский	немецкий
ЗРЛ	57 (56%)	12 (12%)	66 (65%)	63 (62%)	46 (45%)	–
пассив	45 (44%)	27 (26%)	36 (35%)	39 (38%)	56 (55%)	72 (71%)
<i>man</i>	–	–	–	–	–	30 (29%)
<i>-no/to</i>	–	63 (62%)	–	–	–	–

Таким образом, переводы не сохраняют конструкции оригинала полностью и во многих контекстах делают выбор в пользу конкурирующей конструкции. Случаи регулярного сохранения и замены будут обсуждены в следующих подразделах: в 3.2 рассматривается стилистическая окраска форм, в 3.3 — возможность мотивировать выбор конструкции центральностью пациенса в дискурсе, в 3.4. — наличием дополнительных семантических эффектов ее употребления.

3.2. Стилистические факторы

Пассив в славянских языках считается принадлежностью официальной речи, в то время как ЗРЛ в языках выборки нейтральна, см. обсуждение в [Никитина 2011] для русского, [Daneš et al. 1987: 241] для чешского, [Иванова, Градинарова 2015: 435–436] для болгарского и др., за исключением польского, в котором нейтральной является скорее форма на *-no/to*, а ЗРЛ тяготеет к разговорному стилю [Prenner, Bunčić 2021: 212–213].

Для выбранного текста дополнительная стилистическая ограниченность синонимичных отношений актуальна, так как подражание бюрократическим клише того времени является часто

² Результативные контексты, в которых в польском и немецком переводах использовалась форма со вспомогательным глаголом ‘быть’, исключались.

отмечаемой особенностью романа [Кожевникова 1998], ср. косвенную речь, содержащую соответствующие штампы:

- (3) *Комиссия объявила Никанору Ивановичу, что рукописи покойного **ею будут взяты** для разборки, что жилплощадь покойного <...> **переходит в распоряжение** жилтоварищества, а вещи покойного **подлежат хранению** на указанной жилплощади <...>.*

Пассивные формы хорошо сохраняются в переводах таких контекстов, например, в контексте (4), описывающем события в заключительной главе, включающей элементы милицейского протокола, пассив употреблен в четырех переводах, кроме польского, использующего форму на *-no/to*.

- (4) ПОЛЬСКИЙ

*Piętnaście, <...> kotów, **dostarczono** do komisariatów milicji w różnych miastach.*

ЧЕШСКИЙ

*Asi patnáct dalších, <...> **bylo předvedeno** na milici v různých městech.* (здесь и далее пер. А. Моравковой, 1969)

‘Десятка полтора котов, <...> **были доставлены** в отделения милиции в разных городах.’

Во многих случаях, однако, мотивация употребления пассива не исчерпывается его стилистической окраской. Так, в романе часты случаи чередования ЗРЛ и пассива, ср. отмеченный в [Тестелец 2001: 418] фрагмент, представляющий рассуждения героя о действиях неизвестного ему агенса.

- (5) *Если бы его **убили** вдалеке от города, этот пакет с деньгами **не мог бы быть подброшен** так скоро. Он **убит** вблизи города. Его **сумели выманить** за город.*

3.3. Дискурсивная важность пациентивного участника

В рамках прагматического подхода к залогу, развитого в [Givón (ed.) 1983; 1994], выбор залоговой граммеы связывается с относительной топикальностью участников, то есть их дискурсивной важностью, косвенно проявляющейся в количестве упоминаний в ближайшем контексте.

За счет понижения агенса пассивные и имперсональные конструкции могут кодировать два типа ситуации [Sansò 2003; 2006]: перенос внимания на топикального пациенса (*patient-oriented process*) или простое событие, если ни один из участников дискурсивно не выделен (*bare happening*). Пассив в языках мира скорее описывает первый тип, однако может расширяться и на контексты простого события. В то же время случаи переноса внимания, как отмечается в [Siewierska 2011: 82–83], в русском часто маркируются не пассивом, а ЗРЛ.

Для проверки зависимости выбора конструкции от типа ситуации мы разметили все контексты следующим образом: пациенс считался

топикальным, если он упоминался в любой позиции более одного раза в 10 клаузах до и после рассматриваемой клаузы (65 контекстов), остальные случаи были отнесены к простому событию (37 контекстов).

Результаты проверки нулевой гипотезы о независимости выбора конструкции с помощью критерия χ^2 для русского, чешского, болгарского и сербского приведены в Таблице 2. При принятии уровня значимости $\alpha=0.1$ разница ни для одного из языков не оказывается значимой. В русском, чешском и болгарском ЗРЛ маркирует как большинство контекстов переноса внимания на пациенса, так и простое событие, в то время как в сербском в обоих типах преобладают употребления пассива.

Таблица 2. Распределение конструкций по типам ситуации

		русский $\chi^2(1,$ N=102)=7.9, p=0.9	чешский $\chi^2(1,$ N=102)=1.6, p=0.2	болгарский $\chi^2(1,$ N=102)=0.6, p=0.4	сербский $\chi^2(1,$ N=102)=0.08, p=0.8
топикальный пациенс (65 к.)	ЗРЛ	36 (55%)	45 (69%)	42 (65%)	30 (46%)
	пассив	29 (45%)	20 (31%)	23 (35%)	35 (54%)
простое событие (37 к.)	ЗРЛ	21 (57%)	21 (57%)	21 (57%)	16 (43%)
	пассив	16 (43%)	16 (43%)	16 (43%)	21 (57%)

Распределение между типами ситуации демонстрируют конструкции в польском и немецком. Так, в польском, как и в немецком, причастный пассив лучше всего представлен в контекстах переноса внимания на пациенса (23 к 4), в то время как форма на *-no/to* маркирует простое событие, что подтверждает выводы [Sansò 2006: 255], также полученные на материале параллельного корпуса, хотя она употребительна и при топикальных пациенсах, см. Таблицу 3.

Таблица 3. Распределение конструкций в польском и немецком

		польский $\chi^2(2,$ N=102)=7.35, p=0.025			немецкий $\chi^2(1,$ N=102)=3.5, p=0.063
топикальный пациенс (65 к.)	ЗРЛ	7 (11%)	топикальный пациенс (65 к.)	<i>tan</i>	15 (23%)
	пассив	23 (35%)		пассив	50 (77%)
	<i>-no/to</i>	35 (54%)	простое событие (37 к.)	<i>tan</i>	15 (41%)
ЗРЛ	5 (13%)	пассив		22 (59%)	
простое событие (37 к.)	пассив	4 (11%)			
	<i>-no/to</i>	28 (76%)			

Пример замены оригинальной конструкции на пассив, переносящий внимание на пациенса, в польском и немецком представлен в (6), где в качестве пациентивного участника выступает персонаж, являющийся в данном отрывке протагонистом.

(6) ПОЛЬСКИЙ

I Wasilij Stiepanowicz natychmiast został aresztowany.

НЕМЕЦКИЙ

Wassili Stepanowitsch wurde verhaftet. (здесь и далее пер. Т. Решке, 1968)

‘{“Вот он, один из этих шукарей из Варьете”, — послышался грозный голос над онемевшим бухгалтером.} И тут же Василия Степановича арестовали.’

В другом контексте упоминание данного участника не поддерживается ближайшим контекстом и содержится в простом перечислении событий, что маркируется в польском формой на *-no/to* при отличных конструкциях в оригинале.

(7) ПОЛЬСКИЙ

kiedy przepędzono i wysłano z powrotem do Kijowa wujaszka Berliozą, kiedy aresztowano księgowego

‘{В тот самый день, <...>} когда **был изгнан** обратно в Киев **дядя Берлиоза**, когда **арестовали бухгалтера** {и произошло еще множество других глупейших и непонятных вещей, <...>}.’

Похожее распределение конструкций в русском, чешском и болгарском и вывод о незначимости топикальности пациенса в распределении пассива и ЗРЛ может скрывать сильный эффект перевода, однако отметим, что данный фактор не помогает предсказать и появление пассива с агентивным дополнением в этих языках [Bonch-Osmolovskaya, Nesterenko 2019; Нестеренко 2022]³. Кроме того, экспериментальное исследование, описанное в [Myachukov, Tomlin 2008], показывает, что в отличие от английского [Tomlin 1995], в русском при фокусировании внимания на пациенсе скорее используется маркированный порядок слов, чем пассив.

3.4. Акцент на результате

Омонимия причастного пассива с глаголом ‘быть’, имеющего динамическую интерпретацию, с результативом, описывающим состояние, может приводить к предпочтению активной конструкции в контекстах, в которых статальная интерпретация является

³ Нужно заметить, что в приведенных работах «агентивное дополнение» понимается довольно широко, из-за чего включаются и результативные контексты.

нежелательной, см. обсуждение в [Cornelis 1997: 50–51; Золотова и др. 1998: 336–338; Лунд 2016: 218].

Интересно отметить, что пассив избегается в нарративных цепочках даже в тех рассмотренных языках, которые отличают его выражение от результата. Так, даже при топикальном пациенте в польском и немецком употребляются активные имперсональные конструкции (форма на *-no/to* и *man* соответственно), ср. (8), вероятно, для поддержания динамизма повествования.

(8) ПОЛЬСКИЙ

Wyprowadzono go, umieszczono w osobnym pokoju,

НЕМЕЦКИЙ

Man führte ihn ab und sperrte ihn in eine Einzelzelle,

‘{Стало совершенно ясно, что Никанор Иванович ни к каким разговорам не пригоден.} Его вывели, поместили в отдельной комнате, {где он несколько поутих и только молился и всхлипывал.}’

Пассив плохо встраивается в основную линию, однако может обрамлять ее, ср. наблюдение о том, что пассив в основном маркирует фоновые клаузы в [Horreg, Thompson 1980: 293]. В начале сцены он может задавать положение дел, как, например, в (9), а в конце, наоборот, ее подытоживать, маркируя завершающее событие, как, в (10) (=6)), в котором ЗРЛ в русском заменяется на пассив в не только в польском и немецком, но и в болгарском и сербском.

(9) <...> *С тем и уехали с Садовой, причем с уехавшими отбыл растерянный и подавленный секретарь домоуправления Прележнев.*

Вечером Никанор Иванович был доставлен в клинику Стравинского. Там он повел себя настолько беспокойно, <...>.

(10) БОЛГАРСКИЙ

И Василий Степанович беше незабавно арестуван. (пер. Т. Баловой, 2012)

СЕРБСКИЙ

I Vasilije Stepanovič bi istoga časa uhapšen. (пер. М. Чолича, 1973)

‘{“Вот он, один из этих шукарей из Варьете,” — послышался грозный голос над онемевшим бухгалтером.} И тут же Василия Степановича **арестовали.**’

Акцент на результате, присущий пассиву, по-видимому, позволяет использовать его для подчеркивания быстрого достижения результата. Отметим, что сочетаемость с обстоятельствами времени в (11)–(13) исключает результативное прочтение. Пример (13) интересен тем, что

выбор в пользу пассива при 3PL в оригинале делают почти все переводчики.

- (11) *В одну секунду была открыта парадная дверь в квартиру N 50,*
<...>.
- (12) <...> и *с удивительной быстротой были присланы как пешие,*
так и конные наряды, <...>.
- (13) ЧЕШСКИЙ
pohřešovaný Rimský byl vypátrán s obdivuhodnou rychlostí.
БОЛГАРСКИЙ
Изченалият Римски бе открит неимоверно бързо.
СЕРБСКИЙ
Nestali Rimski pronaden je odista fantastičnom brzinom.
НЕМЕЦКИЙ
Der verschwundene Rimski wurde überraschend schnell
aufgefunden.
{Надо отдать справедливость тому, кто возглавлял следствие.}
Пропавшего Римского **разыскали с изумляющей быстротой.**}

4. Заключение

Таким образом, мы рассмотрели конкуренцию причастного пассива и имперсональных конструкций (с глаголом в форме (3 л.) множ. ч., в польском также форма на *-no/to*) в эпизодических контекстах с текстово определенным или ситуационно заданным агенсом в ряде славянских языков (русском, польском, чешском, болгарском, сербском), а также немецком, на материале параллельного корпуса. Помимо использования пассива как стилистического средства, мы обсудили зависимость выбора конструкции от центральности пациенса в дискурсе и наличие дополнительных семантических эффектов употребления пассива. Топикальность пациентивного участника наиболее важна для употребления пассива в польском и немецком. Пассивные формы во всех рассмотренных языках передают акцент на результате, не встраиваясь в нарративную цепочку, при этом они используются для обрамления эпизодов или подчеркивания быстроты достижения результата, в то время как имперсональные конструкции кодируют события основной линии, поддерживая динамизм повествования. Приведенные выводы являются предварительными и требуют проверки на большем количестве текстов с оригиналами на различных языках, более чувствительного учета протагонизма и разметки структуры дискурса.

Литература / References

1. Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Под общ. ред. Г.А. Золотовой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 544 с.

2. *Иванова Е.Ю., Градинарова А.А.* Синтаксическая система болгарского языка на фоне русского. М.: Языки славянской культуры, 2015. 632 с.
3. *Кожевникова Н.А.* Язык советского общества в изображении М.А. Булгакова // Лики языка. К 45-летию научной деятельности Е.А. Земской / Под ред. М.Я. Гловинской. М.: Наследие, 1998. С. 162–173.
4. *Лунд К.Х.* Русские конструкции с неспецифицированным субъектом действия в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и их соответствия в английском и датском языках // Синхрония, диахрония, текстология. Сборник научных статей и переводов к юбилею Е.М. Чекалиной / Под ред. Э.Б. Крыловой, Т.А. Михайловой, Е.Р. Сквайрс, Е.Л. Жильцовой, И.В. Матышиной. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 214–223.
5. *Недялков В.П., Яхонтов С.Е.* Типология результативных конструкций // Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект) / Под ред. В.П. Недялкова. Л.: Наука, 1983. С. 5–40.
6. *Нестеренко Л.В.* Функции пассива с агентивным дополнением: квантитативный анализ на материале мультиязычного датасета европейских языков. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: НИУ ВШЭ, 2022.
7. *Никитина Е.Н.* Неопределённо-личные предложения // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М. 2011.
8. *Падуцева Е.В.* Неопределённо-личное предложение и его подразумеваемый субъект // Вопросы языкознания, 2012. №1. С. 27–41.
9. *Пипер П., Антонић И., Ружић В., Танасић С., Поповић Љ., Тошовић Б.* Синтакса савременог српског језика. Проста реченица / У ред. М. Ивић. Београд: Институт за српски језик САНУ, Београдска књига, Матица српска, 2005. 1165 с.
10. *Плунгян В.А.* Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд-во РГГУ, 2011. 672 с.
11. *Плунгян В.А., Подгорная А.Д.* Корпусное исследование конкуренции конструкций с функцией «понижения агенса» в славянских языках // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungarica, 2022. Т. 67. № 1-2. С.115-131.
12. *Тестелец Я.Г.* Введение в общий синтаксис. М.: Изд-во РГГУ, 2001. 798 с.
13. *Храковский В.С.* Пассивные конструкции // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залог / Под ред. А.А. Холодовича. Л.: Наука, 1974. С. 5–45.
14. *Шелякин М.А.* О семантике неопределённо-личных предложений // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / Под ред. А.В. Бондарко. СПб.: Наука, 1991. С. 62–72.
15. *Berger Tilman.* Zum denotativen Status „unbestimmt-persönlicher“ Konstruktionen im Tschechischen // Words are Physicians for an Ailing Mind. Ὁρθῆς νοσοῦσης εἰς τὰ τοῦ λόγου / Maciej Grochowski, Daniel Weiss (eds.) München: Verlag Otto Sagner, 1991. P. 71–81.
16. *Bonch-Osmolovskaya A.A., Nesterenko L.V.* Multilingual parallel corpora as a source for quantitative cross-linguistic grammar research (the case of voice constructions) // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2019”. Moscow, May 29 – June 1, 2019.
17. *Daneš František, Hlavsa Zdeněk, Grepl Miroslav.* Mluvnice češtiny. D. 3. Skladba. Praha: Academia, 1987. 748 s.
18. *Cornelis L. H.* Passive and perspective. Amsterdam: Rodopi, 1997. 295 p.
19. *Hopper Paul J., Thompson Sandra A.* Transitivity in Grammar and Discourse // Language, 1980. № 56(2). P. 251–299.
20. *Gast Volker, van der Auwera Johan.* Towards a distributional typology of human impersonal pronouns, based on data from European languages // Languages Across Boundaries. Studies in Memory of Anna Siewierska / Dik Bakker, Martin Haspelmath (eds.) Berlin: Walter de Gruyter, 2013. P. 119–158.

21. *Givón Talmy* (ed.). Topic continuity in discourse: A quantitative cross-language study. Amsterdam: John Benjamins, 1983. 492 p.
22. *Givón Talmy* (ed.). Voice and inversion. Amsterdam: John Benjamins, 1994. 402 p.
23. *Myachykov Andriy, Tomlin Russell S.* Perceptual priming and structural choice in Russian sentence production // *Journal of Cognitive Science*, 2008. № 9. P. 31–48.
24. *Prenner Maria K., Bunčić Daniel.* The competition of arb constructions in Polish // *Journal of Slavic linguistics*, 2021. №29. P. 201–220.
25. *Sansò Andrea.* The network of demotion: Towards a unified account of passive constructions // *Meaning Through Language Contrast 1* / Katarzyna M. Jaszczolt, Ken Turner (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2003. P. 245–259.
26. *Sansò Andrea.* ‘Agent defocusing’ revisited. Passive and impersonal constructions in some European languages // *Passivization and Typology. Form and Function* / Werner Abraham, Larisa Leisiö (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2006. P. 232–273.
27. *Shibatani Masayoshi.* Passives and related constructions. A prototype analysis // *Language*, 1985. № 61. P. 821–848.
28. *Siewierska Anna.* The passive in Slavic // *Passive and Voice* / Shibatani Masayoshi (ed.) Amsterdam: John Benjamins, 1988. P. 243–289.
29. *Siewierska Anna.* Overlap and complementarity in reference impersonals. Man-constructions vs. third person plural-impersonals in the languages of Europe // *Impersonal Constructions. A Cross-Linguistic Perspective* / Malchukov Andrej, Siewierska Anna (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2011. P. 57–90.
30. *Siewierska Anna, Bakker Dik.* Passive agents: prototypical vs. canonical passives // *Canonical Morphology and Syntax* / Dunstan Brown (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 151–189.
31. *Thompson Sandra A.* The Passive in English: A Discourse Perspective // *In honor of Ilse Lehiste* (Netherlands Phonetic Archives. Vol. 6) / Robert Channon, Linda Shockey (eds.). Berlin: De Gruyter, 1987. P. 497–511.
32. *Tomlin Russell S.* Focal attention, voice, and word order: an experimental, cross-linguistic study // *Word Order in Discourse* / Pamela A. Downing, Michael Noonan (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1995. P. 517–554.

**К ВОПРОСУ О СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ
СОВРЕМЕННЫХ МУЧЕНИЧЕСКИХ ЖИТИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ «ЖИТИЙ НОВОМУЧЕНИКОВ
И ИСПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКИХ XX ВЕКА
МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ»)**

Е.В. Суровцева

ON THE QUESTION OF STYLISTIC FEATURES OF MODERN MARTYR'S LIVES (BASED ON THE MATERIAL OF THE «LIVES OF THE NEW MARTYRS AND CONFESSORS OF THE RUSSIAN XX CENTURY OF THE MOSCOW DIOCESE»)

E.V. Surovtseva

ABSTRACT:

This article presents preliminary considerations on the stylistic features of modern martyr's lives, based on the material of the 8-volume edition of the Lives of the New Martyrs and Confessors of the Russian XX century of the Moscow Diocese. In these texts, the sources used are abundantly quoted (official resolutions, interrogation protocols, letters, etc.). The style of the original text is religious-ecclesiastical; the styles of quotations are official-business, colloquial, also religious-ecclesiastical. Thus, modern martyr's lives are a complex stylistic fusion.

Keywords: life of saints, life of the New Martyrs and confessors, style, quotations, stylistic diversity

АННОТАЦИЯ:

В данной статье изложены предварительные соображения о стилистических особенностях современных мученических житий, основанные на материале 8-томного издания «Житий новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии». В этих текстах обильно цитируются используемые источники (официальные постановления, протоколы допросов, письма и пр.). Стиль оригинального текста – религиозно-церковный; стили цитат – официально-деловой, разговорный, также религиозно-церковный. Таким образом, современные мученические жития представляют собой сложный стилиевой сплав.

Ключевые слова: житие, житие новомучеников и исповедников, стиль, цитаты, стилиевое разнообразие

Изучение современной русской агиографии является одной из насущных проблем современного литературоведения. Жанр жития – особенно жития мученического – переживает сейчас второе рождение, причиной которого послужили трагические события нашей истории XX века.

В настоящий момент автором данной статьи ведётся работа по созданию корпуса житий новомучеников и исповедников Московской

епархии (подробнее см. в [Суровцева 2018]). Эти тексты вышли отдельным 8-томным изданием [Жития...].

Текст житий представляет собой сплав оригинального авторского текста и большого количества цитат, причём цитаты могут составлять бо́льшую часть текста. Например, в житии священномученика Романа Медведя оригинальный текст составляет около 38 процентов [Суровцева 2019].

Оригинальный текст написан церковно-религиозным стилем. По определению А.И. Изотова, церковно-религиозный стиль – «особ[ый] “функциональн[ый] язык”», используем[ый] клириками и мирянами Русской православной церкви в сфере религиозной коммуникации. Яркой особенностью данного стиля является инкорпорированность в него элементов церковнославянского языка как агиолекта, причём степень этой инкорпорированности в некоторых его подстилях (например, в литургическом или молитвенном) может достигать до 100%, что выглядит как полное вытеснение русского языка языком церковнославянским (речь идет не только о лексике и графике, но также о морфологии и синтаксисе)» [Изотов 2018: 83]. Принимая это определение, отметим, что в оригинальном тексте церковнославянизмы не употребляются, ему присуща религиозная лексика, обозначающая богословские понятия Православия, реалии церковной жизни, названия православных праздников, прецедентных имён из Священного Писания, богослужебных текстов, обрядов, богослужебной утвари и многое другое. В качестве образца процитируем житие священномученика Николая Красовского (день памяти – 31 января; все даты приводятся по новому стилю): «Священномученик Николай родился 7 мая 1876 года в селе Воинова Гора Московской губернии в семье священника Константина Красовского и его супруги Надежды, дочери священника Симеона Малинина, предки которого более столетия служили священниками в этом храме. Николай Константинович окончил Владимирскую Духовную семинарию и до 1914 года был учителем в Городищевской школе при станции Усад, в нескольких километрах от родного села. <...> В 1924 году Николай Константинович был рукоположен в сан диакона к Успенскому храму в селе Воинова Гора. Священником в храме служил его брат, протоиерей Александр Красовский. В 1931 году он тяжело заболел и вскоре скончался. Этим воспользовались обновленцы. Православный архиерей назначил священником в храм отца Николая Пospelова, но власти по совету обновленца отказали ему в регистрации, и обновленцы захватили храм».

Учитывая высокий процент цитат, необходимо учитывать и их стилистические особенности. В житиях цитируются официальные постановления, протоколы допросов, письма, проповеди, речи.

Официальным документам и протоколам присущ официально-деловой стиль. В качестве примера приведём выдержки из допроса священномученика Иоанна Покровского (день памяти – 26 февраля): «Следствие располагает материалами о том, что вы среди населения высказывали враждебность к советской власти. ... Привожу вам выдержки из показаний свидетелей о вашей контрреволюционной антисоветской деятельности. <...> Следствием установлено, что вы группировали вокруг себя бродячих церковников и монашек Малинского и других районов».

Письма отличает разговорный стиль. Значительную часть текста письма составляют, например, в житии священномученика Василия Соколова (день памяти – 26 мая) приводятся десять объёмных писем мученика из тюрьмы; в житии священноисповедника Романа Медведа (день памяти – 8 сентября) даются тридцать восемь писем отца Романа из северного концлагеря. Разговорный стиль присущ и цитируемым воспоминаниям – в первую очередь тем отрывкам, в которых приводятся диалоги. В качестве примера приведём разговор священномученика Василия Соколова с женой во время его болезни:

«– Господи, да что же это будет с нами, – в отчаянии говорила матушка отцу Василию. – Хоть бы маленько пожалел ты меня и детей. Смотри-ка, ведь мы, как мухи осенние, бродим по дому.

– Что же я поделаю, – отвечал батюшка. – Видно, того стоим, того заслужили, чтобы страдать. Может, и умереть придется, не скрою: мне очень трудно.

– Зачем же ты думаешь о смерти? Ты думай о жизни, – попробовала вдохновить матушка мужа. – Кто же растить, кормить детей будет? Что я одна с ними поделаю!

– А ты погоди ещё сокрушаться раньше времени. Вот умру, так наплачешься, нагорюешься. Кому-нибудь да надо начало делать, не стоворишься умереть в один час. А жить-то как без меня? Проживёшь, Бог даст: станешь просвирней здесь, ну и прокормишься.

– Бог с тобой, что ты это говоришь».

Проповеди и речи написаны церковно-религиозным стилем. В житии Арсения Троицкого (день памяти – 17 ноября) цитируется проповедь, произнесённая им 30 января 1903 года в день празднования памяти великих святителей и учителей вселенских Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого в храме Трёх святителей в Твери: «Для чего же мы совершаем это воспоминание? Если скажем,

что для того, чтобы прославить и возвеличить имя их, то они уже прославлены и возвеличены не только на земле, но и на небе, не только от человек, но и от Бога, ибо они уже не странны и пришелцы, но сожителе святым и приснии Богу (Еф. 2, 19). К чему же тогда настоящее торжество в память их? Ответим на это словами апостола Павла: да взирающие на скончание жителства, подражаем вере их (Евр. 13, 7), то есть чтобы мы, чтущие память их, поучались примером их добродетельной жизни, подражали вере их, благодаря которой они содеяли правду, получили обетования, стяжали себе неувядаемые венцы жизни вечной». В житии преподобномученика Иллариона Троицкого (день памяти – 28 декабря) приводится речь Иллариона, произнесённая им при наречении его во епископа (24 мая 1920 года) и обращённая к Патриарху Тихону и присутствовавшим здесь архиереям: «Когда до основания разрывают старый мир, чтобы лишь на развалинах его строить новый фантастический мир, когда очень многое из дел человеческих оказалось построенным на зыбучем песке, когда падоша сильнии (2 Цар. 1, 25, 27) многие, твердое основание Божие (2 Тим. 2, 19) – Церковь Божия стоит непоколебимо, лишь украшенная, яко багряницею и виссом, кровьями новых мучеников. ... Буди имя Господне благословенно и за то, что не имел я изнеженного воспитания в детстве своем, вырастая среди лугов, полей и лесов моей родины в любезной простоте трудового быта, почему если и стыжуся просити, то копати могу (Лк. 16, 3), и требованию моему могут послужить мне руки мои сии (Деян. 20, 34). <...> Благо мне, яко смирил мя еси, Господи, яко да научуся оправданием Твоим (Пс. 118, 71), ибо горд я был и скор на гнев судити чужд ему рабу (Рим. 14, 4), и Господь, Который вся ходящая в гордости может смирити (Дан. 4, 34), вразумил меня грешных людей понимать, грешным людям сострадать, грешных людей прощать». В приводимых цитатах мы видим большое количество цитат из Священного Писания (и из Ветхого, и из Нового Заветов) на церковнославянском языке (ссылки на библейские тексты являются особенностью письменного текста, при произнесении которого они опускаются).

Таким образом, можно говорить о том, что современные мученические жития представляют собой сложный стилевой сплав.

Литература / References

1. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской Епархии. В 8 томах. Тверь: Булат, 2002–2005.
 2. Изотов А.И. К вопросу о церковно-религиозном функциональном стиле современного русского языка // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Выпуск 60. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 77–85.
 3. *Суровцева Е.В.* Жанр жития новомучеников и исповедников в современной русской
- 210

- литературе: на материале двух вариантов жития священномученика Романа Медведя // Гуманитарный трактат. 2019. № 45. С. 7–13.
4. *Суровцева Е.В.* Корпус житий новомучеников и исповедников (на материале «Житий новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии»): Состав и подготовка текстов, лексические особенности // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Выпуск 60. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 226–234.

РАЗЛИЧИЕ ПОНЯТИЙ БОГЕМИЗМ И КОНТАКТНЫЙ ВАРИАНТ СЛОВА В СЛОВАЦКОМ ЯЗЫКЕ

Ю.П. Уварова

THE DIFFERENCE BETWEEN THE CONCEPTS OF BOHEMISM AND THE CONTACT VARIANT OF WORDS IN THE SLOVAK LANGUAGE

Yuliya P. Uvarova

ABSTRACT:

In Slovak linguistics, the term "contact variant of the word" is quite widely used, correlating with the concept of "Bohemism" (Czech loanword), but not coinciding with it. In order to establish the differences between these concepts, it is necessary to turn to the history of the formation of the Slovak literary language.

Keywords: contactology; language contact; contact variant; Bohemism; Czech language; Slovak language

АННОТАЦИЯ:

В словацкой лингвистике довольно широко употребляется термин «контактный вариант слова», коррелирующий с понятием «богемизм» (заимствование из чешского языка), но не совпадающий с ним. Для того чтобы установить различия между этими понятиями, необходимо обратиться к истории формирования словацкого литературного языка.

Ключевые слова: контактология; языковой контакт; контактный вариант; богемизм; чешский язык; словацкий язык

В современной лингвистике активно развивается контактология или контактная лингвистика, в том числе на материале славянских языков. В словацкой лингвистике достаточно широко используется термин «контактный вариант слова», который часто считают синонимом понятия «богемизм». Богемизм – это заимствование из чешского языка на лексическом, семантическом, синтаксическом или словообразовательном уровне [Nekula 2017]. Термин «контактный вариант слова» предложил впервые чешский лингвист А. Едличка в 1968 году [Jedlička 1968: 120], а затем его активно развивали на материале словацкого языка Вера Будовичова [Budovičová 1974, 1983], Клара Буззашиова [Buzássiová 1993] и другие. Наиболее развернутую характеристику контактных вариантов слов дает В. Будовичова, которая их определяет как часто повторяющиеся отклонения от языковой нормы или повторяющиеся ошибки, возникшие в результате контактов рассматриваемых языков [Budovičová 1974], а также синонимы существующих слов с определенными стилистическими признаками, которые с точки зрения языковой системы находятся на ее периферии [Budovičová 1983]. Единого определения этого термина, признаваемого чешскими и словацкими лингвистами,

пока нет. Для того чтобы установить различия между этими понятиями, необходимо обратиться к истории формирования словацкого литературного языка.

Чешский язык проник в Словакию уже в XIV в. Вскоре он начал взаимодействовать преимущественно с южными западнословацкими говорами, в результате чего сформировался оригинальный письменный идиом, который был характерен прежде всего для католической письменности [Kačala, Krajčovič 2006: 38]. Изменения происходили прежде всего на фонетическом и морфологическом уровнях, тогда как лексический состав в значительной степени сохранялся. Тексты евангеликов первоначально имели аналогичный характер, однако после 1620 года – поражения чешских протестантов в битве у Белой горы и их массовой эмиграции в Словакию словацкие евангелики возвращаются к нормам языка Кралицкой библии «библичтине». Библичтина была признана языком богослужений в евангелической церкви в Словакии.

Современный словацкий литературный язык восходит к кодификации евангелика Л. Штура 1840-х годов. В основу кодификации лег среднесловацкий диалект. «Кодификаторы славянских литературных языков периода национального возрождения, настаивая на необходимости стабилизации национальных языковых норм, прекрасно понимали, что касается это только “формы” – орфографических, орфоэпических и грамматических правил, но не лексики, которая должна пополняться непрерывно – по мере социального и культурного развития общества, обслуживаемого соответствующим языком» [Хабургаев 1984: 33]. Л. Штур практически не кодифицировал лексический состав словацкого литературного языка. В результате этого значительное число слов, относящихся к культурному слою, по происхождению является чешским. «Особенно большую роль чешские слова сыграли в развитии абстрактной лексики и формировании научной терминологии литературного языка». [Смирнов 1978: 147].

Вопрос о необходимости кодификации лексического состава словацкого литературного языка впервые ставит С. Цамбел в монографии «Словаки и их язык»: «Словарный состав словацкого языка представляет собой полный хаос. То огромное количество слов, которое накопили чехи за сотни лет и которые едва вмещаются в 5-6 толстых томов, на основе историзма обоснованно считается принадлежащим словацкому языку» [Czambel 1903: 218]. В связи с этим необходимо осуществить дебогемизацию словарного состава словацкого литературного языка, которая заключалась бы в замене всех слов и выражений, которые можно заменить. Те же слова, которые заменить невозможно, например абстрактные понятия церковного языка, должны обрести словацкую оболочку и остаться его достоянием [Лифанов

2015]. Как правило, лексические богемизмы были фонетически адаптированы.

В настоящее время определить по формальным признакам чешское происхождение можно лишь у некоторых слов словацкого литературного языка. В качестве примера приведем слово *tisíc* (чеш. *tisíc* ‘тысяча’) с перегласовкой, *prospech* (чеш. *prospěch* ‘выгода, успеваемость’) – с префиксом *pro-* (в словацком – *pre-*), *poslucháreň*, *poslucháč* (чеш. *posluchač*, *posluchárna*) ‘аудитория, слушатель / студент’ образованы от чешского глагола *poslouchat* (слов. *počúvať*), *umenie*, *umelec* (чеш. *umění*, *umělec* ‘искусство, художник’) образовано от чешского глагола *umět* ‘уметь’ (слов. *vedieť*). Заметим, что даже очевидные богемизмы в словацкие словари иностранных слов не включаются.

Большое количество слов не имеют формальных показателей и установить их реальное происхождение (чешское или словацкое) крайне затруднительно. Тем не менее некоторые из них начинают восприниматься как богемизмы, а некоторые нет. Показательна судьба в словацком литературном языке отглагольных прилагательных на *-lý*, часть которых в середине XX в. претерпела видоизменения, а часть сохранила исконный облик. Ср. примеры: *padlý* ‘падный, павший’ (чеш. *padlý*), *zaslúžilý* ‘заслуженный’ (чеш. *zasloužilý*), *uvedomelý* ‘сознательный’ (чеш. *uvědomělý*), *minulý* ‘прошлый’ (чеш. *minulý*) – *vyšlý* > *vyjedený* ‘вышедший’ (чеш. *vyšlý*), *zastaralý* > *zastaraný* ‘устаревший’ (чеш. *zastaralý*), *vzniklý* > *vzniknutý* ‘возникший’ (чеш. *vzniklý*). А.В. Исаченко так пишет об этом процессе: «Формы на *-lý* известны и в словацком литературном языке; их приводит С. Цамбель, они встречаются у хороших авторов <...> Однако в последнее время ведется с этими формами со стороны некоторых словацких лингвистов сознательная борьба. Формы типа *odbehlý* рекомендуют заменить формами типа *odbehnutý*. Даже такие формы как *vzniklý* ‘возникший’, заменяются формой *vzniknutý*. [Исаченко 2003: 559]. Реально установить, были ли эти прилагательные исконно словацкими или заимствованиями из чешского языка, крайне затруднительно.

Иногда процесс замены слова, считающегося чешским, оказывается не завершенным, и оно продолжает существовать на периферии словацкого литературного языка. Например, слово *zastaralý* продолжает функционировать наряду со словом *zastaraný*, хотя и помечается в «Кратком словаре словацкого языка» [KSSJ 2003], являющимся кодификационным пособием, как устаревшее. Или относительно новое заимствование из чешского языка не смогло вытеснить словацкий эквивалент, например *plevel* не смогло вытеснить собственно словацкое слово *búrina* ‘сорняк’. «Краткий словарь словацкого языка» не рекомендует его употреблять, помечая как правильное *búrina*. Такие слова чешского или предпо-

ложительно чешского происхождения в словацкой лингвистике получили наименование «контактные варианты слов». В качестве такой контактной пары можно также привести слова *sluchátko* – *slúchadlo* ‘телефонная трубка, наушники’. Суффикс *-tko* считался исключительно чешским и по этой причине вытеснялся из словацкого литературного языка. Кодифицированным вариантом является только *slúchadlo*, однако вытесненное слово *sluchátko*, совпадающее с чешским, продолжает использоваться в словацком языке, о чем свидетельствует словацкий национальный корпус¹.

Из изложенного вытекает, что богемизм и контактный вариант слов – разные понятия. Богемизм – это заимствование из чешского языка. Однако далеко не все богемизмы являются контактными вариантами слов. К их числу не относятся богемизмы, не имеющие пару собственно словацкого происхождения и/или являющиеся в литературном языке стилистически нейтральными. При этом контактный вариант слова может в реальности не являться богемизмом, а лишь таковым восприниматься и вследствие этого оно начинает сознательно вытесняться из словацкого литературного языка.

Литература / References

1. *Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология I–II. М.: Языки славянской культуры, 2003. 570 с.
2. *Лифанов К.В.* Кодификация С. Цамбела как рубеж в развитии словацкого литературного языка, 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Кодификация-С.-Цамбела-как-рубеж-в-развитии-языка-Лифанов/e98b1db985d28a6b34d637ca63534ce5fc536080>. Дата последнего обращения 11.07.2023.
3. *Смирнов Л.Н.* Формирование словацкого литературного языка в эпоху Национального возрождения (1780–1848) // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978. С. 86–157.
4. *Хабургаев Г.А.* Старославянский – церковнославянский – русский литературный // История русского языка в древнейший период. М., 1984. С. 5–35.
5. *Budovičová V.* Z konfrontačnej lexikológie príbuzných jazykov – lexikálne paralely v slovenčine, ruštine a češtine. // Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby. 2. Red. V. Hrabě – G. Širokovová. Praha: Univerzita Karlova, 1984, S. 112–120.
6. *Budovičová V.* Spisovné jazyky v kontakte, sociolingvistický pohľad na dnešný vzťah slovenčiny a češtiny // Slovo a Slovesnosť 1974. 35. S. 171–181.
7. *Buzáskyová K.* Kontaktné varianty a synonyma v češtine a slovenčine // Jazykovedný časopis, 1993. 44. Č. 2. S. 92–107.
8. *Czambel S.* Slováci a ich reč. Budapest, 1903. 218 s.
9. *Jedlička A.* Studium současných spisovných jazyků slovanských a problematika variantnosti normy // Slovo a Slovesnosť, 1968. 29. S. 113–124.
10. *Kačála, J., Krajčovič, R.* Prehľad dejín spisovnej slovenčiny. Martin: Matica slovenská, 2006. 220 s.

¹ [Электронный ресурс.] URL: <https://bonito.korpus.sk>. Дата последнего обращения 10.01.2024.

11. Krátky slovník slovenského jazyka 4 z r. 2003 – kodifikačná príručka. [Электронный ресурс]. URL: https://www.juls.savba.sk/kssj_4.html. Дата последнего обращения 25.07.2023.
12. *Marek Nekula, Radoslav Večerka*. Bohemismus, 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.czechency.org/slovník/BOHEMISMUS>. Дата последнего обращения 25.07.2023.

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЯХ РЕЗЬЯНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО МИКРОЯЗЫКА

Л.Л. Федорова

TOWARDS THE PROBLEM OF FUNCTIONAL STYLES
OF THE RESIAN LITERARY MICROLANGUAGE

L. Fedorova

ABSTRACT:

The article discusses the functional varieties of the literary Resian micro-language – a Slavic idiom on the territory of Italy, which is one of the threatened languages. The book-religious, folk-colloquial, book-artistic varieties are distinguished by the spheres of their use. Currently, along with the existence of dialect written variants, the introduction of standard spelling is taking place, which has not yet been fixed. The Resians maintain their identity in opposition to the influence of Slovene as a language of literary norm.

Keywords: Resian literary micro-language; functional styles; territorial dialects; problems of standardization.

АННОТАЦИЯ:

В статье рассматриваются функциональные разновидности литературного резьянского микроязыка – славянского идиома на территории Италии, находящегося под угрозой исчезновения. В зависимости от сфер использования выделены книжно-религиозный, народно-разговорный, литературно-художественный стили. В настоящее время наряду с существованием диалектных письменных вариантов начат процесс стандартизации орфографии. Резьяне отстаивают свою идентичность в противостоянии влиянию словенского как языка литературной нормы.

Ключевые слова: резьянский литературный микроязык; функциональные стили; территориальные диалекты; проблемы стандартизации

Развитие функциональных разновидностей связано со специализацией языка, используемого в разных социальных сферах.

Для резьянского идиома, который А.Д. Дуличенко определяет как литературный микроязык в числе других микроязыков Славии [Дуличенко 1981; 2018; 2019], такое развитие связано с использованием его в разных сферах: в религиозной практике, в разговорной речи, в традиционном народно-поэтическом и в современном литературном творчестве.

Первые письменные тексты на резьянском языке появляются в конце XVIII в. Наиболее известен «Libri od luzi nebesche» («Книги света небесного») – Резьянский катехизис, составленный Franco Domenico Micelli в 1797 г. и изданный Бодуэном де Куртенэ в 1875 г. в приложении к его

«Опыту фонетики резьянских говоров» [Бодуэн де Куртенэ 1875]. Второй основательный текст – Christianske Uzhilo (‘Христианское учение’), 1845–1850 гг., издан Бодуэном в 1913 г.

Эти тексты записаны приближенной к произношению латинской графикой с использованием значительного числа латинских и итальянских заимствований, но и с сохранением черт живого народного языка, в частности с использованием составных предлогов с наречной частицей *ta-/tu-* ‘там, туда’ (*tu-w*, *ta-na* и под.), которые приносят оттенок определенности всей конструкции.

Резьянский катехизис имеет полное название: Libri od luzi nebesche. Hanu lutz od Dutrine hanu suveto pisme christiansche. Hogia nas, Credo, Salveregina, Angeli deji anu Comandominte Bohove, Te Suvete Canzonete ot Christiansche lezzi. Здесь перечислены названия входящих в него молитв, где видно переплетение славянских (*Hogia nas* ‘Отче наш’) и латинских лексем. Уже в самом начале катехизиса можно обратить внимание на использование характерных для народного языка составных предлогов. Вот некоторые примеры из текста:

Buh, *dishtint tu-v* treh *persunah* ‘Бог, явленный в трех лицах’;

ta-nà *crishu* ‘на кресте’;

tu-v *svotè od Marie Vergine*, ‘во чреве девы Марии’;

tu-v *Paravishu*, ‘в раю’;

ta-nà *simgnè anu tu-v uvsachin meste*, ‘на земле и во всяком месте’;

tuv *useh gnih perfeziunah* ‘во всех их совершенствах’;

Du te jè *creal anu gial sè na tè svit?* ‘Кто тебя создал и взял на этот свет?’

Курсивом нами выделены заимствованные лексемы в составе собственно славянской речи, полужирным – составные предлоги. Этот текст уже обозначил не только начало письменной традиции, но и создание особого церковно-религиозного стиля, который должен характеризоваться использованием лексики духовной направленности; для этого переводчик часто использовал латинские, итальянские и фриульские термины. Но и в составе резьянского языка актуализировались формы высокого стиля речи: *Bohow duh* (‘божий дух’), *Bōžjuw Šapùved* (‘божья заповедь’), *Bohow-din* (‘богов день’ – воскресенье).

Сами тексты молитв и песнопений построены на основе народно-разговорной лексики, что видно в вопросах и ответах катехизиса, которые должны быть понятны для простого человека.

Религиозный стиль продолжает использоваться в сфере католического богослужения резьян, присутствуя в текстах молитв и псалмов, которые повторяют прихожане, например текст «Běšë Mate ta pod križon» (‘Была мать под крестом’ – известный как “Stabat Mater”, или в

русском «Мать скорбящая», по началу фразы “Stabat Mater dolorosa...” – и «Sodni din» (‘Судный день’, известный как “Dies irae” – ‘День гнева’) [Clemente 2022].

На двух языках (итальянском и резьянском) до недавнего времени издавался приходской бюллетень *All’Ombra del Canin / Ta pod Čanynowo sinco* (‘под тенью Канина’; Канин – гора в долине Резьи, один из ее символов), а также журнал *Náš glas / La nostra voce* (‘наш голос’), где отражена религиозная и публицистическая лексика в обсуждении текущих событий.

Однако и в народно-разговорной речи присутствуют многие фразеологические выражения, восходящие к этому пласту лексики. Это, прежде всего, формулы приветствия *Šukrüstě!* (‘Иисус Христос’) и прощания: *šBughän* (‘с Богом’), уступающие в современной речи заимствованным из фриульского *Bundi* (‘добрый день’), *Bonasera* (‘добый вечер’), и традиционные формулы благодарности *Buhalunite* и *Šahvale Bõghä* (‘хвалите бога / хвала богу’). Помимо ритуализованных форм, отмечаются и другие разговорные выражения, знакомые нам и в русской речи: *Buh dej* (‘дай бог’) и *Buh ne dej* (‘не дай бог’), *Buh vi* (‘бог знает’), *Buh pomaghej* (‘помоги бог’) и др. Интересны пожелания: *Buh dej no lekho nuć* (‘дай нам бог легкую ночь – Спокойной ночи!’), *ći Buh bo nän dal šdravjě* (‘чтобы бог нам дал здоровья’) и др. Так, Н. Клементе в своей работе приводит около 40 разговорных выражений, использующих лексику *Buh* (‘Бог’) и ее производные [Clemente 2022: 69–70].

Народно-разговорный стиль воплощен в устной речи; можно найти характерные примеры в аудиозаписях рассказов старшего поколения резьян, собранных в издании «Biside ta-na traku» (‘Слова на ленте’) 2009 г. (записи были сделаны в основном в конце XX в.). Этот стиль проявляется как в лексике, так и в синтаксическом строе речи. Приведем несколько примеров фраз, вынесенных в заголовки устных рассказов:

(1) *Tadej, somö racle racjun to rosojansko, mi* (‘Тогда (мы) произносили молитвы на резьянском, мы’), ср. параллельный заголовок на словенском: *Takrat smo molili po rezijansko*).

Здесь обращает на себя внимание определенный артикль *to* перед названием языка, выделение в постпозицию личного местоимения, по сути избыточного (при глагольной форме 1 л. мн. ч.), но придающего размеренность повествовательной речи.

(2) *Ko ni so odili wun z Niškë ni so mēli krösno to ta-na artë*. (‘Когда они ходили по Австрии, они эту «кросму» несли на спине’, *krosma* ‘короб, деревянный ящик’, ср. параллельный заголовок на словенском: *Po Awstriji so šli s „krosno” na hrbtu*).

Можно отметить цепочки односложных слов: *Ko ni so* (союз – личное местоимение – глагольная клитика), сложные предложные конструкции *ta-na, wun z*, постпозицию указательного местоимения *krösmo to*, за счет которых создается размеренный строй речи.

(3) *Izdě w vasy si bila vïdla kõj no babico, ki na odïla šcě ziz čamažoton*. ('Там в деревне я бывало видела только одну женщину, которая еще ходила в чамажоте', *čamažot* – вид платья, фриульское заимствование, ср. параллельный заголовок на словенском: *V vasi sem videla samo eno žensko, ki je še nosila čamažot*).

В этом примере использован плюсквамперфект, один из архаизмов резьянского языка, сохранившего наряду со словенским языком архаичные грамматические формы.

Интересной особенностью резьянской речи является использование традиционных топонимов и антропонимов. В вышеприведенном примере *Nišķe* обозначает Австрию, но это наименование может относиться и к Германии, и вообще к немцам и австрийцам. Вот пример из выступления в Удине (19.03.2022) Кристины Буттоло (советника по культуре муниципалитета Резья до 2019 г.), «*Identità e bellezza*» ('Идентичность и красота'):

Mi somö ti Rosajanski. Ti drugi so ti Laški, ti Niški, ti Buški. ('Мы резьянцы. Другие – это итальянцы, немцы/австрийцы, словенцы')¹.

Резьяне сохраняют собственные топонимы, ср. официальные итальянские наименования и резьянские: *San-Giorgio* (ит.) – Била (рез.), *Gniva* (ит.) – Нива (рез.), *Oseacco* (ит.) – Осоане, Осояне (рез.), *Stolvizza* (ит.) – Солбица (рез.), *Prato di Resia* (ит.) – Раванца (рез.), которая считается столицей (подробнее см. [БдеК 1876; Федорова 2021]).

В резьянских сказках можно отметить и особую народно-поэтическую стилистику.

Prit po timpëh, karje karje lit, prit po starih ... ('давным-давно, много-много лет назад, в старину...') – зачин сказки о петухе («*Patalen kukurüče*» [Clemente 2020: 106–107]).

В целом, для разговорного стиля речи характерно обилие клитик: составных предлогов, личных и указательных местоимений, артиклей, что придает речи особую размеренность и плавность.

Книжный (литературный) стиль отражен в произведениях художественной литературы на резьянском языке и в текстах переводов с других языков. Есть ряд современных авторов, пишущих на резьянском

¹ *Identità e bellezza. Ci rendono forti e aperti al mondo | Cristina Buttolo | TEDxUdine* (youtube.com) [Электронный ресурс.] URL: https://www.youtube.com/watch?v=_BSmruySw4U. Дата последнего обращения 10.04.2024.

(Мария ди Ленардо, Ренато Квалья, Антонио Лонгино и др). В 1984 г. издан сборник произведений резьянских авторов «*Autori Resiani*» (Petris Bruno, Udine). Есть переводы: в 2021 г. издан на резьянском «Маленький принц» А. де Сент-Экзюпери. В книжной речи используются архаичные грамматические формы языка (имперфект, супин, герундий, плюсквамперфект), что говорит о желании сохранить богатство языка, составляющего культурное наследие народа.

Ниже представлены примеры из художественных текстов сборника «*Autori Resiani*» (цит. по [Clemente 2020: 87]):

Dan Biski si gardeše, ša brisk, wun po Karnizi. ('Один житель Билы шел на рассвете вверх по Карници')

Здесь можно увидеть архаические формы имперфекта, уже крайне редкого в разговорной речи (но отмечавшегося еще Бодуэном).

Babä srétlä toga mládagä ki gardeše ist. ('Старушка встретила этого парня, который шел есть')

В этих примерах можно отметить формы имперфекта, а также и супин (*ist* '(чтобы) есть'). Имперфект, отличительная резьянская черта, сохраняется и в религиозных текстах («*Běšě Mate ta pod križon*»).

Актуальной проблемой в Резии является стандартизация языка. Само определение литературного микроязыка предполагает хотя бы начальную кодификацию, которую и отмечает для резьянского А.Д. Дуличенко [Дуличенко 1981: 138–139; 2018: 4]. Но стандартизация предполагает длительный процесс ее принятия, а не единовременную акцию. Резьянский идиом включает несколько говоров, или диалектов, различающихся фонетически, а иногда и лексически, при этом авторы нередко придерживаются своего диалекта. Фактически, каждое из четырех крупных резьянских поселений (Била, Нива, Осояне, Солвица) использует свой говор, что было отмечено еще Бодуэном де Куртенэ, который разработал собственную систему фонетической записи (транскрипции), чтобы как можно точнее передать особенности произношения. Причем Бодуэн пишет, что сами резьяне различают десять говоров с учетом более мелких селений [Бодуэн де Куртенэ 1876: 338–339]. Заметим попутно, что заслугой Бодуэна является не только полное описание фонетики резьянских говоров, но и богатый собранный в экспедициях 1873, 1890, 1892, 1893 гг. материал по резьянскому языку (тексты, словарь, грамматический комментарий). Тексты были изданы в 1895 г., однако словарь до сих пор не издан, лишь малая часть словаря была опубликована в 1965 г. Н.И. Толстым [Бодуэн де Куртенэ 1965].

Фонетические различия можно проиллюстрировать таким примером (орфография отражает диалектное произношение):

četo skuhät na-maju ěde (в Осоянах), но
četo skuat na-malu jědi (в Биле – Сан-Джорджо) (‘Хотим пригото-
 вить немного поленты’).

Бодуэн полагал, что заселение долины Резьи славянами могло про-
 ходить в несколько этапов, и считал говор Сан-Джорджо (Билы) наибо-
 лее архаичным [Бде К 1875: 122–123; 1976: 339–341].

Таблица 1. Фонетические различия резьянских говоров
 (по Н. Клементе [Clemente 2022: 84]).

По-русски	<i>Bila/San Giorgio</i>	<i>Njiva/Gniva</i>	<i>Osoane/Oseacco</i>	<i>Solbiza/Stolvizza</i>
пёс	<i>pīs</i>	<i>pas</i>	<i>pās</i>	<i>pes</i>
селение	<i>vīs</i>	<i>vas</i>	<i>vās</i>	<i>ves</i>
большой	<i>vlik</i>	<i>vilék</i>	<i>valék</i>	<i>valök</i>
окно	<i>woknō</i>	<i>uknō</i>	<i>oknō</i>	<i>oknō</i>
обед	<i>wobēt</i>	<i>ubēd</i>	<i>obēt</i>	<i>obēt</i>
облако	<i>wǎblāk</i>	<i>öblak</i>	<i>ǎblāk</i>	<i>öblāk</i>
нога	<i>nogä</i>	<i>nōgha</i>	<i>nōghä</i>	<i>nōa</i>
господин	<i>gǎspūt</i>	<i>ghǎspot</i>	<i>ghǎspūt</i>	<i>ǎspot</i>
богатый	<i>bogāt</i>	<i>boghat</i>	<i>boghät</i>	<i>bwēt</i>
гора	<i>gorä</i>	<i>ghöra</i>	<i>ghörä</i>	<i>öra</i>
огонь	<i>woginj</i>	<i>oghònj</i>	<i>oghònj</i>	<i>oònj</i>

Примеры лексических диалектных различий можно увидеть в идио-
 мах ориентации относительно говорящего (‘справа’, ‘слева’), которые
 сохранились в резьянских говорах. Так, в Солбице говорят:

na to döbro róko ‘направо, по (ту) правую (хорошую) руку’; *na to
 húdo róko* ‘налево, по (ту) левую (худую, плохую) руку’.

Но в Осоянах, Ниве, Биле выражаются несколько иначе:

na to prawo róko – ‘направо, по (ту) правую руку’, *na to húdo róko* –
 ‘налево, по (ту) левую (худую, плохую) руку’.

Значения ‘правый’ у *dobar*, наряду с ‘добрый, хороший’, и ‘левый’ у
hud, наряду с ‘плохой, бедный’, отмечено в резьянском еще Бодуэном
 де Куртенэ. Эти прилагательные входят в антонимичные пары (*pravъ*,
dobrъ, *desъnъ* – *krivъ*, *lěvъ*, *hudъ*), которые выделяет Н.И. Толстой в раз-
 ных славянских диалектах. Толстой считал, что старославянские формы
б деснѣжъ, **б шоуѣжъ** могли представлять собой усеченные фразеологиз-

мы типа тех, что сохранились в полной форме в резьянском языке [Толстой 1997]. По свидетельству Н. Клемента, они используются в речи резьян до сих пор.

Попытки стандартизации орфографии предпринимались неоднократно, однако они еще не привели к утверждению единой нормы; трудно выбрать один диалект в качестве образцового. Резьяне пишут в соответствии с произношением, в каждом регионе по-своему. В настоящее время все резьяне дву- или трехязычны (знают итальянский и многие фриульский), но знание резьянского поддерживается в резьянских семьях, в школьном образовании (существует школа с преподаванием резьянского языка с начального уровня до средних классов). Существует школьный учебник, разработанный группой под руководством Я. Стэнвейка (Jan Steenwĳk), в котором грамматический материал дается на каждом из четырех диалектов наряду с предлагаемой стандартной формой [Nawüćimö se po nās! 2009].

Стандартный вариант выстроен лингвистами искусственно, остальные соответствуют произношению диалектов, используемых в поселениях Резьи: *po-biskin* ('по-бильски', от *Била*), *po-njĳwaskin* ('по-нивски', от *Нива*), *po-ošĳjskeh* ('по-осойски', от *Осояне*), *po-solbaški* ('посолбицки', от *Солбица*); таким образом, учебник включает пять параллельных разделов (подробнее см. [Федорова 2023]). Возможно, пока это необходимый этап для того, чтобы приобщить детей к грамоте – сначала на своем диалекте, а потом уже на стандартном. Стэнвейку принадлежит и достаточно полное современное описание резьянского языка [Steenwĳk 1992].

Проблемы стандартизации резьянского языка осложняются также конкуренцией с словенским языком. Итальянские и словенские лингвисты обычно рассматривают резьянский в составе словенских диалектов. Резьянские говоры граничат с терским и обсоченским диалектами приморской группы словенских диалектов, а до XIII–XIV вв. были тесно связаны с зильским диалектом каринтийской группы [Logar: 1987: 2]. Лингвогенетические связи резьянского идиома со словенским языковым пространством отрицать трудно. Однако резьяне не признают словенский в качестве литературной нормы². Это вполне понятная позиция: территориально и исторически резьяне на протяжении многих веков были обособлены от словенцев и не входили в состав словенских зе-

² : В 2004 г. более 1000 резьян (порядка 80%) выступили с петицией «Мы не словенцы, мы резьяне!»: «Siamo resiani e non sloveni» Mille firme per un referendum // Messaggero Veneto. 5.02.2004. Электронный ресурс.] URL: https://ricerca.gelocal.it/messaggeroveneto/archivio/messaggeroveneto/2004/02/05/UD_10_SIB1.html. Дата последнего обращения 16.04.2024.

мель, что создавало условия для языковой дивергенции. Многие словенцы не понимают резьянскую речь, а большинство резьян не стремятся говорить по-словенски; они ощущают себя отдельным народом. Поэтому ориентация на словенский литературный язык, исторически опирающийся на особенности центральных словенских диалектов, не отвечает их интересам. Активисты и учителя резьянского считают, что внедрение словенской нормы приведет к утрате у детей языковой интуиции и потере родного наречия. В настоящее время носителей резьянского языка меньше 1000; в начале XX в. их было более 4 000. В Италии резьянский признан языком, находящимся под угрозой исчезновения. Сохранение его во многом зависит от деятельности активистов и самосознания народа, отстаивающего собственную идентичность (подробнее см. [Федорова 2023]).

Деятельность активистов направлена на распространение школьного образования, на поддержание культурных традиций: проведение праздников, концертов народной музыки, танцевальных вечеров, на поддержку литературного творчества на резьянском языке. Оценивая положение резьянского языка в ситуации резьянско-итальянского двуязычия, можно опираться на социолингвистический подход Дж. Фишмана, выделяющего основные сферы использования языков в двуязычных ситуациях [Фишман 2012: 68–71]. Резьянский представлен в сфере семейного общения, особенно у старшего поколения и отчасти у молодежи в общении со старшими; в сфере образования и культуры; в сфере религии; но он не представлен в административной официальной сфере, где главенствуют итальянский и фриульский – хотя на дорожных щитах все же используются двуязычные надписи на итальянском и резьянском (не в стандартной орфографии). Что касается профессиональной сферы, молодежь в основном ориентируется на работу за пределами Резьянской долины, а для этого необходим итальянский.

Итак, на основе приведенных наблюдений можно заключить, что литературный резьянский язык, сохранив архаические и самобытные черты грамматики и лексики, развил функциональные стили несмотря на сужение своей социальной базы. В нем можно отметить письменно-книжный стиль христианских текстов и устную народную разговорную речь, в которую вошли элементы христианской культуры. В устной разговорной речи сохранились также народно-поэтические традиции, воплощенные в оформлении народных сказок, во фразеологии. Благодаря творчеству современных авторов развивается и литературно-художественный стиль, опирающийся на разнообразие грамматических форм и лексическое богатство народных говоров. Однако наличие диа-

лектных различий между резьянскими говорами в какой-то мере сдерживает закрепление норм стандартного литературного языка, которые разрабатываются лингвистами. Не всегда мнения лингвистов соответствуют позиции народа, который считает, что должен сам определять, на каком языке ему говорить. В этом своеобразии современного состояния резьянского идиома.

В заключение выражаю благодарность резьянской коллеге Наде Клементе за предоставленные материалы и консультации и рецензенту Ольге Сергеевне Плотниковой за замечания и дополнения.

Литература / References

1. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Опыт фонетики резьянских говоров с приложением: «Резьянский катехизис» / [Соч.] И. Бодуэна-де-Куртенэ. (I. Baudouin de Courtenay). Варшава: Э. Венде и К^о; Санкт-Петербург: Д.Е. Кожанчиков, 1875. [Электронный документ]. URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10075815>. Дата последнего обращения 15.10.2023.
2. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Резьяне и Резьяне // Славянский сборник. Т. 3. Отдел первый. Петербург, 1876. С. 223–371.
3. *Бодуэн де Куртенэ И.* Резьянский словарь (под редакцией Н.И. Толстого) // Славянская лексикография и лексикология. М.: Наука, 1966. С. 183–226.
4. *Дуличенко А.Д.* Славянские литературные микроязыки: вопросы формирования и развития. Таллин: Валгус, 1981. 323 с.
5. *Дуличенко А.Д.* Славянская микролингвистика и славянская микрофилология // Русин, 2017. №2 (48). С. 41–50.
6. *Дуличенко А.Д.* Славянская микрофилология // Славянская микрофилология / под ред. А.Д. Дуличенко, Мотоки Номати. Sapporo – Tartu, 2018. Slavica Tartuensia XI – Slavic Eurasian Studies XXXIV. С. 3–18.
7. *Толстой Н.И.* Из географии славянских слов // Его же. Избранные труды. Т.1. Славянская лексикология и семасиология. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 122–222.
8. *Федорова Л.Л.* Топонимы Резьи и выражение пространственных отношений в резьянском языке // Межкультурное и межъязыковое взаимодействие в пространстве Славии (к 110-летию со дня рождения С.Б. Бернштейна). Материалы Международной научной конференции. Москва, 12–14 октября 2021 г.). М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 167–175.
9. *Федорова Л.Л.* Резьянский микроязык: славянский язык Италии под угрозой исчезновения // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2023 №2. С. 119–130.
10. *Фишман Дж.А.* Кто говорит на каком языке, с кем и когда? // Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия / Отв. ред. Н.Б. Вахтин. СПб. 2012 (1965). С. 63–83.
11. *Biside-ta-na-traku. Le parole su nastro. Besede na traku.* Associazione Culturale „Museo della Gente della Val Resia”. Udine, 2009. 150 p.
12. *Clemente N.* Introduzione alla lingua resiana, Udine, 2020. 125 p.
13. *Clemente N.* Resia – a Slavic enclave in Italy. Culture and religion in 19th century texts // Ethnologia Slovaca et Slavica, 2022. Tomus 43. P. 63–85.
14. *Logar T. J.* Baudouin de Courtenay – slovenski dialektolog // Jezik in slovstvo, 1987. № 33–1/2. S. 1–7.
15. *Nawüčimö se po nás! Impariamo nel resiano. Gramatika ša utruke.* Paluzza: Cortolezzis, 2009. 222 s.
16. *Steenwijk, H.* Ortografia resiana = Tö jošt rozajanskë pisanjë (in Italian and Slovenian). Padua: CLEUP, 1994. 74 p.

17. *Steenwijk H.* The Slovene dialect of Resia: San Giorgio (Studies in Slavic and General Linguistics, Vol. 18). Amsterdam: Rodopi, 1992. 352 p.

РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ *БАШНЯ* НА ФОНЕ ЧЕШСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЕЙ)

А.И. Францева

RUSSIAN IDIOMS WITH THE *TOWER* COMPONENT AGAINST THE BACKGROUND
OF THE CZECH AND ENGLISH LANGUAGES (BASED ON DICTIONARIES)

A.I. Frantseva

ABSTRACT:

Idioms with the *башня* component are studied in comparison with Czech idioms with the *věž* component and with English idioms with the *tower* component. We used data obtained by continuous sampling from the dictionaries of V. M. Mokienko, F. Chermak and others. Conclusions are drawn about the specificity of phraseographic characteristics of phraseological units in three languages. The paper is of interest to researchers whose scientific interests include comparative and historical phraseology.

Keywords: idiom; component *башня*; component *věž*; *tower* component; Russian language; Czech language; English language

АННОТАЦИЯ:

Исследуются фразеологические единицы с компонентом *башня* в сопоставлении с чешскими фразеологизмами с компонентом *věž* и с английскими фразеологизмами с компонентом *tower*. Используются данные, полученные методом сплошной выборки из словарей В. М. Мокиенко, Ф. Чермака и др. Сделаны выводы о специфике фразеографических характеристик фразеологизмов в трех языках. Статья представляет интерес для исследователей, в сфере научных интересов которых находится сопоставительная и историческая фразеология.

Ключевые слова: фразеологизм; компонент *башня*; компонент *věž*; компонент *tower*; русский язык; чешский язык; английский язык

Понимание природы и сущности фразеологизмов очень важно в рамках понимания культуры народа и его ментальности. Изучение фразеологии как науки начало формироваться под влиянием работ французского лингвиста Шарля Балли, издавшего свои труды в 1905 и 1909 гг. Они стали основой фразеологической науки в России. В исследованиях Е.Д. Поливанова, В.В. Виноградова и других ученых теория Шарля Балли получила творческую переработку применительно к русскому языку.

В своей статье мы будем опираться на русские словари под редакцией профессора В.М. Мокиенко, так как на сегодняшний день его труды являются наиболее фундаментальным современным источником материалов по русской фразеологии. Для изучения фразеологизмов чешско-

го языка мы использовали «Словарь чешской фразеологии и идиоматики» Ф. Чермака, для английских фразеологизмов использован Большой англо-русский фразеологический словарь под редакцией А.В. Кунина и другие.

В лингвистике сторонники широкого понимания фразеологии относят пословицы к фразеологизмам, исходя, вероятно, из того, что фразеологическая единица (далее – ФЕ) и пословица обладают общими признаками: воспроизводимостью, относительной устойчивостью (и одновременно склонностью к трансформациям), экспрессивностью, часто (хотя далеко не всегда) переносным планом выражения. В этом легко убедиться, сравнив значения пословицы и производного от него фразеологизма (образовавшегося в результате сжатия, или имплицирования пословицы). Но следует отметить, что фразеологизм выражает понятие, пословица обозначает ситуацию [Котова 2010: 16]. В нашем материале, кроме фразеологических единиц, нами зафиксированы и промежуточные пословично-поговорочные выражения, обладающие признаками как фразеологизма (поговорки), так и пословицы.

Цель статьи: исследовать русские фразеологизмы с компонентом *башня* на фоне чешского и английского языков на материале словарей русского, чешского и английского языков. Изучение фразеологизмов с единым компонентом в различных языковых группах, выявление эквивалентных ФЕ, а также фиксирование явления лакунарности помогает проникнуть вглубь ментальности народа, его лингвокультурологических особенностей.

Итак, обратимся к выделенным фразеологизмам в русском языке. Было проведено исследование фразеологического материала, выявленного в русском языке, на фоне языков других языковых групп: чешского и английского. Сопоставлены ФЕ с компонентами *башня* (*věž, tower*), в результате выявлены фразеологизмы, совпадающие в русском, чешском и английском языках, отмечалась также лакуарность значений.

Первая группа контекстов – это фразеологизмы, **представленные конструкцией «имя прилагательное + имя существительное»** в русском языке:

Вавилонская башня: разг., шутол., об очень высоком здании, строении [Мокиенко, Никитина 2013: 33].

Вавилонская башня: книжн., об очень высоком здании, строении. Выражение восходит к библейской легенде о сооружении в Древнем Вавилоне башни до небес с целью добраться до бога. Разгневанный бог разрушил ее и смешал языки людей, чтобы они не смогли понимать друг друга [Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 46].

Пизанская башня: 1. жарг., шк., шутил. груда падающих учебников, книг. 2. жарг., мол., шутил. о человеке в состоянии сильного алкогольного опьянения [Мокиенко, Никитина 2013: 33].

Эйфелева башня: жарг., мол., шутил., человек высокого роста [Мокиенко, Никитина 2013: 33].

Эйфелева башня: о чем-л. очень высоком и большом. Металлическая высотная конструкция, сооруженная в Париже к Первой международной выставке в 1889 г. по проекту инженера А.Г. Эйфеля (1832–1923) [Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 46].

В данных ФЕ мы сталкиваемся с метафоризацией различных свойств коммуникатора, который соотносит себя со всемирно известными мифом об архитектурном сооружении, такими как Вавилонская башня, Эйфелева башня и Пизанская башня. Здесь перед нами общеизвестные культурные символы, вызывающие определенные языковые, культурологические и контекстные ассоциации, формирующие семантику фразеологизмов. Очевидно, что данные ФЕ будут присутствовать в чешском и английском языках. Обратимся к чешскому языку:

Stavět babylonskou věž /букв. возводит Вавилонскую башню/, ‘напрасно стараться’. русск., *строить Вавилонскую башню*. (čl. Vládcе, stát z rýchu a na znamení své moci:) dělat, uskutečňovat něco troufale okázalého, gigantického a obvykle nemožného a snažit se tím ohromit [Čermák 1983: 371].

Перед нами один из примеров употребления данного фразеологизма, берущий свои корни еще из библейских сюжетов. Этот фразеологический оборот имеет символическое значение. Оно несет в себе идею разобщенности людей, смуты, суматохи. Данное выражение существует во всех языках мира, страны которых исповедуют христианство. В английском языке также присутствует искомый фразеологизм:

The tower of Babel /букв. Вавилонская башня/, ‘Вавилонское столпотворение’, ‘смешение языков’, ‘шум’, ‘суматоха’, русск., Вавилонская башня [Кунин 2005: 824].

Рассматриваемый фразеологизм также пришел в английский язык из библейских текстов. Этим объясняется его присутствие и в русском, и в чешском, и в английском языках. Во всех трех языках компонент *башня* также несет символический смысл и имеет отрицательную коннотацию ‘разобщенности’, ‘смуты’, ‘столпотворения’. В понимании носителей трех языков и трех ментальных систем это выражение до сих пор выражает идею недостижимости или труднодоступности какого-либо действия или явления. На примере библейских фразеологизмов можно говорить об их интернациональной общеузнаваемости.

Теперь рассмотрим выражение, которое пришло в русский, чешский и английский языки из французской художественной литературы:

Башня из слоновой кости: книжн., символ мира мечты; о предмете мечтаний, оторванных от жизни. Выражение принадлежит франц. поэту и критику Ш.О. Сент-Бёву [Мокиенко, Никитина 2013: 33].

Башня из слоновой кости: 1. уединенное место, где постоянно живут люди творческих профессий (писатели ученые, художники и т.п.) и доступ в которое ограничен, способствующее возникновению творческого вдохновения и тем самым провоцирующее невнимание к бытовым проблемам и другим сторонам реальной жизни, осмысляемое как созданное поэтическим воображением изысканное архитектурное сооружение из ценного и редкого материала, высота и конструкция которого способствует изоляции его обитателей от окружающего мира. 2. символ мира мечты; о предмете мечтаний, оторванных от жизни [Баранов, Добровольский 2015: 36].

Выражение принадлежит французскому поэту и критику Ш.О. Сент-Бёву (1804–1869) (стихотворное послание к Виллеману, вошедшее в сборник «Pensees d'aout», 1837). Образ, созданный Сент-Бёвом, восходит к католической молитве, в которой такое наименование («Tour d'ivoire») дано Деве Марии. Выражение это получило с конца 30-х гг. XIX в. широкое хождение среди французских поэтов-романтиков как символ мира мечты, в который они уходили в своем творчестве от тяготившей их прозы жизни [Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 46].

«Словарь чешской фразеологии и идиоматики» приводит похожее выражение с компонентом *věž*:

Žít ve věži ze slonové kosti / věž ze slonové kosti /, букв. *жить в башне из слоновой кости* /, ‘жить в изоляции от людей’: русск., ‘жить в башне из слоновой кости’, (člověk, zvlášt' tvůrce nebo umělec, ve vztahu k okolnímu světu, jeho zájmům, problémům a situaci) *žít osamoceně, uzavřeně v umělem (a estétském a filozofickém) odloučení* [Čermák 1983: 370–371].

В чешском языке выражение имеет символический смысл и означает добровольную изолированность человека от общества. Этот фразеологический оборот указывает на то, что *башня из слоновой кости* – это, прежде всего, изолированное, отдаленное от всех мирских проблем и отношений место, где человек закрывается от всего и живет одиноко, замкнуто, как отшельник.

Рассмотрим фразеологизм в английском языке:

An ivory tower /букв. *башня из слоновой кости* /, ‘быть в изоляции от людей’: русск., *башня из слоновой кости* [Кунин 2005: 824].

В английском языке выражение также означает оторванность от жизни и несет в себе символический смысл. Но в отличие от русского языка, мы не видим здесь негативную коннотацию. Фразеологизм раскрывает идею о человеке, который лишь отдалился от общества людей и не желает контактировать с ним. Этот фразеологический оборот в неко-

торой степени обладает философской направленностью – человек желает быть наедине с собой, обратиться к своему внутреннему «я», а может быть, и в одиночестве обратиться к Богу.

Данная ФЕ встречается в трех языках и имеет идентичное толкование. Фразеологизм *башня из слоновой кости* обладает сильной афористичностью и метафоричностью. Ассоциируется с миром мечтаний и изоляции от бытовых проблем. Встречается чаще всего в книжной речи, а также в литературных произведениях, связан с описанием людей творческих профессий. Коннотативный план таких малоупотребительных в разговорной речи фразеологизмов может быть сугубо специфичен у каждого отдельного индивидуума.

Рассмотрим вторую группу фразеологизмов с компонентом *башня* – **группу поговорок со структурой «глагол + имя существительное»**. В русском языке мы встречаем следующие фразеологизмы:

Накрыть башню: жарг., мол., шутил. надеть головной убор [Мокиенко, Никитина 2013: 33].

Отвернуть башню, кому: жарг., спорт., победить кого-л. [Мокиенко, Никитина 2013: 33].

Снести (свернуть башню) башню, кому: жарг., мол., увлечь кого-л. до фанатизма, свести с ума кого-л. [Мокиенко, Никитина 2013: 33].

В данных примерах из разговорной и жаргонной речи, компонент *башня* в русском языке эксплицирует, в первом случае, процесс облачения говорящего, в двух других – способность субъекта победить или увлечь кого-то. Обороты встречаются в молодежном и спортивном сленге и являются высокочастотными в употреблении.

Аналогичная конструкция присутствует и в чешском языке:

Vyvést někoho na věž /букв. вывести кого-то на башню/, ‘Обманывать’: русск., обвести вокруг пальца. (svým jednáním, postojem ap vůči důvěřivému druhému) oklamat někoho a ošidit ho [Čermák 1994: 263].

Здесь фразеологический оборот употребляется в переносном значении ‘обмануть’, ‘запутать’ и имеет довольно широкое употребление в разговорной речи.

В английском языке подобная фразеологическая конструкция не выявлена – в данном случае можно говорить о явлении лакунарности.

В третьей группе представлены фразеологизмы, которые структурно совпадают с предложением, в связи с чем мы предлагаем отнести их к промежуточным **пословично-поговорочным выражениям**. Обратимся к выражениям в русском языке:

Башня поехала у кого: жарг., мол., неодобр., то же, что башню снесло [Мокиенко, Никитина 2013: 33].

Башня не варит у кого-л.: жарг., мол., неодобр., о несообразительном человеке [Мокиенко, Никитина 2013: 33].

Башня скрипит у кого: жарг., мол., о головной боли [Мокиенко, Никитина 2013: 33].

Снесло (отвернуло, свернуло, сорвало) башню, кому: жарг., мол., 1. кто-л. потерял контроль над собой, начал вести себя подобно сумасшедшему. 2. кто-л. опьянел, испытал состояние наркотической эйфории. Башня – голова [Мокиенко, Никитина 2013: 33].

Башню сорвало/снесло (у кого-л.): «что-то оказывается причиной того, что человек теряет способность нормально рассуждать и из-за этого контролировать свои действия, что осмысляется как резкое удаление неведомой силой возвышающейся части строения, танка и т.п., сопоставляемый с частью тела, отвечающей за рациональное мышление» [Баранов, Добровольский 2015: 36].

Башня, башню клинит [у кого]: жарг., кто-л. теряет восприимчивость, тупеет. Башня здесь – голова. В основе оборота сравнение с башней танка: когда у танка клинит башню, она не может вращаться [Бирх, Мокиенко, Степанова 2005: 46].

Часть приведенных примеров не отличается принципиально от второй группы – там, где «башня» дополнение: ср. *снести башню и снесло башню*. В данных русских выражениях компонент *башня* связывает некоторые особенности реакций и свойств человека с архитектурным сооружением или механизмом. Во всех представленных устойчивых оборотах присутствует отрицательная коннотация. В них встречаются семы 'неисправности', 'некорректной работы', 'отказа механизма'. Ни в чешском, ни в английском языках подобных фразеологизмов мы не встречаем, в связи с чем можем говорить о лакунарности зафиксированных значений в чешском и английском языках.

Рассмотрим фразеологизмы с компонентом *věž*, зафиксированные в чешском языке, которые не являются прямыми параллелями к найденным русским ФЕ:

Vysoký jako věž /букв. *высокий, как башня*/, 'очень высокий', русск. каланча пожарная. (být) vysoký jako věž. (Obvykle člověk, někdy i dům, stavba – být neobvykle, krajně vysoký, popř. i štihlý) [Čermák, 1983: 378].

В данном чешском фразеологизме представлен компонент *věž*, с семантикой архитектурного сооружения, его высотности. В русском языке находим соответствие *высокий как каланча*, основой сравнения которого является синонимическая лексема *каланча*. В английском языке подобного устойчивого сравнения нам выявить не удалось.

Следующий выявленный фразеологизм (устойчивое сравнение) в чешском языке:

Lež jako věž (velmi veliká) /букв. *ложь размером с башню*/, 'много врать': русск., разводить турусы на колесах. (Člověk pateticky nebo rozhořčeně v reakci na tvrzení, které se ho věčně nebo obecně eticky dotýká):

to je velká, drzá lež, je to zcela záměrná a tendenční nepravda [Čermák, 1983: 378].

Здесь компонент *věž* выступает в сочетании с понятийной составляющей 'ложь', а также в данном фразеологизме реализуется сравнение по признаку величины. В основе чешских фразеологизмов так же, как и в русском языке, присутствует значение 'архитектурного сооружения'. Соответствующего фразеологизма мы не встречаем ни в русском, ни в английском языках.

В большинстве русских ФЕ этой группы присутствует отрицательная коннотация в оценке происходящего, чего в чешском языке мы не наблюдаем. Отметим, что пословично-поговорочные выражения в русском языке относятся к молодежной речи. У ФЕ, найденных в чешском языке, словарных помет, указывающих на маркированность лексики, мы не видим. В английском языке фразеологизмы в данном значении не обнаружены.

Четвертая группа фразеологизмов английского языка с компонентом *tower* характеризуется отсутствием параллелей в русском и чешском языках. Ниже представлены фразеологические обороты, которые найдены в «Словаре Фраз и Басен» Э.К. (Brewer's Dictionary of Phrase & Fable). *Tower of Liberty* /букв. Башня. Башня свободы/. 'Башня свободы' [Brewer, Ebenezer Cobham, 1976: 913].

В этом выражении с компонентом *tower* актуализируется сема 'защищенность':

Towers of Silence /букв. Башни молчания/. 'Башня, которая используется для жертвоприношений'. «Парсы и Зороастрийцы (религиозные общины) выбирали местом погребения башни под открытым небом, потому что считали, что тело усопшего не может быть осквернено стихиями – водой, огнем, землей. И называли эти сооружения башнями молчания» [Brewer, Ebenezer Cobham, 1976: 837].

Данный фразеологизм имеет яркое символическое значение. Ни в русском, ни в чешском языке подобных контекстов не обнаружено. Здесь мы фиксируем явление лакуарности в русском и чешском языках.

Итак, в статье нами были выделены четыре группы фразеологизмов с компонентом *башня* на фоне чешского и английского языков (на материале словарей).

Наличие эквивалентных выражений в разных языковых группах, таких как *Вавилонская башня*, *Башня из слоновой кости* выступает маркером повсеместного распространения христианской культуры и лингвокультурологических процессов под влиянием французской литературы. Нами были обнаружены группы поговорок (ФЕ), частично имеющих

эквиваленты в рассматриваемых языках, а также мы наблюдали явление лакуарности.

Очевидно, что контексты с компонентом *башия* существуют многие века, закрепились во фразеологическом пласте лексики и активно употребляются носителями русского, чешского и английского языков. Изучение фразеологизмов с общими компонентами в различных языковых группах позволяет познакомиться с картиной мира, свойственной конкретному народу.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. *Баранов А. Н., Добровольский Д. О.* Академический словарь русской фразеологии, издание второе исправленное и дополненное. М.: Лексрус, 2005. 896 с.
2. *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Около 60000 фразеологизмов / Под ред. *В. М. Мокиенко*. М.: Астрель, АСТ, Люкс, 2005. 926 с.
3. *Котова М. Ю.* Лекции по сопоставительной славянской паремииологии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. 170 с.
4. *Кунин А.В.* Большой англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык – Медиа, 2005. 1210 с.
5. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой русский словарь русских поговорок (более 40 000 образных выражений). М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 784 с.
6. *Brewer, Ebenezer Cobham.* Brewer's Dictionary of Phrase & Fable, London: Cassell, 1976. 1175 p.
7. *Čermák F.* Slovník české frazeologie a idiomatiky, Výrazy slovesné R – Ž. Praha: Akademie, 1994. 1391 s.
8. *Čermák F.* Slovník české frazeologie a idiomatiky, Výrazy neslovesné. Praha: Akademie, 1983. 511 s.
9. *Čermák F.* Slovník české frazeologie a idiomatiky, Přirovnání. Praha: Akademie, 1983. 512 s.

СОПОСТАВЛЕНИЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В СЛАВЯНСКИХ И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Г.А. Халилова

Comparison of Morphological Categories of a Noun in Slavic and Turkic Languages
Using the Example of Russian and Azerbaijani Languages

H. Khalilova

ABSTRACT:

This article examines the morphological categories of the noun of two typologically different languages – Russian and Azerbaijani. Thus, Russian is an inflectional language, while Azerbaijani is agglutinative. A comparative study of the grammatical categories of a noun in these two languages will help identify similarities and divergences in the languages under study, which is valuable when compiling manuals, reading comparative special courses, translation, and language teaching.

Keywords: Russian language; Azerbaijani language; inflectional; agglutinative; morphological category; comparison; noun

АННОТАЦИЯ:

В данной статье рассматриваются морфологические категории имени существительного двух типологически разных языков – русского и азербайджанского. Так, русский язык относится к флективным, азербайджанский же – к агглютинативным. Сопоставительное изучение грамматических категорий имени существительного в этих двух языках будет способствовать выявлению сходств и расхождений в исследуемых языках, что ценно при составлении пособий, чтении сопоставительных спецкурсов, переводе, обучении языку.

Ключевые слова: русский язык; азербайджанский язык; флективный; агглютинативный; морфологическая категория; сопоставление; имя существительное

Сопоставительное изучение типологически разных языков входит в круг проблем, рассматриваемых как в рамках общего языкознания, теории и практики перевода, так и преподавания родного и иностранного языков. Особую актуальность такая постановка вопроса приобретает в условиях славянско-тюркского многоязычия. Изучение русского/азербайджанского языков на сопоставительной основе имеет важное значение, а также практическую значимость не только для учеников школ, лицеев, но и для студентов филологических факультетов вузов, переводчиков с русского языка на азербайджанский и с азербайджанского языка на русский, преподавателей и др.

Задачей данной статьи является сопоставление грамматических категорий имени существительного в русском и азербайджанском языках и выявление их сходств и отличий, что может быть ценно при составлении пособий, чтении сопоставительных спецкурсов, переводе, обучении языку.

Имя существительное – одна из основных частей речи как в русском, так и в азербайджанском языке. Существительные выполняют одну из самых важных функций языка – они называют, существующие вокруг нас предметы. Для начала следует напомнить, что по типологической классификации языков русский язык относится к флективным языкам, а азербайджанский язык – к агглютинативным языкам.

Все изменяемые части речи в азербайджанском языке имеют бинарное устройство, т.е. слово членится на две основные части: корень и аффиксы. Основное лексическое значение заключено в «корне», а «аффиксы» являются словообразовательными или словоизменительными. Как это свойственно агглютинативным языкам, в азербайджанском языке каждый аффикс выражает лишь одно значение. Например: *dəftərdə* ‘в тетради’ – *də* указывает на местный падеж, *dəftərlər* ‘тетради’ – *lər* показатель мн. ч., *dəftərlərim* ‘мои тетради’ – *lər* показатель мн. ч., *im* ‘мой, моя, мое, мои’ – показатель принадлежности 1 л., ед. ч.

По определению А.В. Бондарко, грамматическая категория – «это совокупность противопоставленных друг другу морфологических форм с общим грамматическим содержанием» [Бондарко 1976: 10–12].

Согласно А.А. Камыниной, грамматические категории обычно имеют три характерные особенности:

- Грамматические категории представляют собой закрытые системы. Количество членов, которые противопоставлены друг другу внутри категории предопределяется структурой того или иного языка и не поддается варьированию. К примеру, категория числа в обоих языках представлена формами ед. ч. и мн. ч.;

- Грамматическое значение распределено между формами, которые образуют ту или иную морфологическую категорию: книга – ед. ч., книги – мн. ч.;

- Грамматические формы, которые являются членами тех или иных морфологических категорий образуют категорию на основе определенного общего семантического компонента [Камынина 1999: 15].

Состав и количество морфологических категорий в различных языках мира могут различаться. К примеру, в русском языке есть морфологическая категория рода, в то время как в азербайджанском языке такой категории нет.

В русской грамматической традиции имя существительное – это «часть речи, обозначающая предмет (субстанцию) и выражающая это

значение в словоизменительных категориях числа и падежа и в несловоизменительной категории рода» [Русская грамматика-80: 458]. Род в русском языке является классифицирующей категорией. К классифицирующим категориям также относят одушевленность/неодушевленность. В русском языке имя существительное отвечает на вопросы *кто?* *что?*, а в азербайджанском языке *kim?* (кто?) *nə?* (что?) *hara?* (куда?). *Hara* употребляется по отношению к существительным, обозначающим пространственные объекты, например: *hara? kənd* (куда? / что? деревня).

В отличие от русского, в азербайджанском языке имя существительное имеет следующие грамматические категории: принадлежность (притяжательность), число, падеж, одушевленность / неодушевленность. Также специфической особенностью тюркских языков, азербайджанского в том числе, является изменение по лицам именных частей речи, которые выступают в качестве именного сказуемого.

Рассмотрим каждую из категорий по отдельности.

Морфологическая категория рода

В русском языке существительные бывают мужского, женского и среднего рода, а также общего рода.

Категория рода в русском языке опосредованно связана с одушевленностью объектов, обозначаемых существительным. «В существительных мужского рода одушевленность выражается в единственном и множественном числе, в существительных среднего и женского родов — только во множественном числе (вижу насекомое / насекомых, вижу женщину / женщин). В синтаксисе одушевленность / неодушевленность выражаются согласованием: в В. п. прилагательное или причастие при одушевленном существительном должно стоять в форме, омонимичной родительному падежу, а при существительном неодушевленном – именительному падежу» [Камынина 1999: 41].

Что касается азербайджанского языка, то в нем не представлена морфологическая категория рода. Напр.: *kitab* ‘книга’, *oynacaq* ‘игрушка’, *dəftər* ‘тетрадь’, *qapı* ‘дверь’, *nanə*, *ağac* ‘дерево’. Однако следует отметить, что на уровне лексического значения существительные могут выражать также принадлежность к полу. Так, к примеру, у терминов родства, а также у некоторых наименований животных различные лексемы соотносятся с особями определенного биологического пола противопоставление по полу выражается в рамках значения самой лексемы: *ata* ‘отец’, *ana* ‘мать’, *dayı* ‘дядя со стороны матери’, *əmi* ‘дядя со стороны отца’, *xala* ‘тетя со стороны матери’, *bibi* ‘тетя со стороны отца’, *bacı* ‘сестра’, *qardaş* ‘брат’ и др. Возможны также аналитические способы выражения значения пола: *aslan* ‘лев’, но если мы хотим подчеркнуть, что это женская особь, т.е. львица, то добавим слово *dişi*: *dişi aslan*.

Если же хотим подчеркнуть, что это мужская особь, то добавим слово «*erkək*». Так же применительно, к примеру, к слову *кошка*. Ср.: *Bu dişi pişiyi dünən küçədə tapmışam*. 'Вчера во дворе я нашла эту кошку' (ж. р.).

В редких случаях, как со словом *müəllim* 'учитель', происходит следующее: к *müəllim* 'учитель' прикрепляется аффикс *-ə* для обозначения женского пола, получается: *müəllimə* 'учительница'. Это свойственно также заимствованным словам. *Müəllim* заимствовано из арабского языка. В арабском языке женский род может выражаться посредством *وطة* *الاء* *am-ta аль - марбута*, дословно 'связанное т' Данный признак реализуется в форме окончаний, т.е. морфологическим показателем женского рода является, как правило, суффикс – '*am*' ة, но в разговорной речи конечное *-m* обычно не читается: *mālib* *الابط* 'студент' – *māliba* *زوجات* 'студентка' [Аксой 2016: 75]. Для обозначения женского пола была также заимствована форма этого слова в женском роде.

Морфологическая категория числа

Категория числа проявляется в обоих языках. В русском языке грамматическая категория числа связана со счетностью / несчетностью. В самом общем виде можно выделить формы ед. ч., мн. ч., счетных / исчисляемых существительных, а также существительные *pluralia tantum* (формально не имеющие форм ед. числа, но семантически допускающие указание на различное количество; в этом случае считается, что формы ед. ч. и мн. ч. омонимичны), *singularia tantum* (имеющие только форму ед. числа и семантически в основном относящиеся к неисчисляемым), дефектные – невозможна форма ед. ч., ср.: *ребята*. Морфологически в азербайджанском языке различается две формы: ед. ч. и мн. ч. Образование мн. ч. имен существительных морфологическим способом в азербайджанском языке происходит с помощью аффикса *-lar (-lər)* – *лар, лер*. Например: *kitab* 'книга' – *kitablar* 'книги', *nənə* 'бабушка' – *nənələr* 'бабушки', *otaq* 'комната' – *otaqlar* 'комнаты'.

Суффикс *-lar²* изменяется по сингармоническому закону: *-lar* добавляется к словам с твердыми гласными в последнем слоге, а *-lər* – к словам с мягкими гласными: *çanta* – *çantalar* 'сумка – сумки'; *qələm* – *qələmlər* 'карандаш – карандаши'; *tələbə* – *tələbələr* 'студент – студенты'. Твердые гласные азербайджанского языка – это гласные, которые обозначают твердость согласных звуков. К ним относятся: *a* 'а', *i* 'ы', *o* 'о', *u* 'у'. К мягким, обозначающими мягкость согласных звуков, относятся: *ə, i, ö, ü, e*.

Морфологическая категория принадлежности (притяжательности)

Данная категория свойственна тюркским языкам. Категория принадлежности помогает определить обладателя какого-либо предмета. Аф-

фиксы принадлежности образуют формы слов, обозначающие степени родства, части человеческого тела, предметы личного употребления, различные предметы и явления и т.п. При этом лексическое значение соответствующего слова не меняется, так как аффикс принадлежности рассматривается как словоизменительная форма. В тюркских языках аффикс принадлежности выражает лицо и число субъекта обладания. В категории принадлежности в отношении их субъекта и объекта обладания можно выразить также и число объекта.

Эти аффиксы уже указывают на «обладателя», в связи с чем употребление притяжательных местоимений в азербайджанском языке не обязательно, а носит факультативный характер. Напр.: *qardaşım* ‘мой брат’, *qardaşın* ‘твой брат’, *sənin* ‘твой’ *qardaşın* ‘твой брат’ и др.

Напр.: *dost* ‘друг’, а *dostum* ‘мой друг’. Аффикс **-um** – аффикс принадлежности. Аффиксы принадлежности ударные и имеют следующие варианты (см. таблицу), при этом выбор аффикса осуществляется исходя из последней гласной конкретного слова.

	МОЙ	ТВОЙ	ЕГО, ЕЁ	НАШ	ВАШ	ИХ
е, э, і	– im	–in	– (s)i	–imiz	– iniz	– (s)i
а, ı	– im	–in	– (s)ı	– imiz	– imiz	– (s)ı
ü, ö	– üm	– ün	– (s)ü	–ümüz	– ünüz	– (s)ü
u, o	–um	–un	– (s)u	–umuz	– unuz	– (s)u

Следует также отметить, что если слово оканчивается на гласную, то в 3-м лице (он, она, оно, они) ед. числа, при склонении вставляется соединительная **-s**: *sürücüsü* ‘его/ее водитель’. В 1-м (*я, мы*) и 2-ом (*ты, вы*) лицах ед. числа, в этом случае одна гласная выпадает: *sürücüm, sürücün*. В качестве примера возьмем слово *ev* ‘дом’: *mənim evim* ‘мой

дом', *sənin evin* 'твой дом', *onun evi* 'его дом', *bizim evimiz* 'наш дом', *sizin eviniz* 'ваш дом', *onların evi* 'их дом'.

Если существительное оканчивается на *k* 'к' или *q* 'г', то при склонении существительных *k* 'к' превращается в *y* 'й', а *q* 'г' превращается в *ğ* (как звонкий заднеязычный фрикативный звук [ɣ]) Напр.: *mələk* 'ангел', *onun mələyi* 'его ангел', *bizim mələyimiz*, 'наш ангел' и т.д.; *balıq* 'рыба', *onun balığı* 'его рыба', *mənim balığım* 'моя рыба', *bizim balığımız* 'наша рыба'.

Примечание: когда азербайджанское слово *su* 'вода' принимает аффикс принадлежности для согласных основ, то между словом и аффиксом появляется согласная *y* 'й': *suuyum* 'моя вода', *suuyun* 'твоя вода', *suuyu* 'его вода', *suuyunuz* 'наша вода', *suuyunuz* 'ваша вода', *suuyu* 'их вода'. В словах же *ağıl* 'ум', *oğul* 'сын', *ömür* 'жизнь' при присоединении аффикса, начинающегося на гласную, гласная второго слога выпадает: *ağlum* 'мой ум', *ağlınız* 'ваш ум', *oğlum* 'мой сын', *oğlu* 'его сын', *ömrüm* 'моя жизнь' и т. д.

Морфологическая категория падежа

В азербайджанском языке шесть падежей: *adlıq* (им.), *üyüəlik* (род.), *yönlük* (дат.), *təsirlilik* (вин.), *yerlik* (местный), *çixışlıq* (исходный). При этом падежи азербайджанского языка делятся на грамматические и пространственно-грамматические [Xəlilov 2000: 156]. Собственно, к грамматическим относятся: *adlıq* (им.), *üyüəlik* (род.), *təsirlilik* (вин.); к пространственно-грамматическим же – *yönlük* (дат.), *yerlik* (мест.), *çixışlıq* (исх.). Пространственно-грамматические названы так на основе объединяющей их в одну группу пространственно-временной семантики. Так, дательный падеж в тюркских языках, в том числе и в азербайджанском имеет значение направления (одно из значений): *məktəbə* 'в школу', *həyətə* 'во двор'. Местный падеж обозначает место (предмета, действия, состояния – одно из значений). Исходный падеж обозначает исходную точку (одно из значений): *evdən* – 'из дома'. Рассмотрим каждый из падежей:

Adlıq (Им.) отвечает на вопросы *kim? nə? hara?* (кто? что? куда в им. п.) *uşaq* 'ребенок', *dəftər* 'тетрадь', *şəhər* 'город'

Üyüəlik (Род.) *kimin? nəyin? haranın? nə? uşağın* 'ребенка', *dəftərin* 'тетради', *şəhərin* 'города'

Yönlük hal (Дат.), *kimə? nəyə? haraya? uşağa* 'ребенку', *dəftərə* 'тетради', *şəhərə* 'городу'

Təsirlilik (Вин.) *kimə? nəyi? (haranı?) nə? uşağı* 'ребенка', *dəftəri* 'тетрадь', *şəhəri* 'город'

Yerlik hal (Мест.) *kimdə? nədə? harada? uşaqda* 'у ребенка', *dəftərdə* 'в тетради', *şəhərdə* 'в городе'

Çıxışlıq hal (Исх.) kimdən? nədən? haradan? *uşaqdan* ‘у\от ребенка’, *dəftərdən* ‘из тетради’, *şəhərdən* ‘из города’. См. ниже аффиксы.

İsmin halları	İsmin hallarının şəkilçiləri	İsmin hallarının sualları
Adlıq hal	-	Kim? Nə? Hara?
Yiyəlik hal	-ın, -in, -un, -ün	Kimin? Nəyin? Haramın?
Yönlük hal	-a, -ə	Kimə? Nəyə? Haraya?
Təsirlik hal	-ı, -i, -u, -ü,	Kimi? Nəyi? Haramı?
Yerlik hal	-da, -də	Kimdə? Nədə? Harada?
Çıxışlıq hal	-dan, -dən,	Kimdən? Nədən? Haradan?

Термин *adlıq* образован от глагола *adlandırmaq* ‘именовать’, *iyiyəlik* – от *iyiə*, *sahib* ‘хозяин, владелец’, *yönlük* – от *yön* ‘направление’, *təsirlik* – *təsir etmək* ‘влиять’, *yerlik* – *yer* ‘место’, *çixışlıq* – *çixış* ‘выход, исход’.

В азербайджанском языке формы родительного и винительного падежей могут выражать категорию определенности/неопределенности. Род. п. имеет две формы: *müəyyən iyiyəlik* ‘определенный Род. п.’ и *qeyri-müəyyən iyiyəlik* ‘неопределенный Род. п.’. *Müəyyən iyiyəlik* ‘определенный Род. п.’ отвечает на вопросы *kimin? nəyin? haranın?* и выражает значение принадлежности конкретного лица, предмета, места. Например: *məktəbin həyəti* ‘двор этой школы’, *kitabın cildi* ‘обложка этой книги’. *Qeyri-müəyyən iyiyəlik* ‘неопределенный Род. п.’ отвечает на вопрос *nə?* (что?) и выражает значение принадлежности (притяжательности) неконкретного (общего) лица, предмета, места. Например: *məktəb (nə?) həyəti* ‘двор (любой) школы’, *kitab (nə?) cildi* ‘обложка книги (какой-либо)’.

Также следует отметить, что и Вин. п. в азербайджанском языке имеет две формы: *müəyyən təsirlik* ‘определенный Вин. п.’ *qeyri-müəyyən təsirlik* и ‘неопределенный Вин. п.’ Определенный Вин. п. используется, когда действию подвергается определенный, конкретный объект: *kitabı ver* ‘дай (эту) книгу’, *qapını aç* ‘открой дверь’. Часто «перед словом в определенном вин. п. употребляются слова *o* ‘тот, та, то, те’, *bu* ‘этот, эта, это, эти’ или др. определяющие и конкретизирующие слова»

[Azərbaycan dilinin qrammatikası 1960: 25]. Неопределенный же Вин. п. используется, когда действию подвергается неопределенный объект. Так, М. Гусейнзаде объясняет наличие / отсутствие «грамматического показателя с конкретной семантикой объекта в конкретном контексте» [Hüseynzadə 1973: 61]. Ср.: *Mən kitabı oxumuşam* ‘Я прочитал (эту) книгу’; *O kitab oxuyur* ‘Я читаю книгу (какую-то)’.

Одушевленность/неодушевленность

В русском языке к одушевленным предметам относятся названия людей и животных, названия же предметов и явлений – к неодушевленным. Также к неодушевленным относятся названия деревьев и растений, групп людей и совокупностей животных (*группа, народ, коллектив, войско, толпа, стая, табун, рой*) и собирательные существительные. (*молодежь, детвора*). Такие слова как *покойник, мертвец, дама, валец, кукла* обычно употребляются как одушевленные. С чем же связан такой выбор?

В русском языке одушевленность / неодушевленность тесно связана с падежом. Грамматическим показателем одушевленности является совпадение форм Вин. п. мн. ч. с Род. п. (Вин. = Род.), при неодушевленности Вин. п. мн. ч. совпадает с Им. п. (Вин. = Им). Вин. п. мн. ч. – диагностический контекст для определения одушевленности / неодушевленности, а Вин. п. ед. ч. – для сущ. мужского рода [Русская грамматика-80: 464]. Напр.: *вижу робота, вижу труп, вижу покойника*.

В азербайджанском языке такой тесной связи и корреляции между одушевленностью/неодушевленностью и падежами нет. В русском зависимости тоже нет, это средство выражения категории. Однако на вопрос *Кто?* отвечают наименования лиц, а на вопрос *Что?* – названия животных, предметов, явлений, деревьев и растений и др. Основной отличительной особенностью является то, что животные в азербайджанском рассматриваются как неодушевленные и отвечают на вопрос *Что (нə?) inək* ‘корова’, *görürəm nəyi? pişiyi* ‘вижу что? кошку’ и др.

Изменение имени существительного по лицам в качестве именного сказуемого

В азербайджанском языке изменение по лицам распространяется не только на глагольные или местоименные формы, но и на существительные, которые выступают в функции именного сказуемого:

1 лицо ед. ч. – *-am, -əm (-yam, -yəm)*: *Mən həkiməm +əm*. ‘Я врач’ *ən tələbə+yəm*. ‘Я студент’.

2 лицо ед. ч. – *-san, -sən: Sən həkim+sən*. ‘Ты врач’. *Sən usta+san*. ‘Ты мастер’

3 лицо ед. ч. – *-dir, -dir, -dur, -dür*: *O, həkim+dir*. ‘Он врач’. *O, alma+dir*. ‘Это яблоко’.

1 лицо мн. ч. – *-ıq, -ik, -uq, -ük*; (*- yıq, -yik, -yuq, -yük*); *Biz həkim+ik*. ‘Мы врачи’. *Biz usta+yıq*. ‘Мы мастера’.

2 лицо мн. ч. – *-siniz, -sınız, -sunuz, -sünüz*: *Siz həkim+siniz*. ‘Вы врачи’. *Siz usta+sınız*. ‘Вы мастера’. *Siz sürücü+sünüz*. ‘Вы водители’.

3 лицо мн. ч. – *-dir, -dir, -dur, -dür + -lar, -lər*: *Onlar həkim+dirlər*. ‘Они врачи’. *Onlar usta+dirlər*. ‘Они мастера’.

Если слово оканчивается на гласный, то перед аффиксом 1 лица ед. и мн. числа вставляется у ‘й’: *Mən tələbə+y+əm*. ‘Я студент’. *Biz tələbə+y+ik*. ‘Мы студенты’.

Таким образом, в ходе анализа были установлены следующие различия в системах морфологических категорий русского и азербайджанского языков: в азербайджанском языке отсутствует категория рода, наименования животных квалифицируются как неодушевленные. В свою очередь, в отличие от русского в азербайджанском языке выделяется особая морфологическая категория притяжательности и иначе организованная категория лица.

Литература / References

1. *Аксой М.* О способах выражения признаков рода в арабском и турецком языках // Инновационная наука, 2016. № 5. С. 74–78.
2. *Бондарко А.В.* Теория морфологических категорий. Л.: Наука, 1976. 255 с.
3. *Камынина А.А.* Современный русский язык. Морфология: Учебное пособие для студентов филологических факультетов государственных университетов. М.: Изд-во МГУ, 1999. 240 с.
4. *Кыпчак М.* Категория падежа в тюркских языках. Баку: Изд-во БГУ, 1994. 152 с.
5. *Мамедова Б.Р.* Категория падежа в туркменском, азербайджанском и турецком языках: Автореф. ... д-ра филол. наук / БГУ. Баку: 2011. 32 с.
6. Русская грамматика. Т. I / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: «Наука», 1980. 783 с.
7. *Azərbaycan dilinin qrammatikası. I hissə: Morfologiya.* Bakı: ASSR EA-nın nəşriyyatı, 1960. 399 s.
8. *Əliyeva E.* Türk dillərində kəmiyyət və hal kateqoriyası: nominasiyası və təzahür üsulları // Türk dilləri araşdırmaları, 2019. № 1. Səh. 100–114.
9. *Hüseynzadə M.* Müasir Azərbaycan dili. Bakı: Maarif, 1973. 275 s.
10. *Seyidov Y.* Azərbaycan dilinin qrammatikası Morfologiya. Bakı: Universiteti nəşriyyatı, 2006. 328 səh.
11. *Xəlilov B.Ə.* Müasir Azərbaycan dilinin morfologiyası. I hissə. Bakı: Elm, 2000. 280 səh.

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ЯЗЫКОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: РАЗВИТИЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ИЛИ ФОРМ?

М.В. Шульга

ON THE CAUSES OF LANGUAGE CHANGE: THE EVOLUTION OF THE GRAMMATICAL SYSTEM OR THE EVOLUTION OF THE GRAMMATICAL FORMS?

M. Shulga

ABSTRACT:

Behind the history of the Slavic short, long and pronominal forms of adjectives is a radical change of the grammatical nominal system. The paper demonstrates that it is not a history of the forms but a history of the evolution of the grammatical relations: definiteness in the opposition to indefiniteness, subjectness in the opposition to attributivity, predicativity in the opposition to attributivity. The discussed problem is just a particular case of the general theoretical and methodological question of the causes of language changes: does the evolution of the system regulate the forms' evolution or do the single forms' changes result in the systems' changes.

Keywords: causes of language change; short, long and pronominal forms; grammatical meanings.

АННОТАЦИЯ:

За историей славянских именных, членных и местоименных форм стоит радикальное изменение грамматической системы имени. В статье изложены представления о том, что это не история форм, а история развития грамматических отношений: определенности в противопоставлении неопределенности, субъектности в противопоставлении атрибутивности, предикативности в противопоставлении атрибутивности. Обсуждаемая проблема – это лишь частный случай общего теоретического и методологического вопроса о причинах языковых изменений: развитие системы регулирует развитие форм или изменения отдельных форм приводят к изменению систем.

Ключевые слова: причины языковых изменений; именные, членные и местоименные формы; грамматические значения.

Статья посвящена истории славянских адекативных форм типа Р. ед. *добра, доброга, доброго*. Это попытка осмыслить историю адекативных форм в контексте других изменений грамматической системы имени. Мы обсуждаем эту проблему с позиций общего теоретического и методологического вопроса о причинах языковых изменений.

Имени прилагательному, значению и распределению кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке, в современных славянских литературных языках и диалектах посвящены работы Н.И. Толстого [Толстой 1957; 1976]. В его публикациях представлены разные аспекты функционирования кратких и полных форм прилага-

тельных. Значительное внимание уделено лексико-семантическому аспекту распределения форм.

Однако в центре внимания Н.И. Толстого остаются проблемы грамматической семантики. В частности, выражаемые полными и краткими формами значения определяются как значения определенности и неопределенности: «Полные и краткие формы прилагательных в старославянском языке выражали отношения определенности и неопределенности существительного, к которому относилось прилагательное. Корреляция полных и кратких форм не шла, таким образом, по линии атрибутивности и предикативности или «энергичности» и «неэнергичности» признака» [Толстой 1999: 168]. Обращается особое внимание на то, что значения определенности и неопределенности отнесены к существительным, а не к прилагательным. Оппозицию кратких и полных форм Н.И. Толстой описывает как асимметричную (хотя этого термина он не употребляет): «Активным членом корреляции является полная, определенная форма прилагательного (*добрѣи*). Она обозначает, что предмет, к которому относится прилагательное, выделен из общего числа ему подобных предметов, обладающих тем же качеством». «Краткие формы, в отличие от полных, выступают как нейтральные, «неопределенные» в том смысле, что они не выполняют роли полных форм, не выделяют определяемый предмет из ряда ему подобных, обладающих тем же качеством. Они лишь наделяют предмет тем или иным свойством (качеством), не давая ему при этом какой-либо дополнительной характеристики» [Толстой 1999: 169].

Вслед за другими исследователями, Н.И. Толстой констатирует, что в истории русского языка активизация полных форм за счет кратких проходила по линии атрибутивности и предикативности. Здесь остается открытым вопрос о механизме смены грамматического значения полных и кратких форм в древнерусском языке, переход от определенности и неопределенности к атрибутивности и предикативности.

Мы попытаемся сделать акценты на возможности собственно грамматической интерпретации истории кратких и полных форм в истории русского языка. Другие аспекты функционирования этих форм оставляем в стороне, хотя они могут быть существенными.

Далее мы будем использовать следующие термины: именные, членные и местоименные формы / парадигмы. Именные формы: Р. ед. муж. *моуж-а добр-а*, Р. ед. жен. *жен-ы – добр-ы*. Членные формы: Р. ед. муж. *моуж-а добр-а + ѡго > добраго*, Р. ед. жен. *жен-ы добр-ы + ѡѣ > добрыѣ*. Местоименные формы: Р. ед. муж. *моуж-а добр-ого*, как *т-ого*, Р. ед. жен. *жен-ы – добр-оѣ*, как *т-оѣ*.

В фундаментальных исследованиях Н.И. Толстого, охватывающих большой материал, а также результаты предыдущих исследований, отмечены два процесса, имеющих общеславянское распространение.

Первый общеславянский процесс — вытеснение именных форм склонения прилагательных членными формами. В большинстве современных славянских языков и диалектов в той или иной мере сохранились именные формы прилагательных. Они представлены неравномерно. Н.И. Толстой констатирует, что современный сербскохорватский язык (прежде всего ряд диалектов штокавской зоны) лучше всех других живых славянских языков сохраняет, хотя и в реликтовом виде, праславянскую категорию определенности / неопределенности прилагательного. «По степени сохранности этой категории или ее реликтов славянские языки могли бы быть представлены по следующему ранжиру: сербскохорватский, словенский, русский, болгарский, македонский, западнославянские языки» [Толстой 1999: 172, сн. 2].

Однако здесь у Н.И. Толстого речь идет о сохранении именных форм. Отдельные именные по происхождению флексии могут быть включены в современную парадигму прилагательных, но они не составляют особых парадигм. Ни в одном из славянских языков сколь угодно регулярное противопоставление именных и местоименных парадигм не сохранилось. Этот факт позволяет предполагать общие для всех славянских языков предпосылки для утраты именных парадигм, их общее грамматическое содержание.

Второй общеславянский процесс – влияние неличных местоимений на членные формы прилагательных. Фактически речь идет о слиянии членной и местоименной парадигм. Это побуждает рассматривать утрату именных парадигм у прилагательных (далее п. 1) и объединение парадигм членных прилагательных и неличных местоимений (далее п. 2) как явления, имеющие общее грамматическое содержание.

1. Утрата именных парадигм у согласуемых слов

Какое грамматическое содержание стоит за утратой именных парадигм? Какое грамматическое значение получает развитие в данном процессе?

Для выявления сущности грамматического процесса важен тот факт, что утрата именных парадигм наблюдается не только у собственно прилагательных, но касается также всех других атрибутивных (согласуемых с существительным) слов.

Это не только история именных форм прилагательных.

Это также история именных форм действительных причастий настоящего времени, которые потеряли словоизменение. На основе именных форм именительного падежа ед. и мн. числа в русском языке сформиро-

валось неизменяемое деепричастие несовершенного вида: *играя – играючи*.

Это также история действительных причастий прошедшего времени, которые также потеряли словоизменение и в русском языке превратились в деепричастие совершенного вида: *взяв – взявши*.

Это также история именной сравнительной степени прилагательного, которая утратила словоизменение: *ранее – раньше*.

Это также история неличных местоимений, у которых остаточные именные формы сохранились за личным (предметным) значением: *сам – самый, он – оный*.

Важно добавить, что утрачены только именные парадигмы. Местоименные парадигмы получили дальнейшее развитие у всех этих именных групп.

В научной литературе каждый из перечисленных однотипных процессов рассматривается преимущественно изолированно, для каждого процесса выявляются особые причины и механизмы преобразования. А между тем каждый из них имеет один и тот же результат: устранение склонения по именному типу.

В итоге устранения склонения по именному типу у атрибутивных слов именная парадигма становится субстантивной парадигмой, она маркирует имя существительное. Эти следствия дают основание предполагать, что именно в этом состоит суть грамматического процесса: в формировании особых субстантивных парадигм, в морфологическом оформлении имени существительного.

Н.И. Толстой без критического комментария цитирует высказывание А. Достая о том, что «полные формы прилагательных возникли на славянской почве без иноязычного влияния, в результате стремления к морфологическому обособлению прилагательных от существительных» [Толстой 1999: 59]. Мысль о тенденции к морфологическому обособлению прилагательного от существительного в той или иной формулировке встречается и у других исследователей.

Нам представляется, что на этом этапе имеются основания говорить не столько о морфологическом обособлении прилагательного, сколько о грамматической актуализации имени существительного, о морфологическом обособлении существительных от согласуемых имен. Именная парадигма (теперь это субстантивная парадигма) стала морфологическим показателем предметных имен.

Приоритетное положение существительных в процессе перераспределения парадигм склонения подтверждается другими грамматическими свойствами имени существительного.

1) Имена существительные имеют большую свободу морфологического выражения: они сохраняют обе парадигмы, то есть могут исполь-

зывать как именные, так и местоименные формы — склоняются также по модели атрибутивных слов (так называемая субстантивация: *гласный, гласного...*).

Здесь возникает аналогия с грамматической оппозицией в кругу названий лиц. Названия лиц мужского пола имеют неограниченную свободу склоняться по мужскому, женскому и среднему морфологическому роду: *этот человек, этот мужчина, этот подмастерье*. Названия лиц женского пола последовательно оформлены по женскому морфологическому роду: *сестра – сестры, мать – матери*.

Оформление названий лиц женского пола по среднему или мужскому морфологическому роду ведет к утрате склонения (*к Марии Ткачук, к Марии Головки*) или к переходу в другой синтаксический род (*мое сестришко бедное, наш Лизочек так уж мал...*).

Так же, как среди названий лиц имеют приоритетное положение названия лиц мужского пола, среди имен с образованием членных форм получают приоритетное положение имена существительные, а не прилагательные. Специфический морфологический показатель – именные парадигмы – остается за существительным.

2) Сама история членных форм связана с выражением грамматической семантики имени существительного, а не прилагательного. Исследуя значения полных и кратких форм прилагательных, Н.И. Толстой традиционно использует термин «категория определенности и неопределенности прилагательного», однако неоднократно корректирует формулировки других исследователей, в которых говорится о значении определенности у прилагательного: «Важно отметить, что, по мнению А. Мейе и других ученых, полная форма придает определенность существительному-предмету, с которым прилагательное находится в атрибутивной связи (определенность предмета), а не самому прилагательному-признаку предмета (определенность признака), что, по нашему мнению, совершенно правильно» [Толстой 1999: 55].

Теми же средствами выражается значение определенности у существительных адекватного склонения. Членные формы так называемых субстантивированных прилагательных это и есть формы существительных, маркированные в отношении определенности признака обозначаемого ими явления. Н.И. Толстой на старославянском материале показывает, что у субстантивированных прилагательных «употребление кратких (геср. полных) форм обуславливается теми же факторами и дает в основном те же результаты, что и в атрибутивной функции» [Толстой 1999: 166]. На древнерусском материале исследователи приходят к выводу о первичной субстанциональности членных характеризующих имен [Марков 1977; Баранов 2003].

Таким образом, уже при формировании членных форм грамматическая семантика определенности задается именем существительным и выражается как в членных формах прилагательных, так и в членных формах самих существительных.

3) В пользу грамматической актуализации имени существительного говорят и другие активные преобразования имени существительного, относящиеся к этому периоду: перестройка именных словоизменительных парадигм в соответствии с родом, перестройка категории числа, грамматическое обособление счетных (не предметных) слов (образование имени числительного).

2. Развитие членных и местоименных форм

Главное направление в развитии форм согласуемых слов состоит в морфологической реализации значения атрибутивности в его противопоставлении субстантивности.

Г.А. Хабургаев писал об историческом взаимодействии двух взаимосвязанных тенденций в развитии морфологических единиц: тенденции к дифференциации омонимичных средств выражения разных грамматических значений и тенденции к унификации синонимичных морфологических средств (показателей одних и тех же грамматических значений) [Хабургаев 1990: 68].

В истории прилагательного тенденция к дифференциации значений предметности и признаковости (субстантивности и атрибутивности) представлена распределением именной и членной парадигм между существительным и прилагательным. А тенденция к унификации синонимичных морфологических средств реализуется в морфологическом объединении синонимичных атрибутивных форм – форм прилагательных и неличных местоимений.

Морфологические процессы (в отличие, например, от лексико-семантических процессов, аналогии др.) имеют двусторонний характер. Реализация грамматического значения регулярно приводит к контаминации средств его выражения, а не к одностороннему влиянию — вытеснению одних средств другими средствами. Например, в случае объединения склонений в соответствии с родом (например, склонений на *-o* и на *-i*-краткое), имеет место взаимовлияние (контаминация) парадигм, а не вытеснение форм непродуктивного склонения формами продуктивного склонения [Шульга 2017: 94–102].

Аналогичные особенности наблюдаем и при объединении членных и местоименных форм: результатом являются не только местоименные формы прилагательных, но и членные формы местоимений.

На членные формы местоимений в древнерусских памятниках XI–XIII вв. указывает А.М. Кузнецов, при этом не только в И. и

В. падежах, но также в непрямых падежах: *от таковыя работы, похоти своєю таковыя, таковаго, таковоуму, къ таковѣи молитвѣ, о таковѣемъ изволеніи* [Кузнецов 2006: 215]. «Усвоение местоименными прилагательными членных форм ничем иным не может объясняться, кроме как аналогией с собственно прилагательными. Замечателен тот факт, что членная форма попадает даже в сказуемое (см. ИП мн. ч.). Таким образом, местоименные прилагательные ярче выражают тенденцию к унификации склонения по членному типу, чем сами прилагательные» [Кузнецов 2006: 216].

Наблюдаемый в современном русском литературном языке результат содержит контаминацию двух парадигм — членной и местоименной.

В формах Р. ед., Д., М. ед. у прилагательных обобщены флексии местоимений (полужирным шрифтом выделены инновации в формах прилагательных):

Р. ед. муж.-ср. **доброго**, как того (вм. добраго), жен. **доброѣ**, как тоѣ (вм. добрѣи);

Д. ед. муж.-ср. **доброму**, как тому (вм. добруму), жен. **доброи**, как тои (вм. добрыѣ);

М. ед. муж.-ср. **добромѣ**, как томѣ (вм. добрѣмѣ), жен. **доброѣ**, как тоѣ (вм. добрѣи).

В И. и В. ед. и в формах мн. числа обобщены формы членных прилагательных (полужирным шрифтом выделены инновации в формах местоимений):

И. ед. муж. **инный**, как добрыи (вм. инѣ), ср. **иное**, как доброе (вм. ино), жен. **иная**, как добрая (вм. ина);

И. мн. **инные**, как добрые (вм. ини)

Р. мн. **инныхъ**, как добрыхъ (вм. инѣхъ)

Д. мн. **иннымъ**, как добрымъ (вм. инѣмъ)

В. мн. **инные**, как добрые (вм. ины)

Т. мн. **инными**, как добрыми (вм. инѣми)

М. мн. **инныхъ**, как добрыхъ (вм. инѣхъ)

Соотношение членной и местоименной по происхождению форм может варьироваться в разных славянских языках и диалектах. Однако двусторонность замен имеет общеславянский характер.

Исследователи предполагают роль внешних по отношению к морфологии факторов – фонетических или морфонологических факторов, внешней аналогии [Кузнецов 2006].

Однако главная тенденция – объединение форм, выполняющих атрибутивную функцию, то есть грамматикализация значения атрибутивности в его противопоставлении субстантивности (признаковости и предметности).

Академическая «Историческая грамматика древнерусского языка» под ред. В.Б. Крысько утрату именных флексий у прилагательных связывает с тенденцией «к морфологическому разграничению атрибутивной и предикативной функций»: «Тенденция к морфологическому разграничению атрибутивной и предикативной функций в сфере СрС (сравнительной степени) – как и положительной степени – проявилась в специализации нечленных форм в основном в предикативной функции, что привело к утрате ими форм согласования в роде, числе и падеже» [Иорданиди 2006: 432].

Нам представляется, что направление причинно-следственных связей здесь обратное.

Именные формы прилагательного отчасти сохранились в позиции предиката именно потому, что синтаксическая позиция предиката свойственна имени существительному с его именными формами. В результате предикативная функция прилагательного в форме именительного падежа получила морфологическое средство выражения – именные флексии.

Основные итоги. Именные и местоименные парадигмы согласуемых слов в ранний период выражают отношения определенности и неопределенности определяемых имен существительных и самих существительных (при так называемой субстантивации).

Грамматическая актуализация предметных имен осуществляется путем обобщения именной парадигмы.

Согласуемые слова теряют именные парадигмы (прилагательные положительной и сравнительной степени, действительные причастия настоящего и прошедшего времени, неличные местоимения).

Именные флексии отчасти сохранились в синтаксической позиции, характерной для предметных имен – в позиции предиката. На их основе в русском языке у прилагательного сформировалось частная оппозиция предикативных и атрибутивных форм.

Атрибутивное грамматическое значение в противопоставлении субстантивному актуализируется в объединении членных и местоименных форм.

Это объединение имеет двусторонний характер, что является признаком регулярного грамматического процесса

За историей именных, членных и местоименных форм стоит радикальное изменение именной грамматической системы. Мы пытались изложить соображения в пользу того, что это не история форм, а история развития грамматики отношений:

- определенности в противопоставлении неопределенности,
- субъектности в противопоставлении атрибутивности,
- предикативности в противопоставлении атрибутивности.

Обсуждаемая проблема – это лишь частный случай общего теоретического и методологического вопроса о причинах языковых изменений:
- развитие системы определяет и регулирует развитие форм / фонем или
- изменения отдельных форм / звуков приводят к изменению систем.

Литература / References

1. *Баранов В.А.* Формирование определительных категорий в истории русского языка: автореферат дис. ... доктора филол. наук. Казань, 2003. 49 с.
2. *Иорданиди С.И.* История сравнительной степени // Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. В.Б. Крысько. Т. III: Прилагательные / А.М. Кузнецов, С.И. Иорданиди, В.Б. Крысько. М.: Азбуковник. 2006. 496 с.
3. *Кузнецов А.А.* Взаимодействие местоименной и адъективной парадигм // Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. В.Б. Крысько. Т. III: Прилагательные / А.М. Кузнецов, С.И. Иорданиди, В.Б. Крысько. М.: Азбуковник. 2006. 496 с.
4. *Марков В.М.* К вопросу о происхождении «полных» прилагательных // История русского языка. Словообразование и формообразование: Сб. мат-лов / Под общ. ред. проф. Г.А. Николаева. Казань: УНИПРЕСС, 1997. С. 10–20.
5. *Толстой Н.И.* Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке (На материале евангельских кодексов) // Вопросы славянского языкознания. М., 1957. Вып. 2. С. 43–122.
6. *Толстой Н.И.* К вопросу о судьбе славянских кратких и полных прилагательных // Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков. М., 1976. С. 148–166.
7. *Толстой Н.И.* Избранные труды. Т. III. Очерки по славянскому языкознанию. М.: «Языки русской культуры», 1999. С. 52–190.
8. *Хабургаев Г.А.* Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М.: Изд-во МГУ, 1990. 296 с.
9. *Шульга М.В.* Грамматические оппозиции в истории морфологии имени. М.: Индрик, 2017. 256 с.

АВТОРЫ ВЫПУСКА / AUTHORS

Ананьева Наталия Евгеньевна, Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, профессор, доктор филологических наук

Natalia Ananyeva, Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, Professor, Doctor of Sciences (Philology)
email: ananeva.46@mail.ru

Анчевски Милица, Северная Македония, Скопье, Университет св. Кирилла и Мефодия, Филологический факультет им. Блаже Конески, профессор кафедры славистики, доктор филологических наук

Anchevski Milica, North Macedonia, Skopje, St Cyril and Methodius University, Blaže Koneski Faculty of Philology, Professor of the Department of Slavic Studies, Doctor of Sciences (Philology)

email: m.anchevski@flf.ukim.edu.mk

Белусова Валентина Владимировна, Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; факультет иностранных языков и регионоведения, доцент, кандидат филологических наук

Belousova Valentina Vladimirovna, Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University; Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Associate Professor, PhD (Philology)

email: valentina.belousova1@gmail.com

Варбот Жанна Жановна. Россия, Москва, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, главный научный сотрудник, зав. Отделом этимологии и ономастики, доктор филологических наук

Varbot Zhanna Zhanovna. Russia, Moscow, V.V. Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences, Senior Research Fellow, Head of the Department of Etymology and Onomastics, Doctor of Sciences (Philology)

email: zhannavarbot@yandex.ru

Ващенко Дарья Юрьевна, Россия, Москва, Институт славяноведения РАН, старший научный сотрудник, кандидат филологических наук

Vashchenko Daria, Russia, Moscow, Institute of Slavic Studies RAS, senior researcher, PhD (Philology)

e-mail: daranis@mail.ru.

Воробьева Нина Викторовна, Россия, Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, кафедра славянской филологии, старший преподаватель

Vorobyova Nina Viktorovna, Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University, Philological Faculty, Department of Slavic Philology, senior lecturer

email: ninavorobjova@yandex.ru

Голубева Виктория Константиновна, Беларусь, Минск, Белорусский государственный университет, филологический факультет, кафедра русского языка, доцент кафедры русского языка, кандидат филологических наук

Golubeva Victoria Konstantinovna, Belarus, Minsk, Belarusian State University, Faculty of Philology, Department of Russian Language, Associate Professor, PhD (Philology)

email: v.k.golubeva9@gmail.com

Гранева Ирина Юрьевна, Россия, Нижний Новгород, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики, доктор филологических наук

Irina Ju. Graneva, Russia, Nizhny Novgorod, Lobachevsky State University, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Institute of Philology and Journalism, Doctor of Sciences (Philology)

email: irina.graneva@mail.ru

Де Пой Мария Эриковна, Россия, Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, кафедра русского языка, магистрант

Mariya E. De Poj, Moscow, Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University, Philological Faculty, Department of Russian Language, Master's Student

email: juliusschneider@yandex.ru

Изотов Андрей Иванович, Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, профессор, доктор филологических наук

Andrey I. Izotov, Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, Professor, Doctor of Sciences (Philology)

email: a.i.izotov@mail.ru

Индыченко Артем Андреевич, Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, преподаватель / Институт славяноведения РАН, научный сотрудник, кандидат филологических наук

Indychenko Artem Andreevich, Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University, lecturer / Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, research fellow, PhD (Philology)
email: aaindychenko@gmail.com

Калезић Маја, Србија, Београд, Институт за српски језик Српске Академије Наука и Уметности (САНУ)

Kalezić Maja, Serbia, Belgrade, Institute for the Serbian Language of the Serbian Academy of Sciences and Arts (SASA)
e-mail: maja3m@yahoo.com

Карпенко Людмила Борисовна, Россия, Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, профессор, доктор филологических наук

Karpenko Lyudmila Borisovna, Russia, Samara, Korolev Samara National Research University, Professor, Doctor of Sciences (Philology)
e-mail: liudmila.karpenko.53@mail.ru

Котова Марина Юрьевна; Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра славянской филологии, доктор филологических наук, профессор

Kotova Marina Yurievna; Russia, Saint Petersburg Saint Petersburg State University, Department of Slavonic Philology, Professor, Doctor of Sciences (Philology)
email: m.kotova@spbu.ru

Крючкова Ольга Юрьевна, Россия, Саратов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, зав. кафедрой теории, истории языка и прикладной лингвистики, профессор, доктор филологических наук

Kryuchkova Ol'ga Ju. Russia, Saratov, Chernyshevsky Saratov National Research State University, Head of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Professor, Doctor of Sciences (Philology)
email: vpks@rambler.ru

Кульпина Валентина Григорьевна, Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент, доктор филологических наук

Kulpina Valentina Grigoryevna, Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University, Associate professor, Doctor of Sciences (Philology)

e-mail: vgrkulpina@mail.ru

Лешкова Ольга Олдржиховна, Россия, Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, кафедра славянской филологии, кандидат филологических наук, доцент

Leshkova Olga O., Russia, Moscow, Lomonosov MSU, Philological Faculty, Department of Slavic Philology, Associate Professor, PhD (Philology)

email: olleshkova@gmail.com

Лифанов Константин Васильевич, Россия, Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, кафедра славянской филологии, профессор, доктор филологических наук

Konstantin V. Lifanov, Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University, Philological Faculty, Department of Slavic Philology, Professor Doctor of Sciences (Philology)

e-mail: kvlifanov@mail.ru

Мартинкова Анастасия Анатольевна, Чехия, Брно, Университет им. Масарика, Интеграционный центр для иностранцев, интеркультурный работник, аспирант Университета им. Масарика

Anastasija A. Martinkova, Czech Republic, Brno, Masaryk University, Integration Centre for Foreigners, intercultural fellow, postgraduate student at Masaryk University

email: 418357@mail.muni.cz

Мишланов Валерий Александрович, Россия, Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, доктор филологических наук

Mishlanov Valery A., Russia, Perm, Perm State National Research University, Department for Theoretic and Applied Linguistics, Professor, Doctor of Sciences (Philology)

email: vamishlanov@gmail.com

Петрухина Елена Васильевна, Россия, Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, кафедра русского языка, профессор, доктор филологических наук

Petruhina Elena V., Moscow, Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University, Philological Faculty, Department of Russian Language, Professor, Doctor of Sciences (Philology)
email: elena.petrukhina@gmail.com

Пинхасик Ирина Евгеньевна, Россия, Москва, Московский государственный лингвистический университет, переводческий факультет, кафедра скандинавских, нидерландского и финского языков / Российский государственный гуманитарный университет, Институт лингвистики, учебно-научный центр компьютерной лингвистики, старший преподаватель

Irina Pinkhasik, Russia, Moscow, Moscow State Linguistic University, Faculty of Translation and Interpreting, Department of Scandinavian, Dutch and Finnish Languages / Russian State University for the Humanities, Institute of Linguistics, Training and Research Center for Computer Linguistics, Senior Lecturer
email: fablecraft@gmail.com

Подгорная Анастасия Дмитриевна, Россия, Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, магистрант

Anastasia Podgornaia, Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University, Philological Faculty, Master's Student
email: podganastas@gmail.com

Суровцева Екатерина Владимировна, Россия, Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова // Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет имени Феофана Затворника, кандидат филологических наук

Surovtseva Ekaterina Vladimirovna, Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University, Theophan the Recluse Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University, PhD (Philology)
email: surovceva-ekaterina@yandex.ru

Уварова Юлия Павловна, Россия, Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, кафедра славянской филологии, аспирант / МГЛУ, кафедра скандинавских, нидерландского и финского языков, преподаватель

Yulia P. Uvarova, Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University Department of Slavic Philology, Ph. D. Student / MSLU, Department of Scandinavian, Dutch and Finnish Languages, lecturer

email: uvarova.junior@icloud.com

Федорова Людмила Львовна, Россия, Москва, Российский государственный гуманитарный университет, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, кандидат филологических наук

Ludmila L. Fedorova, Russia, Moscow, Russian State University for Humanities, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, PhD (Philology)

email: lfvoux@yandex.ru

Францева Алеся Игоревна, Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, филологический факультет, аспирант

Frantseva Alesya Igorevna, Russia, Sankt-Petersburg, St Petersburg State University, PhD student

email: frantseva.alesya@yandex.ru

Халилова Гамида Азизага гызы, Азербайджан, г. Баку, Филиал Московского государственного университет им. М.В. Ломоносова в г. Баку, преподаватель филологического факультета / Институт Языкознания им. Насими Национальной Академии Наук Азербайджана, докторант

Khalilova Hamida, Azerbaijan, Baku, Branch of Moscow State University. M.V. Lomonosov in Baku, Faculty of Philology, lecturer / Institute of Linguistics named after Nasimi, Azerbaijan National Academy of Sciences, PhD Student

email: hamida.khalilova@mail.ru

Шульга Мария Владимировна, Россия, Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор филологического факультета, доктор филологических наук

Maria V. Shulga, Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University, Philological Faculty, Department of Russian Language, Professor Doctor of Sciences (Philology)

email: shoulga@mail.ru

Actual issues of Slavic grammar and lexis : collection of articles /
Ed. by O.A. Ostapchuk. – Moscow: MAKS Press, 2024. – 260 p.
ISBN 978-5-317-07174-5
<https://doi.org/10.29003/m4094.978-5-317-07174-5>

The collection contains the texts of articles, based on reports at an international conference dedicated to the memory of Honored Professor of Lomonosov Moscow State University, Honorary Doctor of Charles University in Prague, founder of the national School of Bohemistics and long-term head of the Department of Slavic Philology Alexandra Grigoryevna Shirokova, held on November 27–28, 2023.

Keywords: Slavic studies; Czech studies; grammar; lexicology, phraseology; sociolin-guistics, lingual-cultural studies, corpora studies.

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГРАММАТИКИ И ЛЕКСИКИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Отв. ред. О.А. Остапчук

Издательство «МАКС Пресс»
Главный редактор: *Е. М. Бугачева*

Напечатано с готового оригинал-макета
Подписано в печать 24.04.2024 г.
Формат 60х90 1/16. Усл.печ.л. 16,25.
Тираж 50 экз. Заказ № 056.

Издательство ООО «МАКС Пресс»
Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.

119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы,
МГУ им. М.В. Ломоносова, 2-й учебный корпус, 527 к.
Тел. 8(495)939-3890/91. Тел./Факс 8(495)939-3891.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н